

Ритуальные услуги

Пролог

Самое время и самое место — утром, у окна, за пыльным стеклом которого клопочет лава дикого винограда — подводить предварительные итоги и подумать, как обороняться от inferнальных нападков Люки и, главное, чем объяснить ей недельный прогул. Проще всего сказать:

— Люка, ты же знаешь, я ни при чем, во всем виновата Голубка...

Верное решение. Выпустив пар, Люка начнет по-сестрински жалеть: Паша, так нельзя, бабы тебя доведут до цугундера, это же безумие какое-то, ты медленно убиваешь себя, точнее сказать — осадки этой бабы в себе, и, когда ты ее уничтожишь окончательно, ты перестанешь дышать, потому что жизни в тебе не останется ни капли!

Воспользовавшись паузой, надо бы вернуть что-нибудь глубокомысленное, ну, например, да-да, это мудрое соображение, знаешь, а ведь французы — а они по этой части большие доки! — называют оргазм «маленькой смертью»!

— Ты сукин сын, Паша! — будто наяву слышится ее хриловатый голос. — Не поминай смерть всеу! Большую, маленькую или так себе — среднюю... Смерть — это святое! Это именно тот товар, который я поставляю на рынок, ты ведь прекрасно знаешь, сукин ты сын!

Стоит выдержать театральную паузу, потом скорбным тоном закруглить этот скользкий сюжет, сделав вид, что не расслышал ее раскаленных реплик: да-да, а кроме того, кто-то из древних говорил, что, исторгая семя, мы выталкиваем из себя некое «вещество жизни», и, стало быть, лежа с женщиной, одной, другой, пятой, десятой, в самом деле медленно себя убиваем и в один прекрасный момент, подойдя к пределу, вдруг ощутим в себе крошечную загробную пустоту, бездыханный вакуум, в котором нет ни цветов, ни запахов, ни звуков.

Пока она будет задыхаться на том конце провода, есть несколько секунд, чтобы тихо положить трубку, глянуть в окно и лишний раз убедиться в том, что предмет разговора есть не более чем рефлекс, инстинкт растительного существа: если пыльца на твоих цветах созрела, надо призвать в подмогу братца-ветра — пусть сдует ее и отнесет к какому-то другому растению, жаждущему продолжения рода.

Виноград слабо шевелится под налетом ветерка, он густ и сочен, надо бы ему еще пару веревочных вантов подвязать, чтоб было за что зацепиться свежим и алчным до мерного движения вверх побегам.

Люка сама виновата.

Тогда была, помнится, поздняя осень, сухая и ясная, прозрачная, без унылых затяжных дождей, с тех пор минули зима, весна, и минуло начало раскаленного, с неистовыми солнцепеками лета, и была в той прозрачной осени какая-то мелочь, взгляд или жест, вздох или реплика, нет, все-таки жест!

Люка, сидя на стульчике сбоку от своего огромного рабочего стола, расплела ноги и слегка развела их в стороны, а ты лукаво попросил ее повторить это движение, потому что оно так напоминает хрестоматийный кадр из фильма «Основной инстинкт», где Шарон Стоун вот так же раздвигает ноги, и между ними взгляду открывается такой пьянящий и манящий сумрак.

Да, с этого началось — бред, амок, маниакальная одурь, лихорадка плоти, душная и липкая, беспамятная, — и продолжается до сих пор, и все гонит тебя, гонит, и вот неделю назад выгнала из дома в Казантип.

Накануне бегства, помнится, стояла жара, совершив два рейса на Ваганьковское и Котляковское кладбище, ты буквально сварился заживо под броней траурного черного

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

костюма и потому ближе к вечеру ринулся в Серебряный Бор — искупаться.

На укромный, прячущийся в зарослях утомленных зноем осин пляж прибыл поздно — уже тек над теплым песком тот характерный густо-рыжий свет, каким дышит исход раскаленного июньского дня, и в этом свете нежились на песке, в тени разомлевшего от недавней жары кустарника, мальчик и девочка, по виду школьники.

Они валялись на песке, обнявшись, уши их были надежно зачехлены черными раковинами наушников. Судя по тому, как ритмично колыхались их босые ступни, они самозабвенно слушали музыку, сочащуюся в них по тонким проводам от крохотных карманных радиоприемников, валявшихся на пластиковой сумке с их одеждой. Потом девочка, сдернув с головы наушники, с отчаянным криком, дурашливо и на типично девчачий манер подкидывая на бегу коленки, ринулась в воду прямо в длинной белой майке, которая и составляла, как оказалось позже, весь ее купальный костюм, и, когда она выходила из воды, плавно поводя ладонями по ребрящейся от ее движения глади воды, под намокшей тканью так отчетливо прорисовались все рельефы и изгибы ее детской фигурки.

Вот тут — засосало, заныло в груди. Сидя в густой, пахучей тени кустов, неожиданно согнул большой и указательный пальцы колечком, сунул их в рот, придавив кончик языка, и, вслед за сильным выдохом, пляж огласился переливчатым свистом, а в ответ на призыв в остывающем воздухе вдруг послышался легкий шорох крыльев, качнулась ветка кустарника, приняв на себя тяжесть усевшейся на нее птицы.

Померещилось...

На самом деле это был один из смутных отрисков Голубки, какой-то один из бесчисленных ее негативов: вот именно так же, и именно в такой же белой майке, когда-то выходила она из моря — там, в Казантипе.

Девочка, окатив приятеля старательно доставленной в согнутых лодочкой ладонях пригоршней воды, распахнула руки крестом и медленно упала на песок, мальчик, приподнявшись на локте, погладил ее по хрупкой спине, наклонился, припал губами к ее тонкой шее.

Все повторяется, твой жест размножен в бесчисленном количестве копий — ведь именно так ты когда-то целовал Голубку в шею там, в Казантипе.

Вслед за этим навалилось знакомое, свинцовое — тяжелая одурь, вспышка липкой тропической лихорадки, — был бег домой в прострации, стремительное собирание рюкзака, а спустя пару дней — валяние на песке рядом с палаткой, на том самом месте, где когда-то валялись с Голубкой, еще в те благодатные времена, когда вокруг меланхолично бродили граждане вольной республики, раскинувшейся под открытым небом и исповедующие тот разумный взгляд на государственное устройство, согласно которому всякий гражданин волен делать все, что ему вздумается. Типически, помнится, тамошние граждане делились на две группы: успевшие «дунуть» дозу травы сомнамбулические мальчики и девочки, во внешности которых сквозил отголосок эпохи хиппи, и серферы, являвшие собой полную противоположность анемичным тинейджерам: их мускулистые, обветренные и облитые здоровым загаром тела казались сделанными из молочного шоколада.

И уже в первый же вечер на берегу стало ясно, что именно надо вытравить из себя — скрип песка на зубах! — он по-прежнему звучал в глубинах черепной коробки, отражаясь смутным эхом от того звука, что возникал в тот момент, когда целовал Голубку в шею: ну совершенно так же, как ласкал свою подружку мальчик на вечернем пляже в Серебряном Бору.

Неделя — срок пустячный, еще свежи в памяти перипетии казантипской робинзонады и облик девочки с прохладным мраморным именем Стелла, которая случайно встретилась в день приезда на вокзале: у нее нет зажигалки, и ей надо дать прикурить.

Разговорились, быстро нашли общую тему: она учится на курсах визажистов и мечтает сделаться имиджмейкером, придумывающим новые образы для эстрадных звезд. Разговор завертелся, завился сам собой: был повод поделиться опытом общения с трупами — под тем предлогом, чтобы посоветовать Стелле (имя, кстати, очень плавно и ненавязчиво ложится в

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

контекст!) приобщиться к похоронному делу. Во-первых, спрос на визажистов, работающих с покойниками, очень велик, а во-вторых, эта работа не настолько хлопотна, как предел ее мечтаний, ибо мужская половина нашей попсы на девять десятых укомплектована педерастами, а что касается женской, то она представлена исключительно отъявленными стервами.

В приятной беседе был достигнут берег, разбита палатка — Стелла оказалась неплохим партнером В робинзонаде: хрупкая, с темными бархатными глазами на подвижном и мимически выразительном, беспрестанно находящемся в движении лице, большеберотая и звонкоголосая, с красноречивой манерой жестикулировать, она изъяснялась исключительно с помощью спринтерски стремительной, пулеметно-дробной и местами крайне невразумительной скороговорки, которую очень умело рассекала томными паузами с придыханием. К числу ее достоинств можно было отнести и то, что она, несмотря на нежный возраст, обладала большим житейским опытом, виртуозно, если не сказать — шедеврально, ругалась матом, умела пить водку, заметно при этом не пьянея, однако тебе ведь уже в первый ваш вечер на берегу стало понятно, что означает эта медленно наплывавшая на ее глаза после изрядной дозы мутноватая поволока...

Ее невразумительные скороговорки начинали притухать, восхода горячими шепотами к уху, густота темного бархата в глазах делалась мягкой и поразительно глубокой: целуя ее в шею, ощущал губами знакомый привкус запутавшегося в ее волосах песка, а быстро каменеющей мошонкой — призывную хватку ее маленькой, горячей, цепкой и шокирующе бесцеремонной руки, словом, к исходу недели та часть Голубки, которая звучала отголоском этих ощущений, была истреблена, вытерта из мышечной памяти, и на месте этом осталась зияющая пустота.

Мальчик во дворе целится из игрушечного автомата — сукин сын, надо открыть окно и гаркнуть ему что-нибудь злое и хлесткое, матерное! — откуда знать, что нынешней же ночью в тебя опять будут целиться, только не из игрушечного оружия, там, на служебной лестнице дорогого кабака, у распахнутого окна, выходящего во внутренний двор, но вдруг страшно занает левое плечо, боль вспухнет внезапно и совершенно не к месту.

Да, очень некстати: в этот момент в низкий подоконник будет упираться руками очаровательная женщина, подол ее вечернего платья будет задран, она будет колыхаться под твоими накатами и тихо подвывать, но мудрый инстинкт, пульсирующий болью в левом плече, властно скамандует — падай! — и ты упадешь на пол, увлекая женщину за собой, и на мгновение опередишь стрелка: его пуля смачно чпокнет в стену за твоей спиной.

Я открыл окно, свистнул — никто не отозвался.

Глава первая

1

Вслед за скрипом разошедшейся оконной рамы двор разинулся пастью волка — темной, влажно дышащей густым, утробно животным теплом, курящимся от грязных газонов, прибитых коротким, сокрушительным дождем, длившимся не больше пяти минут. Рухнул ливень внезапно и будто бы из ниоткуда, просто вырос и встал грохочущей алюминиевой стеной, а потом, столь же внезапно обрезавшись под корень, онемел и пропал, оставив после себя черную ленту влажного асфальта, которая казалась густо сказанной паюсной икрой.

Сумрак схлынул, откатываясь вслед за ливнем, в разрыве облачности смутно прорисовался слабый отголосок месяца — анемично бледный и влажный, он напоминал долю сыра сулугуни.

— Я приму ванну, ладно?

Анжела тонко прошуршала за спиной обширными тканями своего шелкового халата, испещренного пышной, на азиатский манер жгучей росписью павлиньих перьев, и, чавкая задниками шлепанцев, удалилась в коридор, оставляя меня один на один с двором, где в

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

палисаднике, обнесенном железным забором, пацан лет семи с выпачканным шоколадкой ртом, сощурился, целился в меня из игрушечного пластмассового автомата.

Я погрозил ему кулаком — пацан, тонко уловив мой угрюмый настрой, эффектным жестом поднял на уровень лица кулак, из которого выразительно торчал безымянный палец — да пошел ты! — и, поведя дулом по стае копошащихся возле помойки голубей, Нашел новую мишень: тенистым переулком со стороны Ленинградского проспекта во двор вкатывался черный джип. Из приоткрывшейся на малом ходу задней дверки вывалилась бледнолицая девчушка лет шестнадцати, в короткой черной кожаной юбчонке и белоснежной сорочке с обширным кружевным воротничком.

Джип, фыркнув голубоватым пушком выхлопа, развернулся, а девчушка, полежав в скомканной позе эмбриона на асфальте, понемногу ожила, перевернулась на живот, подтянула под себя ноги, встала на четвереньки и замерла, нелепо мотая головой, а потом поползла, стачивая коленки об асфальт, к кирпичному бастиону помойки.

Добравшись до него, она ватно повалилась на бок, приподнялась и, прислонившись спиной к стене, широким циркулем распахнув ноги со спущенными чулками, тупо уставилась на меня.

Это наверняка одна из золотых рыбок Анжелы, а впрочем, мне она не знакома, наверное, новенькая в той стайке, которую Анжела вот уже полгода выпасает на ночь глядя в нашем дворе. Анжела бандерша, под ее надежным крылом трудится полторы дюжины девочек. Иногда по ночам я встаю покурить и вижу, как Анжела их выстраивает вдоль бетонного забора, подпирающего двор с тыла, — прямо под обстрел мощного галогенного света заруливших на огонек автомобилей.

Девочки, ослепленные светом фар, едко щурятся, мелко-мелко моргают, втягивают головы в плечи и неловко подгибают плотно сведённые коленки, словно в этот момент им очень хочется писать. Так они стоят, напоминая стаю подстреленных птиц, распятых на бетонной стене, минут пять или десять, пока клиент не выберет подходящий экземпляр, а потом, когда двор погружается во мрак, мелко перебирая ножками, семят — следуя друг за дружкой в затылок — к моему подъезду, справа от которого сбегает вниз накрытая косой крышей лесенка в подвал.

В этом подвале веки вечные дворники держат свой инвентарь, а последние полгода там же Анжела держит свой, поскольку человек она сердобольный и не желает, чтобы ее девочки коротали ночи под открытым небом: договориться за умеренную плату с ЖЭКом — или кто там теперь отвечает у нас за эксплуатацию подвалов? — труда, видимо, не составляло.

Анжеле около тридцати, она десять лет назад приехала в Москву из Молдавии, но сама давно на улице не работает и по случаю квартирует у меня, расплачиваясь за постой когда как — когда девчатами, когда деньгами, — и не особенно меня своим присутствием обременяет, наведываясь от силы раза два в неделю.

Вчера у нее была трудная ночь, она заявила в четыре утра и тут же камнем повалилась спать на тахту, разметав по комнате свою одежду.

Девочка у помойки все глядела на меня, бессознательно сдвигая и раздвигая ноги, — я видел, что под юбкой у нее ничего нет, и догадывался, что ей крепко досталось: возможно, она угодила на «субботник», пропустив через себя человек двадцать, а то и больше, — пытаясь расшифровать ее странный взгляд, я сообразил, что стою у окна в чем мать родила, отошел к кровати, сдернул с нее простыню и обмотал ею чресла.

— Где у тебя шампунь? — заорала сквозь шум воды Анжела.

Затушив окурок в чайном блюде, я поплелся в ванную, где меня окутали клубы сочного пара, пошарил на полке под круглым, ослепшим от осадочной влаги зеркалом.

— Шампуня нет. Есть хозяйственное мыло. Точнее сказать, раствор этого мыла. Вадим Гельфанд, прежде чем приступить к траурному макияжу, покрывает этим раствором покойника.

— Какой Вадим? — спросила она, поворачиваясь ко мне так, что взгляду моему открылись за матовой занавеской смутные формы порозовевшего от жара тела, вся прелесть

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

которых была именно в их мягкой плавности, неясной очерченности, текучести, типично акварельной размытости.

— Я разве тебе не рассказывал? — пробормотал я. — Он лучший в нашем городе специалист по траурному макияжу, точнее сказать, по танатопроксии.

— А при чем тут макияж? Он что, гримирует твоих трупиков?

Я не нашелся что ответить. Во-первых, усопшие, или, как Анжела выражается, трупики, не мои, они уже принадлежат вечности: из праха вышли, во прах и обратятся. Во-вторых, я к этой философской проблеме имею отношение лишь в том смысле, что сижу за рулем катафального кадиллака и стараюсь вести машину как можно более плавно, без подергиваний и шараханий из ряда в ряд, дабы сообщить всем участникам траурной процессии настроение тихого, но глубокого минора уже по дороге к кладбищу.

В-третьих, Вадим не гримирует усопших, хотя формально именно этим он и занимается. По сути же он — человек глубоко творческий, истинный художник, воспринимающий мертвую плоть как некий исходный материал, данный нам самой природой, холодный, но благодатный, способный под гениальной рукой мастера обратиться в истинный шедевр. Он не гримирует покойников — он рождает их заново, проявляя и тонко оттеняя в их облике какие-то потаенные, стертые временем или обстоятельствами черты: изваянные им тела и лица выглядят куда привлекательней, нежели живые оригиналы, внешность которых зачастую приходится восстанавливать по фотографиям.

С месяц назад я имел случай убедиться в гениальном даре Вадима на примере одного из клиентов нашей скорбной конторы. Это был совсем еще молодой парень из бойцов — то ли таганских, то ли солнцевских, — его так основательно начинили свинцом при выходе из дома, что он в итоге потяжелел килограмма на три, а потом проформы ради украсили контрольным в голову так неряшливо, что половина лица у него, собственно, отсутствовала.

Вадим воспринял этот безнадежный в принципе материал как вызов и трудился над ним не покладая рук. В результате в гробу из красного дерева этот малый выглядел так импозантно, что я чуть в него не влюбился, — он поразительно напоминал того мраморного ангела, который должен был встать над его могилой: братва в качестве надгробных изваяний предпочитает именно этих легкокрылых созданий или, на худой конец, Иисуса Христа.

— Так что, сгодится тебе раствор? — спросил я.

— Сукин ты сын, — с колыбельной интонацией в голосе прожурчала Анжела, отодвинула прозрачную занавеску и, склонив голову к плечу, взглянула на меня. — Полежай сюда.

Я окинул свою постоялицу неторопливым взглядом. Она неплохо — для возраста и профессии — сохранилась. Среднего роста, с объемным бюстом и еще крепкими, покатыми бедрами, она даже в известном смысле аппетитна — особенно же теперь, распаренная под горячим душем, размякшая, словно изваянная из розового податливого теста, которое ждет прикосновения опытной руки. Внизу мягкого ее живота клубился светлый пушок, в котором плутали капли воды, и я замер, любуясь радужной игрой света в этой утренней росе, — Голубка, Помнится, вот так же частенько призывала меня в ванную под каким-то благовидным предлогом, хотя занавеску она не спешила odstranit, тонко чувствуя то впечатление, которое производило на меня созерцание ее тела, расплывчато рисовавшегося за полупрозрачным муаром запотевшей ширмы — и я вдруг опять почувствовал острую необходимость истребить в себе тот оттенок Голубки, который жил во мне воспоминанием об этой причудливой игре света в каплях росы, — как истребил за последние девять месяцев, стер и вытравил, наподобие старых татуировок, уже множество этих прочно вросших в темные глубины подкорки, в кожу и даже сами мышечные ткани оттенков Голубки, и потому прекрасно знал, что способ этого очищения может быть только один: закрыть глаза в тот момент, когда женщина отдаст себя тебе, и увидеть Голубку, и так видеть до тех пор, пока горячая лава не хлынет из тебя.

Пальцы сами сложились в кольцо, сунулись в рот, Анжела усмехнулась — откуда ей было знать, что в ответ на тонкий свист Голубка впорхнула в ванную и уселась на

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

хромированную ветвь вешалки для полотенец.

— Хочешь, чтобы я тебе дала? — на заячьих губах Анжелы (верхняя чуть вздернута) вспухла слабая, усталая улыбка.

— Хорошая мысль, — кивнул я, протягивая руку и касаясь ее влажного бархата. — Дай мне. Прямо сейчас и здесь. Рублей сто, а лучше двести.

— Сукин ты сын, — беззлобно фыркнув, повторила она и чуть расставила ноги, открывая простор моей руке.

Однако в этот момент на кухне ожил телефон.

Я скрепя сердце покинул ванную, снял трубку и, привычно нагрузив голос сумрачно торжественной интонацией, произнес:

— Здравствуйте. Поверьте, я искренне скорблю вместе с вами. Наше бюро ритуальных услуг сделает все, чтобы облегчить тяжесть понесенной вами утраты.

На том конце провода возникла пауза, потом послышался просеянный хрипотцой голос Люки:

— Ага, ты вернулся, сукин сын.

Я подумал о том, что если две разные женщины, не сговариваясь, в течение трех минут трижды сочли возможным приласкать меня таким нежным обращением, то, вполне возможно, я и вправду сукин сын.

— Подъезжай, — перешла Люка на деловой тон. — Есть дела.

— Ага, — кивнул я. — Сейчас, только натяну штаны.

— Это как раз не обязательно.

— Почему? — спросил я, косясь на Анжелу, которая возникла на пороге кухни и, промакивая груди вафельным полотенцем, выжидательно смотрела на меня.

— Да все равно их придется снимать, — хохотнула Люка.

— Вон как... И почему?

— Потому что я собираюсь оторвать тебе яйца.

Подожди немного... Мне надо собраться с мыслями. — Я скособочился, прижав телефонную трубку к уху плечом, и простер руки в направлении Анжелы, которая в ответ на мой жест провела кончиком языка по верхней губе.

Пока длилось это движение ее острого язычка, полотенце медленно выскальзывало из ее руки и наконец опустилось, окутав щиколотки мягким чехлом. Вышагнув из него, она, приблизившись к столу, к которому я прислонился, наклонилась и окунула свои мягкие податливые груди в мои ладони с тем, как видно, расчетом, чтобы я мог почувствовать их спелую тяжесть.

Ее руки тем временем разобрались с узлом, стягивавшим простыню на моем бедре, и я почувствовал прикосновение ее язычка к груди. Вычерчивая им витиеватый, слегка влажный рисунок, Анжела начала опускаться на колени.

— Ну как, собрался с мыслями? — сухо осведомилась Люка.

Я отозвался нечленораздельным мычанием, потому что в этот момент язычок Анжелы добрался до цели и губы ее распахнулись.

— Ах вон что... — понимающе процедила сквозь зубы Люка. — Ты там с этой своей профурой. Говорить можешь?

— Да вроде да, — заметил я, опуская руку на затылок Анжелы.

— Значит, с профурой, — вздохнула Люка.

— Да брось ты. Она просто занимается бизнесом — точно так же, как и ты. Бизнес есть бизнес.

— Угу. Видала я этот бизнес... — Она хрипло хохотнула. — В киношке под названием «Глубокая глотка». Я угадала?

Я в который уже раз поразились проницательности Люки.

— Надо же впасть в грех напоследок. Учитывая твоё обещание.

— Вообще-то не мешало бы... — Голос Люки изменился. — Но это подождет. Когда закончишь со своей профурой, приезжай. Я же говорила, есть кое-какие дела.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Что-то в ее тоне меня насторожило.

— Ты уверена, что это именно дела, а не очередная накладка — ну, вроде той, что была в прошлом месяце?

В прошлом месяце Соня, наш новый менеджер, славная девочка, но пока слишком мало смыслящая в похоронных делах, заказала и проплатила в православной церкви церемонию отпевания, не обратив внимания на то, что, согласно документам, усопший носил звучное имя Лечо Арсанов, а обрести вечный покой он собирался на Даниловском кладбище, где хоронят мусульман. Разумеется, Лечо правоверным и оказался, а Люке пришлось в пожарном порядке исправлять Сонину оплошность.

— Нет... — после долгой паузы задумчиво протянула Люка. — Тут именно какие-то дела. С одним из заказов. Я задницей чую. Ты же знаешь, какая у меня задница.

С этим трудно спорить, попка у Люки выдающаяся во всех отношениях, в том числе и в том, которое касается интуитивных наитий и смутных предчувствий, а впрочем, Анжела нисколько не обращала внимания на наши служебные переговоры, так что очень скоро я испытал ощущение блаженного облегчения, с физиологией ничего общего не имеющего: капли росы, путающиеся в интимном бархате принимающей душ женщины, меня больше не волновали.

— О'кей, — заметил наконец я, пытаюсь выровнять дыхание. — Подъеду часика через два. Кстати, за это мне полагается отгул. Сегодня ведь суббота, выходной.

— Черт бы тебя побрал! — заорала Люка, — Ты что, забыл основной принцип нашего бизнеса?!

Я его не забыл. Звучал он просто и убедительно: «У смерти не бывает выходных».

2

Положенный Харону по штату строгий черный траурный костюм хранился на работе, я довольно долго рылся в платяном шкафу, подбирая приличествующий должности наряд, остановился на черных джинсах, черных кроссовках и черной майке. Эту майку мне презентовала компания «Кока-Кола». Шипучий напиток Люка истребляет на работе галлонами — и вот с месяц назад попала на глаза телевизионная реклама с предложением присылать наклейки с пластиковых бутылок в обмен на какой-то приз. Я так и поступил. В результате мне выдали майку и сказали, что я могу написать на ней любое слово — хоть то заветное из трех букв, которое время от времени мелькает на заборах. Были выторгованы два слова, и наряд украсился выведенным пурпурной краской призывом:

MOMENTO MORI

Сочетание черного и пурпурного вполне укладывалось в скорбный смысл моей теперешней профессии.

— Тебе не понравилось? — спросила Анжела, наблюдавшая от двери за тем, как я экипируюсь.

— С чего ты взяла? — спросил я.

— Ты был как бревно.

— А я и есть бревно. — Я ласково потрепал ее по щеке. — Не обижайся, такова уж моя природа... Ну пока. Ложись поспи.

Экипироваться во все черное, строго говоря, было неразумно: душное, безветренное утро обещало горячий день. Не успевший за ночь остыть асфальт дышал ровным теплом. На мраморном парапете у подземного перехода сидел мальчик с карамельно приторным личиком — его рука покоилась на коленке существа, половую принадлежность которого, дотла вытравленную немислимо широкими черными джинсами с накладными карманами и мешковатой рубахой мышинного оттенка, определить не представлялось бы возможным, если б не характерная прическа. Коническая копна желтоватых волос, издали походивших на

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

спеющий под густым июльским жаром сноп, рассыпалась у вершины и струилась к хрупким плечикам множеством тончайших косичек, прихваченных снизу черными резинками, — девочка, значит. Ребята сонно лакали пиво, поглядывая на своих приятелей, которые в тесном закутке между приземистым хозяйственным магазинчиком и бетонным строительным забором изящно и со знанием дела предавались игре в сокс.

Маленький мячик, в яркой расцветке которого переплелись все цвета радуги, парил над асфальтом, выписывая плавные дуги, и вдруг, сорвавшись с ноги одного из игроков, рискнувшего сделать эффектный пас внешней стороной стопы, покатился к ногам. Я тихонько катанул его в сторону девочки, она прыгнула с парапета, ловко поддев мячик носком кроссовки, пульнула его в круг сокеров, тряхнула золотистым снопом и отослала мне благодарственную улыбку. Запрыгнув на парапет, она поболтала ногами и закинула голову назад, отправляя в себя глоточек пива из темной бутылки, сладко потянулась и, погружаясь в блаженную истому, заметила:

— Вот это жизнь... Кайф, правда? — Задумчиво наматывая на пальчик одну из своих бесчисленных косичек, она протянула мне бутылку. — А как тебя зовут?

— Харон.

— Как? — Она пару раз недоуменно моргнула и задумчиво свела светлые бровки к переносице.

Я ласково потрепал ее по плечу, порадовавшись в очередной раз за это славное поколение, не обремененное избыточными знаниями, — все они, в сущности, милые ребята, знают ровно столько, сколько им нужно. Они могут не ведать, кто такой Харон, но знают, что такое счет-фактура. И правильно делают: во многом знании много печали, а познание умножает скорбь.

— Странное какое-то имя, — недоверчиво протянула она.

— Нормальное. Оно связано с моей работой.

— С работой? — искренне изумилась она, искоса зыркнув на меня, воздушным плевком оттолкнула косичку, спадавшую на лицо, и, задумчиво приоткрыв рот, окатила меня подозрительным взглядом, словно не веря в то, что человек с моей наружностью может где-то кем-то трудиться. — А что за работа?

— Я лодочник.

— Что-что?

— Ну, гребу в лодке.

— Катаешь людей?

— Что-то вроде этого.

— И много зарабатываешь?

— Когда как. Ставка у меня фиксированная — один обол.

Некоторое время мелко моргая, она ощупывала уголки рта, как видно тасовала в памяти известные ей названия валют, но обола в этом перечне, скорее всего, не обнаружила.

— Медный обол кладут усопшему под язык. — Я опять ласково потрепал ее, на этот раз по коленке. — Я ведь мертвых вожу. Сопровождаю их в царство теней.

— Что-что? — вздрогнула она и с опаской уставилась на мою руку, все еще отдыхающую на ее коленке.

— Ну, проще говоря, провожаю усопших в последний путь.

Мой ответ ее озадачил. Она дернула плечиком и нахмурилась.

— Не сильно ты что-то похож на попа.

Я искренне расхохотался: ах, милое дитя, оно не ведало, что помимо батюшек покойника этим скорбным путем нежно ведут под локоток еще множество прочих людей — менеджеры ритуальных контор и их бухгалтеры, проектировщики и изготовители гробов, землекопы и администраторы кладбищ, стилисты, вроде Вадима, и некрохирурги, балъзамировщики, машинисты кремационных печей и дробительницы праха, изготовители посмертных масок и водители похоронных автобусов, организаторы поминальных застолий и работницы ритуальных залов — в этом обширном и процветающем бизнесе заняты тысячи

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

людей.

— Не скучно быть лодочником? — спросила она.

— Да что ты! — возразил я. — В нашем деле не заскучаешь. Ну, пока, мне пора в лодку — пришло время грести.

— А где стоит твоя лодка?

— Не так уж и далеко. Несколько остановок на метро по кольцевой. Там в одном из дворов рядом с Садовым есть тихая уютная заводь, где мой челн никто не тронет. Вот только с веслом проблемы. Его вечно крадут.

Я спрыгнул а парапета, пристроился к кружку сокеров и, отдав пару вполне приличных пасов, двинулся в темную дыру подземного перехода, но меня догнал ее звонкий голосок.

— Эй! Врешь ты все!

Я обернулся. Девочка сидела в прежней позе на прежнем месте и запивала свою реплику пивом.

— С чего ты взяла, что я вру?

— У тебя на руках нет мозолей.

Я глянул на свои ладони: черт возьми, она права.

3

На пути к тихой заводи, где пришвартован катафальный «кадиллак», никак не миновать островка раскаленного асфальта при выходе из станции метро, справа от которой высится огромный зеленый шатер, украшенный логотипом известного сорта пива. Помнишь, под сенью его ты исполнял когда-то обязанности полового, разносил пиво клиентам, но главным образом убирался, очищал столы от подернутых матовой пенной пленкой стаканов, картонных тарелочек из-под картошки фри, окровавленных кетчупом, и прочего мусора, а эти обязанности ты успешно совмещал с заботами вышибалы, усмиряя внезапно вспыхивающие между любителями пива конфликты. Помнишь, один из таких конфликтов, возникший на, ровном месте, — трое молодых людей, изрядно набравшись, развлекались стрельбой из шампанских бутылок по мирным посетителям заведения — вылился в живописную драку с участием доброй половины публики: ты сделал им замечание, ребята полезли на рожон, возникла куча-мала, и в результате побоища была переломана мебель, разбита буфетная стойка и едва не обрушен полог тента. Когда шум битвы стих и была произведена калькуляция убытков, Малек выставил тебя вон, наказав не приближаться впредь к заведению ближе, чем на пушечный выстрел, — что ж, он имел на это право, поскольку командовал делами в этом и еще паре расположенных поблизости пивных шатров. Кличку этому менеджеру прилепили вы. с Таней, вылепив ее из фамилии — Мальков, — и он вполне отвечал прозвищу: поразительно юркий, подвижный, он внезапно возникал на точке в дорогом, стального оттенка костюме и регулярно устраивал разнос: тебе и буфетчице Тане, с которой у тебя быстро наладились приятельские отношения, точнее, братско-сестринские: в прошлой, несбыточной жизни Таня преподавала в средней школе биологию, у нее маленькая дочка, прокормиться на учительскую зарплату они не могли, и вот Таня пристроилась на разливе пива по тридцать рублей за пол-литра. А у тебя была похожая ситуация: вернувшись из госпиталя, ты — помнишь? — долго перебивался случайными заработками, время от времени безуспешно обивая пороги всевозможных контор в поисках относительно приличной работы, потом махнул на это безнадежное занятие рукой и надолго осел под сенью пивного шатра — потому, наверное, что в этом уличном заведении не было порога.

Поселившись у реки в должности Харона, я, несмотря на статус персоны нон-грата, изредка забегаю сюда выпить баночку колы. Малек, если он оказывается на месте, немедленно хватается за мобильник и вызывает охрану. Но к тому моменту, когда крепкие ребята, экипированные в черную форму с белой нашивкой на рукавах, изображающей разевающего пасть аллигатора, подъезжают, я успеваю утолить жажду и мирно, не вступая в

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

пререкания, удаляюсь.

Асфальт уже начинал плавиться под ногами празднующейся публики, клиентов под шатром было полно. Я закурил и окинул взглядом обширный пятачок перед станцией метро, на котором провел два месяца, работая в должности уборщика. Здесь ничего не изменилось. Слева на своем привычном месте огнедышащий вагончик с вывеской «Шаурма». Рядом с ним овощной лоток, где на аккуратных ячейках выложены отборные помидоры из Турции, яблоки из Испании, киви из Новой Зеландии, апельсины из Марокко, бананы из Эквадора, клубника из Голландии, сладкие перцы из Румынии и прочие фантастически красивые овощи-фрукты. Продавщица Зина, крашенная шатенка с формами рубенсовской женщины, тебя не любила — помнишь? — ты каждый день подходил к ней с вопросом, нет ли в продаже чего-нибудь нашего, сермяжного, предположим, простой российской репы, и Зина шикала на тебя и предлагала убираться, поскольку ты, как ей казалось, отпугивал своим расхристанным видом клиентов.

Замыкали осадное каре две аккуратные пластмассовые кабинки, возле которых на низком складном стульчике сидела тетя Аня.

Она в прошлой жизни школьный библиотекарь, ее прежний облик складывается в памяти из запахов бумажной пыли, конторского клея и еще какого-то сладковатого аромата, сочившегося из распахнутой двери на втором этаже нашей школы, в левом торце коридора, рядом с учительской, перешагнув ты этот порог, наверное, классе только в четвертом, потому что лет до десяти книжек не читал вовсе, и она, в ту пору Анна Христофоровна, в ответ на твое признание тихо охнула, Обещая заняться твоим воспитанием, и выдала для начала огненно-рыжий том Майн Рида... Я хорошо могу себе представить, что за чувства ты испытал, когда, нанявшись в уличный кабак, вдруг заметил ее, сидящую на раскладном стульчике возле двух пластмассовых кабинок: ей теперь далеко за шестьдесят, но у нее по-прежнему тонко вычерченное, интеллигентное лицо, умные серые глаза и отдающие в желтизну седые волосы, взъерошенную ветром прядку которых она то и дело плавным жестом руки заправляет под платок.

Что ж поделать, Пашенька, говорила она тебе каждое утро, когда ты на некоторое время задерживался у ее голубых кабинок, на дверках которых изображены символические контуры мужской и женской фигуры; принадлежность плоского белого профиля к мужскому полу обозначена дымящейся трубкой; женского — колоколообразной юбкой. Помнишь, еще говорила: так уж устроена жизнь! — а тебя всякий раз подмывало сказать на это, что устроена она дерьмово, но ты вовремя прикусывал язык и глядел в пыльный асфальт, раздумывая о причудах этой судьбы: вот сидит перед тобой сохранившая смутный оттенок былой красоты женщина, которая когда-то дышала сладкой книжной пылью, а теперь зарабатывает на жизнь тем, что взимает плату с прохожих, которым не терпится облегчиться: мальчики направо, девочки налево — помнишь?

Заметив меня, Малек набычился и опустил руку во внутренний карман пиджака — по обыкновению, собирался вызывать ребят с аллигатором на рукаве. Нисколько не обращая внимания на его угрожающий жест, я прошествовал мимо, попросил у Тани банку спрайта.

— Господи, на кого ты похож... — устало улыбнулась она.

— А что, заметно?

Солнце и плотный, дующий в Казантипе постоянно ветер сделали свое дело: растрепанная, штормящая мелкими завитками шевелюра и того же качества борода сообщали моей физиономии сходство с лешим.

— Тебя опять выгнали с работы? — сердобольно спросила Таня.

— Не исключено.

Я уселся за столик в дальнем углу как раз напротив обширной прорехи в плотной ткани шатра, которая выполняла роль окна. Обычно этот проем закрыт матовым виниловым клапаном, но сегодня было слишком жарко, и Таня клапан откинула, спасибо ей — Садовое кольцо дышало на меня теплым сквозняком, — а Малек, энергично жестикулируя, в чем-то горячо убеждал свой мобильник, наверняка вызывал аллигаторов, и вот спустя минут пять он

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

появился.

Такой экземпляр мне еще видеть не приходилось. Он был примерно одного со мной роста, то есть что-то около метра девяносто, и располагал добрым центнером живого веса. Перебросившись с Мальком парой реплик, он хищно глянул в мою сторону, повел покатыми плечами, приосанился и медленно поплыл ко мне с таким видом, словно я был утратившей инстинкт самосохранения антилопой, неосторожно приблизившейся к водопою.

— Катись отсюда, — гулко проворчал он и, скосив пухлую щеку, принялся ковырять ногтем мизинца в зубе, наконец, насладившись этим занятием, он вытащил из рта палец и, вертя его и так и эдак, отдался внимательному разглядыванию отвратительно розового кусочка, застрявшего под ногтем.

Меня чуть не стошнило.

— Что было на завтрак? — спросил я.

— Пицца, — отозвался он и щелчком стряхнул кусочек на пол. — Давай, мужик, подымай свою задницу и двигай к выходу.

— Ас чего ты взял, что я мужик? Может, я баба.

Он окончательно очнулся от полусна, в котором, как мне кажется, все это время пребывал, и взглянул на меня с интересом.

— Пошел вон! — ласково произнес он, поводя мощными плечами, и набычился. — Гуляй! — Он широко зевнул, демонстрируя мне во всей красе свою розовую пасть. — Вот ведь, блин! Суббота. Все отдыхают. А ты работай...

— Ну и что с того, что суббота? — спросил я, наблюдая за тем, как он запускает мизинец с желтоватым, старательно заточенным пилкой ногтем в левую ноздрю, и подумал о том, что, если он вытащит оттуда козавку и примется ее с прежней тщательностью разглядывать, меня уж точно стошнит.

Насладившись блужданием мизинца в ноздре, он вздохнул:

— Суббота — это святое.

— Ты что, — спросил я, — ортодоксальный еврей?

Лицо его начало наливаться багровыми тонами.

— Ты, вошь лобковая, еще и оскорблять меня будешь? — угрожающе зарычал он.

Я пожал плечами — вот уж не думал, что подозрение в принадлежности к богоизбранному народу может быть воспринято как оскорбление, — опустил глаза, чувствуя, как привычно деревенею: мышцы черствеют, кожа делается шершавой, и вот уже прочная кора стелется по щиколоткам, восходит выше, к коленям, потом бедрам, охватывает грудь и наконец поглощает меня без остатка. Я медленно поднялся из пластикового кресла.

— «Коттон вуд»? — спросил я таким тоном, словно разговаривал сам с собой, внимательно оглядывая фигуру охранника.

— Что? — нахохлился он и сделал шаг в мою сторону.

— Нет, «Коттон вуд» — не подойдет. Тогда, может быть, «Дипломат»? — не обращая внимания на его угрожающие телодвижения, продолжал я диалог с самим собой. — Или «Консул»?

— Чего?

— Нет, скорее — «Махогон»... Да, «Махогон» будет в самый раз, — облегченно выдохнул я и, взяв его за край воротничка, тихо произнес: — Слушай меня сюда, ты, земноводное... «Коттон вуд», «Консул», «Дипломат», «Махогон» — это названия модных по теперешним временам американских гробов, понял? Я просто прикидывал про себя, в какой из них тебя упакуют... Да, кстати, — я достал из кармашка рюкзака визитку, сунул ему в карман рубашки. — Это твоим коллегам. Если у них будут проблемы с твоими похоронами, пусть обращаются в наше бюро ритуальных услуг.

Он отшатнулся, встал ко мне вполоборота. Что означала эта стойка, мне было ясно — сейчас ударит.

Он так и поступил — пихнул свой жирный кулак мне под дых.

Я покачнулся, но устоял — сказала школа Майка Медведя.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Помнишь, внешностью, грацией и комплекцией Майк (вообще-то звали его Михаил, но он настаивал на английской версии своего имени) вполне отвечал смыслу своей фамилии: этот двухметровый сержант отделения, в которое ты угодил, отправившись зализывать в армии душевные раны после разрыва с Голубкой, отчаянно походил на гризли в расцвете его диких, необузданных сил. Помнишь, собрав вас, новобранцев, в туалете на торжественный обряд посвящения в бойцы крылатой пехоты, Майк построил отделение, прошелся вдоль шеренги и вдруг без подготовки заехал своим огромным кулаком правофланговому прямо под ложечку. Тот рухнул на влажный пол как мешок с песком. Так он отправил в нокаут человек пять, а потом очередь дошла до тебя, и ты узнал, что рука у Майка тяжелая, как дубина, но, отдохнув с полминуты на полу, ты с трудом поднялся, а Майк несказанно удивился и с подозрением глянул на свой кулак, а потом мощно отправил его тебе в солнечное сплетение, и во второй попытке ты валялся на полу дольше, но все же потом встал. После третьей ты не поднялся, но вы сделались с этого момента друзьями.

— Ты что, железный? — донесся до меня откуда-то издали голос охранника.

— Хуже, брат. Я деревянный. — Резко крутанувшись вокруг своей оси, я пяткой нанес ему удар ниже уха вовсе не из желания ударить или сделать больно, а просто сработал рефлекс; и. он отлетел к столу, но отключился не вполне — стоял на полу, опустившись на одно колено, и мотал головой.

Я взял его за галстук и, резко двинув рукой, вздернул ему подбородок. Судя по объемному, не направленному в конкретную точку пространства, взгляду, он был в легком нокдауне.

— Сейчас я тебя отвезу на другой берег, — произнес я как-то очень буднично и, все еще удерживая в левой руке его галстук, костяшками пальцев, правой руки врезал ему точно в переносицу.

Послышался легкий хруст. Видно, я сломал ему нос — опять-таки вовсе не желая покалечить его, а просто не стоило ему попадать под горячую руку, но он по глупости попал, издал мучительный стон, глаза его закатились. Он обмяк, но я не дал ему упасть. По-прежнему крепко сжимая в кулаке галстучный узел, я размахнулся и опустил кулак ему на темя. И только после этого расслабил пальцы левой руки.

Лишившись подпорки, он ткнулся лицом в пол.

С минуту я стоял над телом, потом подхватил его под мышки, усадил в свое кресло, подвинул стол так, чтобы на него можно было обрушить массивный торс.

— Отменно! — донесся до меня негромкий, но твердый голос.

4

Принадлежал он человеку, на которого я мельком обратил внимание по дороге от метро до шатра, он фланировал неподалеку от уютной диким виноградом низкой изгороди, отсекающей от улицы пространство пивной, обмахиваясь газетой и время от времени поглядывая на часы, — наверное, кого-то поджидал. На вид ему лет сорок пять, крепко сбит, выше среднего роста, здоровый цвет жестко очерченного лица, прохладный взгляд серых пронизательных глаз. От него исходил настоящий на каком-то сухом, древесном аромате запах дорогого мужского одеколона, в целом он в своем светлом, идеально сидящем костюме производил впечатление вполне благополучного бизнесмена.

— Отменно! — повторил человек, обогнув ограду, зашел под живительную тень шатра и уселся за свободный столик. Измерив меня внимательным, придиричьим взглядом, он ни с того ни с сего четким командирским голосом отчеканил: — Звание?

Вопрос прозвучал неожиданно и сбил меня с толку.

— Ну, допустим, старший сержант.

— Садись, сержант! — Он властным кивком указал на свободный стул. — Я в прошлом — полковник, хоть и в запасе. Но независимо от этого — можешь считать, это приказ.

— Да хоть генералиссимус! — усмехнулся я и тем не менее присел за столик, а он

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

обвел медленным взглядом расслабляющихся за столиками посетителей шатра и едко, словно от приступа язвенной болезни, прищурился, уставившись на шумную компанию тинейджеров, которые сидели наискосок от нас и, судя по плавно-размашистой и несколько заторможенной жестикуляции, уже успели влить в себя литра по два пива каждый: ребята беспрестанно сорили матерными словечками, которые распускались в их речи настолько естественно и просто, будто обширный словарь инфернальных выражений они впитали с молоком матери. Мне кажется, я верно истолковал взгляд собеседника: он явно из той породы наших граждан, что спят и видят, как бы всех поставить в строй, выстроить в шеренгу — и этих юных алкашей, и ту девочку с копной соломенных волос, с которой мы сидели на парапете, наблюдая за игрой в сокс, и меня тоже, и потому я тихо ему сказал:

— Послушайте, полковник, давайте для начала договоримся.

— О чем? — нахмурившись, спросил он.

— Если вы сейчас запоете привычные песни... Ну, про потерянную молодежь и то благотворное влияние, какое смогла бы оказать на нее армейская служба... Священный долг защитника отечества... Школу мужества и патриотизма... Святой дух боевого братства... Или начнете нести прочую ахинею в таком духе, то я встану и уйду. И это в лучшем случае.

— Хм, а в худшем? — с улыбкой поинтересовался он.

Я покосился на покалеченного мною охранника.

— Понял! — усмехнулся он. — Продолжайте, это интересно.

— Да ничего интересного, — отмахнулся я. — Я угодил в армию по юношеской глупости и отрубил в шкуре защитника отечества от звонка до звонка. И потому имею полное право говорить, что два года, отданные срочной службе, а потом девять месяцев — службе контрактной, были по-своему благотворны.

— А-а, — поощрительно кивнул полковник. — Вот видишь.

— В том смысле благотворны, — продолжал я, пустив побочку его реплику, — что я в течение двух лет имел счастливую возможность ощущать себя даже не клиническим идиотом, а скорее неким растительным существом. Ну, не более чем просто представителем живой природы. Не знаю, относился я к миру флоры или к миру фауны... Скорее все-таки флоры, таков уж мой менталитет.

— Флоры? — быстро вставил он.

— Естественно. Страна наша ведь лесная, деревянная. Кто создан из камня, кто создан из глины — моя же порода другая...

— Это какой-то стих? — спросил он.

Я не стал вдаваться в тонкости того мироощущения, которое вечно дышало одной несчастной женщине в затылок, заставляя представлять себя морской пеной, и закурил.

— Кстати, сегодня я именно в таком состоянии. —

Я покосился на аллигатора, отдыхавшего на столе. — Мне человека прибить — что листвою пошелестеть под теплым ветерком. А что касается боевого братства и контрактной службы... Я попал в горы вовсе не из желания подзаработать. Просто не было выхода.

Я покосился на соседний столик, за которым расположилось благополучное семейство, глава которого, лет тридцати малый, избыточно тучный, рыхлый, розоволицый, мечтательно закатив глаза, цедил первые глотки вожаденного пива, а его жена тем временем деловито распеленывала из сальных оберток жареную курицу, прихваченную, как видно, из дома. Двое детей, мальчик и девочка, должно быть погодки, чутко следили за уверенными манипуляциями маминых пальцев, раздирающих облитую аппетитной корочкой птицу, и, когда с разделкой было покончено, святое семейство дружно, в сосредоточенном молчании приступило к обеду на свежем воздухе под сенью зеленого шатра. Наблюдая за тем, как сальные пальцы раздирают мягкие волокна куриного мяса, я с поразительной отчетливостью припомнил другую трапезу и другое мясо — помнишь это мясо, еще, может быть, вчера живое, подвижное, надежно переплетенное жилами и сухожилиями, а к моменту вашего появления в разрушенной кошаре, куда разведотряд забрался перевести дух и передохнуть, уже разметанное по углам хлева, помнишь, с утра по квадрату, в котором имела несчастье

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

приютиться кошара, отработала артиллерия, один из снарядов снес крышу и разорвал какого-то несчастного козопаса на мелкие куски. Более или менее сохранилась только его голова — ведь так было, да? А вы расположились в этом хлеву на привал, выпили водки, а потом с наслаждением закурили, и только когда жар прогоревшего бычка облизнул пальцы, ты обнаружил — без намека на удивление или какое-то еще проявление привычных человеческих чувств, — что все это время курил, облокотившись на валяющуюся в навозном дерьме голову пастуха...

Я не убежден, что отдых на оторванной взрывом человеческой голове представляет собой полезный нравственный опыт.

— Почему ты не бьешь с левой? — неожиданно спросил он. — Ты бережешь левую руку. Это заметно.

— Да что вы?

— Я профессионал, молодой человек.

Я опустил ладонь на правое плечо, помассировал его.

— Снайпер.

— Странно, — быстро отозвался он.

Он явно знал, о чем говорил. И я вполне разделял его недоумение: тот, по кому отработал снайпер, имел слишком мало шансов сидеть теперь в уличной пивнушке. Мне и самому странно.

— Просто повезло, — объяснил я. — Он развлекался. Хотя скорее это была она, сука, и даже наверняка она.

Иначе как объяснить тот факт, что первой же пулей не разнесло голову — там, на горной тропе, в расщелине, склоны; которой уже надежно были укрыты «зеленкой», и потому стрелок чувствовал себя вполне комфортно, позволив себе сыграть в эти игры. Правила у них простые. Сначала он бьет в ногу. Потом в руку. Или наоборот. Он не хочет тебя убивать сразу. Ждет, наблюдая, как ты, совершенно беспомощный, валяешься на камнях, и выискивает через окуляр своего прицела, куда бы еще ударить, но так, чтобы ты не подох, а помучился. Если там сидит женщина, или, на армейском жаргоне, сука, она обязательно выстрелит в мошонку. И только почувствовав, что ты вот-вот отдашь концы, она ударит в голову... Если такую суку отлавливают — в ее гнезде или на блокпосту, когда она под видом беженки пытается выбраться за кордоны, — ее по-быстрому, пока не подкатило начальство, ставят к стенке без суда и следствия: ты сам ведь участвовал в одной из таких разборок, когда вы с Саней Кармильцевым, сапером, отловили одну такую суку и убили ее в овраге — стенки под рукой не оказалось. И это справедливо — приговор стоит на прочном фундаменте статистики: на счету каждой из таких сук как минимум двадцать таких, как ты... Наверное, потом, спустя пару месяцев, ты попал на прицел к такой девушке, спасло только то, что упал за камень и легко отделался: раздроблена ключица. Потому теперь левую руку я в самом деле берегу.

— Слушай, сержант, — подал голос полковник, поглядывая на охранника, который окончательно пришел в себя и теперь сидел на стуле, мерно, как китайский болванчик, покачивая головой. — Сказать по правде, ты не сильно-то похож на бойца... Я не шевелюру твою имею в виду и не бороду эту твою, как у лешего, ей-богу. — Он помолчал. — У тебя лицо какое-то... Другое.

— Какое есть, — усмехнулся я, подумав о том, что, возможно, на это лицо в свое время наложил отпечаток тот досадный по теперешним временам факт, что ты имел несчастье родиться и вырасти в интеллигентной московской семье, а после школы на удивление легко поступить в институт связи, где и проучиться три года, а впрочем, это другая жизнь, я не люблю о ней вспоминать, о том, например, что у заместителя декана глаза на лоб вылезли, когда ты заявил, что сессию сдавать не будешь, уходишь в армию: да-да, это решено, бесповоротно, и не надо меня убеждать, что эти два года превратят интеллигентного юношу в клинического идиота.

Он, прищурившись, глянул на меня.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— И кто ты теперь? — спросил он.

— Никто, — огрызнулся я.

Огрызнулся, потому что — помнишь? — именно такими взглядами окатывали во всех мыслимых и немыслимых конторах, пороги которых ты исправно обивал, пытаешься устроиться на работу, и последнее место, куда наведалься, прежде чем наняться в пивной шатер, был ломбард, забрел в него от нечего делать — шел мимо, увидел бронзовую табличку с изящной гравировкой, возле которой покуривал толсторожий мент с автоматом на плече, и ты сказал ему, что пришел заложить гранатовый браслет, доставшийся по наследству от Александра Ивановича Куприна, но имя это ничего менту, похоже, не говорило, и он благополучно пропустил в полуподвальные цедра ломбарда, куда вела новенькая мраморная лесенка. Вспоминается отчетливо: принят был плоскогрудой женщиной средних лет в кромешно черном деловом костюме, от нее веяло торжественным траурным холодом: меловой оттенок лица, впалые щеки, застывший взгляд темных, глубоко посаженных глаз, в которых стоит выражение неизбывной вселенской печали, скорбные складки у маленького рта, который в сочетании с массивным подбородком выглядел игрушечным. Оказавшись напротив нее в тесной конуре с забранными тяжелыми решетками окнами, почему-то подумал о том, каково с такой женщиной лежать в постели. Наверное, ощущение испытываешь примерно такое же, как если бы спал с мраморным надгробным изваянием. Что-то она спросила... Ах да: с какой, собственно, стати ты собрался искать работу именно в ее заведении, а голос у нее оказался низкий, тягучий и минорно плавный — как будто в глубинах ее узкой грудной клетки жил маленький траурный органчик, — а ты сказал, что любишь вкус и запах свежей крови.

Засим воспоследовал какой-то жест. Мимический: удивленно приподняла тонкие, тщательно выщипанные брови, а ты высказался в том смысле, что ломбардчики во все времена были алчными кровопийцами и жили исключительно тем, что сосали кровь у бедного народа. Это была явная наглость, но она, против ожидания, отреагировала спокойно и покачала головой: нет, помимо природной жажды крови эта работа требует множество других качеств, и ты на прощание посоветовал ей почаще бывать на открытом солнце...

— Давно оттуда? — неожиданно спросил полковник.

— Давно.

— Мне нужны ребята вроде тебя. — Достав из кармана пиджака портмоне, он распахнул его, выудил из кармашка черную, тисненную золотом визитку, протянул мне. — Заходи. До середины дня меня в офисе не будет, а после двух я на месте. Что-нибудь придумаем. Ты мне симпатичен.

Я повертел в пальцах кусочек плотного картона, из которого следовало, что зовут моего случайного знакомого Астахов Евгений Григорьевич, а также то, что он генеральный директор. Где именно Астахов директорствует, указано не было.

Он глянул на часы, досадливо поморщился, повертел головой, выискивая кого-то в текущей мимо толпе, махнул рукой, поднялся, бросил на стол газету и откланялся, а я еще минут пять сидел за столиком — до тех пор, пока порыв сквозняка не шевельнул газетный лист, из-под которого выглянул уголок забытого Астаховым портмоне. Я раскрыл его. В боковом кармашке уютно устроилась карточка VISA. В основном отделении несколько купюр — наша пятисотка и две американские сотни.

— Хорошее начало хорошего летнего дня, — пробормотал я, засовывая бумажник в задний карман джинсов.

5

С рекламы, вмонтированной в стеклянную стену троллейбусной остановки, окликнула роскошная рекламная девушка с, тугим, рвущимся на волю из узды крохотного купальника бюстом, левый ее глаз прикрыт — лукаво подмаргивая, она приглашала немедленно посетить пляжи Хургады и древние храмы Луксора. Проследив направление ее взгляда, я

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

непроизвольно икнул: декорированный розовым мрамором вход в магазин, за прозрачными витринами которого разбредались по просторному залу полки, забитые стандартным набором продуктов, а над входом, в полукругом охватывающем вход зеленом пластике, полыхала пурпурная надпись:

КУРАРЕ

Продуктовый магазин

Еще месяц назад на этом месте прятался за плотно прикрытыми жалюзи витринами тот весьма специфический магазинчик «для взрослых», в котором торгуют гигантскими фаллоимитаторами, синтетическими вагинами и прочими забавными штучками, а впрочем, ничего удивительного в этой перемене нет, физиономии московских улиц меняются с поистине феноменальной быстротой, поскольку спрос, как известно, рождает предложение.

Выходит, жители этого квартала стали больше есть и меньше заниматься мастурбацией.

За стеклянной, в оправе белого пластика, дверью стоят пикантные запахи, сочащиеся от отдела, где на витрине млели удивительно аппетитные копчености. Сглотнув слюну, я направился к низким жестяным столикам, тянувшимся по левую руку от кассирш, сидящих спиной ко входу. Выбрав из трех вариантов самую узкую и по-детски трогательную спинку, я осторожно тронул девочку за плечо.

Она вздрогнула, обернулась и посмотрела испуганно: девочка, вчерашняя школьница — бледное лицо без тени косметики, губы бантиком и пустые, как и у всякого представителя выбравшего пепси поколения, глаза..

— Я в самом деле попал в продуктовый магазин «Кураре»?

— Да, — дежурно улынулась она. — А что?

— Да нет, ничего. Просто звучное у вас название.

Перед глазами тут же встала одна из картин другой жизни: дом, фасадом выходящий на железную дорогу, второе от угла окно на третьем этаже, под которым пышным цветом цветет Дерево желаний — так Отар, друг по группе, в которую ты попал после восстановления в институте, называл эту липу, чья крона по весне распускалась нежно-розовым, с вкраплениями бледно-салатового и лазурного, цветом и смотрелась в компании прочих облезших, уныло нагих деревьев каким-то экзотическим растением.

Автором смелого ботанического эксперимента был Отар, жгучий грузин и красавец из породы писанных, он обладал буйным интимным темпераментом, просто не мог пропустить мимо ни одной юбки, и абсолютное большинство девочек, имевших неосторожность попасться ему на глаза, оказывались в конце концов в его постели, а трудился на этой ниве Отар столь вдохновенно, самозабвенно и с упорством поистине сатанинским — оставалось только поражаться его неумейной энергии, отходы же конвейерного производства — использованные презервативы — он по привычке швырял в форточку, несметное их количество оседало на ветвях стоящей под его окном липы, так что по весне, когда крона освобождалась от бремени талого снега, Дерево желаний начинало вызывать смутные ассоциации с сакурой, в пору пышного расцвета сослепу забредшей в серую и бесцветную промозглую мартовскую Москву.

А впрочем, вспомнилась она исключительно потому, что Отарово дерево соседствовало с одним занятным магазинчиком, и вы на пару потешались над полетом творческой фантазии какого-то торгового работника, которому пришло в голову назвать магазин для слепых нежным словом «Рассвет». Помнишь, частенько вы ходили к этому заведению, стояли под вывеской, состязались в изобретении названий прочих торговых точек, предназначенных для несчастных ущербных людей. Вариантов находилось масса, для глухих — «Звуки музыки», например. Безногим инвалидам предлагалось отовариваться в магазине «Легкая походка», паралитики приглашались в магазин «Спринт».

— Какое сегодня число? — спросил я.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Тринадцатое. Говорят, несчастливый день. Хорошо еще, что не понедельник.
— Несчастливый? — Я прикинул в уме свой похоронный стаж. — Шампанское у вас есть?

— Конечно, — надула губки девочка, обидевшись. — У нас все есть. Вон там, в левом углу, белый шкаф с охлажденными напитками, видите?

Я взял бутылку, пересчитал остатки денег — хватало в обрез — и вернулся к кассе.

— Праздник? — спросила девочка, пробивая чек.

— Да. День рождения.

Действительно, выходит, полных девять месяцев прошло с того дня, как ты приступил к обязанностям водителя катафального «кадиллака» — сегодня Харон, можно сказать, появился на свет.

— Заходите, — предложила девочка, широким жестом руки указывая в глубины торгового зала. — У нас есть все.

— Да я и не сомневаюсь, — кивнул я, пятясь в сторону выхода. — Обязательно забегу. Когда мне надо будет смазать стрелу.

Девочка нелепо поморгала в ответ и отвернулась, скорее всего, она не имела понятия о том, что означает звучное слово на магазинной вывеске.

Вывалившись на улицу, я спрятал бутылку в рюкзак, свернул под массивную арку сталинского дома и оказался во дворе, где стоял запах протухшей селедки, сочившийся, скорее всего, от служебного входа в магазин «Кураре» — в момент моего зачатия, девять месяцев назад, этого отвратного запаха не было.

6

В остальном родовое чрево двора не изменилось, его по-прежнему перегораживает крашенная салатовой краской плоская пятиэтажная хрущоба, в которой во времена оны размещалось рабочее общежитие какого-то завода, а теперь квартирует множество фирм, фирмочек, всевозможных открытых и закрытых акционерных обществ, и потому парадный, отделанный невыносимо вульгарным розовым мрамором подъезд сплошь улеплен бронзовыми табличками с выгравированными на них аббревиатурами, попытка выговорить которые может обернуться для всякого нормального человека заплетанием языка в морской узел. Справа все так же монументально сидит в пыльном газоне приземистая двухэтажная коробка, выкрашенная в темно-бордовый цвет — в ней обитает какое-то строительно-монтажное управление. На уровне второго этажа по фронтому здания тянется просторный открытый балкон — причудливость архитектуры, характерная окраска, а также то обстоятельство, что перед входом высятся несколько старых голубых елей, сообщает обители строителей и монтажников сходство с мавзолеем.

Вплотную к мавзолею, примыкая к торцовой его стене, поразительно уютно гнездится невесть как сохранившаяся с невесть каких незапамятных времен избушка, один рассеянный взгляд на которую и положил начало карьере Харона, совпавшего по времени с окончанием карьеры уборщика в пивном шатре. После знаменательного побоища, решительно выставленный Мальком вон, помнится, побрел куда глаза глядят, невзначай завернул под арку с намерением облегчить мочевой пузырь в укромном уголке тихого двора, и увидел пряничный домик, в наружности которого было что-то нездешнее, не городское: начать с того, что дом был основательно сложен из темных толстых крепких бревен и накрыт островерхой, крытой рыжей черепицей крышей. Для полной иллюзии, что ты наткнулся на дачный участок в самом центре каменного города, не хватало только печной трубы на крыше, застекленной веранды да фонтанирующих сочной зеленью грядок под аккуратными, забранными в резные наличники окнами избушки. И потому так диссонировал с трогательной пасторалью огромный, размером с небольшой торпедный катер, черный лимузин: роскошный кадиллак, отнюдь не преклонного возраста и в отличном состоянии, он имел всего две двери, и вообще сама кабина, куда могли поместиться лишь водитель да

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

пассажир, казалась крохотной по сравнению с вместительным грузовым отсеком, обтянутым поверху каким-то мягким, напоминающим дорожную кожу материалом. Два узких длинных тонированных окна, тянувшихся по обеим сторонам грузового отсека, убеждали в том, что если пассажиры и ездят в этом салоне, то лишь в случае крайней необходимости. Тем более что забраться в багажный отсек можно было, лишь воспользовавшись широким двухдверным воротцом в задней части кузова.

Пришвартовано это чудо техники было сбоку от избушки с ладным крылечком под ломаной крышей, выглядевшей миниатюрной копией крыши основной. Три тщательно выметенные крепкие ступеньки вели к тяжелой двери из темного мореного дуба. Слева от двери весело сияла на солнце идеально надраенная бронзовая табличка:

ГИМЕНЕЙ

Агентство по организации свадебных торжеств

Справа на том же уровне минорно темнела еще одна металлическая визитка, где по матовой черной эмали серебром было прописано:

MEMORIA

Агентство ритуальных услуг

Соседство этих контор тебя нисколько не озадачило: обе фирмы делают деньги на простых человеческих чувствах, первая на трепетном ожидании чего-то нового и сказочного, вторая на скорби; И обе заняты организацией ритуала, который заканчивается зачастую одним и тем же — тяжким похмельем.

7

«Кадиллак» стоял на привычном месте, обтянутый плотным чехлом светлой кладбищенской пыли, чей-то кощунственный палец старательно вывел на задней его дверке слово «жопа» — это замечание конструктивным особенностям кузова не противоречило.

Я потянул на себя сияющую латунную ручку двери и вошел.

В белоснежном коридоре первого этажа, уставленном вазами с пышными тропическими цветами, угадывалось присутствие жизни, причем, судя по характерным стонам, доносящимся из-за неплотно притворенной двери фирмы «Гименей», жизнь была в полном разгаре. На цыпочках приблизившись к офису коллег и заглянув в щелку, я обнаружил в приемной Савелия, нашего охранника, он сидел в кресле спиной к входу и коротал время за просмотром порнографического фильма, был так увлечен разворачивающимися на экране событиями, что не почувствовал моего присутствия за спиной, и я его понимаю... Наверное, созерцание пикантного зрелища в самом деле способно заронить в душу зрителя зерна переживаний сугубо катарсисных: на экране роскошная блондинка, то и дело облизываясь, старательно делала минет огромному негриту, возлежавшему на просторном ложе с тем отстраненно безразличным выражением на огромном, состоящем из одних губ и вывернутых наизнанку ноздрей лице, словно это не его баобабски необхватный прибор погружался в блондинку, а какой-то другой, принадлежащий, может быть, иному негриту. При этом он, на коровий манер двигая челюстями, с оглушительным хрустом поедая чипсовые шарики из банки, наверное, очень аппетитные, с сыром и тмином или с чесноком, нисколько не заботясь о том, чтобы хоть как-то посочаствовать блондинке в ее неустанных трудах.

Мешать Савелию в катарсисных переживаниях было грешно, я тихой сапой двинулся по широкой деревянной лестнице на второй этаж. Наш офис даже внешне мало чем отличался от свадебного — с той лишь разницей, что в отделке его преобладали не белые тона непорочности, а интеллигентный цвет слоновой кости — в сочетании с тянущимися

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

вдоль стен темно коричневыми дубовыми панелями он создавал настроение покоя. Декорируя помещение, Люка намеренно избегала траурных мотивов. Она обладала тонким вкусом, несмотря на то что гуманитарное ее образование ограничивалось, насколько я знаю, двумя курсами какого-то торгового техникума.

В приемной за хрупким офисным столом монументально восседала Бэмби, по обыкновению погрузившись в изучение своей любимой газеты, которая, если верить разъяснению под титульным логотипом, освещала «экзотику городской жизни». Бэмби у нас, собственно, не работала, она художница и время от времени консультировала контору — в тех случаях, когда клиенты настаивали на исключительно шедевральной надгробии, требуя привлечь к работе кого-нибудь из мэтров вплоть до Церетели, Клыкова, Рукавишникова, Неизвестного или Шемякина. Связи Бэмби в среде ваятелей имела обширные, и, благодаря ее рекомендациям, нам удавалось выкручиваться из сложных ситуаций.

Бэмби приветливо кивнула, углубилась в изучение городской экзотики, а я приготовился выслушать нечто изысканное, зная ее обыкновение не столько впитывать глазами тексты, сколько дегустировать их вслух, время от времени причмокивая полными добродушными губами, — в тех местах, где, по ее мнению, возникал острый, пикантный привкус. Причмокнув, Бэмби вслух объявляла об очередной находке:

— Кастратам приделают силиконовые яйца.

Перевернула страницу, продекламировала свежий заголовок:

— Кариес, оказывается, лучше всего лечить мочой.

Далее, рассеченная минутными паузами, передо мной начала формироваться причудливая картина городской жизни, которая выглядела примерно так: «Нажравшись на изысканном party икры, гости утром отчаянно блевали сардинами». «Отбившийся от стада слон стал педрилой». «У восьмидесятилетнего дедушки, как штык, встает по утрам». «Мент обосрался, лежа на шлюхе». «Удар сисек стриптизерши по голове клиента обернулся сотрясением мозга». «Наконец-то в продаже появились лазерные диски с записями художественного пердежа». «В наших ларьках торгуют использованными гондонами». Завершалось это живописное полотно вполне невинной заметкой: «Собутыльника сожрали в порядке шутки». Оставалось только сокрушенно покачать головой и, изобразив на лице выражение угрюмого инквизитора, угрожающе произнести:

— Бэмби, и как у тебя поворачивается язык произносить нечто подобное в юдоли скорби?

— Да будь ты попроще, Паша, И вообще вам в вашем бизнесе надо брать пример с коллег из Нового Орлеана. Вместо того чтобы ныть и стенать, они, насколько я знаю, приглашают на поминки уличный джаз — чтобы он сопровождал процессию и наяривал что-нибудь веселое.

Поглаживая темный пушок над верхней губой, она откинулась на спинку предательски постанывавшего под ее тушей кресла, сделала глубокий вдох, приподнимавший ее обширный бюст, и, мелко поморгав, начала с натужным кряхтением отжиматься руками от стола — без помощи рук ей вряд ли удалось бы извлечь из кресла свои сто с лишним килограммов живого, подвижного, мягко колыхавшегося под просторным сарафаном веса.

Не знаю, как и почему к ней пристало это трогательное прозвище, вычерпнутое, если не ошибаюсь, из мультфильма про хрупкого, изящного легконогого олененка, однако с ее слоноveyей грацией и многопудовостью оно не спорило. Потому, наверное, что Бэмби была хорошей теткой, за внешней суровостью которой, грубоватыми повадками, привычкой витиевато матершинничать или, не моргнув глазом, громогласно декламировать сокрушительно откровенные частушки крылась натура хрупкая, по-своему трогательная и очень ранимая. Узнав Бэмби поближе, ты ведь — теперь-то признайся себе! — начал испытывать к ней чувства скорее сострадательные: этой расплывчатой, одышливой женщине с необъятным желеподобным телом оказалось всего-то навсего тридцать пять лет, а вовсе не за пятьдесят, как казалось с первого взгляда; поговаривали, что у нее с раннего возраста были проблемы с обменом веществ.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— По какому случаю выпивон? — спросила она, прохаживаясь по приемной и косясь на извлеченную мной из рюкзака бутылку.

— Ровно девять месяцев прошло с момента моего зачатия. Плод созрел, воды отошли, Харон появился на свет.

Она смерила меня внимательным взглядом.

— Сказать по правде, у тебя сейчас такой видок, что ты скорее напоминаешь врубелевского пана. — Она глянула на часы, вмонтированные в стену над входом в приемную, и поморщилась. — Черт, я шефа, видно, не дождусь. Мне пора.

— Твои гениальные психи уже очинили карандаши и расселись за мольберты? — весело поинтересовался я, но, напорвшись на взгляд Бэмби, потупился: — Ладно, проехали... Извини.

Называть ее подопечных психами конечно же не стоило — хотя они и есть самые настоящие психи, отдыхающие за толстыми стенами сумасшедшего дома. Бэмби прошла длинный и тернистый творческий путь, на котором ее швыряло из стороны в сторону — от лубочного портретизма в духе Шилова до сумрачной психоделии, от классического пейзажа до участия в эпатажных инсталляциях Бренера, — и теперь она наконец успокоилась, осев в тихой гавани психушки, где ведет класс живописи. Свои подвижнические порывы Бэмби объясняет с безупречной логикой: все достойные художники были, есть и будут форменными психами, и из этого следует, что среди психов могут встречаться достойные художники! — и с этим трудно спорить: помнишь, в начале весны ты, воспользовавшись приглашением Бэмби, навестил ее студию, откуда вышел в легком шоке — настолько вопиюще реалистичными, без малейшего намека на параноидальные мотивы, оказались полотна участников уникальной творческой мастерской.

— Ну, счастливо оставаться, — сказала Бэмби. — А что касается моей программы на сегодня, то она предполагает много солнца и много пива.

— Так ты в Серебряный Бор? — спросил я.

— Ага.

— Слушай, Бэмби... А какие чувства ты испытываешь при взгляде на множество гениталий?

Она невесело усмехнулась, приблизилась к столу, уперлась в него руками, наклонилась — в вырезе ее сарафана открылись огромные груди.

— Паша, — ласково произнесла она. — Я на тебя не обижаюсь, потому что ты дубина. Ну просто клинический идиот. И место тебе — в том заведении, где я преподаю уроки живописи. Когда тебя там пропишут, приходи ко мне. Я научу тебя рисовать пейзажи.

Чего у Бэмби не отнять, так это — при ее-то слоновьих габаритах — полного отсутствия комплексов на этот счет, больше того, Бэмби была широко известна в кругах столичных нудистов как один из самых стойких адептов идеологии «ню», и в том, что ее действительно уважали в обществе поклонников открытого тела, был случай убедиться еще в начале лета: она затащила меня на прогулку в Серебряный Бор, где на песчаной поляне принимала солнечные ванны добрая сотня голых людей. Ничтоже сумняшеся, она скинула свой безразмерный балахон, под которым ничего не оказалось, и предложила последовать ее примеру, чтобы не шокировать публику шортами, а потом после принятия долгих солнечных ванн и пива она в троллейбусе, в давке на задней площадке, где вас притиснуло, друг к другу, смяло, словно в давяльнике для винограда, вдруг так медленно провела кончиком языка по верхней губе: ах, не стоило ей этого делать!..

— Прекратите! Прекратите свистать, что вы как гопник на базаре, ей-богу! — вскипела вмятая в вас мадам лет пятидесяти, в белой панаме, с россыпью потовой росы на верхней губе, ну да было поздно, ведь один из оттисков Голубки уже уселся на твое плечо: вот так же однажды, в такой же давке, только это было не в троллейбусе, а в метро, в пиковом, потном, удушливом, валко раскачанном, на перегоне между «Динамо» и «Аэропортом», Голубка точно таким манером облизала верхнюю губу, а ты едва нашел в себе силы дотерпеть до дома, куда бежали через проспект, словно в приступе амока... И вот в потном троллейбусе

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

амок навалился и все давил, давил, пока ехали до бульвара Карбышева, где жила Бэмби, — та ночь чем-то странным теперь отзывается. Ах да, спать с Бэмби — в привычном смысле этого эвфемизма — было не с руки, учитывая ее слоновье телосложение, и выход был найден, помнится, в том, что она встала на четвереньки на краю кровати, приглашая атаковать с тыла.

— Я тут притащила эскизы, — она прихлопнула пухлой ладошкой большую коленкоровую папку, лежащую на столе. — Передай своей начальнице, ладно? Она знает. Мы договаривались, но неожиданно подвалил какой-то клиент, по виду цыганский барон.

— Господи, помилуй и спаси... — вздохнул я.

С похоронами цыган вечно возникает жуткая головная боль. Во-первых, чтобы обслужить такого клиента, неминуемо придется обращаться к бальзамировщикам: согласно цыганским обычаям усопший не может отправиться в последний путь до тех пор, пока с ним не попрощаются все члены его обширной и зачастую раскиданной по разным углам нашей необъятной страны семьи. А пока все они соберутся, может пройти столько времени, что без специальных бальзамировочных инъекций тело успеет приобрести мало-аппетитный вид. Во-вторых, придется заказывать особый гроб; выполненный непременно в светлых тонах, на высоких — не ниже сорока пяти сантиметров — ножках и со специальным окошком на уровне глаз.

— Ну, адье! — прощально помахала рукой Бэмби. — Счастливо вам повыпивать. Пойду погрею на солнышке свою тушу.

— Да брось ты, — улыбнулся я. — У тебя роскошное тело. Старик Рубенс при взгляде на него наверняка бы не смолчал.

Бэмби повела плечами, ее тело под сарафаном живописно заколыхалось.

— Ну так на то он и старик.

— Ты опять впадаешь в заблуждение, — возразил я. — С нынешнего сезона в моде нормальные женщины с нормальными женскими формами. Объем талий увеличивается, бедра тяжелеют, грудь делается полновесной. Хорошей женщины должно быть много. Потому изнурение себя диетами в надежде приблизить свои формы в тем стандартам, которые навязывают нам худосочные манекенщицы, отныне не актуально... Тебе нравятся манекенщицы?

— Да не особенно, — с сомнением в голосе протянула Бэмби.

— А мне не нравятся категорически. — Я уселся на подоконник поближе к дышащему прохладой кондиционеру и отдался созерцанию того, как латунного оттенка свет от зачехленного ребристым жалюзи окна линует дверь в кабинет Люки четкими линиями.

— Это почему? — заинтересовалась Бэмби.

— Да просто потому, что их чахлые формы не более чем отпечаток извращенных гомосексуальных фантазий ведущих кутюрье — они же все без исключения гомосексуалисты.

— Ты сексуальный расист? — нахмурилась Бэмби.

— Боже упаси. Просто мне не по душе их чисто художнические принципы. Счастливо. И извини меня — в Казантипе я немного одичал, и на языке вертится всякая дурь. Не бери в голову.

— Ага. Так ты приходи в наш желтый дом. Я буду за тобой ухаживать и менять под тобой утку,

— Бэмби, у тебя нет с собой пары сотен? А то я совсем на мели. Я, конечно, человек глубоко порочный, но...

— Это ты к чему? — усмехнулась она.

Я вздохнул. К тому, что, к несчастью, воровство отчего-то все никак не укладывалось в пышный букет впитанных тобою и усвоенных пороков — задний карман джинсов приятно грел астаховский бумажник, но воспользоваться его содержимым я не считал возможным, хотя и понимал, что это глупо. Она извлекла из холщовой сумки кошелек, порылась в нем, бросила на стол пару сотенных и несколько десятков;

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— На пиво-то остается? — спросил я.

— Да ладно... — отмахнулась она. — Как-нибудь перекантуюсь. Там же все свои люди, не дадут засохнуть в случае чего.

— Когда я разбогатею, то подарю тебе пивной завод.

— Вот-вот, Паша, разбогатеи. Я тебя очень прошу.

Когда Бэмби удалилась, я включил компьютер и прошвырнулся по знакомым мне траурным сайтам в поисках чего-то новенького.

Новенького ничего не было. Люди умирали, бизнес процветал. Я решил прогуляться на виртуальные кладбища и вспомнил, что сто лет не навещался на один симпатичный американский погост, хозяин которого завлекал публику чем-то вроде игры в лотерею. С чувством юмора у этого парня все в порядке: он предлагал выбрать из заданного списка ныне вполне здравствующих и известных всеми миру VIP-граждан того единственного, кто в текущем месяце с наибольшей вероятностью отправится в мир иной. Проглядев список, я некоторое время размышлял над двумя кандидатурами — Рональда Рейгана и Элизабет Тейлор, — склоняясь все-таки к кандидатуре бывшего президента США: несчастный старик, говорят, уже совсем на ладан дышит.

Зеброобразный рисунок на двери поплыл в сторону, отхлынул и тут же живописно окатил вышедшего из кабинета мужчину лет сорока в тяжеловесном черном костюме.

Невесёлые предчувствия по поводу потенциального клиента, похоже, оправдывались, это был цыган лет сорока с черной, как душа злодея, пышной шевелюрой, в буйной курчавой бороде стыл скорбный изгиб красивого пунцового рта с траурно опущенными уголками. Он окинул меня задумчивым взглядом, словно прикидывая про себя, не приходится ли человек с моей наружностью ему братом по крови, тяжело вздохнул и медленно покинул приемную. Я поднялся из-за стола, пересек приемную, шагнул в кабинет и застыл на пороге, немного сбитый с толку короткой и хлесткой репликой Люки:

— Сколько?

8

Она сидела сбоку от своего рабочего стола на вертявшем стульчике, и солнечный зайчик, соскочивший со стекла ее очков в тонкой оправе, снайперски выстреливал мне в глаз.

Впрочем, не эта ее странная приветственная реплика или яркий блик её очков сбили меня с толку, а то, что сидела она в совершенно той же позе, что и в момент зачатия Харона девять месяцев назад... Помнится, направляясь в ее кабинет, в воображении я рисовал облик вершительницы похоронных дел и вписывал ее в тот разряд женщин, которых друг Отар ласково именовал «воблами»: суха, подтянута, бледнолица, с прохладой в неподвижных глазах, тонкогубый рот с копилочную прорезь, ключицы выпирают, грудь нулевого размера, бедра цыплячи, тонкий черенок ломкого запястья, длинные пальцы, в которых парашютно распускается выдернутый из нагрудного кармана платок и парит к уголку глаза: «Поверьте, я искренне скорблю вместе с вами!..»

Вошел и замер на пороге — помнишь? — вот как теперь, потому что увидел совсем не то, чего ожидал. На вид ей лет тридцать. Несколько беспорядочно уложенные платиновые волосы обрамляют мягкий овал лица, которое вряд ли можно назвать красивым, но что-то удивительно обаятельное было — в бархатистости ухоженной кожи, тронутой в меру плотным загаром, в широко поставленных глазах, в изящной прописи аккуратных ноздрей, в этих задумчиво приоткрывшихся губах, по которым сосредоточенно скользит кончик языка, и даже в избыточной розовости припухших век, которые выдавали в ней человека, привыкшего работать круглые сутки. Помнишь, она сидела на скромном офисном стульчике, эффектно забросив ногу на ногу, сбоку от огромного стола, сосредоточенно просматривая какую-то бумагу, — поза очень рискованно открывала взгляду ее ногу почти «от» и «до», — а ты, не будучи уверен, что попал в похоронную контору, готов был предположить, что

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

сослепу и ненароком заглянул в туристическую фирму, распространяющую секс-туры в Таиланд или где там еще можно на вполне законных основаниях иметь десятилетних девочек и мальчиков. И, кроме того, у нее был высокий чистый лоб и очень подвижные темные брови, они красноречиво шевелились, догоняя какую-нибудь вдруг возникшую мысль или же аранжируя своим движением некую произносимую про себя фразу, а потом она, не поднимая глаз, заметила, что занята.

В нервном изгибе брови сквозил намек на нежелательность твоего присутствия, поддержанный движением руки, оправившей юбку, и в этот момент больше всего хотелось остановить ее руку, потому что ноги у нее были в самом деле красивые, колени круглые и без изъянов, сочные, как спелая антоновка, и, наверное, так же сочно хрустят, если в них впиться зубами, а от тонкой, идеально изваянной щиколотки и вовсе нельзя было оторвать глаз: это ведь, по твоему разумению, самая трогательная, магнетически притягательная часть женского тела — да, именно щиколотка! — у Голубки были такие же щиколотки, а запястье очень хрупкое, если к нему с тыльной стороны, где голубоватые венозные русла смутно читаются под тонкой кожей, прикоснуться губами, то можно слышать отголоски ее пульса.

Наконец она, округлив рот трубочкой и сделав какую-то пометку в тексте, спросила: «Вы что, немой?» — а ты сказал: «Нет, не немой, а скорее мертвый, да, уже давно, с тех самых пор, когда на углу Лесной улицы позвонил Голубке по телефону и она ответила, чтоб я больше не звонил никогда». Потом пояснял туманно: впрочем, не столько мертвый, сколько безголосый и безъязыкий, но при этом наделенный растительным разумом, спокойным и мудрым, бессердечным и не ведающим эмоциональных всплесков, так оно для здоровья полезней, ведь, если близко к сердцу принимать, что вокруг происходит, можно и в самом деле сыграть в ящик...

Некоторое время она медленно моргала, делая вид, будто размышляет над каким-то заковыристым абзацем в документе, на самом же деле она уже явно была озадачена и пыталась прикинуть, как себя вести, потом медленно подняла глаза, а глаза у нее оказались темными и глубокими, огромными и навывкате, с той особой, восхитительно влажной поволокой, которая дает представление о тайных порывах. Отар про таких женщин говорил — у нее глаза в сперме плавают! — но ты находил этот образ грубоватым и несколько надуманным, однако тогда, в момент знакомства, когда она не меньше минуты, приоткрыв рот, тебя рассматривала, ты готов был согласиться с этим скользким определением. Она сказала: «Итак?» — и прищурилась, поглаживая пальцами уголки рта, этот рефлекторный жест ей шарма не добавляет, так ощупывают рот исключительно старушки, впадая в задумчивость. Кажется, речь зашла о работе... Ну да, ты выложил про себя все: нужна работа, то есть стала нужна где-то час назад, а она на это хмыкнула: «А что произошло час назад?» — и расплела ноги и застыла так, слегка разведя в стороны колени.

Вслед за этим ты глупость какую-то сморозил. Ну точно: «Извините, а можно повторить это движение еще раз, — и сполз со стула, приседая на корточки, — вы раздвигаете ноги точно так же, как это делала Шарон Стоун в фильме „Основной инстинкт“, с ума сойти можно!» — в тираде крылось лукавство, ты ведь не помнил толком ни этой сцены, ни того, как эта Шарон Стоун выглядит, а просто надо было что-то произнести, подчиняясь рефлекторному стремлению притушить захлестнувшее ощущение оторопи при взгляде на так пикантно разошедшиеся ноги этой аппетитной женщины с большими, навывкате влажными глазами, и вот в поисках природы этого странного чувства ты — ну же, ну, вспоминай! — прикрыл глаза и присвистнул впервые, потому что поразительно отчетливо увидел Голубку, точнее сказать, ее оттенок мучительно, до тупой и глухой ломоты в левой стороне груди, проявился в тебе. Странно.

Теперь я бы назвал это чувство острой, бросившей в озноб вспышкой крайнего недоумения — ведь с того момента, когда вы с Голубкой расстались, ничего похожего на даже тусклое мерцание основного инстинкта ты за собой не замечал: стиснутый однажды, давным-давно, сто лет назад на углу Лесной улицы жесткой хваткой древесного паралича, ты — стоит признаться наконец в многолетней импотенции! — не испытывал и намека на

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

влечение к женщине: ни в армии, где к вам в казарму приходили по двое, по трое, а то и в пятером, истертые какие-то, с ветхими лицами и рыхлыми телами, словно дамы из затрепанной карточной колоды, девчушки из крохотного рабочего поселка, и их по очереди, сосредоточенно, с типично армейскими сноровкой и тщательностью, употребляла в порядке живой очереди и в соответствии с внеуставной субординацией вся рота... Ни потом, после восстановления в институте, хотя в Отаровом доме, где ты дневал и ночевал, помимо тебя, квартировала масса смазливых девочек. Разумеется, основной инстинкт мирно дремал и в течение девяти месяцев контрактной службы — там было не до него, там сутки напролет голод преследовал, голод охотника, гонящий на охотничью тропу — либо ты кого-нибудь сейчас сожрешь, либо этот кто-то сожрет тебя! — да и потом, на протяжении того долгого и плоского, муторного и мутного времени, после возвращения из госпиталя, ничего похожего ты за собой не наблюдал, возможно потому, что слишком много пил, и вот только при взгляде на эти сочные колени, до которых ты мог дотянуться рукой, рефлекс мощно заявил о себе и заработал в теле мощно и ритмично, как паровая помпа: потому что Голубка вдруг возникла перед глазами.

Точнее сказать, не Голубка в яви и во плоти, а один из смутных ее то ли негативов, отпечатавшихся в подкорке, то ли оттенков, поднявшихся из глубин мышечной памяти и засадивших вдруг настолько остро Под кожей, что с трудом подавилось инстинктивное желание все-таки руку протянуть и колени ее все-таки раздвинуть, а вслед за этим, где-то прямо тут, опрокинув похоронную женщину на стол, взять ее — потому что разве что так эту гулко пульсирующую в груди помпу и можно было уговорить... Она — должно быть наитием — уловила дикий твой, пещерный настрой, потому примирительно улыбнулась: «Шарон Стоун? Да что вы?» — и этим сшибла, притушила твой пыл, заставив произнести очередную глупость: «Разумеется, я имею в виду не ее ноги, а чисто эстетическое впечатление»!

Господи, какую же чушь мелют люди, когда им хочется взять женщину, взять теперь и здесь, накаляясь в созерцании того, как в чуть против нормы избыточном распахе ее ног, где-то там, в его притененных глубинах, смутно белеет маленький треугольник ее белья, — Голубка, помнится, с ума сводила обыкновением усаживаться на диван с тем очень тонким расчетом, чтобы открывать твоему взгляду примерно то же самое.

Теперь я понимаю: гениальная Люка уже в тот момент все понимала и потому медленно закинула ногу на ногу, изрекая нечто шедевральное — что же? Ах да, произнесла деловым, прохладным тоном:

— Сделайте одолжение, не трахайте мне мозги, вы меня этим, мать вашу, очень обяжете.

Теперь, когда я знаю, как лихо Люке досталось в этой жизни, я с пониманием отношусь к причудливому смещению в ее речи учтивых выражений, характерных для деловой этики, с живописно inferнальными пассажами, однако в момент нашего знакомства ее манера изъясняться озадачила, но она не дала опомниться и спросила, как-то очень легко и непринужденно соскочив на «ты»: «Ты знаешь, чем занимается наша фирма?» — «Догадываюсь». — «И в каком качестве ты видишь себя в нашей фирме?» — «Я буду поставлять вам клиентов».

Идея отслоилась от газетной страницы, накануне прочитанной, там была заметка про скромного санитаря из бразильской больницы, тихо и аккуратно уколошившего до сотни пациентов, — у него, как оказалось, был договор на поставку покойников с похоронным бюро, — и ты сказал: «Вы просто дадите мне список солидных, состоятельных людей, а я уж постараюсь, чтобы их безутешные родственники со временем обратились к вам с заказом на ритуальные услуги по их погребению».

«Мысль плодотворная», — усмехнулась она и, отвернувшись к окну, впала в задумчивость, спросила: «Машину водишь? Права в порядке?» — и ты с готовностью кивнул: «Умею водить все, начиная от самоката и кончая тяжелым танком, и права в полном порядке, только вот ездить не на чем». «А почему тебя выперли с работы?» Пришлось

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

рассказать про побоище под шатром — и она вдруг воодушевилась: «Так ты драчун? Это хорошо!» — встала со своего стульчика, подошла к окну, Кивком пригласила последовать ее примеру: «Видишь этот лимузин? Мне нужен для него шофер»... Нет проблем, а как хозяйку лимузина зовут? «Людмила, но все зовут просто Люся».

«Людмила — слишком холодно и пресно, — слух дегустировал ее имена. — Люся — напротив, немного даже приторно. Можно, я буду звать вас Люка?» — а она вздрогнула, потеряв дыхание, кровь отлила от лица, пришлось подхватить ее за талию, — последняя фраза, отскочив от оконного стекла, пошатнула ее, и она едва не опрокинулась навзничь, но быстро взяла себя в руки и произнесла после долгой паузы не своим голосом: «Поехали!» — достала из сумочки ключи: «Вон там сиреневая „субару“, что около елок стоит, видишь? Иди садись за руль, ты поведешь. Я тут все закрою и спущусь».

Спустя полчаса парковались у входа на Ваганьковское, шли в глубь погоста, обогнув колумбарий, долго в полном молчании сидели у роскошной могилы, потом приехали к ней домой, напились в дым, и когда лежали в постели, прояснилась причина полуобморока, который накатил на нее там, у окна.

Когда-то давно она училась в торговом техникуме, ее послали на практику в мебельный магазин, и вот туда в один прекрасный день забрел симпатичный, представительный человек средних лет, они разговорились, а к концу смены он ждал ее у магазина в невероятно роскошном «мерседесе», и они поехали в ресторан. Вот так случайно, шестнадцатилетней соплячкой она оказалась в компании крутых ребят — причем это была не мелкая шушера, а авторитетные ребята высшего разбора, и он был старше, ее на пятнадцать лет. Спустя полтора года поженились. Насколько я знаю, ее мужа до сих пор поминают в определенных кругах добрым словом — говорят, он был хороший мужик старой школы, свято чтивший законы своей среды и вечно выступавший в роли мирового судьи, когда возникали какие-то конфликтные ситуации. Люка говорит, что он любил ее — очень. А она его. Спустя пять лет его напшиговали свинцом на пороге их загородного дома в Баковке, а ее спасло лишь то, что она задержалась в спальне, чтобы подкрасить губы.

С тех пор она никогда не красит губы.

Друзья мужа хотели избавить от головной боли, связанной с похоронами, но она сказала, что все — от начала и до конца — сделает сама, и сделала. Рассказывала все это, наваливаясь большой мягкой грудью на твое плечо. В прессе об этих похоронах много писали, сдобривая детали типичными для наших писак истеричными повизгиваниями: доколе в нашей стране хоронить бандитов будут с пышностью, на порядок превышающей блеск похоронных ритуалов, предписанных для усопших членов британской королевской семьи?.. Доколе, господа?! Повизжали, успокоились. А Люка, пройдя сама все стадии похоронного конвейера, открыла собственный бизнес — на первых порах друзья мужа помогли безвозмездными кредитами, а потом уж дело пошло само. Наша контора, конечно, не может конкурировать с гигантами отрасли, вроде «Ритуала» и некоторых других, которые ориентируются на валовые показатели в работе, — ну да нам этого и не нужно. Наш профиль — шикарное, эксклюзивное обслуживание VIP-клиентов в модели класса «люкс», и для этого у нас есть все необходимое, начиная от катафального челна марки «кадиллак» и кончая специальным лифтом для медленного и торжественного опускания гроба в могилу. Впрочем, дело тут даже не в настроении торжественности, а в том, чтобы не брякнуть роскошный ящик в яму, как это случилось с несчастными стариком Брежневым, — стоит эта штучка тысяч двадцать долларов, но она того стоит: Люка требования хорошего бизнеса тонко чувствует и на такие аксессуары ремесла денег не жалеет... Под утро ты — помнишь? — ее спросил, отчего она чуть не упала в обморок там, у окна. Оказалось, что Люкой звал ее муж. А я был первым, кто вот так невзначай произнес при ней это имя.

— Так сколько? — окатив меня свирепым взглядом, повторила Люка свой вопрос, и ее

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

большие глаза подернула влажная муть.

— Что — сколько? — не понял я и плюхнулся на черный кожаный диван, который очень здорово гармонировал по тону с дубовыми панелями стен и черным ковровым покрытием пола.

— Скольких девочек ты поимел, пока парился на пляже?

— Люка, ты же человек бывалый и должна знать, что парятся на нарах. А на пляжах — загорают.

Мне захотелось увести разговор от этой темы, потому что я живо представил себе, как наши клиенты начинают беспокойно ворочаться в дорогих гробах, прислушиваясь с того света к тем, мягко говоря, скользким разговорам, которые порхают под сводами скорбного офиса.

— Ты мне не втирай!.. — упорно гнула свое Люка. — Знаешь, я думаю, тебе надо бы показаться психиатру. Ну ладно, вернемся к нашим баранам... Видел мужика, вышедшего из кабинета?

— Да. Цыганские похороны? — тяжело вздохнул я.

— Ага. — Люка сверилась с какими-то записями в блокноте и перешла на деловой тон. — Значит, во-первых, ты сгоняешь по этому поводу к Гельфанду. У нашего усопшего чертова туча родичей, которые, как ты понимаешь, все должны с ним проститься. Включая и тех, кто живет... — она подслеповато прищурилась, поднося блокнот к лицу. — Живет в Трансильвании... Где эта долбаная Трансильвания, мать ее так? В Южной Америке, что ли? На самом хвосте континента?

— Да нет. Там Патагония. А Трансильвания, кажется, где-то к нам поближе.

— Уже легче, но все равно для нас это геморрой. Поэтому твой приятель Гельфанд пусть будет готов вкатить ему такую дозу бальзамировочного, какую он не ширял в самого Владимира Ильича.

Я кивнул. Во времена оны Вадим Гельфанд — прежде чем организовать частный морг — работал в секретной мавзолейной организации, сотрудники которой холили и лелеяли тело вождя мирового пролетариата. Так что в его компетентности по части поддержания в покойниках выставочного качества можно было не сомневаться.

— Второе. Смотаешься к Варваре. Насчет гроба.

Я опять кивнул. Варвара, как и Бэмби, — добрый старый знакомый нашей фирмы. В какой-то прошлой жизни она закончила дефектологический факультет пединститута и преподавала в спецшколе для несчастных детишек с отклонениями от нормы, но настоящая клиника была у нее дома — благодаря мужу алкашу, с которым Варвара, несмотря на все свои навыки в работе с олигофренами, справиться так и не смогла. Когда этот придурок пропил в доме все, включая паркет (он его уступил по дешевке какому-то своему случайному собутыльнику), Варвара ушла из дома и из спецшколы, взялась за молоток и принялась колотить гробы. Впрочем, не только колотить, но и проектировать всевозможные домовины — и в этом деле нашла свое долго дремавшее под спудом призвание. Было это давно, и теперь она классный спец по гробам — все «цыганские» домовины, потребность в которых изредка испытывает наша фирма, вышли из-под ее руки.

— А кого хороним? — спросил я. — В том смысле, что какие одеяния понадобятся, мужские или женские?

— Мальчишка, — мрачно ответил Люка. — Совсем еще пацан. Четырнадцать лет.

— А в чем дело?

— Ширнул себе «золотой выстрел».

— Странно. Цыган, загнувшийся от избыточной дозы, — это примерно то же, что в еврейской семье сын пьяница. Редкость. — Я закурил и поискал глазами, куда бы стряхнуть пепел. — Все это хорошо. Но только я не донимаю, почему весь этот геморрой свалился на мою бедную задницу. Я, если ты помнишь, всего лишь скромный Харон. Гребу в траурном челне. Это моя работа. А носиться, высунув язык, по моргам, кладбищам и прочим веселым местам — это забота твоих полевых менеджеров.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Допустим, — строго заметила Люка. — Но ты, сукин сын, прогулял неделю. Поэтому я налагаю на тебя епитимью. В страданиях плоти да искупишь грехи свои... — Она умолкла и, лукаво подмигнув, опять перескочила на прежнюю тему. — Кстати о плоти... — облизнула свои красивые, не тронутые помадой губы. — Как ты там оттянулся? Душевно? Сиськи у тамошних дев большие?

Издав некое подобие мучительного стога, я поднялся с дивана, пересек кабинет и уселся на подоконник.

— Брось, Люка... Ты же знаешь, в чем тут дело.

Она со вздохом кивнула. Люка — единственный знакомый и близкий мне человек, который знает про Голубку. И все понимает. В сущности, мы оба — несчастные больные люди, и нам обоим в самом деле надо навеститься к психиатру. Мы оба — люди амока, но каждый из нас сходит с ума по-своему. Она, всякий раз сопровождая наших богатых клиентов в последний путь, хоронит какую-то часть своего мужа. Я — истребляю в себе Голубку. Мы друг друга стоим. Наверное, именно поэтому она — гениальным своим наитием уловив во мне брата по крови — и предложила мне когда-то должность Харона.

— Пашенька, ты же знаешь, я тебя люблю... — сердобольно выдохнула она и тут же поправилась: — Ну, как сестра... Но таким макаром ты просто уничтожишь себя. И когда ничего от этой твоей Голубки в тебе не останется, придется мне закрыть тебе веки. — Она горько усмехнулась. — Не волнуйся. Я тебя похороню по высшему разряду. В гробу из «птичьего глаза».

— Ага, — кивнул я, дотягиваясь до своего рюкзачка и дергая замок молнии. — Давай я тут же прямо и расплачусь. Тут у меня как раз завалилось ровно полмиллиона.

«Птичий глаз» — последний писк похоронной моды. Собственно, так называется особый сорт красного дерева, который растет только в Канаде, и стоит выполненная из него домовина ровнехонько пятьсот тысяч рублей, во всяком случае именно по такой цене наша фирма толкает их состоятельным клиентам.

— Нет-нет, именно из «птичьего глаза», — настаивала Люка.

Я улыбнулся, догадавшись, что она имеет в виду: этот редчайший сорт дерева несет в себе отчетливый эротический мотив и представляет собой шедевральный природный памятник торжеству могучего полового инстинкта. Дело в том, что во время брачных игр только на это редкое дерево садятся дятлы и начинают отчаянно долбить своими стальными клювами кору, подзывая самок. Похотливые подружки дятлов слетаются на этот звук, как осы на мед, — и трудолюбивые самцы их тут же начинают иметь, а потом снова долбят ствол, подзывая новых самок. В результате древесная ткань украшается изящной россыпью маленьких дырочек, которые и придают древесине неповторимый шарм.

Я поднялся с дивана, пересек кабинет, уселся на подоконник — там стоял цветок, в который можно было стряхивать пепел, — и раздумчиво произнес:

— А впрочем, нет. Ну его к черту, этот «птичий глаз». И вообще, все, что связано с привычной ритуальной традицией. Лучше сложи где-нибудь в чистом поле поминальный костер.

— Как это?

— А так. Я ведь существо языческое, потому хоронить меня надо соответственно. А гореть я буду здорово, как порох.

От размышлений на эту веселую тему меня отвлек приглушенный звук, послышавшийся под окнами нашего офиса, — я не глядя определил, что так ласково и интеллигентно урчит движок хорошего автомобиля, и не ошибся. Неподалеку от катафального челна швартовался черный джип с мерседесовской звездой на радиаторе.

Я поманил Люку пальцем.

Она подошла. Я развернул ее за плечи, обнял. Моя рука соскользнула с ее талии и прошла по тугой попке. Ягодицы у Люки были восхитительно округлые и сочные.

— И что бы это могло означать? — шепотом спросила она.

— Да так. Пытаюсь на ощупь понять, какие предчувствия бродят в этот момент в этой

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

роскошной части твоего тела. Ты ведь по телефону говорила, что нечто тревожное чувствуешь своей мыслящей задницей.

— М-да... — после паузы отозвалась она. — Тут с недельку назад навевалась одна баба, делала заказ... Я сразу — ага, задницей! — почувствовала, что у нас с ней будут проблемы.

— Боюсь, что эти проблемы уже подъехали, — мрачно заметил я, косясь во двор.

Из джипа неторопливо выбрались трое крепких молодых людей в темных костюмах.

10

Соскочив с подоконника, я пересек кабинет в направлении укромной дверки, скрывающейся в уютной нише сбоку от Люкиного стола, за дверкой находилось что-то вроде маленького чуланчика, где хранились пачки с бумагой, принтерные картриджи, коробки со скрепками и прочие канцелярские штучки. Люка туда не совалась и не знала, что в укромном уголке, за коробками со старыми мониторами, схоронен мой заветный чемоданчик. Включив свет, я пробрался в угол тесного помещения, извлек чемодан из тайничка, смахнул пыль, откинул крышку, и тусклый, анемичный солнечный зайчик уселся на латунную гарду лежащего сверху «карателя».

Взвесил его в руке — рукоять точно вписалась в ладонь: хороший нож, подарок одного паренька из армейского спецназа: сталь высокопрочная, да к тому же режущая кромка заточена с помощью ультразвука, а карбид титана, напыленный на поверхность клинка, позволяет легко царапать стекло. Но все же мне милей проверенный в деле штурмовой «катран», вот он, слева. «Катран» вполне может заменить автомат. Когда штурмовали Грозный и стало ясно, что вести огонь в бетонных коробках зданий себе дороже — пуля со стальным сердечником дает совершенно непредсказуемый рикошет, — «катран» как раз в жилу пришелся. Лучшего ножа в жизни еще не встречал, недаром же все его владельцы — просто поголовно, — уходя на гражданку, приватизировали эти ножи.

Быстро перебрал свою коллекцию, за хранение которой, согласно закону об оружии, без всяких церемоний и проволочек могу угодить на нары, нашел на дне чемодана черный матерчатый пояс с десятком длинных тонких кармашков, из которых торчали круглые рукоятки, — гнездовище «ласточек» — снял его с убитого «чеха», — помнишь? — молодого паренька с не по-мужски редкой круглой бородой, при нем было еще портмоне с мудреными записками на арабском языке и тремя сотнями долларов, но портмоне тебя несколько не интересовало, взял только пояс, о чем до сих пор жалеть не приходилось.

Вынул из гнезда одну из «ласточек», бережно уложил на ладонь и залюбовался — у этой птички особая порода, она так мало похожа на нож в привычном смысле этого слова: тупые боковые грани, бритвенно острое жало, смещенный центр тяжести. В рукопашной от нее куда меньше толку, чем, скажем, от того же «катрана», мощного НР-2 или последней модификации «Смерша», но на то она и «ласточка», чтобы не сидеть в руке, а летать. Клювик ее заклеямен фирменным тавро фирмы «Глок» — Made in Austria, стало быть — вещь. Задрал майку, укрепил пояс на талии, вернулся в кабинет, выглянул в окно: ребята не спеша направлялись за угол, к входу в наш пряничный домик. Скинул майку и сунул ее за черный кожаный диван.

— Что, е-мое, происходит? — нахмурилась Люка, разглядывая мой полуобнаженный торс. — Эта штука напоминает пояс слесаря с набором отверток.

— Слесаря? — Я достал ножичек из кармашка, повертел головой, выискивая в нашем офисе мишень. — Если разобраться, я и есть слесарь-ремонтник. Чиню нравы. Исправляю пороки. Ликвидирую аварии, связанные с обветшанием морали... — Взгляд упал на настенный календарь, представлявший картину Левитана «Над вечным покоем» — настроение светлой грусти, которым дышит полотно, вполне соответствовало профилю фирмы. — Загадай число.

— Ну, предположим... — Люка немного задумалась. — Предположим, сегодняшнее.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Хороший выбор, — кивнул я и привычным кистевым движением метнул «ласточку» в сторону двери, а тонкое жало вонзилось в разграфленное на дни недели белое поле под постером, застряв между единицей и тройкой.

— Е-мое... — тихо выдохнула Люка и попятилась, наблюдая за тем, как я извлекаю из чехла на поясе очередной нож, она хотела что-то сказать, но я оборвал ее, приложив палец к губам, потому что снизу послышался легкий шум, донесся приглушенный возглас Савелия — вряд ли наш охранник таким манером выражал свое восхищение происходящим на экране телевизора. Вырвавшаяся из его глотки абсолютно невразумительная реплика, интонацией напоминавшая голубиное воркование, тут же оборвалась, подрезанная под корень едва слышным потрескиванием.

— Что это было? — прошептала Люка.

— Электрошокер... Так. Тихо. Садись за стол и принимай гостей. Ты человек бывалый, и к наездам тебе не привыкать.

Возможно, Люка во времена своей ветреной юности, прошедшей среди серьезных людей, И сама принимала участие в такого рода наездах на честных предпринимателей — во всяком случае, она нисколько не растерялась, уселась за дубовый стол, принялась шуршать бумагами. Я тем временем укрылся в чуланчике, оставив дверь приоткрытой — с тем расчетом, чтобы можно было следить за происходящим в кабинете.

Ребятам было жарко в темных костюмах, зайдя в офис, они тут же скинули с себя пиджаки, я обратил внимание на отменное качество их подплечных кобур из рыжей свиной кожи и немного успокоился: вот так, в порядке преамбулы к приятной беседе, разоблачаются главным образом пижоны, слизнувшие манеру первым делом демонстрировать свое оружие у кинематографических героев американских триллеров. Разумеется, этот их безмолвный намек на Люку никакого впечатления не произвел. Окинув быстрым взглядом визитеров, она опустила голову, углубилась в изучение какого-то факса. Ребята послонялись по кабинету, по-хозяйски расположились: двое на диване, один, коротко стриженный блондин, в кресле у стола.

— Вот что, барышня, — начал блондин, — В прошлую пятницу, насколько нам известно, тебе поступил заказ.

— Все мы смертны, — отозвалась Люка.

— Кто сделал заказ?

— А вам какое дело?

Блондин сокрушенно покачал головой, поднялся из кресла и указательным пальцем приподнял подбородок Люки.

— Не нарывайся на неприятности... Так кто сделал заказ?

— Женщина.

— Уже легче... Что за женщина?

Какое-то время Люка сидела, подняв лицо к потолку и прикрыв глаза, восстанавливала, должно быть, в памяти облик заказчицы.

— Средних лет, очень импозантная если ты понимаешь, о чем я говорю... Отменно сложена.

— А конкретней.

Я давно заметил, что Люка обладает очень цепким, типично художническим взглядом — описывала она женщину очень подробно, и чем дольше я следил из укрытия за медленно формирующимися чертами словесного портрета, тем больше улавливал в нем сходство с той респектабельной мадам, что возникла в прошлую пятницу под сенью пивного шатра, а Малек повел себя на удивление странно.

11

Помнишь, ты сидел на своем любимом месте у окна, сонно покуривая, и боковым зрением отметил, как мимо медленно проплыл темный БМВ с тонированными стеклами.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Спустя какое-то время эта машина опять возникла в поле зрения — сдав назад, она остановилась как раз напротив меня. Что происходило в салоне, различить не мог, но чувствовал, что чем-то заинтересовал хозяина этой роскошной тачки. Возможно, тем, что в жару парился в строгом черном костюме — предстояли рейсы сперва на Котляковское, а потом на Николо-Архангельское кладбище. Спустя минуты две открылась дверка, из машины вышла отменно сложенная женщина, прошествовала по торговому пятаку, провожаемая сальными взглядами ребят кавказской, так сказать, национальности, перекусывающих шаурмой: ногу ставила строго по оси движения, отчего на ходу пикантно раскачивались ее тугие бедра — такую походку, причудливую смесь легкой разболтанности и в то же время изящества, дрессируют на подиуме, и присуща она, как правило, профессиональным манекенщицам. Лица ее видно не было, оно скрывалось под опущенной полой роскошной летней шляпы из итальянской соломы, которая, возможно, и смотрелась бы уместно на подиуме, однако тут, в бытовой обстановке людного городского пятак с его неистребимым запахом прогорклого масла, выглядела вызывающе, и, кроме того, на ней были занимавшие пол-лица темные очки.

Малек приветствовал ее у входа в шатер идиотским телодвижением, пластический рисунок которого представлял собой причудливую смесь лакейского полунаклона и книксена, и, отступив на полшага, склонил голову к плечу, рассматривая гостью. Потом всплеснул руками, словно в задницу ему впрыснули хорошую дозу скипидара — столь ретиво он кинулся ей навстречу, расшаркиваясь на ходу, а потом следовал сбоку, мелко семеня и уронив голову к плечу, что-то ей торопливо говорил. Она будто не замечала. Пройдя под тент, взяла у Тани пачку тонких дамских сигареток, Таня открыла было рот, чтобы попросить оплату, Малек так на нее зашипел, что она съежилась и отошла ко второму крану, куда подкатывались клиенты за повторной дозой.

Женщина в шляпе повертела головой, оглядывая пространство заведения, хотела было уйти, но передумала, какое-то время — ты поймал на себе ее взгляд — она рассматривала тебя, потом сделала знак Мальку, тот склонил голову к плечу, выслушивая ее короткое замечание, которое, видимо, имело отношение к тебе, потому что именно в твою сторону был отослан ее легкий кивок. Малек, приняв из Таниных рук стакан, торжественно прошел к столику, поставил пиво на стол, ты вежливо осведомился: «Какая муха тебя укусила?» — а он пропустил реплику мимо ушей и процедил сквозь зубы: «Тебя угощают». Ты сказал: «Не в службу, а в дружбу, стрельни у этой роскошной женщины телефончик, у меня сегодня трудный день: двое похорон, потом визит в морг — надо перевезти бальзамировщикам один драгоценный труп, а после общения с мертвыми меня всегда тянет к женщине!» — с этими словами поднялся с места, взял стакан и отнес его за соседний столик, где давно неподвижно, словно мумия, сидел пенсионного вида дядечка и гипнотизировал остановившимся взглядом разливочный кран, из которого время от времени хлестала в стаканы тугая пенная струя. В его тусклых глазах встало выражение блаженства. Благодарно кивнув, он схватил стакан и впился в него с такой страстью, словно только что выбрел из пустыни Сахары.

Пока все это происходило, женщина в шляпе, скрестив ноги и облокотившись на прилавок, наблюдала за развитием событий, уложив локти на стойку и слегка выгнувшись, отчего так пикантно проявился под легкой, с небрежно распахнутым воротом, блузкой сочный объем высокого бюста, и все покачивала головой, отчего огромные полы ее шляпы слегка колыхались, наподобие невесомых опахал, потом она достала из пачки сигарету, вставила ее в рот, но курить передумала и, коротко кивнув Мальку, удалилась тем же путем, что и пришла, не обращая внимания на призывные жесты кавказских ребят, рассыпавших из своих маленьких лавашных кулечков кусочки жареной начинки.

Люка тем временем уже завершила описание, упомянув про широкополую шляпу и темные очки. Выходит, угостив меня пивом, мадам прямым ходом направилась в бюро ритуальных услуг и заказала дорогие похороны.

— На какой день намечено траурное мероприятие? — будто между делом

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

поинтересовался блондин.

— Так, значит, сегодня у нас суббота... Она была в пятницу. Настаивала на том, чтобы все было готово к будущей неделе. Она обещала дать знать, когда покойник будет готов к тому, чтобы предать его земле...

— Когда покойник будет готов? — переспросил блондин.

— Да. Она выразилась именно так. И еще — настаивала на том, чтобы погребение обошлось без привычных церковных церемоний, отпеваний там и всего такого прочего.

— Вон как? Что еще?

— Гроб американский, из специального сплава, не боящегося коррозии. С микроклиматом внутри.

— Ага. Значит, вечный стальной макинтош.

— Что-то вроде того.

— Что еще?

— Потребовала хороший памятник. Вот-вот должны принести эскизы.

«Их уже принесли», — машинально отметил я про себя.

— Где документы на заказ? — спросил блондин.

— Их нет.

— Не понял.

— Нет, и все тут... На этом она тоже настояла. Расплатилась наличными.

— И сколько она тебе кинула?

— Двадцать тысяч.

— Рублей?

— Вы что, ребята, чокнутые?

Странно: Люка крайне редко оперировала черной валютной наличностью, наверное, заказчица сильно постаралась, чтобы убедить ее пойти навстречу.

С минуту они молчали.

— Вот что, барышня, — изменившимся тоном произнес блондин. — У меня такое впечатление, что ты не хочешь нам помочь. Так что давай собирайся. Поедешь с нами.

— Ага, сейчас, — язвительно заметила Люка. — Только вот трусики поменяю. А то я, знаете ли, от страха жидко обосралась. И губки подкрашу, чтобы вам больше понравиться.

Блондин, кажется, воспринял ее сообщение о косметике всерьез — откуда ему знать про то, что Люка не красит губы.

— Да нет, помаду оставь. Ни к чему она тебе теперь. Тебе в морге макияж сделают. — Ребята на диване дружно захохотали.

Их пижонство начало надоедать, пора было выходить из укрытия и подать голос:

— Ребята, давайте я вас отвезу на другой берег?

— Какой, блин, бе... — начал блондин, потянувшись к кобуре.

Они ничего не успели: первая «ласточка» смачно клюнула блондина в запястье, пробив его насквозь, те, что были на диване, получили по «ласточке» в правое плечо каждый — какая прелесть, рука навек не утратила, работает холодно, расчетливо и уверенно, как швейцарские часы.

Я обыскал корчившихся на окровавленном полу ребят, свалил на диван арсенал: два «Макарова», пара наручников, шокер. Игрушка, покоившаяся в кобуре блондина, заинтересовала: довольно редкий в наших краях пистолетик фирмы «Reck Goliath», классная девятимиллиметровая пушка, хромированная, приятно утяжеляющая ладонь, весит навскидку около килограмма, в обойме одиннадцать патронов, кондиции для «гражданского» оружия впечатляющие. Шокер пришелся кстати — ребята, оттаяв от болевого шока, начали шевелиться в попытке добраться до своего арсенала — оглушил их в меру жестоким разрядом, оттащил к окну, приковал наручниками к радиатору батареи. Блондин, глухо подвывая, пытался вытащить нож, пробивший запястье.

— Не шали! — Ударом ноги вбил нож в пол, и он протяжно взвыл и так продолжал выть на одной минорной ноте, пришлось и его уговорить с помощью электричества.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Время разбрасывать «ласточек» и время их собирать — собрал, оттер от крови, упрятал в гнезда, вытащил из-за дивана майку, надел ее и только теперь вполне осознал, что красное клеймо на груди вполне отвечает смыслу настроения:

— *Memento mori*, ребята.

Пока все это происходило, Люка, точно впад в забытие, смирно сидела в черном кожаном кресле размером с царский трон и, медленно моргая, наблюдала за быстрым развитием событий, но вот рот ее начал приоткрываться.

Понятно: сейчас доведется услышать что-нибудь эдакое в типичной для нее манере изъяснять свои чувства.

— Тв-о-о-о-ю ма-а-а-а-ть! — заголосила она с тягучей и глубоко лиричной напевностью. — Ты же мне весь офис засрал кровищей!

Я едва удержался от того, чтобы не прыснуть в кулак.

— И что смешного, сукин ты сын?! — процедила она сквозь зубы, угрожающе подымаясь со своего кожаного трона.

— Да нет, ничего. — Я примирительно поднял ладони, словно отталкивая ее порыв растерзать меня на части. — Просто мне понравилось твоё выражение — «засрать кровищей». Это что-то новенькое. Надо будет запомнить.

Она тяжело вздохнула и опустилась на место.

— И что мне с этим дерьмом теперь делать?

— Закрывай лавочку и звони ментам.

— Ага, — саркастически усмехнулась она. — И что я им скажу? Что случайно порезала трех здоровых мужиков с пушками своей маникюрной пилочкой для ногтей?

Я почесал в затылке — Люка была, как всегда, права.

— Паша, у тебя что, вши завелись? — спросила она после недолгой паузы. — Кончай чесаться, я все придумала.

Она потянулась к телефону, набрала номер.

— Алло, милиция?

В упор глядя на меня, усевшегося в кресло рядом со столом, она ровным голосом начала делать обстоятельный доклад о происшествии, только что имевшем место в бюро ритуальных услуг, и я в очередной раз поразился ее способности быстро находить верные решения в, казалось бы, безнадежных ситуациях — вроде той, когда мы с легкой руки молоденькой нашей сотрудницы Сони чуть было не оттащили в православный храм для отпевания правоверного мусульманина Лечо Арсанова. Согласно Люкиной интерпретации события развивались так. Собственно наездов было два. Первым в гости заявился уличный бродяга, придурок, сумасшедший — судя по безумным глазам, огнем полыхающим, — чокнутый, ему срочно понадобилась незначительная сумма. Пока хозяйка вела с огненноглазым переговоры, пожаловали трое прилично одетых молодых человека — и все с той же просьбой, только в отличие от бродяги им нужна была не мелочь для опохмеления, а солидная сумма в оплату услуг «крыши». Между просителями возникла полемика. В результате бродяга, который, как оказалось, умел виртуозно управляться с ножом, вывел оппонентов из строя и в сильном душевном расстройстве покинул офис — должно быть, ужаснувшись кровавому делу рук своих...

— Бред, конечно, — заметил я, когда она опустила трубку. — Но ты была очень убедительна. Ты вообще всегда убедительна, даже в бреде.

— Вот что, Паша, — деловым тоном тихо проговорила Люка. — Твой отпуск придется продлить. Несколько дней не показывай в конторе носа, пока будут менты торчать, и вообще — трали-вали, кошки срали! — ну, ты понимаешь. Скройся и не высывайся. И давай дуй отсюда — менты уже выехали, скоро подвоят.

Я выскользнул из офиса, воспользовавшись пожарным выходом, сунул руку в задний карман джинсов в поисках зажигалки и нащупал бумажник Астахова:

Глава вторая

1

Улица, на которой располагался указанный в визитке офис, прекрасно знакома, первый рейс Харон совершил именно в ее мутноватых от городской пыли водах: панихида по покойному была заказана в храме, чьи прочные стены мощно, стройно и густо текли вверх, словно застывшие во времени и окаменевшие переливы колокольного звона.

Спустя минут двадцать я был на месте.

У накрытых низкой аркой ворот в церковный двор стоял неопределенного возраста служитель культа в черной рясе, туго прихваченной на поясе тонким кожаным ремнем. Лицо в оправе жидковатой рыженькой бороды неподвижно и казалось тотально вылинявшим от неистового солнцепека — ничего ровным счетом оно не выражало, кроме крошечной какой-то пустоты, и только на удивление теплые, светло-голубые глаза излучали тихий покойный свет. Он держал в руках ладный деревянный ящичек, на лицевой стенке которого был изображен тусклый иконописный лик с невыносимо грустными и беспросветно черными глазами. Достав из кармана одну из одолженных Бэмби десяток, протянул монаху:

— Мне одну, пожалуйста.

Он не шелохнулся и поднял на меня вопросительный взгляд.

— Но ведь вы тут торгуете индульгенциями?

Он никак — ни жестом, ни движением в застывшем лице — не отозвался.

— Извините, святой отец. Настроение паршивое.

— Господь простит, — покорно отозвался он.

— А где брат Анатолий?

Я ничего не смыслю в церковной табели о рангах и потому не уверен, верно ли называю Анатолия братом, — возможно, его стоит именовать святым отцом или, скажем, батюшкой, хотя, конечно, вряд ли. Насколько я понимаю, он исполняет при этом храме какие-то чисто хозяйственные обязанности, во всяком случае в момент знакомства, когда ты задом медленно подавал челн в церковный двор с тем расчетом, чтобы удобней парковаться перед боковым входом в храм, через который вносят гробы с усопшими, он меланхолично мел шершаво шуршащей метлой асфальт во дворе. Таскать гробы в обязанности Харона не входило, делать мне было нечего. Роскошный «Дипломат» с покойником извлекли из чрева челна, отнесли в храм, ты вышел размять ноги и попросил у этого дворника в рясе напиток. Он отвел тебя в длинную пристройку, отгораживающую справа пространство церковного двора от мирских пределов, завел на второй этаж, в тесную келью, она, как видно, служила ему домом, налил кружку воды из глиняного кувшина — такой вкусной воды ты сроду не пил, — Анатолий сказал, что она из какого-то святого источника. Потом мы встречались несколько раз — опять-таки по служебной оказии, когда маршруты Харона выводили к храму, — и подружились.

— Он в мастерской, — сказал проситель подающих, кивком указав на пристройку, где, как я теперь хорошо знал, на первом этаже располагалась столярная мастерская. Кто его знает, зачем она нужна храму, — наверное, затем, чтобы выполнять мелкие ремонтные работы.

— Я пройду, ладно? Брат Анатолий обещал меня исповедовать.

Монах тупо уставился перед собой, я прошел в ворота, толкнул тяжелую дверь пристройки, прислушался. В сумрачном и поразительно прохладном воздухе длинного коридора плыл — сладковатый запах свежеструганного дерева. Я вошел. Анатолий в сатиновом рабочем халате, припудренном древесной пылью, сидел у верстака на табурете, сосредоточенно покусывая торчащую из угла рта травинку, и поглаживал узкой ладонью лежащую у него на коленях отполированную шкуркой небольшую плоскую доску. В другой он держал среднего формата книгу, изредка немо двигал бескровными губами, словно проговаривая про себя впитанные глазами тексты.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Что пишут новенького? — спросил я.

— Новенького? — поднял на меня глаза. — Ничего. Все то же... Время идет, но ничего в наших пределах не меняется.

Он закрыл книгу, используя травинку вместо закладки, поднялся мне навстречу.

— Заходите, Павел. Вы как-то странно одеты.

— Я нынче не на работе. Харон в краткосрочном отпуске.

Глядя в его худое и прозрачное, словно освещенное каким-то внутренним светом лицо, я подумал о том, что за время работы скорбным лодочником так и не выучился определять возраст этой братии — Анатолию с равным успехом можно было дать как лет двадцать пять, так и сорок.

— Хороший сегодня день, правда, Павел?

Я быстро скалькулировал в уме личные достижения: сломанный нос — один, колотые раны — три. Неплохо. Но еще, как говорится, не вечер.

— Не то слово, брат Анатолий. Просто замечательный денек.

Ознакомившись с перечнем добрых дел, Анатолий сокрушенно покачал головой и, опустив глаза, уставился в лежащую на его коленях плоскую доску.

— Что это будет? — спросил я.

— Икона... — Он медленно поднялся с табурета, пересек мастерскую и, приблизившись ко мне, дотронулся тонкими пальцами до моего лица, что-то в его странном жесте, в том, как медленно перебирались его пальцы по моему лицу, исследуя его формы и текстуры, было от повадки слепца, познающего незнакомый предмет на ощупь.

Наконец он отступил на шаг, окинул меня невыносимо печальным взглядом, прижал заготовку иконы к груди и скорбно произнес:

— Да, воистину мудро сказано... Тут возможны только два варианта. Иного не дано.

— Чего — иного?

— Да так... — Он вздохнул, вернулся к верстаку, уселся на табурет и принялся полировать шкуркой доску, время от времени постреливая в меня короткими взглядами. — Вы, Павел, на мой взгляд, образцово-показательный продукт наших дней.

— Да уж... — Я встряхнул ворот майки. — Жарковатые стоят деньки.

— Ой, да полно вам! — Анатолий, кажется, начал сердиться. — Вы же все понимаете... — Он отложил доску в сторону. — Вот вы мне только что рассказали, что сломали кому-то нос. И троих людей покалечили.

— Ну... — Я несколько смешался. — Это ведь не со зла. Они сами виноваты.

— То-то и оно, что не со зла, — тихо проговорил Анатолий. — Вами в ваших кровожадных деяниях не злой умысел двигал, так? А нечто такое, чего вы и объяснить-то толком не умеете?

Я присел на табурет и с наслаждением втянул носом сладкие запахи струганого дерева.

— Но ведь вы... — Анатолий сделал долгую паузу, минорность которой была подчеркнута глубоким вздохом. — Вы ведь так и убить могли кого-нибудь из этих несчастных.

— Ну, во-первых, несчастными я бы их не назвал. Во-вторых, ни о чем таком я не думал. Во всяком случае, умысла у меня не было. Просто сработал растительный инстинкт. Если хотите, это инстинкт сорного подлеска.

— Что-что? — прищурился Анатолий, отрываясь от работы.

— Подлесок просто растет, тянется верхами к свету, а корнями к питательным слоям почвы. И в этом своем вольном росте способен заглушить хороший, благородный лес. Но у него нет намерения убивать, скажем, сосну или граб.

— Хм, занятно. — С минуту он молча рассматривал меня, по-прежнему покачивая головой. — Но при всех ваших диких, дремучих, первобытных и явно каннибалических каких-то порывах вы производите впечатление порядочного человека, — с оттенком удивления произнес он. — И даже — ранимого, я бы сказал, хрупкого, способного на сильное и искреннее чувство... Вам случалось плакать?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Вопрос сбил с толку: мастерской монах смотрел на меня прозрачными глазами и как будто угадывал кое-какие глубоко припрятанные тайны: с месяц назад случайно был включен телевизор, шла финальная сцена «Белорусского вокзала» — герои поют песню про то, что мы за ценой не постоим! — мои глаза увлажнились.

— В вас есть какая-то мучительная раздвоенность, Павел, я ее сразу почувствовал, уже в момент нашего знакомства.

— Где это? — Я протянул ему визитку, чтобы уйти от этого разговора.

Подслепогато щурясь, он поднес кусочек картона к глазам.

— Это, насколько я понимаю, соседний дом. — Он вернул мне визитку и углубился в работу.

— Ну ладно, Бог вам в помощь. — Я направился к выходу из мастерской.

— Вы любите читать? — неожиданно спросил он, когда я уже вышагивал в коридор.

И опять его вопрос сбил с толку: читано было много, но скорее из инстинктивной потребности тренировать глазную мышцу — вникать в укрытые между строк смыслы, если они, конечно, там и были, охоты нет уже давно, растительная жизнь тем и хороша, что самодостаточна: все необходимые для здорового существования смыслы растворены в самом воздухе, которым дышишь, влаге, которую высасываешь из почвы. Пригрело солнце, растопив остатки черного от пыли весеннего снега — готовься выбросить ядрышки почек; просыпался скаредный летний дождик — пей от вольного, запасаясь влагой на случай череды долгих раскаленных засушливых дней; пахло холодом — ссыпай листву.

— Читать? — переспросил я. — Конечно. Последние девять месяцев я, ложась спать, просматриваю одну книжечку. Ее написал некто Кукушкин.

— Как? — наморщил брат Анатолий лоб. — Куку...

— Кукушкин. Называется она «Ритуальные услуги. Документы, консультации, разъяснения». Издательство «Социальная защита». Очень душевная книга. Ее чтение успокаивает перед сном и настраивает на философский лад.

— Вы невозможный человек, Павел. Вам нравится быть циником?

— Здоровым — да.

— То есть?

— Ну, без изрядной доли здорового цинизма мне в этой реке не выгрести. Тем более что грести всегда приходится против течения.

— Бог в помощь, — напутствовал меня в спину Анатолий.

2

Нужный дом соседствовал с храмом. Миновав узкие ворота, прошел в тесный внутренний дворик с аккуратной клумбой по центру, пересек его по диагонали, подошел к глухой черной двери в левом углу и надавил на клавишу переговорного устройства. Из динамика раздалось приглушенное шуршание, после некоторой паузы поверх него наслоился отдаленный, с металлическим оттенком мужской голос, долго выпрашивал, кто я такой, откуда, куда и зачем, муторный разговор затягивался — похоже, парню, бубнящему в микрофон, хотелось узнать всю мою биографию, начиная с безоблачных лет счастливого пионерского детства, и я уже был близок к тому, чтобы послать собеседника куда подальше, но в этот момент дверь цыкнула зубом и разрешила потянуть себя за круглую золотистую ручку.

Ход ее был тяжел и плавен — железа изготовители этого бронированного щита не пожалели.

В тесном предбаннике сразу оказался под обстрелом пристальных зеленоватых глаз рыжего веснушчатого молодого человека с квадратным, совершенно неподвижным и бесстрастным лицом. Габариты привратника были настолько внушительны, что оставалось только удивляться, как это он ухитрился втиснуться в крохотную нишу слева от входа, отделенную от прихожей толстым стеклом.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Просветив меня рентгеновским, словно у пограничника в международном аэропорту, взглядом, он дотянулся до пульта, нажал какую-то кнопку и едва заметно кивнул на следующую дверь, за ней в уютном, вытянутом пеналом холле меня принял очередной охранник в темном костюме, который ему был несколько тесноват, во всяком случае небольшое вздутие пиджака в районе левого бока бросалось в глаза: наверняка там, чуть ниже подмышки, он греет не медицинский термометр, а нечто более существенное.

Миновав миноискатель, я свернул направо и двинулся вверх по узкой мраморной лесенке на второй этаж. В обстановке квадратной приемной чувствовалось то, что принято называть отсутствием внимательного женского глаза. Ни тебе розового плеска гераней на подоконнике, ни запаха духов, ни какого бы то ни было иного намека на присутствие секретарши. Ее роль исполнял очередной молодой человек, сидевший за пустым столом рядом с затянутой в бледно-рыжую кожу дверью в кабинет. Взгляд его был устремлен в пустую стену, сжатые в кулаки руки покоились на столе. Движением опустившихся и приподнявшихся век он дал понять, что оповещен о моем присутствии в приемной, и опять уставился на стену.

— У вас тут общество женоненавистников? — спросил я, усаживаясь без приглашения на черный кожаный диван.

— У нас тут, блин, охранное агентство, — беззлобно отозвался он и вдруг изменился в лице, чуть приподнялся со стула и улыбнулся в пространство. Я было воспринял разительные перемены в его настроении на свой счет, но ошибся: в приемную легкой летящей походкой входила молодая женщина.

Одета достаточно строго — светлая юбка до колен, телесного цвета жакет — однако это именно та изысканная строгость, которая имела смутно угадываемое второе дно, она — очень ненавязчиво, контрабандно — несла свою пикантную сексуальность.

Высокий разрез плотно, словно вторая кожа, сидящей на крутых бедрах юбки на ходу обнажал почти «от» и «до» загорелую ногу, в небрежном распахе жакета открывалась белоснежная маечка с круглым вырезом, опущенным ровно настолько, чтобы над кромкой его соблазнительно оттенялась впадинка между высоких плотных грудей, в ложбинку тонким ручейком струились, огибая основание красивой шеи, нити золотой цепочки с маленьким нательным крестиком, — при взгляде на него кровь начала пениться, а рука рефлекторно сунула сомкнутые колечком пальцы в рот.

В ответ на приглушенный свист она вздрогнула и сделала нетерпеливый жест рукой, словно отгоняя надоедливую комара, зудящего над ухом, но было поздно: золотой крестик, приподнятый бюстом на сильном вздохе, соскользнул в тесную ложбинку между грудей, и Голубка махнула крылом, хотя ведь прошедшая мимо женщина нисколько на Голубку не была похожа: та была проста и обжигающе естественна в каждом своем жесте, сокрушительно прямолинейна в любой, даже случайной, фразе, а в этой угадывался человек со вкусом и в самом деле с двойным дном, стремящийся не выплескивать наружу пикантность своих форм, но прекрасно знающий им цену и умевший с максимальной выгодой и при этом без какого бы то ни было намека на вульгарность их подать.

Ее темные волосы были по первому впечатлению уложены без особого тщания и даже несколько беспорядочно, но за этой внешней неряшливостью опять-таки угадывалась уверенная рука парикмахера. Скользя по мне равнодушным взглядом и коротко кивнув молодому человеку за столом, она пересекла приемную и исчезла за дверью.

Я откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза, стараясь вспомнить, откуда я знаю эту яркую женщину.

Ах да, популярная уже сравнительно давно певичка, за которой шлейфом тянулись скандальные истории пикантного свойства — вплоть до слухов, будто она состоит в интимной связи со своей собакой, огромным мраморным догом: газеты светской хроники в свое время писали о ее случайном знакомстве на роскошном курорте с солидным новым русским, которое тут же переросло в медовый месяц. Куда в таком случае подевалась безутешная псина, оставалось неясным.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

В унылой атмосфере приемной рассеялся аромат ее духов — настолько стойкий, что продолжал парить в воздухе все те несколько минут, что она отсутствовала.

А впрочем, я ошибся. Поведя взгляд влево, я обнаружил, что она стоит на пороге кабинета и, склонив голову к плечу, пристально наблюдает за мной. Встретившись со мной взглядом, она резко развернулась на каблуках и прикрыла дверь.

Прошло еще минут десять, в течение которых я развлекал себя тем, что, покуривая, глядел в окна приемной. Наконец дверь открылась, женщина медленно, без прежней решительности вышагнула в приемную, плавно поплыла мимо, покачивая бедрами и обнажая в секундном, ритмически сопровождающем всякий второй шаг распахе юбки красивую ногу. Постояла у выхода, слабо раскачиваясь из стороны в сторону, медленно повернулась, приблизилась к столу, уселась на его край, закинула ногу на ногу, уставилась на меня.

— Ну и что дальше? — Я втоптал окурок в золоченую чашку офисной пепельницы на кованой ножке, стоявшей сбоку от дивана.

— Дальше? — приподняла она брови, помолчала и раздумчиво добавила: — Поживем — увидим.

— И что мы увидим?

— Я тебе объясню — что, — раздался голос Астахова.

Он стоял на пороге кабинета, окунув подбородок в ладонь и задумчиво глядя на визитершу. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, потом Астахов отрицательно покачал головой.

— Нет. Я ведь вам объяснил только что — это не самая лучшая идея. Мы вам со временем подыщем подходящий вариант.

— Во-первых, — заметила она, слезая со стола и легким жестом оглаживая юбку, — это мне нужно не в будущем, а сейчас. И во-вторых, это именно тот вариант, который мне нужен.

Она наморщила носик, фыркнула и, плавно покачивая бедрами, удалилась из приемной.

— Заходи! — коротким кивком пригласил меня Астахов.

В его кабинете не было ничего лишнего. Простой офисный стол у торцевой стены, на нем серый пенал ноутбука с откинутой крышкой, пара телефонов, факс, вазочка для карандашей и стопка маленьких листков для заметок. Сейфа я не заметил. Наверное, в такого рода конторах его прячут в какие-нибудь укромные ниши, прикрытые картиной. Впрочем, картин на пустых белых стенах не было — от нечего делать я подошел к окну, откуда был видна свежепобеленная пристройка к храму — до нее было от силы метров двадцать.

В узком окне на втором этаже мелькнуло лицо Анатолия — должно быть, он утомился полировать заготовку и зашел в свою келью передохнуть.

Я помахал ему рукой — он кивнул в знак того, что заметил мой жест, и скрылся с глаз долой.

Достав из заднего кармана бумажник, я положил его на стол. Астахов хмыкнул и покачал головой:

— Сказать по правде, не ожидал. По теперешним временам редко встретишь нормального человека.

— А с чего ты взял, что я нормальный? — Я подтолкнул бумажник в его сторону. — Скорее наоборот.

— Ну... — раздумчиво протянул он. — Это слишком сложный философский вопрос. Мы в нашей конторе решаем вопросы попроще.

— А что за идея у это очаровательной женщины? — спросил я, усаживаясь на подоконник.

— Бредовая вполне, — он сделал витиеватый жест кистью руки. — Ей приспичило завести себе личного охранника. Чтобы он опекал ее, следовал за ней везде. Круглые сутки.

— Ей кто-то угрожает?

— Да нет. Ничего похожего. Во всяком случае, она не говорила ничего такого.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— А что в этой идее бредового? — спросил я.

Он усмехнулся и ткнул в мою сторону указательным пальцем.

— А то, что на эту роль она почему-то присмотрела тебя.

Некоторое время я пытался переварить эту информацию.

— Ну и почему бы и нет?

Астахов, спрятав лицо в широкую ладонь, некоторое время молчал, и его серый глаз остро поблескивал в проеме разошедшихся в стороны пальцев.

— Заходи в понедельник, — тихо сказал он. — А от этой бабы держись подальше, мой тебе совет.

— А вот этого я тебе обещать никак не могу.

— Вот как? — Он убрал руку от лица.

— Это долгая история, — заметил я, покидая кабинет, потому что не испытывал никакого желания делиться с ним природой того лихорадочного озноба, что пронесся по моему телу при взгляде на крохотный золотой крестик, прилежший на упругий холмик ее высокой груди: точно такой же был у Голубки, и я всякий раз, укладываясь спать, осторожно прихватывал его губами, отодвигая в сторону, чтобы он не мешал мне легонько щекотать языком ее маленький прочный сосок.

3

Ну что за лето — с утра было ясно, на небе ни облачка, а теперь, к середине дня, погода круто переменялась, ветер прилежно мел тротуар, вздымая столб серой пыли у приземистого двухэтажного особняка, фасад которого — весь в ремонтных ссадинах и штукатурных заплатах — был закамуфлирован зеленой строительной мелкоячеистой сеткой. Пылил один из сваленных на углу, расползшихся мешков с сухим цементом. Белое облачко, клубясь, завиваясь в спиральных завихрениях, поднималось выше крыш и вязло в утомленной от городского чада кроне каштана.

Я закурил и не спеша направился в сторону смутно гудящей в конце переулочка площади и лишь спустя несколько минут понял, что кто-то мне составляет компанию в моем променаде: черный БМВ с тонированными стеклами неспешно шествовал в шаге сзади, точно хорошо выдрессированный пес на поводке за хозяином. Щелчком отправив окурочек в грудку строительного мусора, я встал на бордюр. Эскортный БМВ послушно причалил к тротуару. Я дернул дверку, наклонился, заглянул в салон:

— Привет, давно не виделись.

Она сидела, облокотившись левой рукой на руль. Правая рука покоилась на спинке соседнего кресла. Жакет распахнулся, и я опять отдал должное тем: аппетитным округлостям, что мягко очерчивались под белоснежной майкой. Движением глаз она указала на пассажирское место. Я уселся в машину, захлопнул дверку.

— Астахов сказал тебе о моем предложении?

— Да.

— И что ты думаешь?

— Ничего.

— Ничего? — Ее рука медленно перебралась со спинки кресла на мое плечо.

— Я давно научился думать. Все как-то не было повода. Да и вообще, это вредно для здоровья.

— Ну а серьезно? — Она поерзала в кресле, подтянула правую ногу, уперлась коленкой в рулевое колесо, открывая моему взгляду все вплоть до загорелого бедра.

— Кончай, — похлопал я ее по ляжке. — А то нам придется заняться этим прямо здесь.

— Ты не ответил на мой вопрос, — прошептала она, перехватывая мою руку и удерживая там, откуда она намеревалась соскользнуть; кожа у нее была восхитительная — прохладная, шелково гладкая.

— Почему бы и нет, — усмехнулся я, откинувшись на спинку кресла и опять

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

почувствовал, на себе ее пристальный взгляд. — Как тебя зовут?

— Тамара.

— Это имя тебе не подходит. — Я присмотрелся к ее смазливой мордашке, в которой доминировало какое-то откровенно кукольное начало. — Давай я буду звать тебя Мальвиной. Ты в самом делеходишь на очаровательную куклу из детской сказки.

— Мальвина? — нахмурившись, переспросила она. — Звучит пошловато, но... А как тебя величать? Пьеро?

Я прикрыл глаза, восстанавливая в памяти облик безутешного, вечно рыдающего и заламывающего руки персонажа с меловым лицом, на котором полыхают аспидно черные брови и пурпурные, со скорбно опущенными углами губки, и покачал головой:

— Если не ошибаюсь, в этой истории был какой-то парень, которого выстругали из сухого полена. Забыл, как его зовут.

— Ты мало на него похож, носом не вышел, но как знаешь... — Облокотившись на руль, она всматривалась в мой профиль, потом подняла руку и дотронулась до моей скулы. Ее пальчик прочертил медленную мягкую линию до подбородка.

Я усмехнулся и скосил глаза:

— Что-то не так?

— Да нет... — раздумчиво протянула она. — Все так. — Она плавно тронула с места, а через минуту мы вкатились в битком забитую машинами площадь и влипли в основательную пробку.

— Почему я? — рассеянно спросил я, поглядывая на соседние белые «Жигули», водитель которых нервно ерзал за рулем, вертя головой и немо шевеля пухлыми губами; судя по характерной артикуляции, концентрация крепких выражений, слетавших с его губ, скоро должна была привести к запотеванию стекол.

— Ты мне понравился, — ответила она. — Ну что? Ты согласен?

— В принципе да. Но прежде мне необходимо кое-что узнать.

— Что именно? — В ее лице возникло деловое выражение.

Я опустил стекло и отдался созерцанию соседа, который, ритмично молотя кулаком по ободу баранки, продолжал высказывать свои соображения на предмет той пробки, в которой мы засели основательно и, видимо, надолго. Стекло в его дверце было тоже опущено, и до меня долетели обрывки его раскаленных словоизвержений.

Самое смешное, что реплика была всего одна — про то, как он имел чью-то мать, — однако он ухитрился наполнить ее такой бездной настроенческих смыслов и мелодических акцентов, что я пришел в полный восторг. Вот уж не думал, что это расхожее выражение может таить в себе столько интонационных нюансов.

Наконец он успокоился и, обреченно глядя на меня мутными от бессильной злости глазами, внятно закончил свою бесконечную тираду, напитав хрестоматийную фразу каким-то очень негромким, но поразительно глубоким, типично гамлетовским пафосом.

Я сумрачно кивнул ему в знак согласия и закрыл окно.

— Ты что-то хотел узнать, — напомнила она.

— Да, — крайне серьезным тоном заметил я. — Как сложилась судьба твоего мраморного дога?

С минуту она, недоуменно сдвинув к переносице брови, глядела на меня, потом на ее губы наплыла слабая улыбка.

— Ах вон ты о чем! — сочно расхохоталась она. — Да-да, в свое время одна бульварная газетка запустила этот слухок... Ну, на предмет того, что я будто бы состою в интересных отношениях со своей собакой... — Она усмехнулась. — Что ж, все эти слухи, склоки, мелкие подянки — просто часть той профессии, которой я занималась. Впрочем, все это давно в прошлом.

Пробка зашевелилась, мы медленно тронулись.

Она слишком резко подала вперед в надежде вписать свой достаточно габаритный автомобиль в крохотный зазор между машинами — в результате мы слегка пнули в задний

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

бампер тот белый «жигуль», что стоял в пробке рядом с нами, а теперь ухитрился протиснуться вперед. Хозяин его выскочил из машины и, истерично размахивая руками, направился к нам. Я тоже вышел.

Он высказал все, что думает о нашем не вполне удачном маневре, заключив все свои представления о добре и зле все в ту же хрестоматийную фразу. Должно быть, прочие слова и выражения были ему просто не знакомы.

Я кивнул в знак согласия, жестко ухватил его под локоток, впихнул в салон и захлопнул дверку.

— А ты неплохо справляешься со своими обязанностями, — улыбнулась она, когда я вернулся на место.

— Куда мы путь держим, если не секрет?

— Для начала надо привести тебя в порядок. Ты неважно выглядишь. А дальше посмотрим.

Я успел выкурить три сигареты за то время, что мы, вырвавшись наконец из плена битком забитой улицы, катили по набережной, потом сворачивали в какой-то круто уползающий в горку переулок и наконец притормаживали у серого, основательной сталинской выправки дома, первый этаж которого опоясывали современные, плохо вяжущиеся с угрюмой архитектурной физиономией широкие витрины, забранные жалюзи: должно быть, этот этаж был оккупирован офисами.

Стояли мы как раз напротив одного из них.

К мраморному крылечку вела выстеленная розовым кирпичом дорожка, вдоль которой застыли в карауле сохнувшие в тесных кадках кусты можжевельника.

— Надеюсь, это шутка? — спросил я, глянув на вывеску над входом:

КОМИЛЬФО

Салон по уходу за внешностью истинных джентльменов

4

— Нет, не шутка, — коротко бросила она, покидая машину и кивком приглашая следовать за собой.

Дорожка к крыльцу украшена парой следовых цепочек, старательно выведенных масляной краской. Та, по которой я ступал, представляла собой отпечатки огромных босых лап, отдаленно напоминавших человеческие, судя по ширине шага и сдвинутости носков по отношению оси движения, косолапая поступь могла принадлежать в лучшем случае неандертальцу. В обратном направлении вела цепочка аккуратных, в форме лодочки, следов, оставленных, судя по всему, изящными штиблетами истинных джентльменов.

— Тропка, говорящая вполне, — улыбнулась она, подталкивая меня в сторону стеклянной двери, за которой нас поджидал шуплого телосложения молодой человек с холемым гладким лицом и замысловатой стрижкой.

На голове у него беспорядочно клубилось нечто такое, что остается у только что выбравшегося из воды и хорошенько протершего влажные волосы купальщика. Крашено это произведение парикмахерского искусства было в едко-желтый цвет. Проброшенные по взъерошенным волосам аспидно-черные перья удачно гармонировали с цветом темных глаз, подернутых мутноватой влажной дымкой. Карамельную внешность этого малого удачно дополняла плавная, точно изваянная из мягкого пластилина, манера жестикулировать.

Выслушав Мальвину, он упер локоть в бедро, опрокинул тонкую ладошку лицом вверх и, переломив кисть в запястье, глянул на меня. Похоже, он не на секунду не усомнился в том, что босые следы на дорожке оставлены именно мной.

Чуть склонив голову к плечу, он продолжал с вежливым безразличием внимать нашептываниям Мальвины и по ходу дела исследовал меня внимательным раздевающим

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

взглядом. Наконец он, поджав тонкие губы, кивнул и улыбнулся мне столь приторно, что я почувствовал привкус патоки во рту.

— Что-нибудь придумаем. — Он потянул носом, словно принюхиваясь ко мне, поморщился, однако тут же справился с невольно отразившимся в его лице впечатлением, растопив его в своей сахарной улыбке, и кивнул на боковую дверь.

— Ну, успехов тебе, — ободряюще пихнула меня в плечо Мальвина, направляясь к выходу, и бросила через плечо: — Я отъеду на некоторое время по делам, а потом захвачу тебя.

Я последовал на молодым человеком и оказался в просторном зале, стены которого были опоясаны зеркалами.

Мой поводырь сдал меня на руки смазливой девчухе в коротком, салатового оттенка халатике. У нее были карие, слегка раскосые глаза, симпатичные ножки и мягкая уютная грудь.

Глаза и ножки я успел заметить и оценить, а ласковое прикосновение бюста ощутил в тот момент, когда она, усадив меня в кресло и набросив на меня пунцовый парикмахерский фартук, зашла за мою спину, наклонилась, на мгновение замерла, вглядываясь в отражение моей физиономии, стоящее в зеркале. Она почти касалась своей щекой моей, от ее лица исходил запах свежести.

— Меня зовут Соня, — прожурчал над ухом её голос. — Расслабьтесь.

Я прикрыл глаза и впал в состояние блаженного полусна, сквозь душистую пелену которого до меня доносились легкие шорохи ее халатика, едва внятное чавканье ее порхавших ножниц, тонкие шелесты струящихся сквозь зубчики расчески волос, скрежет бороды, подрубаемой прохладным лезвием ее бритвы, пушистое пшиканье каких-то спреев, мерное гудение фена, шуршание мягкой щеточки, стряхивавшей колкие отходы парикмахерского производства с моей туго стянутой шнурком фартучного ворота шеи, наконец с задворков этих звуков и шорохов выплыл ее ласковый голосок:

— Вы спите?

— Вроде того, — улыбнулся я, не открывая глаз. — Только, ради бога, не надо делать у меня на голове что-то такое, что носит этот парень с желтыми волосами.

— Ну что вы! — мягко возразила Соня. — У вас будет классический фасон. Сейчас Боря займется вашим лицом. Расслабьтесь.

Спинка кресла плавно откинулась назад. Какое-то время я отдыхал полулежа, потом ощутил слабое касание мягких пальцев. Они медленно переползали по лицу, точно исследуя на ощупь плоскость лба, резкие обрывы бровных дуг, линию носа, упругие вздутия ноздрей, шершавую коросту по краю губ. Потом послышался слабый вздох, в котором звучали нотки то ли сожаления, то ли озабоченности, и руки взяли за мое лицо всерьез.

Это были далеко не прежние — Сонины — руки, в их повадке угадывалась уверенность и цепкость ваятеля, неторопливо разминавшего кусок влажной глины, перед тем как начать облекать ее в какую-то одному ему понятную форму.

Я окончательно расслабился, отдавшись причудливым играм тех массажных пассов, что заметно размягчали мое одеревеневшее лицо, наполняя мышечные ткани теплом и дремавшими под спудом энергиями, какой-то неведомой мне доселе эластикой и податливой мягкостью. Нечто гипнотическое было в скольжении этих уверенных рук, вылепливавших заново мои заскорузлые черты моей физиономии, которой в какой-то момент коснулась обжигающая прохлада косметической маски, остро пахнувшей свежим огурцом.

— А это обязательно? — пробормотал я.

Вопрос остался без ответа.

Спустя какое-то время огуречную маску сменила другая, с прохладным мятным привкусом. Я про себя махнул рукой на все эти ухищрения — в конце концов занимавшиеся мной люди, наверное, знали свое дело и поникали, сколь долг и труден путь эволюции, медленно, шаг за шагом, вылепливающей из косолапого неандертальца джентльмена с легкой, свободной походкой.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Трудно сказать, сколько времени я провел, пытаюсь освоить и узнать самого себя изнутри, с изнанки, что ли, — с помощью ощущений, бродящих в обновленных подкожных тканях, и наконец решился открыть глаза.

С губ моих едва не сорвалась та классическая фраза, которую в интонационно бесчисленных вариантах выплескивал из себя водитель белых «Жигулей», но я вовремя прикусил язык.

Из зеркала на меня взирал импозантный человек с идеальной стрижкой, аккуратной эсдековской бородкой и холеным лицом.

— Черт, лицо у меня стало... Какое-то каменное, что ли, — заметил я, вглядываясь в зеркало.

Желтоголовый визажист приподнял брови и сделал витиеватый жест рукой.

— Что-что? Каменное?

— А впрочем, вполне комильфо. Вы просто гений, маэстро. — Я ощупал острый клинышек бородки, модный во времена оны в среде просвещенных меньшевиков, и покосился на стилиста. Стоя рядом, он задумчиво поглаживал размягченный детской ямочкой подбородок. Только теперь я заметил, что ногти его тщательно отманикюрены.

— М-да... — В его устах эта рассеянная реплика прозвучала на французский манер. — Пожалуй, надо бы несколько акцентировать брови... Чуть смикшировать линию верхней губы... Будьте так любезны. — Он наклонился к моему уху. — Сделайте одолжение... Надуйте щеки.

Я послушно исполнил его пожелание и покосился в угол зеркальной комнаты, где, привалившись спиной к белой колонне, стояла Мальвина. Она удовлетворенно кивнула.

Я выбрался из кресла, бросил на подлокотник фартук.

— Ну и что дальше? — спросил я.

Она ответила не сразу. Постояла, скрестив руки на груди и в упор глядя на меня, потом оттолкнулась спиной от опоры и улыбнулась.

— Сейчас мы заедем в один магазинчик... Собственно, это очень милый бутик. Тебе надо приодеться.

— Может, и так сойдет?

Она покачала головой.

— Не уверена. Сегодня вечером мы идем в одно хорошее местечко. Ничего особенного. Очередное великосветское party...

На обратном пути к ее машине я старательно ставил ногу аккуратно по следу мужских штиблет. Получалось с трудом: шаг у истинного джентльмена оказался коротковат — наверное, в этот момент со стороны я походил на цаплю, выскивающую в болотной тине, чем бы поживиться.

5

Ее появление в бутике вызвало легкий переполох.

Я давно не заплывал в Замоскворечье, эту некогда сонную, патриархальную заводь старой Москвы, умевшую хранить в своих маленьких, кое-где отгороженных высокими глухими купеческим заборами дворах сладкие запахи цветущей липы, керосина, захламленного ветхим барахлом чулана, густые ароматы поспевающего на шипящих примусах борща, сугробы тополиного пуха по углам дворов, розовые всплески гераней за подслеповатыми, подернутыми пылью столетий, окнами и то особое полуденное беззвучие, которое настраивало на философский лад.

Теперь этот район было не узнать, не в том дело, что на месте прежних кургузых домишек теперь каменели отлакированные фасады офисов и контор, а просто с улиц ушел прежний дух покоя и растворенное в густых запахах неторопливого быта ощущение неподвижности жизни.

Поблескивающая никелем витрина предьявляла пару чопорных манекенов, застывших

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

в причудливо изломанных позах. Один из них стоял вполоборота к улице, слегка расслабив левую ногу, и словно обращался к прохожим с предложением — запросто и не чинясь — забегать на огонек. Подтверждал он приглашение жестом парящей на отлете руки, развернутой ладонью вверх, — не самое удачное пластическое решение витринного декора: вид у этого парня был такой, будто он просит милостыню.

Мальвина с решительностью опытной барахольщицы ринулась в прохладный салон, на ходу переговариваясь с семенящей рядом продавщицей и скользя наметанным взглядом по выставочным витринам, покружила таким манером по залу, с озадаченным видом остановилась у зеркальной колонны и принялась, витиевато жестикулируя, что-то объяснять продавщице.

Пока все это происходило, я рассеянно разглядывал витрину, где на светлом бархате были выложены образцы кожгалантереи, стоимость брючного ремня из темно-рыжей кожи, помеченная на маленькой белой бирке, повергла меня в состояние прострации.

Тем временем в зал впорхнул средних лет отменно упитанный мужчина, в уверенной походке которого, осанке и отсутствии дежурной выставочной улыбки на гладком розовом лице угадывался статус если не хозяина заведения, то во всяком случае какого-то далеко не последнего в здешней иерархии человека. Склонив красивую голову набок, он терпеливо выслушал пожелания Мальвины, стрельнул в меня коротким пронзительным взглядом и сдержанным кивком пригласил следовать за собой.

— А без этой мороки нельзя обойтись? — спросил я у Мальвины, которая вдумчиво изучала выставку шейных платков, сотканых, судя по расценкам, из чистой платины с густыми вкраплениями опушенного бриллиантовой пылью червонного золота.

— Ах, ты не понимаешь, — отмахнулась она. — Это же стиль. А стиль — это...

Что она имела в виду, узнать не пришлось, розоволицый уже влек во внутреннее помещение, отгороженное от торгового зала черной портьерой, сдавал на руки двум миловидным особам в изящных рабочих халатиках цвета слоновой кости, сам отступил к стене, пристально следя за тем, как меня раздевают, обмеряют, а потом заставляют облачаться в сорочки пастельных тонов, брюки и пиджаки всех мыслимых и немыслимых фасонов и оттенков.

Перепробовав с десятков причудливых вариантов, он наконец удовлетворенно хмыкнул, отпустив мою душу на покаяние.

Из примерочного чистилища я вышел облаченным в темный, невычурного фасона, свободно сидевший пиджак, демократичность которого подчеркивала белая майка с круглым вырезом и просторные светло-серые брюки. Сочетание простенькой футболки с пиджаком несколько покорило, к такому ансамблю больше подходила бы накрахмаленная сорочка с галстуком — соображениями на этот счет я поделился с обладателем розового лица, но он усмехнулся и успокоил тем, что даже культовые фигуры американского кинематографа не считают моветоном заявляться в таком виде на торжественные церемонии, коктейли и чопорные вечерушки: легкий налет божественности сообщает ансамблю ощущение внутренней свободы, презирающей закостенелые правила приличий.

— Таков этот стиль, — подытожил он.

— Возможно, вы и правы, — согласился я, потому что в новой упаковке в самом деле чувствовал себя вполне комфортно, расстегнул пуговку пиджака, продефилировал по салону под присмотром пытливого взгляда Мальвины.

— Это именно то, что надо, — удовлетворенно кивнула она, подхватывая меня под локоть. — Поехали, мы уже опаздываем.

За то время, пока массажисты и визажисты вели меня в кабинетах салона «Шанс» извилистыми тропами эволюции, она успела, должно быть, заскочить домой и переодеться. В широких, тинейджерского фасона, брюках с вывернутыми наружу швами и парой боковых накладных карманов, представлявших собой нечто среднее между шортами и собственно брюками, открывавшими ее красивые загорелые икры, в просторной светлой рубашке навыпуск и легких матерчатых туфельках на плоской подошве она походила на дачницу,

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

собирающуюся на пикник.

6

Заскочили на «Аэропорт», я бросил на кровать рюкзачок с «ласточками», майку и прочее траурное барахло, вернулся в машину, мы выбрались на Ленинградку, покатали от центра, поплутав окраинными тропами, выбрались к Строгинскому мосту, а скатившись с него, свернули на пыльный и валкий проселок. Я подумал о том, что предположение о цели нашего путешествия не лишено оснований: слева по ходу лежала Москва-река, песчаный берег круто взбегал к тонущему в густой зелени старому и некогда окраинному кварталу, справа открывался просторный залив, шершавые от свежего крепкого ветерка воды которого старательно расчерчивали прямыми стремительными линиями летящие под легкими парусами виндсерферы.

Неподалеку от берега рекламно выпендривался на мощном водном мотоцикле крепко сбитый парень в туго обтягивающих чресла гидрошортах и желтом спасжилете, голову его плотно охватывала красная косынка, повязанная на пиратский манер, с крепким узлом на затылке. Разогнавшись, он закладывал предельно крутой вираж и в пене веером разлетающихся брызг совершал разворот на триста шестьдесят градусов, рискуя перевернуться, — цирковые номера он исполнял на глазах обширной компании пляжных девочек, парочка из которых выступала топлесс, девочки сонно лакали пиво и походили на стаю пригревшихся на солнце кошек.

Ни с того ни с сего я резко качнулся вперед — Мальвина придавила тормоз и выскочила из машины, я последовал ее примеру. Она сидела перед передним бампером на корточках и, держа на ладони маленькую черепашку, ласково гладила ее пальцами по панцирю:

— Бедняжка, ну как же тебя угораздило-то, прямо под колеса? Еще чуть-чуть, и быть беде! Ну что ж ты, милая... Твоя старшая сестричка, что живет в старом домике над прудом, куда как осмотрительней... А ты вообще-то чья?

От пыльной зелени придорожных кустов отделилась девочка лет восьми с бледным испуганным лицом и осторожно, бочком, двинулась к Мальвине, та снизу вверх глянула на ребенка:

— Твоя? Ну что же ты не следишь за ней?! Так нельзя. А если б я не успела притормозить?

Девочка шмыгнула носом, по бледной ее щеке скатилась сочная слеза, остановилась на остром подбородке, застыла на мгновение, а потом нехотя оторвалась и улетела в бурую пыль дороги. Поглаживая по головке, Мальвина повела девочку, прижимавшую черепаху к груди, к кустам, сквозь зелень которых сочился шашлычный дымок, густо настоящий на том характерном галдении, которое сопутствует всякому пикнику с обильными, судя по всему, возлияниями. Отсутствовали они минут пять, которые были потрачены с толком: за созерцанием занятой сцены, разворачивавшейся на укромной полянке справа от дороги. Водный мотоцикл стоял уже у берега, а сам каскадер, уединившись с одной из почитательниц своего таланта на полянке, расстегивал молнию гидрокостюма; прислушиваясь к журчанию опускающейся молнии, девочка поглаживала полные груди, на вид ей лет шестнадцать, она была из породы пышек — ниже среднего роста, плотненько сбитая и в том самом спелом соку, когда все ее пикантные округлости еще хранят свои идеальные тугие формы. Но ведь этому спелому фрукту, налитому сладкими соками, наверное, недолго осталось благоухать, — такова печальная природа всех пышек, пройдет лет пять от силы, и она начнет перезревать, тучнеть, мягчать и терять те формы, что так радуют мужской глаз. На ее миловидной, трогательно глуповатой мордашке стояло выражение примерно такое, с каким кошка поигрывает с загнанной в угол мышкой — дождавшись, пока отважный покоритель водной глади окончательно разоблачится и уляжется на пыльную траву, она, проделала припухшими губами серию каких-то

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

разминочных движений — наподобие тех, какими профессиональный трубач предваряет первое поцелуйное прикосновение к мундштуку инструмента, — потом медленно опустилась на колени меж широко раскинутых ног парня, наклонилась и вдруг резко откинулась назад, расслышав мой переливчатый свист.

Повертела головой, махнула рукой — ей ведь невдомек, что Голубка пролетела мимо, взбодрив мою мышечную память: Голубка частенько вот так же, угнездившись между твоих разваленных на стороны ног, наклонялась и, пуская гибкое свое тело мягкой волной, чертила сосками теплых и ласковых грудей причудливый узор по моему вдруг напрягшемуся животу, груди, плечам, а я лежал, глядя в потолок, и перебирал в пальцах ее шелковистые волосы, — и теперь девочка, волной накатывая на водного мотоциклиста, поводила при этом плечами, отчего груди ее так мягко и тяжело колыхались, едва касаясь распластанного под ней парня, наконец она выпрямилась и с тяжким вздохом штангиста, примеривающегося к тяжести снаряда, наклонилась — ее хлынувшие вниз светлые полосы скрыли от моих глаз низ живота ее партнера, который по-прежнему лежал, закинув руки за голову, и пялился в небеса с таким выражением, будто высматривал в нем философские глубины не здешнего, а какого-то немыслимо далекого от нас во времени и пространстве неба, аустерлицкого например.

Потом он лениво приподнялся на локтях, повернул голову и глянул на меня через плечо.

Мне стало не по себе: в его стального оттенка глазах не было и намека на какое-то приличествующее ситуации чувство, а между тем девочка старательно делала дело, и он глядел на меня столь прохладно и трезво, словно решал в уме заковыристую арифметическую задачку. Наконец он слабо улыбнулся и, коротко кивнув с тем выражением, с каким приветствуют знакомого, отвернулся.

— Ну и дела! — раздался за спиной приглушенный голос Мальвины, в нем сквозили змеино шипящие интонации. — Тебе доставляет удовольствие подглядывать за этой мерзостью?

— А что такого? — отозвался я, любясь тем, как в лице Мальвины при взгляде на полянку полыхнул румянец. — Здесь мы видим не более чем проявление простой и мудрой растительной жизни. Ее порывы естественны, а желания так трогательно бесхитростны... Я знаю.

7

Знание живет где-то в глубинах подкорки: тебе всего девятнадцать лет, собственно, ты совершенный еще пацан и таким странным манером хочешь что-то доказать Голубке, которая в один прекрасный день сказала, чтоб ты ей больше не звонил: помнишь, ты просто онемел, а потом, собравшись с силами, дрожащим голосом спросил, что она имеет в виду. И она просто сказала: «Ты ведь знаешь, меня нельзя выпускать из руки даже на пару дней, меня надо держать при себе, как ту голубку, что ты подарил мне на смотровой площадке, на Ленгорах, помнишь?»

Знал, конечно, ее летучую природу: держать — и лучше за пазухой, — согревать своим теплом, гладить по головке, а если уж и доставать оттуда, то ни в коем случае не распускать ладони — Голубка выпорхнет из рук... Знал, но выпустил — уехал после летней сессии на практику в Смоленск, вернулся осенью, за время отсутствия она, выходит, нашла новое гнездо — умом это понимал, но поверить все никак не мог, и было что-то тяжелое, свинцовое в том долгом молчании, что встало между вами.

Она тяжело молчала в трубку, ты тоже, прислушиваясь к тому, как что-то странное происходит: сердце срывается с тонких, эластичных постромок, поддерживавших его в груди, и ухает вниз, вяло копошится в области коленей, размякает, теряет форму, плывет, словно талый воск, а потом и вовсе истекает влажным жаром из тела, оставив слева в груди тупо ноющую пустоту, дыхание сбивается, перед глазами плывут лиловые тени. Прислушиваясь к длинным гудкам, оглушительно пульсировавшим в трубке телефонного

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

автомата, ловил себя на том, что упругие и подвижные мышечные ткани странно твердеют, туго обтягивающая их кожа черствеет, делается похожей на древесную кору, по жилам начинает струиться прохладная жидкость, сладковатым вкусом напоминающая то ли березовый, то ли еще какой-то животворный древесный сок, а потом слуха касается едва уловимый, легкий, невесомый шелест, напоминающий тот, что бродит в подсыхающей, предсмертно шевелящейся в ожидании скорых холодов кроне готовящегося к долгой и изнурительной зимней спячке дерева. И только спустя время звук был опознан: слабое шевеление густой, всклокоченной шевелюры, тронутой порывом низкого ветра, метущего пыль по переулку, лениво подползающему к Лесной улице со стороны Миусского сквера.

Поднял голову и встретился взглядом с желтым солнцем, повисшим в акварельно жидком и влажном небе над трамвайным кругом, где девятнадцатый номер истошно стонал на маленьком рельсовом кольце с таким чувством, словно ему тупым ланцетом вскрывают без наркоза брюшную полость. А стоял один из тех особых тихих, покойных прозрачных дней, какими иногда прощально балует осень, — и, что удивительно, глаза не отпарились, встретившись с мутноватым, но все же слепящим полыханием солнца, скорее напротив, был прилив новых и доселе неведомых сил, и впервые возникла острая потребность в этом прямом, упруго накатывающем солнечном свете.

Позднее, лежа на солдатской койке, по ночам пытался оценить странное превращение, случившееся на углу Лесной, и находил не случайным место этой метаморфозы, ведь когда-то на том самом месте, откуда ты звонил Голубке, лежала глухая, разбойная московская окраина, опасливо плутающая своими кривыми улочками в лесной чаще, и, видимо, ты просто пророс на углу Лесной одним из тех деревьев, чьи мертвые корни еще извиваются в глубинах здешних почв под толстыми накатами асфальтовых слоев. Но это будет потом, а пока негнущейся ветвью ухитрился еще раз набрать номер Голубки, на этот раз ответил мужской голос, деловой: «Подойти Лариса не сможет, потому что принимает ванну». Со всем пылом типичной юношеской горячности ты настаивал, и тогда неведомый собеседник после паузы прохладно заметил, что отнесет телефон к ней в ванну, и это простое сообщение было как выплеск в лицо верной кислоты — как это он отнесет телефон туда?! То есть вот так запросто поднимет аппарат, поддержит длинный провод, выйдет в коридор, откроет дверь и увидит то, что по праву принадлежит исключительно тебе. Он так и сделал: отнес аппарат, вошел. Наверное, посмотрел на нее и увидел то, что видеть никому не положено: небольшие, нежные, чуть разваливающиеся на стороны груди, покатые плечи, тугие округлые бедра, сгусток темного пушка внизу живота, правое колено с белым штрихом маленького шрамчика... Она взяла трубку.

Она ничего не говорила, но было слышно, как она плачет.

Трубка вяло выскользнула из руки, повисла вверх тормашками на толстом проводе в ребристом чехле серебристой обмотки, глядя тебе в спину черным глазом и немо предостерегая: поберегись! Путь сослепу пролегал наперерез трамвайному кольцу, на котором как раз свершал свое круженье очередной девятнадцатый номер, и наверняка завершился бы под истошно скрежещущим на изгибе рельса стальным колесом, не выдерни тебя кто-то в последний момент из-под тупого рыла трамвая: твою мать, жить надоело? — голос был густ и темен, как у протодиакона, принадлежал он невероятных размеров существу с круглым и мясистым, ветчинного оттенка и качества лицом. Немилосердно встряхнутый за плечи, ты начал приходить в себя и увидел огромного человека в военном кителе, расползающемся на пышном, кисельно трепещущем брюхе. Майорская звезда одиноко и тускло поблескивала в истершемся золотце погона. Он спросил строго: «Ты что, парень, под кайфом?» — а ты ответил: «Меня бросила любимая девушка».

Майор тяжело вздохнул, заношенный китель предсмертно напрягся на безразмерном брюхе, майор ухватил мясистой лапой за локоть и отвел к торцовой стене трехэтажного дома, возле которой в прежние времена стояла напоминавшая беззаконный авиационный ангар пивная, обшитая черепично волнистыми листами желтого пластика, — о некогда бушевавших тут, под прокисшим задымленным плоским потолком, страстях напоминал

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

квадрат раскрошенного асфальта да бетонные блоки несущих опор по периметру. Майор воровато оглянулся по сторонам и достал из кармана брюк плоскую бутылку коньяка. «Пей!» — приказал он коротко, и ты отрапортовал: «Есть, товарищ майор», сделал пару глотков, окончательно вернувших к жизни, а потом еще пару и еще, и так вы быстро усидели всю бутылку. У майора фамилия Сизов, он работал неподалеку, в военкомате, брил лбы несчастным призывникам, не сумевшим откосить от армии. Район старый, основной контингент здешних жителей составляют люди преклонного возраста, и оттого у майора Сизова из года в год возникают проблемы с выполнением строгих разнарядок по числу забритых лбов, — рассказывая о своих печалях, майор увлажняющимся после очередного глотка взглядом упирался в твой крепкий лоб, словно прикидывая, насколько тебе пойдет солдатская стрижка «под ноль», и ты сказал, что готов помочь ему в выполнении разнарядок на поставку в вооруженные силы пушечного мяса, а спустя полтора месяца он уже по-братски обнимал тебя в своем насквозь пропитанном казенным запахом кабинете и спрашивал, не прошла ли у меня еще охота помирать. И ты сказал: «Нет!» — а он густо и раскатисто голосом хохотнул: «Помирать, так с музыкой!» — и отечески погладил по голому черепу, и лишь прибыв на место службы ты по достоинству оценил эту его прощальную фразу: он закатал тебя в образцово-показательную десантную дивизию.

Голубке с того самого дня больше не звонил, но втайне надеялся, она узнает об отчаянном поступке, все поймет, приедет в часть, падет на колени и зальется слезами: прости меня, если сможешь! — однако она не приехала, даже когда во время прыжков с парашютом ты сломал себе лодыжку и месяц валялся в госпитале, вот разве что она прислала через полтора года — уже пошел счет дней до приказа — весточку. Собственно, никакого письма в привычном смысле слова не было — в конверт вложена кодаковская карточка, на которой Голубка в бирюзовом воздушном Платье стоит на фоне нездешнего субтропического дерева, формой напоминавшего кипарис, а на заднем плане, в разрывах буйной сочной зелени, маячат вычурные контуры белостенного особняка с пышным и типично дворцовым парадным крыльцом, на одном из парапетов которого отдыхает меланхоличный мраморный лев с несвойственной для его рода добродушной физиономией. «Теперь это мое гнездо!» — сообщала надпись на обороте фотографии, однако место его нахождения так и осталось загадкой: письмо пришло на московский адрес, и в часть карточку переслала соседка по лестничной площадке. В сопроводительной записке она сообщила, что письмо по ошибке бросили в ее почтовый ящик.

8

— Эй, отомри, — донесся голос Мальвины. — У тебя случаются припадки сомнамбулизма?

— Только зимой, когда все живое впадает в спячку до первого тепла, — сказал я, усаживаясь в машину. — А как поживает жертва дорожно-транспортного происшествия?

— Ты про черепашку? — спросила она, проворачивая ключ в замке зажигания. — С ней все в порядке. Я очень люблю этих милых и безответных животных. У меня живет одна такая — в старой даче над маленьким прудом.

— Тортила?

— Что? — переспросила она, метнув в меня косой взгляд.

— Ну, если следовать логике нашего сказочного сюжета, то в нужный момент на сцене, помимо деревянного мальчика и кукольной женщины, должна возникнуть черепаха, хранящая золотой ключ. И еще где-то поблизости должно располагаться поле чудес, где на деревьях растут бешеные деньги. Не знаешь, где оно?

Краем глаза я отметил, что с Мальвиной происходит что-то странное — напряглась, побледнела и, плотно сжав губы, уперлась обездвиженным взглядом в убегающую на взгорок дорогу.

Я опустил руку на ее колено — вздрогнула, будто очнувшись от забытья, натянуто

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

улыбнулась, тронула с места, мы покатали в горку, оставив по правую руку узкую заводь, размеченную красными буйками, — как видно, для тренировок водных слаломистов — и вскоре уперлись в сваренные из прочных стальных прутьев ворота, за которыми просматривалось несколько коттеджей и цивилизованный пляж, утыканный грибками разноцветных тентов.

У ворот слонялся коренастый охранник, чей темный строгий костюм, в комплекте с галстуком, туго стягивавшим ворот голубой сорочки, и пыльными черными штiblетами выглядели на фоне прогуливавшихся за воротами людей в легких светлых одеждах по меньшей мере странно.

— А что, лоно природы у нас уже тоже приватизировано?

— Местами, — ответила она, опуская стекло в дверце.

Секьюрити глянул на водителя, наклонился, перекрестив быстрым взглядом салон, заметил меня, удивленно приподнял бровь, отшатнулся и неопределенно хмыкнул, посверлил меня странным взглядом, пожал плечами, отошел в сторонку, и мы проехали на закрытую территорию, где на обширной поляне, поросшей густой травой, уже всю разворачивалась симпатичная гулянка под открытым небом, сотрясаемым мощным гудением басов, ритмичным буханьем барабанов, истеричным повизгиванием солирующей гитары и насморочным блеяньем саксофона. Пятерка не первой свежести рок-музыкантов, сгрудившихся на выросшей посреди чиста поля дощатой эстраде, наяривала незамысловатую мелодию, на которую солист, мучивший микрофонную стойку с таким остервенением, словно этот металлический штырь был его кровным врагом, нанизывал срывающимся голосом обрывки текста.

Сложив обрывки, я докопался наконец до смысла тех стонов, которыми парень глушил публику.

«Девчонка! Сука! Подкинула проблем!»

Этим содержание композиции ограничивалось. Настойчивое повторение бодрого маршевого речитатива заставило предположить, что лирическая героиня песенки, должно быть, в самом деле отменная сука.

По поляне слонялось человек пятьдесят. Публика представляла собой полный спектр корпоративных чинов и положений: от молоденьких смазливых секретарш в легкомысленных нарядах до вальяжных господ солидного возраста. Со стороны огромного кухонного шатра сочились аппетитные запахи барбекю, официанты в идеальных белых сорочках и с галстуками-бабочками сновали меж пластиковых столиков, взявших в осаду огромный коренастый дуб, крона которого была украшена бело-голубым баннером. Неподдалеку от него на высоченном шесте полоскался на ветру той же расцветки флаг.

— Это дипломатический прием по случаю государственного праздника? — спросил я.

— Что-то вроде того, — ответила Мальвина. — С скромный корпоративный пикничок в честь юбилея солидной империи.

— Империи? — переспросил я.

Она произнесла название известной финансовой группы.

— Если у них есть свой стяг, — предположил я, — то должно быть и все остальное: гимн, армия, полиция, валюта, охранка, служба внешней разведки и все такое прочее.

— Именно. Все, что государству в государстве положено.

Мы двинулись к дубу, под сенью которого громоздился внушительный штабель пивных упаковок: добрая половина этого основательного боезапаса участниками пикника уже расстреляна, но и того, что оставалось, вполне хватило бы, чтобы утолить жажду только что совершившего изнурительный многочасовой марш батальона. Мы уселись за свободный столик, огляделись по сторонам. Сбоку от кухонного шатра на открытом огне поспевала медленно вращаемая на вертеле туша барашка. Я почувствовал острый приступ голода. Прочитав в моих глазах намек на то, что неплохо было бы перекусить, Мальвина выпорхнула из-за столика и через минуту вернулась с подносом, на котором громоздились пластиковые тарелочки с салатами из свежих овощей, легкими закусками и пара

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

прямоугольных ванночек с жареными куриными крылышками, обсыпанными красным перцем.

— Баранина пока еще не готова. — Сервируя стол, она отошла к накрытому полосатым тентом бару и принесла бутылку джина, баночку тоника и стаканы.

— Да я вроде на работе, — отрицательно мотнул я головой в ответ на ее вопросительный взгляд. — Нельзя при исполнении.

— Да брось ты, расслабься и отдыхай.

Я сходил к штабелю, облегчил пивной боезапас на тройку бутылок «Туборга» и вернулся к столу. Она медленно цедила джин, равнодушно разглядывая музыкантов, которые, покончив с досаждающей проблемами подружкой, перевели дух и дружно грянули новый мотив, мелодическим строем поразительно походящий на предыдущий, с той лишь разницей, что припевный рефрен выглядел менее замысловатым. Мальвина брезгливо поморщилась в ответ на истошное хоровое рычание, от которого, кажется, в смущении зашевелилась дубовая листва: «Яйца! Яйца! Яйца!»

— Интересно, какие они имеют в виду, — заметил я, отхлебнув пива. — Диетические? Или те раритетные, что носят клеймо ювелирного дома Фаберже?

— Я подозреваю, они имеют в виду именно те, о которых ты подумал. — Она отодвинула стакан и окинула поляну взглядом.

— Кстати, если я всё-таки на работе, то неплохо было бы оговорить условия. Нет, честно говоря, мне такая служба нравится, — сказал я, приканчивая салат и приступая к куриным крылышкам. — Но все-таки хотелось бы знать. Мои эскортные услуги оплачиваются? И если да, то как? Посменно или аккордно? Черным налом или по ведомости? Или, так сказать, натурой?

Она смерила меня прохладным взглядом, тронула тонкую золотую цепочку, крестик, прежде чем утонуть в ложбинке между грудей, ослепительно блеснул на солнце — в глазах помутилось.

— Не волнуйся. Мало не покажется.

— Опыт охранника подсказывает мне, что тобой интересуются, — я кивком указал на высокого сухопарого мужчину, который прохаживался неподалеку от благоухающего шашлычного мангала, то и дело постреливая в нашу сторону настороженными взглядами: на вид ему было лет пятьдесят, и, судя по всему, в перечне корпоративных чинов и положений его статус занимал далеко не последнее место, наружность излучает впечатление импозантной солидности. Одет в просторные светлые брюки, голубую сорочку с коротким рукавом и палевого оттенка безрукавку — на фоне изумрудной травы смотрится как переживающий не слишком удачный удар игрок в гольф. — Мне его сразу пристрелить или чуть погодя? — спросил я.

Она оставила реплику без ответа, проследила направление моего взгляда, нехотя поднялась из-за стола.

— Отдыхай пока. Я сейчас.

Оставалось отдаться созерцанию соседствующей с нашим столом девочки лет двадцати, в целом миловидной, если бы не микроскопического роста светлый ежик на идеально круглой головке, сообщавший ей — сходство то ли с постоялицей холерного барака, то ли с бледнолицым новобранцем, еще не успевшим за пару недель солдатской службы освоиться с казарменным бытом, — подперев щеку ладонью, Она внимала рокочущей эстраде с таким видом, словно в песенке про яйца ей открывались сокровенные тайны бытия.

Присмотревшись, я определил, что она в дым пьяна.

Я глянул в ту сторону, откуда сочился шашлычный дымок. Что-то там происходило. Импозантный гольфист, крепко ухватив Мальвину за локоть, что-то, размашисто жестикулируя свободной рукой, ей внушал. О чем он говорил, слышно не было, но свирепое выражение его лица мне не понравилось. Равно как и то, что Мальвина покорно внимала его словоизвержениям. Я поднялся и направился к ним как раз в тот момент, когда гольфист

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

перешел к более решительным полемическим аргументам — схватив Мальвину за плечи, принялся энергично встряхивать ее, словно это была матерчатая кукла, с которой следует удалить нафталиновую пыльцу.

— Эй, полегче, — я деликатно тронул его за локоть.

Он не глядя отмахнулся. Я развернул его за плечи и легонько подтолкнул в грудь. Он отшатнулся и с минуту взирал на меня со смешанным выражением недоумения, безггливости и досады.

— Я неясно выражаюсь? — Перехватив его вспорхнувшую к моему лицу руку, я сдавил запястье так, что симпатичное лицо его исказилось гримасой боли. — Сделайте одолжение, идите вы...

— Что? — вытолкнул он из себя, встряхивая кисть. — Куда?

— В жопу, — сказал я, увлекая Мальвину под прохладную сень дуба. — Что это за деятель?

— Да так... — слабым, утомленным голосом отозвалась она и неопределенно махнула рукой. — Деловой партнер мужа. — Она натянуто улыбнулась и кивнула в сторону берега, в который упирались форштевнями два речных трамвайчика, как видно доставивших на поляну участников пикника. — Пойду пройдуся. А ты отдыхай. Не волнуйся, я в порядке.

Я вернулся на свое место, откупорил очередную бутылку пива и закурил. Бритоголовая девочка сладко дремала, окунув лицо в изгиб локтевого сустава. Музыканты чинно сошли с эстрады, уселись в траву и принялись алчно лакать пиво. Подсевший к пьяненькой девочке розовощекий молодой человек в белой бейсболке обнял ее и опустил голову на ее хрупкое плечо. Судя по размягченной пластике движений, он находился примерно в той же кондиции, что и его приятельница. Тупо глядя перед собой, он свободной рукой принялся деловито ощупывать ее грудь, и девочка медленно распахнула очи, мутным взглядом уставилась на меня. Потом, как видно в результате мучительных раздумий определив, что рукой дотянуться до нее я при всем своем желании никак не мог, приподняла голову, искоса глянула на молодого человека, глупо улыбнулась и вернулась к прежней позе, и так они впали в блаженную дрему и со стороны смотрелись воплощением абсолютной гармонии.

— С ума сошел? — донесся приглушенный голос. Реплика была брошена походя, ее обронил торопливой походкой шествовавший мимо стола средних лет человек с покатыми женскими плечами.

Выдернув из упаковки пивную бутылку, он жестом подозвал официанта, тот скovyрнул пробку, удалился к бару, мужчина глотнул из горлышка, поднял голову и сделал вид, будто любителю тем, как полощется на высоком шесте корпоративный стяг, потом встряхнул бутылку, резко развернулся и двинулся в мою сторону.

Его крепко сидящую на маленькой толстой шее голову украшала обширная розовая лысина в обрамлении остатков темной и, видимо, некогда пышной шевелюры. В чертах мясистого лица угадывался восточный корень, армянский, скорее всего.

— Огоньку не найдется? — доставая из пачки сигарету, поинтересовался я, когда он проходил мимо.

Он споткнулся на ровном месте, полез в карман, метнул на стол зажигалку и сокрушенно покачал головой:

— Сегодня суббота!

— Господи, еще один ортодоксальный еврей на мою голову, — вздохнул я.

— А в понедельник материалы аудиторской проверки лягут шефу на стол. — Отмахнувшись от предложения забрать зажигалку, он торопливо затрусил в сторону берега, по обрывистому краю которого, задумчиво глядя под ноги, прогуливалась Мальвина.

Армянин приблизился к ней, принялся что-то говорить, резко жестикулируя, она с той же степенью, энергичности возражала. Увлеченные перепалкой, они не обратили внимания на то, что совсем неподалеку от них, на носу одного из речных трамвайчиков, стоял, обвалившись на поручень ограждения, гражданин отдыхающий с покойнического оттенка лицом. Он мучительно давился, время от времени изрыгал из себя рвотные лавы — в таком

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

несметном количестве, точно организм его процентов на восемьдесят состоял из вылаканного на свежем воздухе пива, а в момент очередного извержения он сделал неосторожное движение и перевалился за борт. По счастью, этот кульбит не остался незамеченным — двое молодых людей, забавлявшихся неподалеку метанием фризби, ринулись на помощь утопающему. Наблюдая за живописной сценой спасения на водах, я вдруг отметил, что в пасторальном пейзаже залива возник свежий мотив: из-за песчаной косы вынырнул водный мотоцикл и, распахивая гладь воды — словно книгу — своим бурлящим у кормы следом, двинулся в нашу сторону.

Присмотревшись, я определил, что управляет им тот самый любитель эффектного виража, что недавно предавался любовным утехам на укромной полянке. Поравнявшись с берегом, он сбросил скорость и стал неторопливо курсировать туда-сюда — с тем, видимо, расчетом, чтобы не терять из поля зрения происходящее на поляне.

— Знаете, ребята, — сказал я, обращаясь к молодым людям за соседним столиком, все еще пребывавшим в состоянии полнейшей гармонии. — Что-то все это мне начинает надоедать.

Молодой человек встрепенулся, тряхнул головой и украсил свое бледное лицо невыносимо глупой улыбкой, затем наклонился, достал из стоявшей у ножки столика сумки «поляроид», навел на меня объектив и нажал на спуск. Аппарат медленно выплюнул квадратик карточки, в матовом поле которой постепенно начал проявляться мой поясной портрет. Учитывая состояние фотографа, карточка вышла поразительно удачной и четкой.

— Спасибо, друг, — кивнул я, убирая карточку в карман. Затоптав сигарету, я встал из-за стола, подумал, прихватил едва начатую бутылку джина и, крепко ухватив Мальвину за локоть, повлек ее через поляну к стоящей в тени кустарника машине.

— Мы, насколько я понимаю, договорились, — взбеленилась она, усевшись за руль, и резко рванула с места.

— На предмет чего?

— На предмет того, что ты просто присутствуешь рядом и ни во что не вмешиваешься. В конце концов именно за это я тебе плачу.

— Ты пока ничего мне не заплатила, — возразил я.

Она фыркнула, вынула из «бардачка» барсетку.

— Подержи руль.

Я придерживал баранку, пока она копалась в сумочке. Наконец в ее руке возникла смятая купюра. Бросив ее мне на колени, она опять фыркнула и стряхнула мою руку с руля. Я разгладил на коленке банкноту. Из серого овала на меня пытливо взирали президент Франклин, и что-то в каллиграфично выписанных складках его лица, упрямой сомкнутости припухших губ и лишенном какого бы то ни было внятного выражения взгляде было такое, отчего в душу вошел покой.

— Ему будет скучно в одиночестве, — заметил я, засовывая зеленую сотенную в карман пиджака. — Хорошо бы направить к нему в компанию какого-нибудь еще президента. Ну, предположим, Гранта.

— Он перебьется.

— Куда мы путь держим на этот раз? — спросил я, когда мы вывернули на мост.

— Надо переодеться. Я же сказала, вечером мы идем в кабак.

9

Спустя полчаса остановились во дворе краснокирпичного дома неподалеку от Чистопрудного бульвара, обшарпанная наружность которого несколько озадачила: я полагал, что люди, катающиеся на БМВ и нанимающие личных охранников, обитают в куда более респектабельных жилищах. Поднялись на лифте на третий этаж, Мальвина, погремев ключами; отперла тяжелую стальную дверь и пригласила заходить, я озадаченно потоптался на пороге — с подобной замысловатой планировкой квартир сталкиваться еще не

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

приходилось: прямо с порога мы — минуя какой бы то ни было намек на прихожую — оказались в узкой, пеналом вытянутой кухне, обставлена она была без претензий, светлой сосновой мебелью. В подернутом мутноватой плесенью горшке на облупленном подоконнике, в предсмертной агонии заламывая руки, изгибалась засохшая герань. Замызганная газовая плита давно и безнадежно тосковала по пригоршне «Комета», который смог бы содрать с нее слой сального налета, причудливо декорированного кляксами расплесканного кофе, обширная пепельница на столе представляла собой братскую могилу разнокалиберных окурков, и разве что черный кружевной бюстгальтер, вяло, словно перегревшийся на тропическом солнце моллюск, ползший по спинке стула, намекал на то, что здесь обитает женщина.

— Ты уверена, что мы попали, куда надо? — Я присел к столу, закурил.

Мальвина потянула носом, принюхиваясь, — в доме стоял плотный запах пыли — в комментарии вдаваться не стала, исчезла за дверью в торце кухни. Отсутствовала ровно столько, что я успел выкурить пару сигарет.

— Прекрасно выглядишь, — приветствовал я ее появление с той долей искренности, на которую способен разве что человек, давно не видевший изысканную женщину, принаряженную в темно-сиреневое вечернее платье с настолько глубоким вырезом на спине, что в его основании угадывалась пикантная вершина ее округлой, мягко расслаивающейся на две сочные доли попки.

Не обратив внимания на мой восторг, она прошествовала к двери, кивком пригласила на выход, — подъемно-спусковой механизм лифта издавал мучительные, утробно kloкочущие стоны, словно его донимал приступ тошноты, — мы погрузились в БМВ, понеслись в сторону Садового кольца, а потом в течение трех часов посетили пять респектабельных заведений, куда забежали лишь затем, чтобы повертеться среди изрядно поддавшей публики и быстренько выпить в баре сока или джина с тоником, ее везде узнавали, меня же окатывали то изумленными, то настороженно пытливыми взглядами, которыми в старой, давно устоявшейся компании окатывают нового хахалю всем известной особы. Вела Мальвина себя немного странно, ни с кем меня не знакомила, словно держа на некотором расстоянии от своих приятелей.

Мы побывали в нескольких кабаках, гастрономическая палитра которых простиралась от изысканно французской кухни до пещерно монгольской, и, порядком уставшие, наконец припарковались на охраняемой крепкими ребятами с бритыми затылками стоянке справа от окутанного приглушенным освещением входа в очередное заведение, на статус которого намекала скромная, парящая интимным фиолетом, неоновая вывеска над дверью черного стекла: «Night Club...», название его толком было не разобрать, но судя по отсутствию типичного для зланных мест полыхания витрин и прочих атрибутов попугайского декора, в избыточной рекламе заведение не нуждалось.

Всю дорогу сюда Мальвина молчала, сосредоточенно покусывая губу, — то ли она нервничала, то ли была по самую макушку погружена в какие-то свои мысли — и это странно тревожное, несколько заторможенное состояние продолжало преследовать ее: с деревянной какой-то грацией она прошествовала к входу.

— Что-то не так? — спросил я, нагнав ее и тронув за локоть.

Она ничего не ответила, но я заметил, как мелко подрагивают ее пальцы, вспорхнувшие к уху, в мочке которого искрилась бриллиантовая капелька сережки.

Мы вошли.

В холле сумрачно и прохладно, черный мрамор стен и рассеянного пурпурной ковровой дорожкой пола, сообщавшие интерьеру настроение торжественности и скорби, тут же напомнили мне о статусе похоронного лодочника. Высокий потолок, причудливо декорированный множеством расположенных под разными углами зеркальных панелей, тиражировал обрывочные отражения минорного интерьера, раскидывая их по углам, что должно было создавать у всяк сюда входящего ощущение неустойчивости, зыбкости, разорванности окружающего мира и бренности собственного бытия, — возможно, прежде

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

чем приступить к разработке здешнего холла, автор дизайна вдохновенно трудился над оформлением фешенебельного салона ритуальных услуг, дух высокой скорби продолжал преследовать его в работе над очередным заказом, и странно, что он не украсил интерьер бронзовыми подставками для венков, скромными канапе для отдыха безутешных родственников и миниатюрным органом в сумрачной нише, тянущейся по правой стене.

Молодой человек в кромешно черном костюме, мощная комплекция, бесстрастное обездвиженное лицо и характерный рентгеновский взгляд которого выдавали в нем сотрудника клубного гестапо, едва заметно кивнул и легким жестом руки указал в сторону металлоискателя.

— У меня с собой ничего нет, кроме сущей мелочи, — заметил я ему. — Только магнум тридцать восьмого калибра, пара запасных обойм, граната Ф-1, сотня грамм пластита, пакетик героина да упаковка презервативов. Так что звонить не должно.

Должно быть, такого рода шутки тут были не приняты — в глазах гестаповца вспыхнул какой-то мрачный огонек и тут же потух. Я бесшумно миновал подкову и попал в лапы очередного служителя безопасности, который вежливо подтолкнул меня к очередному пропускному шлюзу, представлявшему собой узкий коридор, по стене которого тянулось слепое тонированное стекло.

Оказавшись внутри проверочного загона, я повернулся к стеклу и попытался изобразить на лице интеллигентное выражение. Судя по тому, что смутно отразилось в темной поверхности стекла, справиться с этой мимической задачей до конца мне не удалось. Зато спустя какое-то время щелкнул запор хромированных воротец, сигналив о том, что путь свободен. Я покинул шлюз и погрузился в ароматы дорогой парфюмерии, табака и пикантные ресторанные запахи, сочащиеся из-за дубовых дверей, справа от которых за столиком с уютной лампой под зеленым абажуром сидел, насколько я мог разобрать, метрдотель. Завидев меня, он поднялся с места. Это был средних лет малый с типичной для выбившегося в люди халдея внешностью. Низкий сплюснутый лоб, чуть более против нормы длинный, остро заточенный нос, смятый подбородок, а также аккуратное брюшко, округляющееся за полами тесного фрака с лоснящимися, будто жиром смазанными, лацканами сообщало ему сходство с пингвином.

— А что это у вас? — кивнул я в сторону второго шлюза.

В его лице возникла улыбка официанта, намекающего на чаевые.

— А то вы не знаете! — шаркнул он ножкой. — Известно что, фейс-контроль. Вы один?

— Как же, один! — толкнул в спину бодрый голос Мальвины, и оставалось только поражаться произошедшей в ней перемене: от странной скованности и угрюмой какой-то сосредоточенности, что преследовала ее начиная с того момента, когда мы покинули ее дом, не осталось и следа — она словно вытаяла из тяжелого анабиоза и, подхватив под локоть, властно повлекла меня в притененный зал, под сводом которого блуждали звуки приглушенной музыки. — Манечка, салют! — приветственно помахала Мальвина пышнотелой мадам в облегающем платье болотного оттенка, фактурно и орнаментально походящем на змеиную кожу, фасон которого подчеркивал ее спелые, поистине рубенсовские формы. Манечка стояла у стойки бара и, тщательно прицеливаясь, сыпала на руку, точно в ложбинку на разветвлении большого и указательного пальца, соль, готовясь опрокинуть рюмку текилы. Мальвина, жестом взлетающей птицы распахнув руки, кинулась ей навстречу. Я повертелся на месте, раздумывая, чем бы себя занять, и уселся за утопающий в глубокой сводчатой нише столик, крытый красной бархатной скатертью, закурил, сдвинул в сторону толстоствольную свечку в серебряной плошке и обвел взглядом зал, в тылах которого, на низкой эстрадке, старательно мучил свои скрипки струнный квартет. Обстановка заведения и сама его атмосфера вызывала ассоциации с чопорным английским клубом.

Я так увлекся наблюдением за мерными движениями смычков, что на какое-то время потерял Мальвину из поля зрения и нашел ее наконец за ближним к бару столиком, где она

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

на пару с рубенсовской женщиной всю хлестала текилу, причем обе уже. пустили побоку сопутствующие выпиванию кактусовой водки ритуалы, соль на руку не сыпали, дольками лайма не остужали ошпаренный рот, а просто и незатейливо, натренированным жестом профессионального алкаша, резко закидывая голову назад, метали в себя маленькие, на птичий глоток, рюмочки. Наконец Мальвина, оставив приятельницу коротать время с полупустой бутылкой текилы, нетвердой походкой направилась в мою сторону и, с картонной улыбкой устроившись на стульчике сбоку от столика, медленно облизнулась.

— Скучаешь? — уселась в кресло сбоку от стола и столь рискованно закинула ногу на ногу, что в глубоком боковом вырезе ее платья открылась до самого бедра стройная нога, туго обтянутая черным чулком, и я про себя отдал должное великой мудрости женщины, в широком смысле слова женщины, как особого психологического типа вообще, потому что Голубка, — помнишь? — особенно в моменты размолвок, вот так же провоцировала тебя, закидывая где-нибудь в гостях ногу на ногу и постреливая в тебя короткими, невинными взглядами, в результате, достигнув к моменту возвращения домой точки кипения, ты позорно бубнил что-то извинительное, встав на колени и потираясь подбородком о ее бедро, а она, опустив ладони на покаянную голову, милостиво позволяла твоей руке шарить у нее под платьем. Мальвина пьяненько усмехнулась, лениво переменила позу, придвинулась к столику, тепло ее ладошки вспухло на моем колене. Приоткрыв рот, она поводила кончиком языка по верхней губе, пока ладонь двинулась выше.

— Ого... — промурлыкала она, оценивая сигнал, поступивший из руки, мягкими пассажами исследующими мою мошонку.

Эти игры начали забавлять.

— Ну что ж, пора за дело. — Рука опустилась на ее колено. — Пыльца на моих цветах вполне созрела.

— Что? — глупо моргнула она. — К чему это ты?

— К тому, что не испытываю нужды противиться своей природе. Пусть легкий ветерок слизнет эту пыльцу и отнесет ее к жаждущему продолжения рода соседнему растению.

— А-а-а, — лукаво усмехнувшись, протянула она, схватила меня за руку и властно повлекла куда-то. Обогнув эстраду, мы оказались у узкой дверки, притаившейся за тяжелой плюшевой занавесью цвета свежей крови, плюш мягко облизнул лицо, дверка тихо охнула, распахиваясь, и на обратном ходу подтолкнула мягким пинком в темноту. Мы очутились на темной служебной лестнице, торопливой пробежкой преодолели один пролет и остановились у распахнутого окна, выходящего во внутренний двор. Уперевшись руками в подоконник, Мальвина выгнула спину и глянула на меня через плечо. Я наклонился и потянул наверх подол ее платья.

— Возьми меня... — томно выдохнула она, аранжировав этот страстный Призыв идиотскими, типично опереточными интонациями.

— Как скажешь... — усмехнулся я, поглаживая ее попку. — Я всего лишь бедный наемный сотрудник. Что мне прикажет хозяин...

— Сволочь! — оборвала она развитие этой мысли и призывно покачнула бедрами. — Ну же, вонзись в меня!

Не знаю уж, кто составлял для нее тексты этих раскаленных реплик, должно быть, какой-то парень, специализирующийся на создании комических эффектов, во всяком случае я едва сдержал приступ вдруг бурно накатившего хохота и мягким толчком двинулся вперед, а она слабо вскрикнула и застонала. Я завел руки под ее груди, сдавил их. Она со стоном откинула голову назад, словно приглашая идти до конца.

И вдруг в левом плече вспухло ядрышко тупой боли, оно ритмично пульсировало, рассеивая вокруг себя волны нездорового тепла, отозвавшегося мучительной ломотой во всем плече, — это был слишком хорошо знакомый сигнал растительного инстинкта, вошедшего в ткани в тот самый день, когда на одной из троп в Ботлехском ущелье ты поймал плечом пулю.

Секунду я размышлял, перекрестив взглядом внутренний двор: контуры хозяйственных

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

построек, за стеной, огораживавшей двор, — старый дом с заколоченными окнами.

«Падай!» — внятно подсказал инстинкт.

Я рухнул на бок, увлекая за собой Мальвину.

И на микроскопическую долю мгновения опередил стрелка — смачно чпокнув, пуля ударила в стену.

10

Падение не разомкнуло наших объятий — лежа на боку, Мальвина шевельнула бедрами, приглашая продолжать, но я отстранился, перевалился на бок, уселся под подоконником и застегнул молнию на брюках.

— Я не добралась до конца, — обиженно скривила она губы.

— Мне искренне жаль. Но придется этим делом заняться в другой раз.

— А что, собственно, произошло? — пьяненько улыбнулась она, вставая на четвереньки.

— Да ничего страшного. Во дворе слонялся какой-то оборванный беспризорник с рогаткой. Должно быть, он заметил в окне твое лицо и вот решил поупражняться в стрельбе каштанами.

Я бросил взгляд на стену, в белом поле которой темнел обширный кратер разрыва, и прикинул про себя, что это тот еще каштан, определенно разрывной, с керамическим наконечником — если, конечно, взявший мою приятельницу на прицел ночной охотник не был поклонником архаики, привыкшим по старинке начинать пулю ртутью и украшать ее вершину крестообразными надпилом: убойная сила такого снарядика ничуть не меньше, чем у современных разрывных пуль. Огонь он вел, скорее всего, со второго этажа старого дома с заколоченными окнами, которые находились как раз напротив того лестничного пролета, где мы предавались любовным утехам, нас разделяло полторы сотни метров от силы, и я не понимал, как стрелок — если он профессионал — ухитрился не вклеить свой каштан точно в красивый лоб Мальвины.

Астахов говорил: ей нечего опасаться, но, видимо, был не совсем прав.

Она была пьяна в дым, иначе давно догадалась бы, что произошло. Повертев головой, она сделала попытку подняться в полный рост, однако я рывком усадил ее на место и, плотно прижимаясь к стене с тем расчетом, чтобы не показываться в проеме окна, встал, выглянул наружу и тут же отпрянул. Длился этот маневр всего какое-то мгновение, однако мне его оказалось достаточно; чтобы оценить обстановку.

Внутренний двор освещал прожектор, укрепленный чуть выше того уровня, на котором мы находились, и я заметил, как в одном из окон дома, высившегося за кирпичной оградой, полыхнул на долю секунды тусклый блик — опять-таки странно: уж если ты взялся за отстрел взбалмошных дамочек вроде Мальвины, то мог бы потратиться на современный прицел, который не бликует. Присев на корточки, я нащупал ее руку и потянул на себя.

— Пошли, — шепнул я. — Надо отсюда сматываться.

— Мы играем в индейцев? — с заговорщическим видом повертев головой, шепотом спросила она и икнула.

— Что-то вроде этого. Сегодня, как известно, ночь новой луны, когда, по поверьям апачей, духи предков покидают страну теней и обходят дозором злачные заведения. Всех, кто в эту ночь был замечен в прелюбодеянии, ждет страшная кара. — Я опять осадил ее попытку встать во весь рост. — Не высовывайся и следуй на корточках за мной. Иначе с тебя снимут скальп.

Мы спустились вниз, я постоял перед дверью, через которую мы проникли на лестницу.

— Пойдем вмажем по рюмочке текилы, — предложила Мальвина.

— Боюсь, что тебе уже хватит, — отрицательно мотнул я головой. — Ты уже и так настолько переполнена этими пьянящими соками, что покрылась щетиной из тонких кактусовых иголок.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Она ошарашенно моргнула и дрогнувшей рукой провела по лицу, а я с трудом переборол искушение — рюмка чего-нибудь крепкого мне сейчас никак не помешала бы, — но возвращаться в ресторан было рискованно. Пальнувший в нас ворошиловский стрелок засел у окна в предназначенном к слову доме вовсе не затем, чтобы любоваться красотами лунной ночи.

Он знал, что мы находимся в кабаке. Знал, что именно мы удалились за пурпурную портьеру. Стало быть, где-то в одной из тянущихся вдоль стен зала укромных ниш сидит за уютным столиком наводчик и корректирует действия стрелковой бригады. В том, что отработавший по нас стрелок был не единственным, я нисколько не сомневался: он перекрывал один из возможных наших маршрутов — на случай, если б нам пришло в голову совершить романтическую прогулку по хозяйственному дворику ресторана и слиться в жарком поцелуе возле сочно благоухающего помойного контейнера. И если уж охотники за скальпом Мальвины предусмотрели даже такую — в принципе маловероятную возможность, то паркинг у входа в клуб они простреливают со стопроцентной гарантией.

Я огляделся. Справа вниз сбегала узкая лесенка, упирающаяся в тяжелую стальную дверь с черным пеналом электронного замка. Это был именно пожарный выход, о чем сообщала выведенная белой краской надпись на двери. Прежде чем надавить пальцем на кнопку замка, я попробовал сориентироваться на местности. Если я верно оценил планировку ночного кабака, то пожарный выход должен выводить в тенистый переулок, отползающий от тылов паркинга в глубь квартала. Со стороны старого дома сектор обстрела перекрывала высокая кирпичная стена, запирающая клубные уголья. Тот, кто держал на прицеле паркинг, вряд ли отвлекался от наблюдения за входом в клуб, тем более что переулок, плотно накрытый бурно, словно черный кипятник, клубящимися кронами старых лип, был погружен в густо-сиреневый сумрак, парящий под единственным фонарем, неоновая лампа которого работала в четверть накала и в разрывах черной листвы напоминала неспелую сливу, даже на взгляд кисловатую.

Я надавил кнопку замка, дверь, тонко и протяжно запищав, цыкнула зубом и подалась под моим мягким нажимом вперед. Ухватив Мальвину за руку, я выскользнул на улицу и прижался к стене. Фонарь с любопытством изгибал тонкую жирафью шею метрах в десяти от нас и таращился сиреневым глазом прямо в темечко средних лет человеку в просторном светлом полотняном костюме, открывавшему дверку фиолетовой «шкоды». Усевшись за руль, он запустил двигатель, вышел, задумчиво воздел очи горе, почесал в затылке, наклонился, залез в салон, извлек из него «дворники» и начал прилаживать их к дужкам у лобового стекла. Увлекая за собой Мальвину, я стремительной перебежкой пересек переулок.

— Вы правы, быть дождю, — заметил я, впихивая Мальвину в салон, прыгнул за руль и включил заднюю передачу. — Ну, как там с «дворниками»? Прицепили?

Человек недоуменно распахнул рот и инстинктивно кивнул.

— Спасибо, вы настоящий друг! — Я помахал ему рукой, захлопнул дверцу, потом чуть сдал назад, вывернул руль и рванул с места в карьер, объезжая хозяина «шкоды», который, по-прежнему разинув рот, следил за стремительным развитием событий и лишь спустя несколько секунд — я видел в зеркальце заднего обзора — очнулся от забытья, чуть присел, хлопнув себя ладонями по коленям — с таким видом, будто собирался отплясывать гопака впрыска, — и вслед за этим, размашисто жестикулируя, потрусил вслед за своей уносящейся к повороту машиной.

«Шкода» этот спринтерский забег, разумеется, выиграла, хотя и не без приключений, потому что сразу за поворотом под колеса метнулась сетчатая ограда, за которой темнела глубокая воронка, а в ее чреве тускло поблескивали то ли трубы водоснабжения, то ли еще какие-то канализационные кишки, — чиркнув правым крылом по решетке, я резко ушел влево и каким-то чудом удержал машину от того, чтобы не вылететь на тротуар, по которому скользила — с обратным наклоном градусов эдак в шестьдесят — ветхая старушка, из последних сил сопротивлявшаяся мощной тяге очумело прущего вперед на длинном поводке

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

поджарого бультерьера. Эта встряска, похоже, никакого впечатления на Мальвину не произвела. Она сидела на своем месте, тупо глядя на приборную панель, и казалась впавшей в тяжкий ступор.

— Набрось ремень, — тронул я ее за плечо.

Она никак не отреагировала, а мне было недосуг тормозить ее, потому что мы уже вкатывались в широкое русло освещенной улицы, где наверняка могли курсировать гаишники или как там их теперь принято называть. Я сбросил скорость, тихим ходом вывернул влево, под светофор, встал перед пешеходной «зеброй» и дал себе клятву завтра утром пойти в ближайшую церковь — поставить свечку с пожеланием благоденствия владельцу роскошной серебристой «ауди», которая стояла метрах в пяти за перекрестком: его-то в этот момент и потрошил гаишник, потому дела ему до нашей «шкоды» не было.

— Ты в случае чего будь наготове, — бросил я своей онемевшей попутчице. — Если этот сборщик дорожных податей махнет нам своим жезлом, я до отказа придавлю газ.

Она медленно моргнула и глянула на меня так, словно изъяснялся я как минимум на суахили, ничего не ответила и продолжала пребывать в состоянии анемии все те полчаса, что длился наш путь к ее дому.

У въезда в знакомый двор я притормозил.

Не знаю, что именно заставило меня сделать это, должно быть, опять смутно шевельнулся во мне инстинкт и перекинул ногу на педаль тормоза. Выключив свет фар, я проехал еще метров пять и встал. Переулок был пуст, если не считать красных «Жигулей», припаркованных на противоположной стороне улочки. В левом нижнем углу заднего стекла была прилеплена треугольная белая табличка с изображением чайника.

— Этого чайника я уже видел, — пробормотал я.

11

Да, машина стояла неподалеку от бутика, где был подобран воплощающий свободный стиль костюм и манекен в витрине простирали свою дожидающуюся милостыни руку в направлении этого автомобиля, но подаяния он не дождался: как только мы тронулись, «Жигули» отшвартовались от бордюра и двинулись за нами. Не исключено, что они так и висли у нас на хвосте вплоть до того момента, когда мы с Мальвиной заезжали сюда, чтобы она переделалась. В темной глубине салона смутно читались контуры двух силуэтов, и время от времени в сумраке вспухали пунцовыми ядрышками раскаляющиеся в момент глубокой затяжки наконечники сигарет. Одна из них вылетела в открытое окошко и, описав искрящуюся дугу, упала на асфальт.

— Слушай, милая. — Я немилосердно встряхнул за плечи по-прежнему каменеющую рядом Мальвину. — Сейчас ты потихоньку выйдешь и двинешься домой. Я приду минут через пять. Мы выпьем, а потом мы займемся тем, что не закончили там, на лестнице.

Она вяло вывалилась из машины и скрылась в черной пасти подворотни. Я выждал минуты две. Наконец в крайнем правом окне на третьем этаже вспыхнул свет — значит, она без приключений добралась до дома. Я сдал назад, набросил ремень безопасности, утопил педаль газа в пол — «шкода» продемонстрировала неплохую разгонную прыть и вцепилась в багажник «Жигулей», обитателей которых мой маневр застал врасплох.

Секунд десять они пытались сообразить, что же произошло, этого времени вполне хватило, чтобы выскочить, рывком распахнуть левую дверку «Жигулей» и встретиться взглядом с плечистым молодым человеком, чью квадратную голову украшал короткий светлый ежик, фасон которого малый позаимствовал из фильмов про американскую морскую пехоту. В остальном он сейчас мало походил на образцового голливудского сержанта, его густо забрызганную веснушками физиономию без малейшего промелька интеллекта искажала гримаса боли, а увесистую короткопалую лапу, заклеенную тяжелой золотой печаткой, он с покаянным видом прижимал к груди — должно быть, сильно ударился в момент моего тарана о рулевое колесо.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Больно, да? — спросил я. — Извини, я нечаянно.

С этими словами я кинул правую руку вперед, костяшки пальцев точно легли ему в переносицу. Послышался слабый жалобный хруст, и я подумал, что нынешний день наверняка принес мне титул чемпиона столицы по сокрушению носов — на моем счету их уже два, но еще, как говорится, не вечер.

— Ничего, зато гайморит тебе теперь не грозит. — Рывком выкинув обмякшее тело на асфальт, густо усеянный окурками, я прыгнул в салон, схватил второго обитателя караульных «Жигулей» за волосы и со всей силы впечатал его лбом в черную панель «бардачка» настолько ловко, что дверка ящичка соскочила с петель, и мне спустя минуту не пришлось приподнимать ее, чтобы обнаружить в уютной нише, под истрепанной дорожной картой Подмосковья аккуратно запеленутый в мягкую тряпочку «вальтер».

Где-то впереди, там, где в голубоватом неоновом свете катило свои ночные воды неустанное Садовое кольцо, вспух и изогнулся на горке высокой ноты тревожный стон милицейской сирены. Общение с экипажем патрульной машины в мои планы не входило, поэтому я затащил все еще пребывающего в глубоком нокауте водителя в салон и поспешил ретироваться в подворотню,

Лифт за время нашего отсутствия вполне справился с расстройством желудка, во всяком случае намекающих на рвотные позывы утробных стонов не издавал и бесшумно вознес меня на третий этаж, площадку которого перечеркивала полоска света, сочащегося из-за чуть приоткрытой двери.

Меня это немного насторожило, однако, учитывая полуобморочное состояние Мальвины, было неудивительно, что она не заперла дверь. Я вошел на кухню, вставил в рот сигарету, чиркнул зажигалкой — желто-голубой наконечник огонька метнулся из сопла и тут же, согнувшись дугой, поник. Я чиркнул еще раз — с тем же успехом — и только после нескольких безуспешных попыток высечь из маленького «крикетовского» кресала огонь догадался, в чем дело: через кухню к неплотно притворенной двери тек откуда-то со стороны темного коридора плотный сквозняк, шевеля сигаретный пепел в огромной плоске на столе.

В поисках его истока я углубился в коридор, миновал распахнутую дверь ванной и оказался в уютном квадратном помещении, обстановка которого — вешалка, трехэтажный стеллаж для обуви и круглый пуфик перед высоким зеркалом — говорила о том, что это и есть та самая прихожая, отсутствие которой меня озадачило в момент первого появления в этом доме.

Обшитая добротной рыжей кожей дверь справа, у зеркала, была приоткрыта.

Все ясно: квартира имела два выхода — черный, тот, что вел прямо на кухню, и этот, парадный, так сказать. Я выглянул на лестницу. В белой стене напротив двери полыхнул один из образцов той наскальной живописи, которой развлекают себя тинейджеры, таскающие в своих рюкзаках баллончики с краской.

«Fuck you!» — раскаленно вопило выведенное пунцовым цветом обращение.

— Что и требовалось доказать, — вздохнул я.

12

Не думаю, что этот хлесткий и смачный, как нагаечный удар, выкрик запечатлела на стене Мальвина, однако я живо представил себе, как она, прежде чем покинуть этот дом, именно в таких вот выражениях прощалась со мной и, возможно, даже присовокупила к ним тот скабрёзный жест, каким приветствовал меня утром пацан, шнырявший по палисаднику во дворе в поисках подходящей мишени.

Нестерпимо захотелось выпить.

В поисках горячительного я вернулся на кухню, сунулся в холодильник, нашел в дверце наполовину пустую бутылку «Гжелки», налил себе половину стакана, выпил — водка упала на дно желудка, распутившись там пышным цветком наподобие пунцового георгина.

Проформы ради прошелся по квартире, состоящей из трех комнат, причудливая

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

планировка которой говорила о том, что прежде это была коммуналка. То легкое подозрение, что тронуло при взгляде на этот — явно еще дореволюционной постройки — дом вполне подтвердилось: вряд ли моя новая знакомая жила здесь постоянно. Возможно, просто использовала квартиру для тайных интимных свиданий — спальня, во всяком случае, выглядела очень достойно, обстановку ее составлял один-единственный мебельный предмет — овальной формы кровать размером с посадочную вертолетную площадку, над которой нависал зеркальный потолок, хранящий, должно быть, в своих подкожных тканях воспоминания о тех причудливых позах, позициях и положениях, какими изнуряли себя люди, предававшиеся на этом лежбище любовным утехам.

Я упал на кровать, закинул руки за голову, уставился вверх, и в притененном зеркальном поле вдруг возникли два туманных силуэта — мужчина и женщина — они были голы и розовы от горячих ласк туго хлещущей сверху пушистой струи душа и, стоя друг перед другом на коленях, обнимались, а потом женщина мягко давила мужчине на плечи, понуждая его улечься на спину, наклонялась, ее мелко трепещущий язык вычерчивал на груди мужчины какой-то витиеватый узор, голова медленно опускалась все ниже, а персиково-розовый задик приподнимался; наконец она выпрямлялась и, резким движением головы откинув влажные волосы на спину, седлала распластанного под ней мужчину, выпрямляла колени и начинала медленно опускаться, но в момент их соприкосновения вдруг замирала и, вывернув голову, смотрела вверх, прослеживая направление его взгляда, а потом с лукавым видом грозила отражению мужского лица пальчиком: подглядывать нехорошо!..

Я тихо присвистнул.

Однажды, с месяц после нашего знакомства с Голубкой, забрели в гости к одному из ее бесчисленных знакомых, это была роскошная квартира в «высотке» на Котельнической, и в ней была ванная с зеркальным потолком, в котором мы спустя минут десять после прихода и прописали свои отражения — другого подходящего места почему-то не нашлось, а дотерпеть до возвращения домой Голубка была неспособна просто в силу немыслимо буйного темперамента, желание накатывало на нее, как правило, внезапно и в ситуациях мало для интимных телодвижений подходящих — вроде, например, кабинки «чертова колеса» в парке Горького.

Я нехотя поднялся с кровати, распахнул окно. Темный двор дохнул плотным, сладковатым запахом цветущей липы. Бессонный собачник пересекал его, ведя на поводке меланхоличного черного пса. Я начал впадать в дрему, однако усилием воли заставил себя отказаться от непреодолимого желания растянуться на кровати, спустился черной лестницей во двор, поплутал по подворотням, выбрал к более или менее сносно освещенной улице, повертел головой, пытаясь сориентироваться на местности.

От этих забот меня избавил натужный скрип тормозов, раздавшийся за спиной. Глянув через плечо, я обнаружил, что компанию мне в полночных прогулках составил милицейский «уазик».

Некоторое время этот одышливый, чахоточно подкашливавший на малых оборотах драндулет следовал за мной, потом обогнал и, заехав на тротуар, перегородил мне дорогу.

13

Открылась правая дверка, из «воронка» выглянуло существо, чертами откормленной физиономии поразительно походившее на того малого из красных «Жигулей», которому я совсем недавно сломал нос, — квадратную его башку, которую очень удобно было использовать как станину для колки грецких орехов, украшал короткий армейский ежик.

Мент вывалился из машины и, скрестив руки на груди поверх аппетитного брюшка, уставился на меня.

— Какое счастье, что в этом темном переулке я повстречался с представителями закона! — облегченно выдохнул я, двинувшись к менту с таким видом, будто собирался обнять его в порыве трепетных чувств. — Тут наверняка полно хулиганья, но теперь мне

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

нечего опасаться за свою жизнь.

На самом деле я опасался. Мент, судя по всему, был в легком подпитии и нужной формы еще не набрал, а недобравший мент, как известно, страшнее поднятого из берлоги медведя, — он измерил меня тем характерным; пытливым и в то же время отечески теплым взглядом, с каким палаческих дел мастер обласкивает свою жертву, прежде чем начать крутить ворот дыбы, и сочно рыгнул.

— Будьте здоровы. Что вы на меня так смотрите?

— Как? — обнаружил он наконец на удивление тонкий петушиный голосок, совершенно не вязавшийся с монументальной внешностью. — Документы!

В воспаленных глазах этого куска свинины стояла та холодная и крошечная пустота, которая стынет разве что в пустых и мертвых взорах мраморных изваяний. С собой были права, но расставаться с ними мне не хотелось, я запустил руку во внутренний карман пиджака, пошарил там и растерянно помотал головой.

— Какая незадача! Свой дипломатический паспорт я оставил в служебном «саабе», припаркованном у резиденции американского посла. Мы с послом ужинали при свечах, немного выпили, и я не рискнул сесть за руль.

— Шутник, — улыбнулся мент. — Эй, Коля, тут у нас шутник.

На призыв из машины выбрался еще один представитель закона, коренастый, жилистый, заметно сутулившийся и настолько длиннорукий малый, словно родословную свою вел прямиком от орангутанга. В отличие от своего добродушного коллеги Коля был похоронно мрачен и свирепо шевелил кустистыми рыжими бровями, живописно оттенявшими узость его чуть скошенного лба. При этом он задумчиво перетирал пальцами правой руки воздух так, словно в воображении пересчитывал наличность в моем бумажнике. Я прекрасно понимал, что их интересует наличие у меня документов примерно так же, как показатель индекса Доу-Джонса. Что их на самом деле всерьез занимало — так это содержимое моих карманов.

— Ладно, ваша взяла... Сдаюсь. Зачитайте мне мои права, а потом я позвоню своему адвокату.

— Ага, сейчас. Зачитаю, — улыбнулся Коля, осветив обезьянью челюсть, и потянулся к висящей на поясном ремне кобуре. — Стоять. Лицом к стене. Руки на стену. Ноги на ширину плеч.

Я слишком устал, чтобы вдаваться в полемику, послушно исполнил приказ, и это было моей ошибкой: хлесткий удар по затылку оглушил меня, я ткнулся лбом в стену, упал на колени, уронив голову на грудь, второй удар в висок избавил меня от созерцания телесного оттенка предмета, анемичным моллюском ползущего по асфальту, в котором я на излете сознания сумел опознать использованный презерватив.

Глава третья

1

Очнулся я на бетонном полу тесного помещения, ритмично расчерченного тенью решетки из толстых стальных прутьев, обвел пространство бетонной клетки еще расшатанным от глубокого нокдауна взглядом, определил, что отдыхаю в милицейском «обезьяннике», с трудом отжался на руках, сел, прислонился к бетонной стене, из которой в раскаленный от удара чем-то увесистым затылок хлынула целительная прохлада, с трудом ворочая неподатливыми, будто принадлежащими какому-то постороннему человеку, губами, попросил:

— Эй, бойцы, дайте, что ли, покурить перед смертью.

Реплика была адресована в направлении ломящегося от типичных для обстоятельного служебного выпивона яств стола, стоявшего в нише чуть наискосок от клетки: ароматная

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

селедка млела в пластиковых ванночках, купаясь в пряном соусе, пышные ломти неряшливо разваленного тупым тесаком свежего хлеба источали какой-то очень уютный, домашний аромат, сально поблескивали бумажно тонкие куски кореечной нарезки, сочно округлял крутой бок астраханский помидор, слезились прохладной влагой пара загодя остуженных в морозилке бутылок «Привета» и несколько темных башенок бутылок пивных. За столом в живописно расхристанном виде отдыхали мои новые знакомые и привычным тестовым жестом тянули стаканы в направлении восседающего на председательском месте средних лет человека в штатском сером костюме, в манере держаться которого угадывались типичные для выбившегося в люди участкового мента повадки.

Пока холодок бетонной стены тек в затылок, возвращая к жизни, я успел понять, что он когда-то служил в этом отделении, потом двинулся на повышение и теперь скользит в лакированных штиблетах где-то по надраенным мастикой паркетам Петровки. Коля с грацией утомленной гориллы отжался руками от стола, и, пожеывая застрявшую в уголке рта сигарету, направился к моей клетке, остановился у решетки, двумя пальцами извлёк почти прогоревший до фильтра бычок, полюбовался им и упругим щелчком отправил его в мою сторону.

— Кури, чего уж там.

Окурочек стукнулся о стену рядом с моим плечом, взорвавшись вспышкой мелких искорок, и упал на пол.

С минуту мы молча глядели друг на друга.

— Да пошёл ты! — устало отмахнулся я.

— Не любишь нас, ментов, да? — сузив свои мраморные глаза, спросил Коля.

— Ну почему же. Я знал одного приличного мента. Впрочем, это было давно.

— И кого же? — повернулся в мою сторону паркетный мент, отвлекшись от созерцания подцепленного на вилку кусочка корейки.

У него было полное и несколько рыхловатое лицо, на котором выделялись рот, настолько большегубый, что казался вывернутым наизнанку, и хищно поблескивавшие стального оттенка глаза — из них сочился в мою сторону могильный холод.

— Его фамилия была Малахов.

Мент медленно опустил вилку, недоуменно приподнял жидкую бровь, сосредоточенно пожевал воздух влажными губами и некоторое время остужал меня своим стальным взглядом.

— Уж не Валентин ли Сергеевич?

— Вроде так.

— Ну-ну. Это интересно. И при каких вы с ним встречались обстоятельствах?

— Да так. Пили пиво.

— Просто пили пиво и все?

— Да нет... Но обстоятельства и детали той давней встречи стерлись из моей памяти. — Мучительно поморщившись, я погладил ушибленный затылок. — Чтобы освежить их, мне нужен хороший глоток. Только глоток «Старого мельника» спасет раненого кота.

Не думаю, что он догадывался, о каком коте идет речь, тем не менее, мотнув головой, бросил взгляд на стол, приподнялся, дотянулся до бутылки «Старого мельника», встряхнул ее, скользнул взглядом по наклейке с таким видом, словно хотел вычитать в ней что-то новенькое, и, поощрительно кивнув Коле, вложил бутылку в его обезьянью ладонь.

Примат в чине старшего сержанта с явной неохотой просунул руку сквозь прутья решетки и передал пиво мне, я зубом скovyрнул пробку, глянул на горлышко, выдохнувшее залп мутноватого дымка, поднес его к губам, резко закинул голову назад, наслаждаясь тем, как живительная влага, пощипывая сухую глотку, хлынула в меня, и я вспомнил кое-что из того, о чем помнить не собирался.

Так уж устроен механизм растительной памяти — ее образы выплывают из глубин подкорки, лишь почуяв наживку в виде какого-то либо обонятельного, либо вкусового ощущения, и это было то самое ощущение легкой и ненавязчивой горчинки, которое сообщает хороший глоток пива этой марки — в тот вечер ты пил именно «Старый мельник», стараясь утопить в его несметных количествах ту в общем-то малоаппетитную картину, что стояла перед глазами: заплеванный и отвратительно влажный пол институтского туалета, на нем распластан молодой человек в дорогом темном костюме из отменной английской шерсти, он лежит, нелепо подогнув левую ногу, немо шевелит окровавленными губами и напоминает едва живую рыбу, выброшенную на берег прибоем, — вялую, с орошенными бледно-розовой кровью жабрами. Ты приседал рядом с ним на корточки, любуясь делом рук своих, а впрочем и ног тоже, переворачивал его на спину, складывая на груди его ладони. В этой позе он выглядел как образцово-показательный покойник, и только студенистые ткани его вытекшего правого глаза продолжали отвратительно колыхаться, пульсировать и сигнализировать о том, что тело пока еще не есть дань, готовая земле.

Точно в такой же позе — помнишь? — на этом самом полу ты за два дня до этого нашел своего приятеля Отара и вот возвращал копию этого шедевра палаческого искусства тем авторам, которые Отара расписали так, что он из этого туалета прямиком отправился в реанимацию.

Ноги молодого человека, за которым в группе укрепилось прозвище Хорек — в его мимическом рисунке его лица был что-то от грызуна, — были слегка развалены на стороны, а ты с трудом подавил в себе острое желание заехать ему в пах, чтоб уж наверняка избавить его от проблем, связанных с деторождением, плюнул на пол, покинул туалет, повесил на дверь табличку «РЕМОНТ», спустился на первый этаж, вышел на улицу, уселся на лавочку в институтском дворе и закурил, а спустя минут двадцать во двор вкатилась карета «скорой помощи», за ней пара мощных джипов, из которых высыпались крепкие ребята в темных костюмах и ринулись к главному институтскому входу. Вслед за ними проплыл серебристый «мерседес» и встал между джипами. Выскочил шофер, обежал машину, с церемониальной торжественностью открыл заднюю дверцу и замер, сложив руки пониже пояса, как это делают футболисты в «стенке», оберегая от сильного удара мошонку.

Прошло не менее полуминуты, прежде чем из салона показалась нога, обутая в черный, идеально вычищенный штиблет. Опробовав опору, нога встала на скользкий, облитый слюдой гололедицы асфальт, и вслед за этим показался сам хозяин суетящейся во дворе своры ребят в черных костюмах.

В том, что он именно хозяин, сомневаться не приходилось.

Это был человек среднего роста с прямой — и даже слишком прямой — осанкой, лет сорока пяти на вид, с бледным вытянутым лицом, острые черты которого, плотно поджатые тонкие губы и тяжелый взгляд из-под светлых бровей намекали на жесткий характер. На нем было длинное черное шерстяное пальто, за запахнутыми полами которого виднелся песочного оттенка костюм. Он рассек меня, сидящего на лавке, от плеча до колена острым и хлестким, как удар кривой казацкой сабли, взглядом и направился к карете «скорой помощи», выслушивая на ходу торопливую скороговорку одного из своих тонтон-макутов, в компании которого вовсе не смотрелся пигмеем, скорее напротив: прямая осанка, нервное подергивание бледной щеки в ответ на сбивчивые доклады секьюрити и тот надменно деловой вид, с каким привыкли фланировать на светских раутах наши небожители, говорили о том, что он хорошо знает себе цену. Толпа вокруг кареты «скорой помощи» раскололась, словно паковый лед под носом ледокола, — в образовавшей полынье он в полном одиночестве проплыл к носилкам, выдернул руку из кармана пальто. Что-то резануло по глазам, какая-то крохотная деталь, ах да: тонкая его рука была затянута в черную лайковую перчатку.

Не снимая перчатки, он с оттенком безразличия, что ли, приподнял двумя пальцами окровавленную простыню, с минуту вглядывался в изуродованное лицо лежащего на

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

носилках молодого человека, потом молча перевел взгляд на доктора, а тот, на японский манер мелко кивая, принялся что-то торопливо объяснять. Человек молча выслушал его, потом распустил пальцы, и простыня опустилась на место. Отдав своей своре несколько коротких односложных распоряжений, он повернулся на каблуках и побрел к «мерседесу». Гордая посадка головы, прямые плечи, вздернутый острый подбородок, решительная походка — все как-то вдруг поплыло, размякло, словно тело его разом освободилось от жестких пут какого-то незримого корсета. Плечи его опустились и дрогнули, голова поникла. Встав у предусмотрительно распахнутой шофером дверки машины, он облокотился на крышу и ткнулся лбом в туго перехваченное манжетой белоснежной рубашки запястье.

Плечи его продолжали вздрагивать. Он беззвучно плакал.

Потом прибыл милицейский микроавтобус. Из него вылез человек в турецкой, явно на шмоточном базаре купленной, куртке, перебросился короткими репликами с доктором, сокрушенно покачал головой, а ты, снявшись с места на лавке, побрел куда глаза глядят и так все шел я шел вперед, словно погруженный в состояние лунатического транса, не замечая, как под ногами насморочно хлюпает талая снеговая жижа, — до тех пор, пока взгляд не скользнул по вывеске, выполненной в форме дородной пивной бочки, красующейся над убегающей в полуподвальное помещение лесенкой. Хотелось ли тогда пить? Нет. Просто перед глазами опять возник кафельный пол, окровавленное лицо и моллюск вытекшего глаза, и надо было слегка промыть память — в занятии этом ты преуспел, одиноко посиживая за столиком в уютном, с низкими покатыми сводами пивном подвальчике, обшитые дубовыми панелями стены которого были украшены оленьими, лосиными и какими-то еще рогами, а также чучелом кабаньей морды, которая скалилась как раз напротив стола. Кабан заинтересованно глядел на тебя с таким выражением смертной муки в стеклянных глазах, будто ему нестерпимо хотелось выпить, и лишь спустя некоторое время ты почувствовал, что тобой в этой пивной интересуется кое-кто еще, помимо изнывающего от жажды кабана.

Тревожные эти флюиды сочились из-за соседствующего с твоим столика, на нем стоял выпитый наполовину пустой бокал с давно выдохшимся пивом, из пепельницы выросал анемичный росток сигаретного дыма, из пакетика выбегал, кидаясь врассыпную, жареный арахис, посеребренный соляной пылью, а что касается любителя выдохшегося пива, то известно о нем было разве то, что на левом его носке ослабла резинка, и тонкая ткань, съехав вниз, собралась гармошкой над черным ботинком — он читал газету, кажется «Известия», почти полностью скрываясь за мелко трепещущим полотнищем тонкой бумаги, и только макушка с жестким упорным вихром виднелась над краем полосы.

Наконец он опустил газету, склонил голову набок, глянул на тебя глазами доброго сказочника, поднялся с места, прошел к стойке бара, взял бокал свежего пива и без приглашения уселся за твой столик. Это был тот самый парень из милицейского микроавтобуса — с той лишь разницей, что турецкой куртки теперь на нем не было, — и ты с оттенком угрозы в голосе проворчал, что здесь занято. Он солнечно улыбнулся: «Вы кого-то поджидаете?» Ты сделал большой глоток: «Вот-вот должна подойти Алла Борисовна, мы с ней договорились размяться пивом, перед тем как отправиться на ее Рождественские вечера в Останкино, меня зовут Филипп, если вам это интересно, а на себя не совсем похож потому, что мой стилист предложил мне новый имидж».

Он устало махнул рукой и откинулся на высокую жесткую спинку монументального деревянного стула: «Да бросьте вы, Павел Емельянович, да, кстати, я не представился», извлек из кармана два предмета и положил их на стол: красная корочка, обладатель которой, как оказалось, являлся сотрудником отдела по борьбе с экономическими преступлениями Малаховым Валентином Сергеевичем, и второй предмет выглядел не менее внушительно — пистолет Макарова, табельное оружие ментов.

«Это я на всякий случай, — заметил Малахов, убирая пистолет в карман, и добавил: — Не люблю оружие, но приближаться к вам, Паша, на расстояние вытянутой руки, не имея при себе пистолета, крайне рискованно, насколько я успел заметить!» — сделал глоток,

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

промокнул; тыльной стороной ладони вспухшие над верхней губой пенные усы и с интересом глянул на тебя, чего-то выжидая. Тот факт, что ему известно имя, тебя не удивил и не встревожил: старый мельник в крови уже обжился, сознание слабо отзывалось на внешние движения, голоса и запахи, но вдруг из глубин памяти опять поднялась картина, которая, казалось, надежно похоронена под толщей пива.

Малахов этот настрой угадал и досадливо поморщился: «Дурак же ты, Паша, что же ты наделал, ты выбил ему глаз, раскрошил все зубы, отбил почки и печень, а кроме того...» Вот тут ты резко его оборвал: «Нет, печень ни при чем. Только почки, зубы и глаз. Я просто рассчитался по долгам. Когда я ушел, этот парень представлял собой точную копию Отара. Точнее, копию того, что они с ним сделали. Зубы, глаз и почки. Ничего больше я не трогал, хотя меня и подмывало отбить ему яйца. Я точно следовал в русле той правовой нормы, которая регулирует нашу жизнь». Малахов поморгал и переспросил: «Норма? Я, как ты догадываешься, неплохо разбираюсь в законодательных актах. И что это за норма?» — «Вы ведь и сами прекрасно знаете. Око за око. Зуб за зуб. Нигде не сказано, что зуб можно разменять, предположим, на печень. Поэтому я ее и не тронул... А как поживает молодой человек, уже ракеткой машет на корте?»

Малахов затушил в пепельнице окурок, вставил в рот новую сигарету, прикурил и, мучительно поморщившись оттого, что дымок затек ему в уголок глаза, вздохнул: «Если и поживает, то паршиво, ты так его отделал, что он отдыхает в реанимации, врачи опасаются, как бы он после курса лечения не начал заговариваться и писаться под себя, и это обстоятельство сильно печалит его родителя».

Тема начала надоедать, поэтому ты откинулся на спинку стула и тупо уставился в большой экран установленного на высокой полке справа от стойки бара телевизора, в экране стоял унылый, болотного оттенка пейзаж, казавшийся совершенно мертвым, если б не пылящая мутноватыми облачками выхлопов танковая колонна, бурым, облепленным грязью потоком текущая вперед по расквашенной проселочной дороге. В бубнение дикторского голоса вплетались напряженно тревожные интонации, похоже, началась война, до которой тебе не было никакого дела, и ты протянул Малахову руки с мирно сомкнутыми кулаками, подставляя запястья под браслеты наручников, но он невесело усмехнулся в ответ на этот театральный жест и покачал головой: «Тебе следовало бы хорошенько подумать, прежде чем прикасаться к этому парню».

Замечание взбесило: «А он что, внебрачный сын папы римского или внучатый племянник далай-ламы? В любом случае, кем бы он ни был, это большая сволочь. А всякую сволочь я привык мочить. Где достану, там и мочу. На улице так на улице. В сортире так в сортире».

Он загадочно улыбнулся, обернувшись и глянув на экран, неожиданно спросил: «Тебе есть куда спрятаться? Тебя ищут. Вернее сказать, пока они ищут не конкретно тебя, а того неизвестного вандала, который приготовил из сына уважаемого родителя отбивной шницель с кровью. И я не сомневаюсь, что скоро они выяснят, что этим кулинарных дел мастером был именно ты. И в этот момент ты смело можешь заказывать себе место на кладбище». — «Догадываюсь». — «Догадывается он... — невесело усмехнулся Малахов. — Папаша сотрет тебя в порошок. — Он сделал паузу, спрятал свою краснокожую книжечку в карман. — Ты и часа не протянешь после того, как он выяснит, кто именно до полусмерти отделал его сынишку. Шума он, понятное дело, поднимать не станет. Тем более морочить себе голову судебным преследованием и прочими процессуальными глупостями. Тебя просто пристрелят при первой же возможности». «А тебе-то откуда известно, что это моих рук дело?» В его взгляде вдруг возникло то неподвижное, свинцовое, неподъемно тяжелое выражение, какое стоит в глазах бредущего за гробом покойника родственника. Он повздыхал и изменившимся голосом протянул: «Откуда известно, роли не играет, только знаю, что ты приговорен, и я ничем не смогу тебе помочь, — закурил, сделал пару глубоких затяжек и опять тихо сказал — Иди и постарайся не высовывать носа хотя бы в течение ближайшего месяца». — «А институт? Сессия на носу». — «Ты мне поначалу не показался идиотом». — «Выходит, ты —

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

мент, и, несмотря на это, меня отпускаешь?» — «Да. Иди. Я тебя отпускаю». — «Почему?» — «У меня есть на то причины. — Он умолк, глаза его начала застилать та характерная влажная муть, которая туманит взгляд погрузившегося в какие-то не самые приятные воспоминания человека, он вдавил окурок к пепельнице и покачал головой: — Какие причины? Они есть, но про них я тебе ничего не скажу, пока же тебе надо найти укромное местечко, где хотя бы на время можно было укрыться».

Решение пришло просто и естественно, вместе с очередным взглядом на экран, где все еще шел репортаж о войне: «Есть где спрятаться!» И майор Сизов озадаченно дернул пухлой щекой, когда ты на следующий день предстал перед ним в душном кабинете военкомата и спросил: «Опять бросила любимая девушка? — А когда ты ничего не ответил, он мрачно заметил, пролистывая твоё личное дело: Знаешь, парень, мне абсолютно по барабану, что именно опять привело тебя сюда, я только знаю... — Он нацепил на мясистый нос очки в тонкой серебристой металлической оправе, которые смотрелись на его ветчинной физиономии совершенно неуместно, и пошелестел бумагами: — Знаю из этих характеристик, что ты был хорошим солдатом».

Да, я был хорошим солдатом.

Он покачал головой и протянул контракт, ты спросил: «Там меня сам черт не достанет, ведь так?» И майор глянул поверх оправы: «Положим так, но насчет черта постучи по дереву!» Но ты отмахнулся, не постучал, и напрасно, черт не достал, это верно, зато достал снайпер, в левое плечо.

Теперь оно изредка ноет. И вот ни с того ни с сего заныло теперь, когда я сквозь решетку «обезьянника» глядел на паркетного мента, и что-то в его вопросительном взгляде мне очень не нравилось.

— Вы хотите узнать, чем мы с Малаховым занимались, когда вместе пили пиво? — спросил я.

— Ну, предположим.

— Вели конфиденциальную беседу.

Мент скрестил руки на груди и промолчал, однако весь его вид говорил о том, что он хотел бы узнать — о чем.

— О бабах, — заговорщически притушив голос, сообщил я. — Ему, оказывается, нравились худые блондинки, а мне полные шатенки. Мы так живо полемизировали на этот счет, что едва не подрались.

Он собрал в поцелуйный бутон свои негритянски пышные губы и, звонко чмокнув воздух, сокрушенно вздохнул:

— Выходит, ты не хочешь мне помочь.

Я принялся размышлять, чем и зачем должен помогать бывшему работнику здешнего отделения, он тяжело вздохнул и перебросился парой быстрых взглядов с коллегами. Коля одобрительно зашевелил бровями, его партнер с видимой неохотой, натужно кряхтя, поднял свой добрый центнер отборной свинины со стула, махнул полстакана без закуски, отпер замок клетки, взял меня за шкурку, резким рывком водрузил в вертикальное положение, прислонил к стене. В правой руке, которую он до этого держал за спиной, возникла черная полицейская дубинка.

Я сделал ошибку, неосторожно двинув левую руку вверх, — растительный инстинкт скомандовал поставить блок, однако я был слишком слаб, чтобы уберечься от хлесткого, с оттяжкой, удара, и в следующую секунду показалось, что в больном левом плече разорвался фугас. Не знаю, последовал ли второй удар, потому что мне и первого хватило, чтобы провалиться в небытие.

3

— Лежи спокойно. Все путем. Будь спок.

«Все путем!» — присказка отдаленно знакома, она настояща на привкусе крови:

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

облизав разбитые губы, я уловил этот привкус, такой знакомый, и потому перед глазами вдруг всплыло — однако не до поверхности — лицо Сани Кармильцева, сапера разведгруппы, грязное и злое, запудренное пылью и пороховой гарью. Виделось оно туманно, словно отделенное слоем мутноватой прудяной воды, — оно склонялось надо мной, и на слабо двинувшихся губах вспухла эта реплика, ты не столько слышал ее, сколько видел: «Все путем, парень, все путем».

— Саня? — прошептал я, пытаюсь приподнять налившиеся свинцом веки. — Да-да, все путем.

Все путем, Саня, только оттащи меня вон туда, за камень. Вот так, вот так. И сам ложись. Твою мать, Саня, осторожней, он, кажется, снес мне левое плечо, посмотри, на месте плечо? Да? Ну слава богу, уже легче. Ага, при тебе твой любимый АКС с подствольником. Вижу. Ну же давай, шмальни вон туда, метров пятьсот выше по склону, — кустарник видишь между камней? Он там, точно, сукин сын, а, черт, как больно. Давай, Саня. Разнеси его на клочки, ты это умеешь. Твою мать, почему ты стоишь во весь рост? Падай, твою мать, падай. Ты шел сзади и видел. Это снайпер работает. Он аккуратно работает, профессионально. Он мог бы мне снести сразу башку, но не сделал этого. Что почему? Потому. Он ждет, когда кто-то придет меня вытащить. Ты пришел. Сейчас он снесет тебе череп, а потом примется за меня. Хорошо бы там сидела не сука. Мне жаль мои яйца. Бабы ведь всегда в такой ситуации стреляют в яйца, на то они и бабы, суки, суки. Все бабы суки, я знаю. Иначе я бы не оказался здесь. Все началось с бабы, Саня, я тебе не рассказывал, но теперь расскажу... Ее звали Голубка. Твою мать, как больно. Мое плечо на месте или его уже нет? Посмотри, Саня. Да падай же ты! Падай. Мне больно говорить, как будто в рот натолкали камней.

В самом деле больно говорить, во рту демосфеновы камни, они тяжелы, громоздки, они ранят острыми гранями нежное нёбо, коверкают язык, крошат зубы, но надо, надо, несмотря на боль, преодолевать немоту, ведь разве только способностью внятно артикулировать свои мысли мы и отличаемся от зверей — мы ведь, Саня, не звери, да?

— Он бредит, — донесся откуда-то издалека голос, однако это не голос Сани, а какой-то другой, густой и низкий. — Надо в него влить дозу. Твою мать, что ты мне суешь? Это же пиво. Водки тащи. Вот так, парень, хорошо. Пей и будь спок.

Губы вспыхивают, горят, словно не обмакнулись в водку, а целовались с напалмом, однако густое тепло покатилося по жилам и наконец взошло к лицу, подтопило свинец в веках — можно попробовать их приподнять

Приподнял.

В мутноватом колыхании желтоватой прудяной воды, медленно формируясь по мере движения откуда-то из донных глубин, возникло огромное и дремучее, закованное в пышный овал темной всклокоченной бороды лицо, его крупные и тяжелые черты складываются в образ смутно знакомый, вот разве что надвинутая на глаза черная гестаповская фуражка с серебряной кокардой в виде скалящегося «веселого Роджера» скверно монтировалась с обликом таежного существа, расплывающегося в улыбке, заплутавшей в буреломных зарослях косматой бороды, существо повторило колокольно гулким, медно гудящим голосом:

— Будь спок.

«Будь спок!» — говорил Майк Медведь, прежде чем в момент ритуала посвящения в бойцы крылатой пехоты отправить тебя ударом своего огромного кулака в нокдаун, и это был именно он, Майк Медведь по прозвищу Гризли, только если в армии он походил на молодого игривого хищника, то теперь выглядел заматеревшим, всего на своем веку повидавшим зверем.

— Майк? Ты опять меня вытащил.

— Выходит, так.

— У меня опять сломана лодыжка?

— Да вроде нет. Я пощупал. Но отделали тебя знатно.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Моя милиция меня бережет.
— Понятно. Они умеют.
— Ничего. Не срубили под корень — и на том спасибо. Обрасту новой корой, приду в форму. А где мой парашют?
— Брось, парень. Это было давно. И неправда.
— Ты же знаешь, что правда.

Правда состояла в том, что Майк в самом деле тащил тебя потом на себе пятнадцать километров, когда в момент приземления ты сломал лодыжку, а взводу предстоял марш, и в том так же состояла, что потом навесил в госпитале, принес сигарет и пакетик с невыносимо приторными и каменно прочными конфетами «подушечки», разгрызать которые было небезопасно, потому что густая их паточная начинка склеивала рот не хуже сапожного клея, и что-то в облике этого огромного существа, возникшего на пороге палаты и заполнившего своей массой весь дверной проем, а затем смущенно протянувшего пакетик с конфетами, было настолько трогательное, что впору было расплакаться.

— Где мы? — Я сделал робкую попытку приподняться на локтях. — И почему так воняет бензином?

— На базе. В гараже. Будь спок, менты сюда не суются. А если и сунутся, им же хуже.

— Приподними меня.

Майк осторожно усадил меня, прислонив спиной к бетонной стене, и я наконец получил возможность осмотреться, но тут же инстинктивно зажмурился: ослепительно яркий зайчик, соскочив с покатога бока хромированного бензобака, залетел точно в глаз — прямо напротив стены стояла мощная «ямаха», в кресле которой сидела затянута в черные кожаные доспехи девчушка лет семнадцати с немыслимым кавардаком в типично клоунской шевелюре цвета фиолетовых сумерек и болтала ножками, закованными в тяжелые армейские ботинки на шнуровке.

Она улыбнулась, осветив стройный ряд на удивление белых зубов, в остальном же производила впечатление второй свежести: бледное, отдающее в голубизну, угловатое лицо казалось полинявшим, а в тусклых водянистых глазах стояло такое выражение крошечного безразличия ко всему на свете, словно в течение этого дня она искурила целый стог конопляной соломки.

Яркий свет низко свисающей с потолка лампы под широким, напоминающим шляпу вьетнамского крестьянина, абажуром из жести истаивал по мере того, как долетал до потаенных углов и окраин достаточно обширного ангара, в котором стояла еще добрая дюжина мощных мотоциклов, меж которыми сидели или меланхолично бродили закованные в черные кожаные доспехи персонажи, каждый из них обладал яркой индивидуальностью, но объединяло их то, что все они дружно лакали из темных бутылок пиво, запасы которого, судя по внушительному штабелю тарных ящиков в углу, вполне позволяли выдержать многомесячную осаду.

Парочку живописных голов украшали точно такие же фуражки, что и медвежью голову Майка. Когда-то в далеком прошлом он показывал в казарме свою до-армейскую фотокарточку, на которой был изображен восседающим на мотоцикле, и делился сокровенными соображениями на предмет будущей гражданской жизни: сидеть в седле, чувствуя под собой как минимум двести лошадиных сил, лакать пиво и иметь все, что шевелится на расстоянии вытянутой руки и хотя бы отдаленно напоминает представительниц прекрасного пола, а заодно иметь: попов, банкиров, политиков, газетчиков, писателей, школьных учителей, фининспекторов, докторов из поликлиники, ментов — этих в первую очередь! — работников торговли, гаишников, домохозяек, почтальонов, юристов, дворников, юмористов, звезд эстрады, актеров драмтеатров, депутатов Думы, муниципальных чиновников, дипломатов, тюремных надзирателей, дикторов телевидения и так далее и тому подобное.

Выходит, Майк осуществил свою мечту, и я искренне за него порадовался, тем более что такого рода умонастроения были мне всегда по душе.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Хочешь с ней прилечь? — пихнул он меня в бок, стрельнув взглядом в белозубую байкершу.

— Не сейчас... Как я попал в ваше уютное логово?

Майк задумчиво поскреб бороду, дотянулся до бутылки водки, плеснул немного в стакан, протянул мне:

— С днем рождения, парень.

— Да-да, сегодня родился Харон. За это надо выпить.

Я молча выпил.

— Не знаю уж, кто там у тебя родился... А что касается тебя, то ты прилег отдохнуть тут неподалеку, за поворотом, в двух шагах от нашего байк-клуба. И что характерно — прямо на дороге. Тебе сильно повезло. Она, — Майк отослал короткий кивок в сторону белозубой, — заметила тебя. Ты был в полном ауте. Ближайший же грузовик превратил бы тебя в отбивную на ребрышках.

— Ты сказал — тут? Где это — тут?

Майк пояснил. Я знал эту окраинную дорогу, у которой располагалось логово байкеров, приходилось бывать тут проездом и видеть охраняющее въезд в клуб характерное изваяние: вознесенный на высоком камне матерый волчара хищно скалился, словно намекая случайному прохожему, что соваться за ворота постороннему небезопасно.

— А где ты принял низкий старт в этом забеге? — спросил Майк.

— В районе Чистых прудов.

— Да ты марафонец.

Я сунул руку в карман брюк и, к своему огромному удивлению, на месте ожидаемой пустоты обнаружил приятно холодящий ладонь глянec свежей банкноты — эта была та самая, полученная от Мальвины, сотня долларов.

— Что-то тут не так, Майк.

В самом деле немыслимо: менты не озаботились тем, чтобы обыскать карманы, в такое верилось с трудом, и вдвойне странно, что деньги они не тронули. Права тоже были на месте. Ребята, оглушившие меня в «обезьяннике», свое дело знали: место тут темное, и первый же вылетевший из-за поворота автомобиль в самом деле приготовил бы из меня то блюдо, о котором говорил Майк. Хотя я и не убежден, что после такого наезда во мне осталось бы хоть одно целое ребрышко.

— Как зовут мою добрую фею? — спросил я.

— Тэ-Жэ.

— Что?

— Сокращенно от «тормозной жидкости», — пояснил Майк в ответ на мое искреннее недоумение. — Она немного тормознутая, но, в общем, хорошая баба. Своя.

Тэ-Жэ соскользнула или, точнее сказать, медленно стекла с сиденья «ямахи» — в пластике ее заторможенных движений в самом деле было что-то от ленивого струения вязкой, тягучей жидкости, — прошаркала, почти не отрывая от пола тяжелые подошвы башмаков, к стене, молча протянула руку, у нее была маленькая жесткая ладошка, хиромантические рисунки которой я ощутил столь отчетливо, словно они были рельефно проточены в прочном куске дерева, особенно же — тугое вздутие венеринного бугорка, ну совершенно такое же, как у Голубки! — одна из смутных ипостасей которой тут же дала о себе знать.

Совместными с Майком усилиями они поставили меня на ноги. Я оперся на ее плечо и на деревянных негнущихся ногах пошаркал к выходу из гаражного ангара, он, как оказалось, примыкал стеной к обшарпанному срубу, одно из окон которого было освещено тускло-желтым, очень уютным домашним светом. Дотащившись до крыльца, мы остановились перевести ДУХ.

Посвистывать с разбитыми губами трудно, звук вышел шершавый и невнятный, но Тэ-Жэ отозвалась на него тихим смехом:

— Тебе надо поспать.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Поразила звонкая чистота ее голоса, очень детская, звучащая разве что в прозрачных, не успевших переспеть от возраста, мальчишеских дискантах, а потом мы лежали на продавленном диване под грубым солдатским одеялом, и она, уютно устроившись под моей рукой, прижималась ко мне своим маленьким, но поразительно уютным тельцем, ровное тепло ее дыхания мягко стелилось по моей груди. Погруженная в глубокий сон, она вряд ли догадывалась о том, как у меня ноет сердце, потому что именно так всегда засыпала на моем плече Голубка.

4

Очнувшись от тяжелого сна, я пошевелил левым плечом, отчего в нем вспухла тупая боль — ее тихо тлеющие очаги тускло замерцали и в других частях моего приглушенно ноющего тела, словно расставляя сигнальные вешки у синяков, гематом и ссадин, а впрочем, голова была чиста, пуста и невесома, и первая мысль, с тихим шелестом легких крыльев прошуршавшая сквозь этот блаженный вакуум, была о лежавшей рядом со мной маленькой уютной девочке.

Выходит, еще не все потеряно.

Я пошарил рукой по бугристой подушке дивана, но Тэ-Жэ на месте не обнаружил, сел, испытыв приступ головокружения, собрался с силами, встал и добрался до окна, выходящего в старый, изношенный фруктовый сад. Меж давно переживших свой плодоносный век яблонь, плутая в мучительных изломах заскорузлых древесных тел, тек рыжеватый свет и мягко ложился на поросшие густой травой покатые могильные холмики, в которых с трудом можно было опознать четкие контуры некогда ухоженных огородных грядок. Сад спокойно дышал чуть сладковатыми запахами утомленной полуденным зноем травы, но в это его пасторальное дыхание упорно вторгались едкие ароматы гаражного ангара.

Окончательно придя в себя, я осмотрелся. Одежда валялась на полу у кровати и находилась в настолько плачевном состоянии, что годилась разве что на половые тряпки, я был девственно гол, зато жив и располагал капиталом в размере ста долларов.

— Ничего, будем жить, — улыбнулся я пенсионному саду, выбрал из комнаты, спустился по шаткому, ревматически постанывающему крыльцу во двор.

Ворота ангара распахнуты, бригада байкеров предавалась тем же занятиям, в которых коротала прошлую ночь, то есть лениво лакала пиво, покуривала, вяло перебрасывалась сонными репликами, а единственным деятельным персонажем в этой живописной компании выглядел Майк, сидевший на корточках перед мощным «Уралом» и ковырявшийся в его двигателе. Он покосился, удовлетворенно хмыкнул:

— Все путем.

Явление абсолютно голого человека не произвело на публику абсолютно никакого впечатления, разве что в тусклых глазах Тэ-Жэ, опустившихся к низу моего живота, метнулся промельк какого-то внятного чувства, вытолкнувшего из бледного, чуть распахнувшегося рта острый язычок, — изогнувшись, он медленно облизал верхнюю губу. Одета она была в знакомые мне уже черные кожаные штаны и безразмерную майку явно с чужого плеча, смотревшуюся на ней чем-то вроде ночной рубахи. Приглядевшись к компании, я столкнулся с еще парочкой такого рода характерных взглядов, пытливо осваивавших формы и объемы моего мужского достоинства, — выходит, Тэ-Жэ была не единственной тут представительницей прекрасного пола, чего ночью я как-то не заметил, ибо все обитатели ангара были одинаково косматы, одинаково закованы в черные кожаные доспехи, а запястья большинства из них украшали широкие напульсники.

Я прошел к пивному штабелю, выдернул из ящика бутылку «Невского», скovyрнул пробку, сделал хороший глоток и уселся на пол рядом с Майком.

— У меня есть пара проблем.

Он отер руки ветошью, бросил ее на пол, и в его дремучей бороде возникло движение, напоминавшее ласковую ухмылку.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Всего-то пара?

— Во-первых, неплохо бы немного приодеться... Я еще не вполне созрел для подлинного нудизма.

— Это как раз не проблема.

Майк с поразительным для его портосовской комплекции проворством поднялся, распахнул дверку обшарпанного платяного шкафа, стоявшего в дальнем углу ангара рядом с верстаком, покопался в его темных глубинах и вернулся с грудой каких-то темных одеяний, из которой я извлек вполне сносные джинсы и короткую Джинсовую куртку, в широкой спине которой расправлял могучие крыла с филигранной тщательностью вытканый золотистыми нитями орел, хищно косящийся на меня налитым кровью глазом, в зеницу его был впаян напоминающий рубин камешек. Последними из груды я извлек высокие черные ботинки из грубой кожи сорок пятого размера — они оказались впору.

Джинсы уселись на бедрах плотно, как вторая кожа. Куртка тоже сидела прилично.

Экипировавшись, я повернулся перед Майком и поймал на себе взгляд Тэ-Жэ. Она слабо улыбнулась, соскользнула с тарного ящика, на котором сидела, подошла и, сложив крестом тонкие руки, ухватила подол своего бесформенного шлафрока, потянула его наверх, медленно открывая моему взгляду плоский живот, тугие изгибы реберных дуг, маленькие, остро торчащие груди и уютные лунки подмышек. Ее клоунская шевелюра хлынула наверх, увлекаемая вырезом майки, а потом мягко осыпалась, приняв первозданную форму косматого шара.

— Как тебя зовут? — спросил я, принимая от нее майку.

— Ты же знаешь.

— Нет.

Она помолчала, закусив губу с таким видом, будто мучительно продиралась сквозь буреломы памяти в поисках своего давно забытого имени, потом вдруг потупилась, и на ее щеках вспух бледный румянец.

— Тоня, — тихо выдохнула она.

— Спасибо, Тоня. — Я наклонился и прикоснулся губами к уютной впадинке меж ее маленьких грудей.

Она погладила меня по плечу.

От ее тела исходил терпкий запах пота и еще какие-то смутные, но настолько естественные, без намека на фальшь косметики, туалетного мыла или парфюмерии, глубоко природные ароматы, что я почувствовал легкое головокружение.

— Оставайся, если хочешь, — прожурчал надо мной ее дискант.

Ощущая губами жесткое ядрышко какой-то выпирающей между ее мягкими грудями косточки, я подумал о том, как это было бы, наверное, здорово: жить в волчьем логове байкеров, лакать пиво и от души иметь все, что шевелится, согласно тому списку, который очертил когда-то Майк, собираясь на гражданку. Усилием воли отогнал от себя эти навевающие сладкую грусть мысли.

— Спасибо, Тоня, — повторил я, выпрямляясь.

— А вторая проблема? — спросил Майк.

— Мне нужны колеса.

С минуту он размышлял, почесывая бороду, потом махнул рукой и опустил свою медвежью лапу на бак «Урала».

— Подойдет?

— Конечно.

— Он старый, конечно, конь, но в хорошем состоянии. Такой конь борозды не испортит. — Майк почесал всклокоченную бороду и двинулся к выходу. — Сейчас доверенность тебе сварганим. Мало ли. К нам как раз Аркаша наведался, друг пионерского детства. Он выбился в люди и теперь работает в нотариальной конторе.

Аркаша оказался бледнолицым молодым человеком, чей образцово-показательный еврейский нос украшали изящные очки с полуовальными стеклами, позволяющими глядеть

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

поверх оправы. В алюминиевом его кейсе хранился набор необходимых нотариальных причиндалов, включая бланки и печати, и спустя минут десять доверенность покоилась в кармане моей куртки.

Я оседлал «Урал», запустил двигатель.

— Есть еще одна проблема, — усмехнулся Майк, проходя к стене и сдергивая с нее тусклое блюдце запыленного зеркала.

Заглянув в зеркало, я недоуменно отшатнулся. Макушку мою украшала тщательно выстриженная тонзура, виски были выбриты, и в целом я походил на монаха-францисканца.

— Я подумал, у тебя башка разбита, — пояснил Майк. — Все волосы на макушке в крови. Вот я немного и состриг — мало ли, думал, может, швы придется накладывать. Оказалось, ерунда, просто ссадины. И на виске тоже.

Я живо представил себе, как выглядел только что, возникнув на пороге гаража в чем мать родила, да плюс к тому со столь замысловатой прической, и порадовался за байкеров, чью монументальную невозмутимость вряд ли покачнуло бы даже явление в ангаре самого Иисуса Христа.

В лучшем случае Мессии предложили бы выпить «Невского».

— В целом внешность импозантная, — пожал я плечами. — На любом клубном междусобойчике, где собирается бомонд и деятели отечественной культуры, я выглядел бы своим в доску.

— Ой, не думаю, — задумчиво пробасил Майк. — Чтоб стать в этой шобле своим, надо быть педиком. А ты на него не похож.

— И жаль, — грустно заметил я. — Все гомики, которых я знал, в общем, хорошие ребята. Тихие, интеллигентные, начитанные, доброжелательные. Следят за своей внешностью. Не пьют, как лошади. Не матерятся, как сапожники. Не дерутся топорами в ходе семейных разборок за вечерней стопкой. Ты представляешь, если бы все мужское население нашей страны вдруг стало геями?

В темных глазах Майка всплыло смешанное выражение сомнения, ужаса и тоски.

— Нет, ты только подумай! — продолжал развивать я вдруг увлекшую меня тему. — Если б вдруг такое случилось, то мы бы завтра проснулись не здесь, а в какой-нибудь чистенькой и уютной Голландии, где все друг дружке улыбаются, шаркают ножкой и при встрече приседают в книксен.

— Да мне и тут пока неплохо, — тряхнул косматой башкой Майк, проходя к верстаку и доставая с укрепленной над ним полки опасную бритву с желтоватой костяной ручкой. — Давай слезай с коня, я приведу тебя в порядок.

Резким кистевым движением он выкинул плоское лезвие и с деловым видом направился в мою сторону.

Спустя какое-то время я опять взглянул в зеркало. Оставалось искренне пожалеть о пропавших втуне трудах сотрудников салона «Комильфо», изваявших из лица нечто такое, что хоть и отдаленно, но все-таки напоминало физиономию джентльмена: теперь на меня угрюмо взирал из зеркала бритый «под ноль» человек с крупными чертами лица, резко очерченными скулами, упрямо сжатым ртом и тяжелым подбородком.

— Где-то я эту рожу уже видел. — Я провел ладонью по голому черепу, принял от Майка черный шлем с темным тонированным забралом, натянул его на голову оседлал своего железного коня и выехал из гаража.

Ты видел это лицо в свой первый день в Ботлехском ущелье — сапер Саша Кармильцев вызвался привести тебя в порядок и привел, побрив наголо и счистив с лица шершавый слой трехдневной щетины, а потом вы ушли по каменистой тропе, взбиравшейся вверх по склону, Саня шел впереди и издавал на ходу отвратительные звуки, от которых у тебя шел мороз по коже. У него была скверная привычка дергать себя за пальцы, звонко щелкая фалангами. Ты тронул за плечо и сказал что-то резкое... Ах да: если он не прекратит издавать эти кошмарные звуки, ты его вырубешь ударом приклада по башке.

Я давно не сидел за рулем мотоцикла, потому не особенно прикручивал ручку газа. Пристроившись за синеньким потрепанным «Жигулем», за рулем которого сидел, скорее всего, какой-то чинный отец дачного семейства, неторопливо кативший в медленном правом ряду, я потихоньку следовал в его фарватере и имел неплохую возможность проветриться, а заодно привести в порядок свои мысли, чтобы прикинуть возможные варианты действий: для начала наведаться в «Комильфо» — сложилось впечатление, что желтоголовый парень неплохо знаком с Мальвиной.

Жара уже вовсю давила на город, казавшийся вымершим, желтоватого оттенка зной жидким студнем обтекал в тесных руслах переулков, которыми я медленно плыл, сглатывая горьковатую слюну при взгляд де на редких граждан, не сподобившихся улизнуть из городского пекла на лоно природы, поближе к воде, и потому восполнявших недостаток влаги природной тем, что, растекаясь в чашеобразных ложах пластиковых кресел, сонно лакали пиво под тентами уличных кафешек или просто на газонах в тени изможденных кустов сирени — одному из этих ленивцев, не давших себе труда дотянуть хотя бы до Серебряного Бора, я и составил компанию — с того места, где он отдыхал, лежа в патрицианской позе на пыльной траве, был виден вход в салон,

Это был человек неопределенного возраста, длинноносый и почти без подбородка, лукавоокий, выражение и отчасти даже вытянутая форма его отдающего в нездоровую желтизну лица раздваивалось смутной копией в физиономии престарелого колли, который пухлым ковриком лежал на боку возле своего хозяина, не подавая признаков жизни, — возможно, он, бедняга, совсем спекся в своей несколько поизносившейся, но все же еще достаточно пышной шубе. В ответ на шершавый звук моих шагов по сухой траве колли приподнял веко и приглушенно заворчал для порядка, тогда как хозяин его никак не отозвался на мое появление под кустом, за исключением того, что красноречиво пошевелил пальцами босых ног — его расквашенные шлепанцы валялись рядом с пластиковым пакетом, в котором, судя по пухлому объему, хранился приличный запас живительной влаги.

Я снял с головы шлем, стянул с себя куртку, потом и майку, утер ею вспотевшее лицо, покосился на бутылку «Балтики».

— Хочешь? — почти не размыкая губ, каким-то спрятанным глубоко в недрах грудной клетки голосом осведомился желтолицый с предельной степенью равнодушия.

— Хочу.

— Ну так глотни.

— Не могу. — Я откашлялся и сплюнул. — Я за рулем.

— Да кому ты нужен? — усмехнулся он, поднимаясь, и, скрестив по-турецки ноги, потянулся к бутылке. — Все нормальные люди парятся на пляже. И менты тоже. — Он запрокинул голову, широко распахнул сухой жесткий рот, который со стороны походил на разошедшиеся лапы плоскогубцев, и начал медленно не то чтобы пить, а вот именно вливать себе в глотку пиво, и его остро отточенный кадык задвигался настолько живо, что мне показалось: еще немного — и он пропорет кожу его шеи, усыпанную дробинками крохотных родинок.

Насытившись, он промокнул тыльной стороной ладони губы, шумно, с чувством исполненного долга, выдохнул, взболтнул бутылку и, глядя на пышный хоровод пенных пузырьков, закончил свою мысль:

— Менты — они тоже люди.

— Ну, это спорный тезис, — возразил я, наблюдая за тем, как он сцеживает немного пива на согнутую лодочкой ладонь и подносит к морде собаки.

Колли выразительно подвигал черным сухим носом, открыл глаза, приподнял голову и принялся лакать пиво с руки, куда хозяин по мере истощения запасов время от времени добавлял новую порцию напитка, а потом ватно рухнул на траву — черт возьми, эта псина была в дым пьяна... Это наблюдение меня если и забавляло, то недолго: где-то я читал, что

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

некоторые наши городские собаки не только равнодушны к алкоголю, но еще и занимаются проституцией: с кем поведешься, от того и наберешься.

Я совсем было уже созрел для хорошего глотка пива, но в этот момент за стеклянной дверью салона проявился неясный очерк женской фигурки, мне отдаленно знакомой, и вслед за этим на крылечко выплыла гримерша Соня. Расстегнув верхние пуговицы салатного рабочего халатика, она встряхнула воротничок в надежде немного освежить тело, сокрушенно покачала головой, вставила в рот сигаретку, чиркнула зажигалкой и поперхнулась дымом, глядя на то, как я ловко и непринужденно вышагиваю по следам неандертальца, ведущим к крылечку. В ее васильковых глазах стояло смешанное выражение ужаса и того чисто профессионального интереса, который я иногда замечал во взгляде Вадима, когда он с напряженным прищуром пялился в мертвое лицо очередного своего клиента, прежде чем начать над ним работать. Должно быть, стражи порядка нынешней ночью навели на мою физиономию слишком выразительный макияж, а бритва Майка окончательно счистила с нее последние нюансы джентльменской наружности — девочка меня явно не узнавала.

Я приветливо помахал ей рукой.

— Соня, не пугайтесь, я один из ваших клиентов. — Завершив косолапый дефиляж по размеченной следами первобытного человека тропке, я поднялся на крылечко. — Не вышло из меня джентльмена. Наверное, все дело в генетике — все мои предки до десятого колена были дворниками.

Про себя я отметил, что соображение спорное — генетика тут ни при чем: вся наша так называемая элита рекрутирована на одну треть из числа председателей запаттных райисполкомов, на вторую из матерых обитателей зоновских бараков и на последнюю — из нештатных сотрудников госбезопасности.

— Ой! — Она придавила ладошкой удивленный выдох и, справившись с первым впечатлением, дотронулась до моей скулы. — Что у вас с лицом? Да и вообще...

— Да так... Похоже, меня хотели было пустить на дрова. Но мне удалось зацепиться корнем за почву.

— Жаль, — тихо пробормотала она.

— Мне тоже. — Я погладил себя ладонью по бритой голове. — Ваши старания пошли коту под хвост. Да, кстати. — Я помолчал, дожидаясь, пока она медленным профессиональным взглядом освоит и оценит мою исконную внешность. — Мне бы надо повидаться с маэстро. Ну, с тем желтоголовым парнем. Он на месте?

— С Борей? — Она приподняла старательно обработанные бровки. — Он сегодня выходной. — Она глянула на знакомую мне парочку, отдыхающую на газоне, и пожала плечами. — Клиентов нет. Такая жара...

— Да уж, — согласился я, отирая ладонью влажный лоб. — И где его можно разыскать?

— Скорее всего, в Строгино.

— Ну вот, опять...

— Что?

— Да так. Просто я был там вчера. И это плохо кончилось. — Я ласково потрепал ее по щеке. — Соня, Строгино — оно большое.

— Мне кажется, я знаю, где его искать. — Она покрутила в пальцах фильтр прогоревшей сигареты, пульнула его в урну, достала из кармана халатика узкую светлую пачку, вынула новую сигаретку, наклонилась к зажигалке, и в вырезе ее халатика взгляду открылись ее маленькие, остро торчащие груди — наверняка она чувствовала мой взгляд, но не сделала и попытки переменить позу, напротив — намеренно тыкалась пару раз кончиком сигареты мимо шуршащего огонька, сочащегося из сопла.

— Ты просто прелесть. — Я погладил ее по голове.

— Хочешь пива? — неожиданно и с трогательной надеждой в голосе спросила она, глянув на газон, где хозяин колли открывал очередную бутылку.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Очень. — Рука, соскользнув с ее шелковистой головки, опустилась на плечо, под ладонью возник мягкий рельеф ее ключицы, поплыл, как свечной воск вблизи открытого огня, потому что тень Голубки прошелестела над нами, она проросла в руке ощущением вот этого тугого рельефа — мягкая округлость плечного бугорка, уютная впадинка, жесткий выступ косточки, теплая лунка в основании шеи, плавно возрастающий уклон груди — и лишь странное впечатление некоей посторонности этой формы, ее скромного объема и тугого качества вернуло к реальности, заставив руку сконфуженно отпрянуть. — Извини.

— Ничего, — просто отозвалась она со слабой улыбкой.

— Мы выпьем с тобой пива, обязательно. Но не теперь. Сначала мне надо повидаться с Борей. Так где его искать?

— Переедешь через мост, потом налево вдоль реки. И дальше мимо базы воднолыжников — вперед к вершине мыса. Там маленькие песчаные пляжи на берегу залива. И перелески. Там у них что-то вроде клуба под открытым небом. — Она хохотнула. — Ага, клуба по интересам.

— Увидимся. — Я с братским чувством поцеловал ее в горячий висок и двинулся к газону, стараясь попадать ногой в следовую дорожку джентльмена, ведущую в обратном от салона направлении, но быстро сбился с шага, обернулся — Соня в ответ на мои неловкие телодвижения прыснула в кулачок, прощально помахала рукой и растворилась в мутноватом поле двери, а на ее месте в пыльной поверхности стекла распустилось отражение канадского клена, настолько утомленного зноем, что он не отозвался — ну хотя бы легким шевелением листы — на мой ободряющий прогноз:

— Потерпи, сегодня к вечеру пойдет дождь. Это точно. У меня плечо ноет.

6

Я ехал той же дорогой, что и вчера с Мальвиной, с той лишь разницей, что притормозил несколько раньше того места, где мы чуть было не задавили черепашку, потому что боковым зрением отметил нечто очень занятное во внешности человека, которого обогнал на разбитой грунтовке, ведущей к заливу, взятому в осаду оградой воднолыжной базы.

Это было воздушное существо с лицом поистине ангельским, младенческая молочная бледность буквально полыхала на фоне аспидно-черной шевелюры, находящейся в том аккуратнейшем беспорядке, за которым угадывалось прикосновение внимательной руки опытного парикмахера. Черный тон его прически абсолютен — настолько предельных в своей однозначности тонов в природе не встречается. В остальном малый стилистически держался образа ангела: ослепительно белая маечка, беленькие шорты, высокие теннисные носочки без единой помарки в виде пятнышка или пылевой перхоти, того же идеального свойства кроссовки — ансамбль достойно завершал матовый, молочно-белый шарик, скверный вкус мог бы уловить отдаленное его сходство с надутым презервативом. Шарик он придерживал за веревочку двумя пальцами парящей несколько на отлете от тела руки, оставшейся на ходу совершенно неподвижной, как если бы он нес некую неимоверно хрупкую драгоценность, рискующую рассыпаться прахом от малейшей встряски, — словом, зрелище было восхитительное, я инстинктивно нажал на тормоз и встал на обочине. Крашеный ангел скользнул по мне заинтересованным взглядом, мило улыбнулся и зашагал к бугру, зелень которого была витиевато проточена рыжими руслами песчаных тропок.

— Этот поводырь приведет меня туда, куда надо, — сказал я себе и потихоньку тронулся в объезд бугра, холку которого венчал густой кустарник — сквозь заросли на тяжелом мотоцикле было просто не продрасться.

Когда я выбрался на пыльную тропу, петляющую мимо тонущих в белом песке коренастых низкорослых сосенок, ангела уже и след простыл, а впрочем, тут же за зеленью прибрежных кустарников мелькнул белый шарик, указывая направление дальнейшего следования — пляж, над пляжем, просторной белой пиалой опрокидывающимся к болотного

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

оттенка воде, я притормозил — нестерпимо захотелось искупаться, — оставив мотоцикл на взгорке, спустился вниз, припомнил, что купальных принадлежностей при мне нет.

Впрочем, здешняя публика к такого рода условностям почтения, кажется, не питала — во всяком случае, та компания, в двух шагах от которой я в нерешительности остановился, раздумывая, не шокирую ли отдыхающих явлением в нижнем белье. В эпицентре шумно галдящего общества чинно восседали две крепко сбитые тетки, их мощные чресла туго обтягивали эластичные спортивные шорты, составлявшие, собственно, и весь их пляжный туалет. Их тяжелые, валко раскачивавшиеся при всяком даже мелком движении груди были отменно загорелы — возможно, именно этот здоровый оттенок и сообщал их несколько перезрелым телам впечатление поздней, но все-таки свежести и не слишком резал глаз. Хотя: девушки были явно в осеннем возрасте — обеим далеко за тридцать — и вполне могли бы сойти за мамаш той четверки пацанов, по виду еще совсем школьников, которые роились вокруг них, с вульгарной непринужденностью жестикулируя и восторженно обсуждая какой-то футбольный матч, на котором возникла потасовка между фанатами. Кончилось тем, что ребята повыломали стулья из трибун и стали забрасывать ими ОМОН, бойцы которого в ответ на это здорово вломили всем любителям футбола без разбора — вот это был полный кайф! Девушки рассеянно внимали рассказам о боевой доблести своих приятелей и время от времени прикладывались по очереди к бутылке красного вина — это были матерые пляжные кобылки, всего на своем веку повидавшие, и потому они лишь сонно щурились в ответ на провокационные взгляды пацанов, то и дело окатывающие их обнаженные прелести, или поглядывали друг на дружку, словно прикидывая про себя, что четверо на двоих — это удачный для их кондиций и опыта расклад.

Я со спокойной душой стащил с себя одежду — на явно не купального свойства плавки никто не обратил внимания, — энергично разбежавшись, нырнул в теплую, чуть пахнущую тиной воду. Она нисколько не освежала, а просто слизывала с тела едкий лотовый налет. Поплыл размеренным, неторопливым кролем на другой берег залива, прогулялся по припорошенным сосновой хвоей тропкам, вернулся на пляж, растянулся на песке, задремал, но сквозь вязкую дрему пророс смутный сигнал инстинкта, подсказавший, что кто-то проявляет ко мне интерес.

Это был средних лет человек, пухлые щеки сообщали ему отчетливое сходство с прожорливым хомячком, да и вообще формы чуть припухшего лица состояли исключительно из одних мягких покатостей и округлостей, плавно перетекавших друг в друга, не спотыкаясь о какой-нибудь острый угол, и даже очки в тонкой металлической оправе, седлавшие короткий тупой нос, были идеально круглой формы... Кого-то парень поразительно напоминал.

— Привет, — сказал он, усаживаясь без приглашения рядом. — У тебя красивое тело.

— Ага. — Я стянул его мягкую руку со своего колена. — Еще раз тронешь меня, я тебя отволоку на тот берег — в царство теней. Причем бесплатно. Одним оболем больше, одним меньше — какая разница.

Он прищурился, склонил круглую, коротко стриженную голову набок и улыбнулся.

— Ты мало похож на Харона.

Я сел и с интересом глянул на неожиданного собеседника.

— Тот, насколько я помню, был угрюмым желчным стариканом, — сказал он и почему-то с оттенком глубокой печали в голосе добавил: — У меня, между прочим, два высших образования.

— У всех свои недостатки, — отозвался я, встретившись взглядом с одной из переспелых кобылок, которая теперь лежала на животе и, подперев скулу ладонью, пялилась на меня.

Я вдруг вспомнил, кого он мне напоминает.

— Ты поразительно похож на Элтона Джона.

— Ага, — минорно кивнул он, — Мне часто об этом говорят. Но в отличие от сэра Элтона я не гей. Точнее, я скорее тот персонаж из известного анекдота, который пришел к

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

врачу жаловаться на свои проблемы.

Я этого анекдота не знал, и, видимо, приглушенная вспышка вялого любопытства отразилась в моих глазах.

— Ну, приходит мужик к врачу, — монотонно начал рассказывать двойник поп-звезды. — И говорит: доктор, у меня проблема, мне кажется, что я гей. Да что вы, изумился врач, так вы, наверное, работаете в Большом театре? Нет, говорит мужик. Ну тогда, говорит доктор, вы заняты в нашем шоу-бизнесе? Нет, возражает мужик. Ну тогда, продолжает предполагать доктор, вы определенно принадлежите к кругу столичной богемы... Да нет же, теряет терпение мужик, я просто инженер на бюджетном окладе! Ну тогда я вас могу успокоить, — облегченно вздыхает доктор, — никакой вы не гей. А кто же? — недоумевает мужик. Ну кто? — раздумчиво тянет доктор. Самый что ни на есть обычный пидор!

Он отчего-то погрузился и после долгой паузы закончил:

— Вот я и есть самый обычный пидор.

— Ну и что? — пожал я плечами. — У каждого свои достоинства.

— Да? — многозначительно протянул он.

— Просто я не шовинист в этом смысле.

Он вздохнул, обвёл медленным взглядом пляж и, притушив голос, доложил мне конспиративным шепотом:

— Я снимаюсь.

— Какая досада. Мне жаль, но свой «поляроид» я оставил дома.

— Ну кончай... Ты же понимаешь, о чем я. Мы можем сходить ко мне домой, это недалеко, за мостом. Там рядом с метро старый дом, в котором магазин «Военторг». — Он назвал подробный адрес, код на входе, этаж, номер квартиры.

— Ты всем даешь свой адрес? — спросил я.

Он пожал плечами.

— О'кей! Пошли, сэр Элтон. Только не к тебе домой, а вон в тот лесок.

Пляжная девушка приподнялась на локтях, демонстрируя мне свои тяжелые груди, и ошарашенно поморгала, наблюдая за тем, как мы поднимаемся с песка и мой дружок ласково берет меня под локоть.

— Что поделать, такова жизнь, — сказал я ей, в очередной раз стряхивая с себя руку Элтона.

В жидком березовом лесочке, кошмарно замусоренном отходами пикников, было ненамного прохладнее, чем на раскаленном блюде пляжа. Я прислонил своего попутчика к шершавому стволу и погрозил у него перед носом пальцем.

— Вот что, приятель. У меня к тебе дело. Но вовсе не того свойства, о котором ты подумал. Тебя, кстати, как зовут?

— Сева, — после минутного колебания представился он.

— Вот что, Сева. — Я кивнул в сторону одной из дальних полянок, по которой фланировали голые мужики. — Ты: ведь здешнее общество знаешь?

— Разумеется, — с достоинством и даже приосанившись, отозвался он.

— И это очень хорошо. Я ищу тут одного человечка. Ну, из вашей компании... Симпатичный, лет двадцати пяти.

Я старательно описал внешность желтоголового визажиста.

— Да, — пристально глядя мне в глаза, произнес Сева.

— Что — да?

— Я его знаю. Кто же не знает Бореньку.

Сева отвел взгляд вбок и горестно вздохнул.

— В чем дело? — спросил я.

— Да так. — Он с неопределенной витиеватостью повертел кистью руки. — Я его, конечно, знаю, но мы слишком разные люди.

— В каком смысле?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— В том, о котором толкует тот анекдотец... Он гей.

Я вдруг испытал прилив сострадательного чувства по отношению к этому педикю, плюшево-мягкое лицо которого вдруг зачерствело, а скорбная носогубная морщина отчетливо и жестко прочертилась от раздувшегося крылышка носа и дотянулась до уголка поджавшегося рта, — в этот момент Сева выглядел настолько глубоко и искренне несчастным, что я просто не мог не похлопать его по плечу.

— Брось, Сева, брось. Все мы люди. А что до Бореньки, то мне он нужен исключительно по делу.

— Боюсь, что ты опоздал.

— То есть?

— А то и есть, что у Бореньки на сегодня уже есть пара.

— Сева, я ж тебе сказал. Я не по этому делу.

— Они прекрасно смотрятся, — продолжал он, пропустив мимо ушей мою реплику. — Боря худ и строен. Его друг плотен и крепок. Они в самом деле прекрасная пара. Особенно это было заметно, когда они катались на водном мотоцикле.

— Вон как? Боря любитель острых ощущений?

— Да что ты! — снисходительно улыбнулся Сева. — Он сидел сзади. Рулил этот парень в черном гидрокостюме и с красной повязкой на голове. Они еще...

— Стоп! — оборвал я Севу, встряхнув его за плечи. — Такой крепкий парнишка, накачанный такой... В красном платке на голове, завязанном на пиратский манер — с узлом на затылке?

Сева кивнул. Я задумчиво ощупал шероховатый березовый ствол, прикидывая про себя, что бы это могло означать: что-то уж слишком назойливо этот парень мозолил глаза. Я припомнил вчерашнюю сцену показательного секса, очень выразительно отыгранную им дуэтом с пышнотелой малолеткой — там, в кустах у дороги, — и усомнился в искренности его чувств по отношению к Боре. В памяти тут же всплыло его появление напротив полянки, на которой происходил пикничок, — вряд ли он там просто так прохлаждался, потихоньку курсируя вдоль берега.

— Ну-ка, сэр Элтон, пошли. — Я властно потянул Севу за собой, увлекая его по узкой глинистой тропке, убегающей в глубь перелеска. Поплутав в жидких зарослях, мы выбрались наконец на солнечную полянку, с которой распахивался вид на пойму, и увидели их. Они медленно пробирались по высокой траве к маленькому островку кустарника, одиноко и неприкаянно торчащему в чистом поле. Желтая голова Бори покоилась на крепком плече любителя водномоторного спорта — они шли, трогательно обнявшись, и вот уже их силуэты впитались в подвижную ткань кустарника, по которому то и дело прокатывались волны светлой дрожащей ряби, там, где листва под налетом легкого ветерка обращалась к нам своим бледным изподом.

Минуты три я ждал, толком не понимая, чего именно, Сева сосредоточенно дышал за спиной, то и дело причмокивая губами. Вдруг зеленый полог разомкнулся, обнажив плотную фигуру, затянутую в черное, — поправив сползший низко на лоб пурпурный платок, человек повертел головой, обозревая окрестности, потом резко развернулся и торопливой походкой начал удаляться к берегу, где на мелкой волне лениво покачивался пришвартованный у ствола рискованно склонившейся к воде ивы водный мотоцикл.

Я побежал.

Дыхание Севы некоторое время висло у меня на плечах, потом оно отделилось и вовсе потухло и вот вдруг мощными и шумными толчками накатило опять — к тому моменту я, наверное, уже минуты две стоял на укромной и тесной полянке в самом чреве кустарникового островка, тупо глядя на Борю.

Он лежал в примятой траве, нелепо подогнув под себя ногу, и по красивому лицу его медленно и чинно шествовал рыжий муравей.

Я присел на корточки, дотронулся до Бориной шеи, пытаюсь уловить в артерии упругие толчки пульса или хотя бы их отголосок. Под пальцами было тихо.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Господи, у него обморок... — донесся до меня свистящий шепот Севы. — Надо же что-то... Что-то делать. За «скорой» бежать. Туда, на берег, к людям... Возможно, там врач есть...

Я успел выкинуть вперед руку и поймать его запястья, прежде чем он дернулся с места, и рывком усадил его рядом с собой.

— Сева, тебе когда-нибудь случалось видеть, как в деревне сворачивают курице голову?

— Что? — тупо моргнув, прошептал он, указательным пальцем продвигая на место сползшие на кончик носа очки.

— Понимаешь, чтобы избавить несчастную птицу от лишних мучений, надо убивать ее сразу. И тут важно резкое вращательное движение. — Я сжал кулак, продемонстрировал его Севе и, резко крутанув его, одновременно поддернул вверх. — Вот так. Решает дело именно вращательный импульс в сочетании с мощным толчком кверху. Собственно, фактически, ты отрываешь ей голову.

— К чему ты это? — мертвым голосом спросил Сева.

— К тому, что человек в принципе мало чем от курицы отличается, если, конечно, его шея оказалась под умелой рукой профессионала. А здесь отметился именно профессионал.

— Откуда... — раскрыл было Сева рот, но проглотил остаток фразы, потому что до него, кажется, дошло.

— Откуда я знаю? — Я невесело усмехнулся и опустил руку на его плечо. — Видишь ли, я ведь тоже подумывал в свое время о том, чтобы обзавестись высшим образованием. Для начала — одним... Ну да не пришлось, так уж печально сложились мои обстоятельства. Из-за женщины, если тебе это интересно. Впрочем, это не важно... — Я облизал пересохшие губы и сглотнул подкативший к горлу комок. — Словом, заканчивал я свои университеты в местах, мало походивших на аудиторию, да и науки там преподавали специфические. — Я повел взгляд в сторону Бори и помолчал. — Такого рода науки, в частности, тоже. Не могу сказать, что я в них преуспел. Ломание шейных позвонков — не моя специализация. Но как грамотно и быстро следует отрывать человеку голову, я знаю.

Я коснулся Бороного лица, провел, по нему, опуская его веки.

— Ему не нужна «скорая», Сева. Теперь он — мой пассажир. Все, чем я могу ему помочь, — это подогнать сюда своей челн и начать грести. А он будет смирно сидеть на корме и слушать напоследок, как тихо журчит за бортом вода.

Сева вдруг тихо и беззвучно заплакал.

— Тебе надо хорошенько выпить, — сказал я, помогая ему подняться на ноги. — Найдешь там где-нибудь на берегу, чем промочить горло?

— У меня есть, — кивнул он. — В сумке. Правда, водка.

— Вот и хорошо. Глотни от души. Потом найди ментов, они тут часто слоняются на своем «уазике» — ловят тех, кто пролез на машине в эту якобы охраняемую природную зону. На самом-то деле они просто стригут деньжата с автомобилистов. Ну вот. Скажешь им, что отошел в эти кусты пописать и наткнулся на Борю. Испугался и побежал искать доктора. А про меня помалкивай, ладно?

— Да? — тупо отозвался он.

— Да. Просто мне нужно спокойно потолковать с этим водным мотоциклистом при удобном случае. А менты могут меня этой приятной возможности лишить, Я могу на тебя рассчитывать?

— Да. — Он опустил светлые ресницы.

— Черт возьми, — сказал я, бросив последний взгляд на Борю.

— Да, — кивнул Сева. — Черт бы эту сраную жизнь побрал.

— С этим трудно спорить. — Я подтолкнул его в плечо, и мы вышли в поле, над которым сонно колыхался желтый зной.

Он вдруг резко встал на месте, оглянулся на кустарник, тяжело вздохнул и изрек сакраментальную фразу, которую мне едва ли не каждый день приходилось слышать от

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Люки:

— Что ж, все там будем, — потом подумал и добавил: — И, судя по всему, очень скоро.

— Ну, не знаю, как ты, а я пока на другой берег не тороплюсь. А к чему это ты — насчет скоро?

Он снял очки, мелко поморгал и глянул на меня — близорукий взгляд его был поразительно рассеян и беспомощен.

— Да так... Вчера получил результат теста — положительный.

Я смутно догадывался, о каком тесте идет речь, — ребята с его ориентацией находятся в той же группе риска, что и проститутки.

— Да брось ты, ерунда. Один тест еще ни о чем не говорит.

— Это уже третий. И все — положительные. Да плюс к тому — гепатит. Ну и кое-что еще по мелочи. — Он нацепил очки на нос и вздохнул. — Так что в самом деле — скоро. Ты таких, как я, возишь в своей лодке?

— Конечно. — Я похлопал его по плечу, не зная, как еще ободрить этого несчастного малого. — Но знаешь... Имея такой пышный букет синдромов, ты ведь пригласил меня к себе в гости. Нехорошо. Так добрые самаритяне не поступают.

— Да нет, — слабо улыбнулся он. — Ничего такого я не думал. — Он помолчал, глядя сквозь меня. — Просто ты первый, кто за последние пару лет говорил со мной по-человечески. — Он вяло махнул рукой и побрел к берегу пруда.

7

Штормящая грунтовка, бьющаяся рыжим прибоем в основания мостовых опор, валяла с боку на бок ползущий мне навстречу пыльный милицейский «уазик» — я было приготовился вступать в полемику со сборщиками взяточного налога, но их разболтанный тарантас, одышливо рыча, продрейфовал мимо, таща на буксире густое облако желтой пыли, — должно быть, Сева поднял на пляже тревогу и кто-то из отдыхающих позвонил по мобильнику куда следует. Метрах в ста впереди замаячил низкий заборчик, огораживающий заставленный белыми столиками участок берега, на котором возвышался пивной шатер — родной братец того, в котором я когда-то работал, с той лишь разницей, что этот закусочный вигвам был красного цвета и еще от него растекался во все стороны света запах поспевающих шашлыков. Хороший глоток плотной пыли, воследовавший за вздохом облегчения при виде совершенно не заинтересовавшихся мной ментов, осел в глотке шершавым чехлом — мне надо было срочно промочить горло.

Слева от дороги за воротами водно-спортивной базы анемично увядали на высоких флагштоках поникшие небесно голубые баннеры Nokia, приглашающие поглазеть на соревнования серферов, что при полнейшем отсутствии ветра над заливом было лишено какого-то бы ни было смысла, — крохотные фигурки спортсменов безнадежно и обездвиженно маячили далеко от берега, то и дело растворяясь в слепящих всполохах стальных бликов, скользящих по глади воды. Свалив паруса, они отдыхали на своих досках, даже не предпринимая попыток тронуться с места.

Чуть ближе к берегу стояла размеченная яркими буями слаломная трасса — покуда серферы дожидались у моря погоды, водные мотоциклисты развлекали публику эффектными разминочными виражами и разворотами на триста шестьдесят градусов, потом, сбившись в пеструю, глухо пофыркивающую стаю, потянулись вслед за судейским катером к открытой воде — как видно, к месту старта.

Приткнув «Урал» на вытоптанной полянке по соседству с зеленой кабинкой туалета, я прошел на территорию забегаловки, настолько плотно забитую публикой, что мне пришлось несколько раз перешагивать через чьи-то не подававшие признаков жизни тела, служившие — судя по валявшимся по соседству пустым бутылкам «Смирновской» — липшим напоминанием о непреложности хрестоматийного тезиса: пить водку на такой жаре надо уметь.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Окинув взглядом млевшее на солнцепеке общество, я заметил знакомую — ту самую пышечку, что вчера предавалась любовным утехам с мастером лихого виража. Должно быть, она относилась к разряду бич-девочек, лето напролет кочующих по модным пляжам и находивших особую прелесть в таком способе растительного существования. Она лениво потягивала за пластиковым столиком пиво в обществе щуплого молодого человека, время от времени прикладывавшегося к бутылочке спрайта, — малый идеально воплощал в себе рекламный слоган шипучки, призывающий потребителя не дать себе засохнуть: болезненно худощавый, тонкокостный, с узкой цыплячьей грудью и кожей молочного оттенка, он смотрелся на фоне загорелых тел бройлерным цыпленком.

Я заглянул под сень шатра, взял маленькую бутылку «Аква минерале», пристроился от них в двух шагах прямо на траве и, с наслаждением промакивая маленькими глотками пересохшее горло, уставился в слепящую даль залива, где, вспарывая блестяще поигрывающую воду, в сторону трассы двигался судейский катер, свалив на бок по правому борту длинный шест со стартовым флагом, за которым на коротком поводке, азартно порывкая в предстартовой лихорадке, ползла стая водных мотоциклов. У первого изгиба трассы флаг резко взмыл вверх, берег огласился страшным ревом моторов — участники рванули по длинному виражу, рассеяв над водой голубое облако выхлопов. Рев стоял такой, что я безнадежно оглох и остро ощутил, как в полости моей черепной коробки вдруг возникла вакуумная звенящая пустота.

Впрочем, слух мой довольно скоро вполне адаптировался к звенящей пустоте — настолько, что можно было разобрать фразу, слетевшую с губ девочки:

— Все тут лохи. Был бы здесь Король, он бы всех сделал.

Я проследил направление ее взгляда — кавалькада ревущих быстроходных снарядов удалялась к дальнему виражу трассы, где возникла изрядная толкучка, и два участника, столкнувшись на приличной скорости, вылетели из седел, перевернув мотоциклы вверх днищем. Судейский катер отчаянно засигналил флагом, обрывая гонку, рев стих, однако его отголоски еще некоторое время звенели в голове до тех пор, пока окончательно не выветрились, восстановив привычную гамму блуждавших над закусочной полянкой звуков: плотное чпокание пивных пробок, голоса, свистящий шелест автомобильных шин на дороге и даже тонкое пиликанье чьего-то мобиля.

Цыпленок поднес к уху маленький черный пенал, отошел в сторонку и, сосредоточенно глядя на одного из начавших шевелиться любителей теплой водки, некоторое время кивал в ответ на пространное сообщение своего невидимого собеседника, потом, почти не разжимая губ, произнес несколько коротких фраз, вернулся к столику, развел руки в стороны:

— Мне надо срочно отъехать.

— Ну ты же обещал, — надула губки девочка.

— Бизнес есть бизнес.

С этими словами он сунул телефон в карман шортов, крутанул на пальце автомобильные ключи, не обременив себя каким-либо прощальным жестом или иным знаком внимания, зашагал к дороге, прыгнул в серебристую «тойоту» и укатил.

— А что он тебе обещал? — спросил я. — Жениться?

Она повернула голову, сонно сощурилась.

— Не верь мужикам. Они всем это обещают.

— А ты? — В глазах возник промельк вялого интереса.

— А я нет.

Сходил в шатер, взял обжигающе ледяную — прямо из морозильной камеры — бутылку «Туборга», вернулся за столик, поставил ее напротив девочки, она кивнула, вульгарно улыбнулась — во весь свой большой рот. С минуту мы молчали.

— О чем задумался? — спросила она.

— Да так. Собираюсь с мыслями.

— С мыслями? — удивленно переспросила она. — Зачем?

— Готовлюсь сделать тебе комплимент.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Она откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и облизнулась.

— Ну?

— У тебя очень соблазнительный бюст. И восхитительная попка.

Рискованное для завязки знакомства откровение ее нисколько не покорило, скорее напротив — она опять широко улыбнулась, продемонстрировав мне ровненький ряд ослепительно белых зубов.

— А ты откуда знаешь? — и дотронулась до воротничка своей светлой просторной рубахи, словно намекая, что под этим безразмерным балахоном взглядом освоить ее пикантные формы я вряд ли мог.

— Да уж знаю. Вчера я проезжал вон там, — я простер руку в сторону тонущей в мутноватом мареве узкой полосы суши, отсекающей залив от реки. — И кое-что видел на маленькой полянке.

— Так ты подглядывал? Это нехорошо. Так настоящие пионеры не поступают.

— А я и не был в пионерах — из-за двоек. Меня не приняли, чтоб я не позорил ряды юных ленинцев. А что до подглядывания... Это не нарочно. Просто ехал мимо и видел. И подумал, что неплохо бы оказаться на месте того парня. Кто он такой?

— А зачем тебе? — Она лукаво улыбнулась и провела пальцем по орошенной испариной бутылке, оставив на стекле смутный слезящийся след.

— Да так... Хотелось бы на него быть похожим. Не знаешь, где мне этого парня найти?

— М-м-м... — красноречиво протянула она, я вздохнул, живо представив себе, что она имела в виду. — Ты меня не так понял, — поспешила она внести ясность. — Я не проститутка.

— У тебя еще все впереди. — Я поднялся из-за стола и кивнул на свой «Урал». — Прокатимся?

Секунду она пребывала в нерешительности, глядя на нетронутый «Туборг», потом махнула рукой, последовала за мной, уселась сзади и, заключив меня в кольцо своих рук, прижалась настолько плотно, словно спешила развеять мой последние сомнения относительно восковой спелости своего бюста. Мы тронулись в обратном направлении. Разбитая грунтовка пыльными волнами катила под колеса «Урала», я сбросил скорость до минимума — не потому, что беспокоила раскованность быстрой езды по пересеченной местности, а просто перед глазами вспух мутноватый туман, в медленном наплыве которого я по привычке угадывал скорое явление очередного отголоска Голубки — какого-то ее жеста или вдоха, позы или реплики, — и к тому моменту, когда мы оказались на знакомой уже мне по вчерашнему пикнику поляне, этот отголосок зазвучал в полную силу, обретая стройность формы: это была ее жестоко, чуть ли не до крови, закусенная губа.

Губы побаливали, саднили, так что посвист вышел не вполне звонким, однако подозвать Голубку все-таки удалось: и вот уже губа ее начала ритмично раскачиваться вверх-вниз прямо перед глазами, ее бескровная бледность разрасталась, формируясь в черты знакомого лица, то и дело пропадавшего за пологом вспененных волос — встречный ветер дул ей строго в затылок, потому что вы неслись сквозь лес по узкой, вспухающей корневыми жилами высоких сосен тропке на мотоцикле, это было на Николиной Горе, куда как-то отправились в гости к одному из ее бесчисленных приятелей, обитавшему в массивном старом доме с полукруглой открытой верандой, напоминавшей маленький сценический подмосток для домашних спектаклей, с шестью громоздкими колоннами, подпиравшими огромный, тяжело парящий над входом в сумрачные глубины дома балкон — там было скучновато, потому что на уютную эту усадьбу время от времени накатывали волны каких-то в дымину пьяных молодых людей, а разговоры вертелись исключительно вокруг того, какой замечательный гол только что засадил в ворота соперников тутошний житель и большой любитель футбола Никита Михалков, или о том, что замечательная группа «Звуки Му» собирается завтра дать тут, в некоем подобии летнего театра, что неподалеку от продуктового магазина, концерт на свежем воздухе. Вы послонялись по огромному участку, обнаружили в гараже мотоцикл и поехали покататься — на ваше исчезновение никто не

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

обратил внимания, — заехали в лес, остановились, и Голубка пересела с заднего сиденья на топливный бак, лицом к тебе, подалась вперед, — ты толком и не заметил, когда она успела стащить с себя трусики, но под юбкой у нее ничего не оказалось — и вот она начала медленно опускаться, а опустившись, сказала, чтоб ты гнал, и ты погнал через лес: оттого-то так прочно и осела в памяти ее закушенная губа.

— Эй, ты что? — спросила пляжная пышечка, дотронувшись пальцем до моего виска. Прикосновение вернуло к реальности, я огляделся, обнаружив, что остановились мы как раз под тем дубом, возле которого громоздились вчера ящики с пивом, а теперь на их месте покоились, привалившись к стволу, тучные пластиковые мешки с мусором.

— Да так, жарко, — сказал я. — Голову напекло.

Руки девочки юркнули под балахон, покачивая бедрами, она исполнила какое-то змеиное телодвижение, по ногам ее сползла, опустившись на щиколотки, полоска салатowego бикини — в лице моем, как видно, ожидаемого впечатления не отразилось, потому она, капризно поджав губки, хмыкнула и тут же испуганно ойкнула, подхваченная под мышки, легко оторванная от земли и водруженная на топливный бак. Смутная догадка мелькнула в ее глазах.

— Хм, интересно, — прошептала она, быстро разобралась с моим поясным ремнем, затем с замком молнии на джинсах, чуть привстала, подвигаясь ближе, и так замерла, шумно дыша мне в бритый лоб. — Ну... Зажигание...

Я включил зажигание — она начала медленно опускаться.

— Сцепление.

И опустила еще ниже, поморщилась, шевельнула бедрами.

— Газ.

Я настолько резко крутанул ручку газа, что наш «Урал» встал на дыбы, буквально обрушив этим рывком девушку вниз до самого конца — и я с головой ухнул в те ощущения, что полыхали во мне когда-то давно там, на Николиной Горе, когда мы с Голубкой неслись вот так же на мотоцикле через прозрачный и светлый сосновый бор, лишь каким-то чудом избегая столкновения с неосторожно метнувшимся под колеса мотоцикла стволом, и все кончилось так же быстро, как и тогда, — я почувствовал страшное облегчение оттого, что очередная ипостась Голубки медленно покидала меня, испаряясь с поверхности залитой жарким потом кожи, а чьи-то посторонние припухшие губы, шевельнувшись, приоткрылись, отпуская на волю раскаленный выдох.

— Вот это да... — Она неловко сползла с меня, подвигаясь назад, к баку, посидела на нем, раскачиваясь из стороны в сторону, и добавила: — Ну ты даешь. Может, повторим?

— Нет. — Я помог ей слезть с мотоцикла, перекинул ногу через бак, спрыгнул на землю и, приставив ко лбу козырек ладони, поглядел в ту сторону, где маячило на противоположном берегу красное пятнышко закусочного шатра: оттуда доносилось приглушенное дально рычание моторов, наверное, дали очередной старт гонке.

— Лохи, — проследив мой взгляд, повторно вынесла вердикт девочка. — Был бы там Король, он бы всех их сделал.

— Это я уже слышал. А почему — Король?

— Не знаю. — Она дернула плечиком. — Так его зовут. Я вообще-то его плохо знаю. Так, встречались пару раз на пляже.

— Занятное прозвище. Интересно, откуда оно взялось.

— Черт его знает. Может, оно от присказки, которая у него вечно вертится на языке.

— Присказка?

— Ну да.

— Какая?

— Чудная такая. Чуть что, он не «блин!» ляпнет или что-то типа того.

— А что?

— Ек-королек... Эй, ты что опять?

Она встряхнула меня за плечо.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Да так. Не самые приятные воспоминания.

«Ек-королек!» — речевое это родимое пятнышко из разряда редких, я бы сказал, что, по теперешним временам, исключительных, именно оно так поразило меня своей ласковой, по-домашнему уютной мягкостью и засадило занозой в долетевшей до твоего слуха фразе в тот момент, когда ты пропускал парочку одетых в темные костюмы молодых людей, выходявших из дверей институтского туалета, — «Как бы этот парень, ек-королек, не склеил ласты!» — а спустя мгновение после этого нашел на кафельном полу не подававшего признаков жизни Отара.

8

Странно, но весь остаток того дня ты ловил себя на мысли, что то и дело перед глазами встает Отарово Дерево желаний, распустившееся пышным цветом в самой сердцевине промозглого, беспросветно серого декабря — и когда нес Отара на руках на первый этаж, а потом на улицу, к институтскому подъезду, куда через добрый час после вызова подкатила карета «скорой помощи», в чрево которой два санитар с внешностью слуг морга равнодушно впихнули носилки. И потом, когда, схватив частника на «Жигулях», ехал в Склиф, прибыл на место раньше санитарного «рафика», потому что он застрял где-то в районе совершенно непроходимых Брестских улиц в мертвой пробке. И, слоняясь поблизости от пологого въезда к дверям приемного отделения, тоже думал о Древе, пытаясь отогнать не вполне его приличествующий ситуации образ, — до тех пор, пока на улицу не вышел уже в сумерках высокий щуплый доктор в зеленом хирургическом костюме. Он неторопливо, обстоятельно закурил, с наслаждением затянулся, а ты все не решался спросить его — как там дела? — и он не торопился вводить в курс дела, все стоял рядом, подняв лицо к черному небу и вслушиваясь в приглушенное гудение близкого Садового с прищуром настолько едким, что от уголков глаз брызнули к вискам фонтанчики бритвенно тонких морщин, а потом просто отечески попихал в плечо, вздохнул, развернулся на каблуках и побрел к воротам приемного покоя. Взявшись за дверную ручку, он обернулся и сказал: «Все обошлось, жить этот парень будет, так что иди домой!» — но ты не двинулся с места, и тогда он вернулся и, потирая скулу, под туго натянутой кожей которой напряженно пульсировал желвак, пояснил: «Жить он, конечно, будет, но я не убежден, что он будет прежним человеком, потому что у него напрочь отбиты почки, есть внутренние кровотечения, выбит глаз и зубы», и успокоительно тронув за локоть, сказал: «Жаль, он был такой красавец, наверное, девчонкам он очень нравился!» — и только в момент прикосновения стальной хирургической руки к локтю до меня дошел смысл его диагноза: Отар — будет. Кем-то, но уже не самим собой, потому что прежний Отар надежно прописан во времени прошедшем, и, значит, Древу желаний суждено засохнуть, роняя по весне вместе с талым снегом свои вечные цветы.

Оптимизма доктора — он будет жить! — ты, положив руку на сердце, не разделял тем смутным вечером, когда брел неизвестно куда по Садовому прочь от больницы, потому что Отар ведь был не просто умным, душевным, симпатичным малым, он был именно тем, про кого: принято говорить: он человек желания... Типичный кавказец, наделенный взрывным, пороховым темпераментом, он умел полностью отдаваться желаниям, вспыхивавшим в нем по поводу и без повода, — интимного свойства порывам, кстати, далеко не в первую очередь, а скорее между делом, походя — и всякий раз добивался своего, потому что был ко всем своим достоинствам еще и умницей, умевшим и любящим думать. Не окажись его рядом, ты наверняка спустя месяц после восстановления в институте бросил бы учебу — армия надежно выбила способность соображать, возведя растительное начало в значение абсолюта и наделив очень скромным набором простых желаний и незамысловатых потребностей, — и только благодаря Отару были найдены силы оттаять и хоть как-то зацепиться корнями за ту почву, что ускользала из-под ног. Очнулся ты, помнится, только на «Маяковке», в состоянии анабиоза отмахав от «Сухаревской» пяток километров по

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

насморочно хлюпавшим под ногами тротуарам Садового кольца, вдрызг промочил ноги — влажный холодок, окутавший щиколотки и уже двинувшийся выше к коленям, загнал в какой-то барчик, свивший себе уютное гнездо в левом плече старого дома, где некогда благоухал ресторан «София», — там стоял плотный запах попкорна, который живо напомнил о Светике, Светлане Николаевне, преподавательнице английского, которая так любила лакомиться этими взорвавшимися зернами запашистой кукурузы: на переменах она частенько бегала в соседствующий с институтом продовольственный магазин, возвращалась с пакетиком и аппетитно хрустела лакомством, привалившись плечом к стене напротив своей кафедры. Ей было лет тридцать, наверное, однако возраст никак и ничем не отливался во внешности этой маленькой и хрупкой девочки, походившей скорее на восьмиклассницу, — уже потому хотя бы, что она носила типично девчачью прическу, заплетая соломенные свои волосы в две косички, перекинутае на грудь. Да и в остальном она была ребенком — в походке, обыкновении размашисто и резко жестиковать, азартно и пылко вгрызаться в какие-то изредка возникавшие между нами споры по поводу форм так и не постигнутого мною давно прошедшего времени, в способности вспыхивать детским румянцем в ответ на чей-то слишком откровенный взгляд, в трогательной своей любви к старым советским детским мультикам, добрым и нравоучительным, и даже в этой манере со смехом отбиваться от ваших попыток подбить под нее клинья: ах нет, ребята, ваше предложение поехать на дачу я принять не могу, ведь у меня есть жених, он большой и красивый, но при этом он очень ревнив и — кстати, осторожней! — носит с собой пистолет!

Пистолет вы, разумеется, списывали на полеты ее по-детски расторопной фантазии — равно как и Хорек, который как-то после занятий подкатился к Светику с предложением, как видно, настолько непристойным, что она, вспыхнув, просто потеряла дар речи, а очнувшись, шлепнула его ладонью по щеке, а потом, все еще полыхая румянцем, выбежала из аудитории. Глотая пиво в благоухающем попкорном баре, ты отчетливо вспомнил, как Хорек, глядя ей вслед, пробормотал, покусывая губу: ты об этом сильно пожалеешь, сучка! — а вам с Отаром разъяснил: я вашего Светика поймею, как хочу! — и вы только с усмешками покивали в ответ, потому что обыкновение его вот так, на словах, наезжать на всякого, кто ему был не по ноздре, нам было известно, так ведет себя подавляющее большинство воспитанных в семьях новых русских детей, полагающих себя центром вселенной... И напрасно вы саркастически кивали на тот его агрессивный выпад, потому что спустя два дня Светик не явилась на пару, вы прождали минут двадцать в аудитории, а потом смотрелись на кафедру и буквально покачнулись на пороге — уж слишком густо было настроение скорбного минора, тяжело парившего над столами и стеллажами при кромешном каком-то молчании собравшихся там преподавателей, и наконец кто-то из глубин этого сумрачного беззвучия, то и дело разбавляемого женскими всхлипами, пояснил нам, что занятий в этот день не будет, потому что Светика больше нет: острый, губительный приступ сердечной недостаточности. Выпихнувший за порог заведующий кафедрой сквозь беспрестанные тяжкие вздохи рассказывал, что знал: ее нашли вчера на обочине загородного шоссе, она была без одежды и признаков жизни уже не подавала, а из каких-то своих достоверных источников завкафедрой узнал, что — только об этом, молодые люди, никому ни слова, ни-ни! — ее изнасиловали: у нее ведь в самом деле было плохое сердце, врожденный порок, и она просто не выдержала.

Вы как в тумане вернулись в аудиторию, Хорек с улыбкой красноречиво глянул, вы все поняли — с этим сукиным сыном, как правило, повсюду следовали крепкие ребята, так что увезти ее прямо из институтского двора труда им никакого не составляло, — и тогда Отар молча подошел к Хорьку и заехал ему по морде так, что тот опрокинулся со стула. Покидая аудиторию, ты краем глаза отметил, что Хорек, вытирая кровь с разбитого носа, что-то торопливо наговаривает в мобильник, и потом страшно жалел, что не придал этому значения. Потом в коридоре Отар сказал, что ему надо заскочить в туалет: подожди меня в холле, я мигом! — но своими ногами он уже оттуда не вышел, а когда ты минут через двадцать поднялся на второй этаж, то столкнулся в дверях с ребятами, внешность которых

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

совершенно в памяти не осела, зато занозой саднила с тех пор обретенная одним из них фраза, вот эта самая:

— Как бы этот парень, ек-королек, ласты не склеил!

9

— Что? При чем тут ласты? —

Как видно, фраза была произнесена вслух, смысл ее не вполне дошел до пляжной девочки, она сидела в траве, глядя на замутившуюся от зноя воду, лениво посасывающую глинистый берег.

— На нашем языке склеить ласты означает сыграть в ящик, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Понимаю, — прищурилась она. — Так ты, выходит, бандит?

— А разве не похоже?

Если она и удивилась, то виду не показала, поднялась на ноги, погладила меня ладонью по щеке:

— Что с тобой? Ты в порядке?

— С чего ты взяла, что я не в порядке?

Поморщившись, она посмотрела на свою ладонь с тем смешанным выражением боли и пылливо-тревожного чувства, какое проступает в лице человека, выискивающего в руке невзначай пойманную занозу.

— У тебя лицо какое-то сделалось... Деревянное какое-то.

— Это ты верно подметила.

Именно с таким лицом два дня спустя ты входил в тот самый туалет, дождавшись, когда туда забежит на минутку Хорек с намерением облегчить организм от избытка пива, которое он в первой половине дня попил, сидя в своем джипе, припаркованном у входа в институт, а потом, заметив тебя, перегородившего ему выход, вжимался спиной в кафельную стенку, тоном лица с бледно-голубой, смутно поблескивавшей облицовкой почти сливаясь, и все бубнил: «Ты что? ты что? ты что?» — а ты усмехнулся: «А вот то!» Легко и непринужденно, натренированным движением, импульс которого вдруг мощно и призывно пророс в одеревеневших тканях тела, ударил его сперва по лицу, сломав челюсть, а потом методично и расчетливо, не испытывая ровным счетом никаких эмоций, все бил его и бил — до тех пор, пока он точной копией Отара не распластался на полу.

— Как тебя, кстати, зовут? — спросил я.

Она сладко потянулась, подставляя лицо солнцу:

— Офелия.

В этот момент я как раз прикуривал, и плотный комок дыма встал поперек горла.

— Как-как? — сипло спросил я, едва откашлявшись.

— У меня дедушка был армянин, — пояснила она отчего-то с оттенком виноватости в голосе. — Его звали Гамлет. Меня этим дурацким именем в честь деда наградили.

— Ах вон что.

В самом деле, в чертах ее миловидной мордашки смутно угадывался восточный корень, возможно и армянский.

— Ну почему же — дурацким?

Это был не первый случай, когда встречались шекспировские имена среди армян, в нашем батальоне служил, например, славный паренек из Саратова по имени Ромео, родом он был из Нагорного Карабаха, точнее, оттуда происходили его родители, в семидесятые годы перебравшиеся в Москву.

Разглядывая ее, я пробовал про себя прикинуть, есть ли в ее семействе какие-либо еще хрестоматийные персонажи, Макбет, например, или Фальстаф, однако мысль эта смазалась — оттого, наверное, что в возникшей вдруг паузе она капризно поджала губки, скомкав их в тот самый бутончик, каким отозвалась на сообщение, ее приятеля о необходимости куда-то

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

отъехать по делам бизнеса — там, неподалеку от закусочного шатра... Там, среди грохота и визга мощных моторов, меня ведь тронуло легкое подозрение, что молодой человек — сублильным сложением, манерой держать себя — кого-то сильно напоминает, да только невозможно было припомнить, кого же именно. Зато теперь вспомнилось — Малька, заправлявшего делами в зеленом пивном шатре.

Должно быть, менты, за неимением под руками боксерской груши потренировавшиеся на мне, помимо всего прочего немного отшибли мозги — во всяком случае, после общения с ними я никак не мог свести концы с концами и хотя бы приблизительно выстроить в более или менее стройную схему цепочку странных событий, в которых мне довелось участвовать за последние полтора суток.

Вряд ли и теперь, немного проветрив голову, я улавливал в них стройный смысл, но зато угадывал момент их неторопливого старта — там, под сенью шатра, где я перед бегством в Казантип пил лимонад и удостоился внимания роскошной женщины в белой широкополой шляпе, что в общем-то было несколько не удивительно, за исключением маленького нюанса: вслед за этим она заказала у Люки дорогие похороны, расплатившись наличными. Через некоторое время этой церемонией, которая, в сущности, для посторонних глаз и ушей не предназначена, отчего-то заинтересовались братки, наведавшиеся в наш офис, — с чего бы это. Спустя несколько часов после наших торопливых разборок какой-то ночной охотник за скальпами едва не всадил разрывную пулю в красивый лоб другой женщины, которую я вызвался сопровождать в ее вояжах по дорогим кабакам. Потом она потихоньку улизнула через запасной ход своей квартиры и сгинула во мраке ночи, откуда на меня выплыли не добравшие дозу менты и отдубасили так, что лишь цепкий глаз байкерши по прозвищу Тормозная Жидкость спас меня от верной смерти под колесами безглазого ночного грузовика. И вот робкая попытка внести хоть какую-то ясность в ситуацию со странным поведением Мальвины окончилась тем, что несчастному желтоголовому стилисту свернули голову, как предназначенной для бульона курице.

Из всего этого следовало, что стоит повидать Малька: он определенно был знаком с той красоткой в шляпе и наверняка знал ей цену, раз уж сам вызвался доставить к столу презентационный бокал пива.

Офелия, как видно, восприняла мою заторможенность на свой счет — усевшись на бак, она провела кончиком языка по верхней губе и, выразительно поглаживая свои груди, предложила:

— Прокатимся?

Я подхватил ее под мышки и ссадил с мотоцикла.

— Увы и ах... Мне нужно срочно отъехать.

— Ну вот... — потерянно прошептала она. — И ты туда же.

— Бизнес есть бизнес, — мне оставалось лишь пожать плечами и отвести взгляд, потому что в этот момент мне стало ее отчего-то искренне жаль. — Эх, Офелия, о нимфа, что бы тебе посоветовать?

— Посоветуй.

— Пойди да утопись.

— Да ну тебя, — отмахнулась она, усаживаясь сзади. — Подвези хоть до моста.

— Нет проблем, — кивнул я и включил зажигание.

10

До пивной точки я добрался только к шести вечера. Дождь, обещанный канадскому клену, отражавшемуся в стеклянной двери салона «Комильфо», в самом деле прошел в центре, но был он, видимо, короткий, вял — хватило его лишь на то, чтобы немного прибить пыль да чуть-чуть прояснить сладковатый запах липы, доносящийся с аллеи, берущей начало в тылах станции метро. Народу под сенью шатра было мало. Совершенно сомлевшая за день Таня дремала на табуретке за стойкой, окунув подбородок в распахнувшиеся вазочкой

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

ладони. Уловив сквозь зыбкий полусон дыхание возникшего у стойки клиента, она с трудом подняла потяжелевшие веки и слабо улыбнулась.

— Ну и пекло, — сказал я. — Здравствуй, Танюш. Как ты?

— Совсем сварилась. Я уже похожа на креветку?

— Есть немного. Тебя вполне можно вкушать под пиво.

— Тебе плеснуть?

— Да нет, спасибо. Мне надо повидаться с одним человечком.

— Да? — почти безынтонационно протянула она, обозначая вопросительную интонацию разве что мимически — слегка приподняв правую бровь.

— Ты будешь смеяться, но мне нужно повидать Малька.

Смеяться у нее сил уже не было, однако сообщение мое ее явно озадачило.

— Ты разбогател и купил себе пивной завод?

— Да нет. Все по-прежнему гребу в лодке марки «кадиллак».

— И много клиентов?

— Как обычно. Так что, наш начальник сегодня появлялся?

— И не появится. — Она кулачком придавила спазматический зевок. — Ни сегодня, ни завтра. Он перетрутился в последние дни — сам понимаешь, в таком пекле народ лакает пиво просто цистернами. Ну и, насколько я знаю, взял отгулы.

— Твою мать, — вяло отреагировал я.

С минуты мы молчали.

— Он на даче, — прервала наконец паузу Таня.

— А где это?

— Да где... В Подмоскowie, где ж еще. Подожди минутку. — Она поднялась с табуретки, сунулась в ящик своей хозяйственной тумбочки, покопалась в нем, извлекла оттуда листок бумаги, протянула мне.

Я развернул его и прочел: название поселка километрах в сорока от Москвы, улица, номер дома.

— Ну и что? — спросил я.

— Возможно, он там. Даже скорее всего.

— Откуда это у тебя?

Она уселась на табуретку, с наслаждением вытянула натруженные за смену ноги и помолчала, тупо глядя на высокий белый шкаф с прохладительными напитками.

— Ты не поверишь, но этот мальчишечка вдруг начал подбивать под меня клинья.

— Да что ты?

— Ага. Это уже после твоего ухода началось. То да се, может, вечером забежим в ресторанчик? Ну и все такое прочее в этом духе. А тут, прежде чем отправиться на отдых, он сделал мне предложение, от которого я, по его мнению, не смогла бы отказаться.

— Что, так вот и предложил — открытым текстом?

— Ну, не совсем открытым...

— Я ему морду набью, хочешь?

— Да ну!.. — Она вяло махнула рукой и усмехнулась: — Представляешь, прежде чем отбыть на природу, сунул мне этот листок, говорит: обязательно приезжай, там будет весело и вообще, хватит тебе стоять у крана, я смогу, наверное, помочь тебе перебраться на работу в офис нашей фирмы, там и зарплата нормальная, и пьяные рожи не маячат день-деньской перед глазами... Ну, ты ж понимаешь, как я его за это благодеяние должна была бы отблагодарить.

— О'кей, я передумал бить ему рожу.

— Вон как?

— Ага. Но вместо этого я так отобью ему яйца, что надолго забудет, что такое эротический инстинкт.

— Да брось ты, Паша, — заметила она, вглядываясь в мое изрядно помятое ментами лицо. — Ты уж лучше свои побереги.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— А знаешь, это дельный совет. — Я живо припомнил события последних полутора суток. — Пока, Танюша. Я ему передам от твоего лица искренние сожаления по поводу того, что ты не смогла составить ему компанию.

— Только не прикладая рук, ладно?

— Договорились.

Из Москвы транспортный поток был жиденький — не в пример встречному, в котором плотной и крайне неторопливой лавой текли в город дачники, — потому на дорогу до места ушло меньше часа и в рыжем предвечернем свете я уже сворачивал на ответвляющуюся от трассы бетонку, вдоль которой тянулись рахитичные, из тарных ящиков, обрывков жести и прочего помоечного мусора кургузо склепанные заборчики огородников, то и дело прерываемые свалками проржавевших, искореженных металлоконструкций, а справа от дороги, на взгорке, поросшем курчавым кустарником, маячили потускневшие луковки деревенской церковки — издавдала она казалась уютно закутавшейся в зеленый каракуль.

Дачный поселок, название которого Малек черкнул на листке бумаги, нашелся километрах в десяти за деревней, он прятался в старом лесу и, судя по всему, сам был уже в почтенном возрасте — на тенистой аллее за ветхим забором, который, пошатываясь, словно в дым пьяный, полз вдоль глубокой канавы, то спотыкаясь, то заваливаясь набок, мимо проплыла пара вросших в землю дачек послевоенной постройки, а дальше начинались новые владения, вполне респектабельные: глухие каменные ограды, бронированные стальные ворота, башенки кирпичных коттеджей в глубинах обширных участков.

Сверяться с запиской на предмет розыска нужной аллеи и номера дома не пришлось, слева по ходу на посыпанной гравием обочине стояло с пяток приличных иномарок, из распахнутых ворот сочился дымок, настоянный на терпких шашлычных ароматах, приглушенных мужских голосах и женских повизгиваниях — их тембр и характерно расшатанная интонация говорили о том, что отдыхающее на природе общество уже изрядно подшофе. Я заглушил двигатель, прислушался: над поселком висела сонная предсумеречная тишина, и только здесь происходил шумный пикничок в том духе, на который намекал Тане Малек, — будет весело.

Я поехал к окраине поселка, спрятал мотоцикл в густых зарослях бузины, мощным прибоем бившейся в бетонный пограничный забор дачной территории, вернулся пешком, миновал распахнутые ворота — с десятков участников пикника, в живописных позах валявшихся на зеленой лужайке сбоку от массивного краснокирпичного коттеджа, внимания на меня не обратили. Малек сидел на травке в обществе пышногрудой крашеной блондинки с немисливо вульгарным пунцовым ртом и пялился на курящийся дымок закопченный мангал.

— Пацаны, а что, шампанское кончилось? — хриловатым голосом осведомилась блондинка, встала на четвереньки и таким манером пустилась на поиски игристого напитка — в вертикальном положении она передвигаться, похоже, уже не могла. Покружив по тускло бликующей бутылочными стеклом лужайке, она ватно свалилась на бок, полежала немного, потом опять встала на четвереньки и, подняв голову к небу, завывала как навывлет простреленная волчица:

— Ё-мое, кончилось! Ну что за дела, пацаны?!

— Я сейчас сгоняю, — махнул рукой Малек, с неохотой подымаясь на ноги. — Только не ори ты так, ради всего святого! — отряхнул шорты, повертел головой и кивнул в сторону ворот: — Мужики, у меня что-то стартер барахлит.

— Возьми мою, — гулко пробасил рыжий молодой человек, комплекцией напоминавший начинающего борца сумо, приподнял пухлую лапу с груди черноволосой девочки, которая спала, уронив голову ему на колени, и махнул в сторону ворот. — Серый «опель-кадет». Он не заперт.

С трудом выудив из кармана шортов ключи, он швырнул их Мальку — метатель из него был, надо сказать, тот еще: промазал метра на полтора. Пока мой работодатель ползал в траве в поисках ключей, я успел юркнуть в «опель» на заднее сиденье, лег, притаился.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Спустя минуту появились Малек, сел за руль, включил зажигание и шумно выдохнул. Мне захотелось закусить — настолько густ был изрыгаемый им в тесный салон перегар. На выезде из поселка я покинул свое укрытие.

— Водитель «опеля»! — рявкнул я тоном автоинспектора. — Прижаться к обочине. Стоять. Туши зажигание. Руки на руль!

Малек настолько был сбит с толку, что послушно выполнил все приказы.

— Как же так, товарищ водитель? — скорбно произнес я, похлопывая его по плечу. — Вы же управляете транспортным средством, будучи в задницу пьяным. Придется лишить вас прав.

Он медленно повернул голову, искоса глянув на меня, и дернулся вперед, но я успел ухватить его руками за тонкую шею, заключив ее в замок захвата — пока щадящего.

— Не дергайся. А то я в самом деле лишу тебя прав — не только автомобильных, но и всех прочих; конституционных в том числе. Включая право на жизнь.

— Чего тебе надо? — прохрипел он.

— А дергаться не будешь?

— Нет.

— Тогда поговорим. — Я ослабил хватку, перегнулся через спинку кресла, выдернул ключи из замка зажигания, вылез из машины, уселся на переднее сиденье.

— О чем? — прошептал он, тупо глядя перед собой.

— Да брось ты, расслабься. — Я дружески пихнул его под локоть, и его рука соскользнула с баранки, опрокинулась на ногу, безвольно вывернувшись ладонью вверх, словно дожидаясь, пока в нее капнет грошик милостыни. — Увы, сегодня я не подаю.

— Что тебе надо? — повторил он, вжавшись в кресло.

— Помнишь ту очаровательную женщину, которая не так давно навевалась в наше заведение?

— Их много к нам навевается.

— Но ни перед одной из них ты не лебезил. Мне показалось, ты готов был лечь ковриком у входа в кабак, чтобы она вытерла о тебя ноги. — Я закурил и помолчал. — Вспоминай, вспоминай... Большая шляпа, а под ней роскошные белокурые волосы. Темные очки, а за ними — восхитительные голубые глаза.

Малек недоуменно моргнул и, как мне показалось, мгновенно протрезвел.

— Валерия? — едко усмехнулся он. — Брось. Это не твоего поля ягода.

— Это уж предоставь мне разбираться — с полями и ягодами.

— Я же говорю, она не твоего...

Я взял его за подбородок, резко развернул лицо к себе.

— Ну все, все! — Он примирительно поднял ладони. — Хм, Валерия... В общем-то это было шапочное знакомство. Я тут недавно смог вырваться в отпуск, смотался на недельку на Лазурный Берег...

— Куда-куда? У меня плохо с географией.

— Ну, это французское побережье. — Откинувшись на спинку кресла, Малек прикрыл глаза, сложил рот трубочкой и шумно втянул в себя воздух, а потом на выдохе пошевелил губами, словно дегустируя воспоминания об отпускной неделе на степень сочности их букета. — В общем-то это не слишком дорогое удовольствие, и средний человек вполне может его себе позволить. — Он саркастически покосился на меня. — Так вот, о чем это я... Ах да, Валерия. Я встретил ее в винном магазине. Ей нужно было хорошее, неординарное красное вино, но она не знала, как объясниться с продавцом. Я ей помог выбрать то, что надо. Думаю, она осталась довольна, в хорошем вине я кое-что смыслю. Слово за слово, познакомились, обменялись координатами. — Он повертел кистью у лица, привстал, залез в задний карман шорт, извлек из него портмоне из черной кожи. — Где-то у меня должна быть ее визитка... Ах да, вот... Она там на обороте черкнула на всякий случай номера своих мобильных. Эй, ты что?

Я выдернул кусочек плотного картона из его пальцев и опустил его в карман куртки.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Дальше что?

— Ну что... Потрепались у прилавка о том о сем. Когда вышли из магазина, подкатил черный «сааб», из него вылез мужик, помахал нам рукой. Как выяснилось, это был ее муж.

— Что за мужик?

Малек прикрыл глаза.

— Мужик и мужик... Средних лет. Одет стильно. Темный пиджак, светлые брюки, белая майка... Внешне как будто очень простенький гардероб, но на самом деле очень импозантен и явно недешев. Вроде бы обрадовался, что встретил соотечественника, предложил прокатиться по набережным. Мы прокатились, потом закусили в рыбном ресторанчике. Вот, собственно, и все.

Он умолк, постукивая пальцами по рулевому колесу.

— Это очень богатые люди, — тихо произнес он после долгой паузы.

— С чего ты взял?

— С того, что из ресторанчика мы поехали в их резиденцию.

Малек пустился в описание роскошного особняка из белого мрамора, старинного, выполненного в испанском стиле, — внешне строгим и даже несколько суровым — он ослепительно белел на пологом холме в окружении пышной субтропической зелени, и к нему вела мраморная же лесенка, взбирающаяся вверх через несколько белокаменных террас, украшенных цветниками, а в ее оснований на двух приземистых тумбах сонно дремала парочка меланхолических мраморных львов... Изваяния эти настолько, видимо, врезались в память Малька, что он начал живописать их в деталях, и мне пришлось его оборвать.

— Ты уверен, что это их дом?

— Не их. Какого-то делового партнера ее мужа. Точнее сказать, его патрона. — Он многозначительно глянул на меня. — Если твой патрон имеет возможность покупать такие белокаменные особняки на Лазурном Берегу, значит, ты сам далеко не бедствуешь.

— Ну хорошо, давай вернемся в наши пенаты. Вы с ней о чем-то переговаривались, там, в пивной.

— Ах это... Все вышло случайно. Она остановилась взять бутылку минералки, узнала меня. Мы немного потрепались.

— О чем?

— О тебе.

Некоторое время я соображал, что бы этот интерес роскошной мадам к отдыхающему в дрянной забегаловке Харону мог означать.

— Она спросила, кто ты такой, — пояснил Малек. — Ну я ей и рассказал.

— Догадываюсь, в каких выражениях ты меня описал.

— В тех самых — уж извини за откровенность, — каких ты заслуживаешь. — Он осекся на полуслове и покосился на меня.

Я дружески похлопал его по колену:

— Давай-давай, колись... Я питаю слабость к комплиментам.

— Ну что... — надув губы, раздумчиво произнес Малек. — Сказал, что ты форменный раздолбай. Что любишь поддать.

Я кивнул: да, после возвращения из госпиталя я здорово пил.

— Что у тебя, в сущности, нет ни кола ни двора, — продолжал монотонно перебирать мои достоинства Малек. — Что по теперешним меркам ты человек почти конченный — в том смысле, что в этой жизни, где нужно сутками вкалывать, у тебя нет никакого будущего. Что если ты от бомжа чем-то и отличаешься, то разве от тебя пока не воняет псиной. Что ты, наверное, по-своему счастливый человек, потому что живешь, как сорняк под забором, и тебя такой образ жизни вполне устраивает. — Он помолчал и, прищурившись, метнул на меня быстрый взгляд. — Я не прав?

— Ну отчего же, — пожал я плечами. — На мой вкус, ты даже польстил мне... И вот твоя приятельница, расчувствовавшись, решила угостить меня пивом, так?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Ага. Чем-то ты ее задел. Помнится, она перед уходом что-то пробормотала себе под нос, прежде чем попросить меня отнести тебе бокал.

— И что же?

— Что-то странное. — Малек потер кончик носа. — Ах да. Сказала: черт, а ведь это идея! И ушла.

— Ладно, попробую разыскать эту голубоглазую Валерию, — сказал я, возвращая Мальку ключи от машины.

Он встряхнул их на ладони и закусил губу.

— С чего ты взял, что она голубоглазая?

Я уже вышагивал из «опеля», когда тихая реплика Малька догнала меня. Тряхнув головой, я вернулся на место.

— Не понял.

Я не страдаю дальтонизмом и на зрительную память не жалею — прекрасно помню, как она, приподняв полу шляпы, опустила темные очки на кончик носа и глядела поверх оправы, пока я переносил бокал с пивом на столик жаждущего пенсионера: тогда еще изумил поразительный тон ее голубых глаз — удивительно густой и сочный, почти невсамделишный.

— Я так думаю, это были контактные линзы, — сказал Малек. — Когда мы виделись на Лазурном Берегу, глаза у нее были карие. И волосы совсем другие — темные, коротко стриженные. Я бы и не узнал ее в этом светлом парике, если б она просто прошла мимо и не окликнула меня. Сказать по правде, этот имидж голубоглазой блондинки ей, на мой вкус, не подходит. В оригинале она выглядит куда привлекательней.

— Слушай, Дима, — сказал я, дружески обнимая Малька, и отметил про себя, что впервые обращаюсь к нему по имени. — Ты меня очень и очень обяжешь, если подробнее опишешь оригинал.

Он достаточно ясными и не лишенными известной образности штрихами набросал портрет своей знакомой.

— И что дальше? — спросил он, закончив составлять набросок.

— Да ничего, — мотнул я головой. — Она в самом деле очень импозантная женщина, если верить твоему описанию. Куда как привлекательней той кобылки, которой ты собирался привезти шампанское...

— Да ну ее! — поморщился Малек. — Я передумал. Пивом обойдется. Там этого пива еще два ящика. — Он в нерешительности крутанул ключи на пальце. — Хотя, конечно, если я вернусь пустым, она поднимет жуткий вой.

— А ты ей скажи, что все шампанское из сельпо вылакали местные селяне по случаю дня урожая.

— Хорошая мысль, — слабо улыбнулся он и включил зажигание.

Я проводил «опель» взглядом, дождавшись, пока он не приткнется на свое место у обочины. Малек вышел, повертел головой, широко раскинул руки в стороны и, приподнявшись на цыпочки, сладко потянулся, а у меня вдруг заныло в плече, и вслед за первым толчком смутной, рассеянной боли такой знакомый холодок потек по жилам быстро деревенеющего тела — слишком хорошо знакомый, и потому я, словно подрубленный под самый корень, рухнул на дно канавы и так застыл, потеряв дыхание, не шевелясь и сделавшись одной крови с надежно укрывающей меня сочной, жилистой крапивой, бритвенно режущих касаний которой ни на лице, ни на руках почему-то не ощущал — потому, наверное, что растительное начало вдруг опять мощно заявило о себе, когда со стороны одного из заброшенных участков, прячущихся за пьяным забором, раздался плотный хлопок, и в следующее мгновение голова Малька, взорвавшись багровым фонтанчиком на лбу, раскололась пополам.

Глава четвертая

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Едва отгрохотал короткой ночной ливень, обвал которого я, к счастью, успел опередить, вернувшись домой после прогулки на дачу, поверх влажной ленты асфальта хлынул со стороны Ленинградки скользкий, масляно желтый свет фар, а вслед за ним во двор, шипя рассекающими потоки воды шинами, заплыл внушительных размеров автомобиль, развернулся и встал напротив стены. Через какое-то время к нему направился темный силуэт, в котором я опознал контуры Анжелиной плотненькой фигуры, она наклонилась к тёмному провалу открытого со стороны водителя окна, призывно помахала рукой, на свет фар, мощно давящий в стену, потянулись из темного подвального угла золотые рыбки, выстроились у стены, очень разные — высокие и так себе, полненькие и худые и в то же время поразительно одинаковые: в том, как они слепо шурились, оберегая глаза от слепящего света приподнятыми на уровень лица ладонями, в том, как зябко поеживались и неловко перетаптывались на месте под взглядом коротконого, овальной формы человечка ниже среднего роста, неторопливо выбравшегося из машины и двинувшегося к стене.

Этот ловец золотых рыбок знал в своем деле толк.

Профессиональная повадка угадывалась уже в том, как он неспешно, по-наполеоновски заложив руки за спину, продефилировал вдоль строя, на мгновение задерживаясь против каждого из выставленных на продажу рекрутов, и, опустив голову, медленно восходящим взглядом оценивал кондиции и формы возможного приобретения; в том, как, закончив смотр почетного ночного караула, приступил к более тщательной дегустации продукта — начиная с левого фланга — и вдумчиво ощупал бюст крайней девочки, угловатого подростка с коротко стриженными светлыми волосами; пока все это происходило, она стояла, с коровьим безразличием свернув голову на сторону и очень выразительно, на типично американский манер, двигала челюстью, занятой массажем жевательной резинки. Второй девочке этот гурман сунул руку под юбку, погрел меж ее ног, а потом сделал какое-то плавное движение, на которое девочка откликнулась тем, что вздрогнула, на мгновение напрягшись и выгнув спину, а потом обреченно поникла, опустив плечи.

Наблюдение за маленьким невольничьим базаром не пробудило никаких мыслей, кроме одной: хорошо бы понадежней укрыть мотоцикл, а то мало ли кто шляется мимо нашего дома по ночам.

Когда я спустился во двор, сделка была уже завершена, воспаленные ядрышки габаритных огней удалялись в сторону Ленинградки, а девочки цепочкой тянулись в сторону подвала.

— Неплохо выглядишь, тебе идет, — устало улыбнулась Анжела, имея в виду, наверное, отсутствие волос на голове и бороды. — Ты помолодел.

Она подняла лицо к небу и умолкла, должно быть пролистывая в уме скорбные страницы той писанной водкой, кровью, любовным потом и брызгами семени книги, какую она открыла десять лет назад, когда волна нищеты подхватила ее в бедной Молдавии и выплеснула в нашу реку, в темных ночных водах которой стыли витринные огни роскошных бутиков и дорогих кабаков, рассекаемые форштевнями мощных пирог марки «мерседес», «опель», «ниссан» или на худой конец «Жигули», ловцы золотых рыбок уводили ее, купленную за полсотни долларов, в своих садках к диким своим первобытным пещерам, обжитым такими же, как они, неандертальцами, к ритуальным кострам, к шаманским зазываниям Modern Talking, чтобы утром, обглодав до костей, выкинуть ее скелетный остов на прохладный речной песок, и бог же ее знает, как ей удавалось нарастить потом на тех костях новое мясо и оживить жилы толчками прохладной — как у всякой профессионалки — рыбьей крови. Так или иначе, она сама теперь держит садок с золотыми рыбками в тихой заводи нашего двора.

— Не спится?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Да. Эта ночь полна романтики, — кивнул я, припомнив, как рука клиента юркнула одной из золотых рыбок под юбку. — Но меня сейчас одолевают сугубо прозаические мысли. — Кивком я указал на свой «Урал». — Этой пироге надо бы где-то пришвартоваться. Может, у тебя в подвале?

— Давай, почему нет.

В подвал от уровня тротуара катилась параллельно лестнице пологая заасфальтированная горка — наподобие тех, что иногда устраиваются в подземных переходах, чтобы молодые мамы могли катить по ним коляски. Не знаю, зачем она понадобилась дворникам, но пришлось очень кстати.

Заведя «Урал» в сухой бетонный док, я поставил его у стены и огляделся. Подвал был тускло освещен голой лампочкой под низко нависающим потолком, ее ленивый снотворный свет мягко ложился на девочек, сидящих на корточках у бетонной стены, придавая их лицам какой-то желтоватый, типично покойнический оттенок. Присесть тут было негде. Должно быть, эти дети подземелья вот так и сидят тут ночь напролет, как курицы на насесте. На меня они смотрели тускло и сонно, явно не чуя во мне клиента.

— Хочешь? — спросила за спиной Анжела, не вдаваясь в подробности относительно предмета хотения. — Выбирай.

— Спасибо, в другой раз. — Я направился к выходу, но, вдруг спиной почувствовав почти осязаемое давление чьего-то взгляда, споткнулся на ровном месте и обернулся.

Это была светловолосая хрупкая бледнолицая девочка, в невзрачной внешности и скомканной позе которой сквозило какое-то близкое мне по духу растительное начало: она явно тоже относилась к миру флоры, однако родовую ее принадлежность определить все не удавалось — потому, наверное, что взгляд ее неправдоподобно голубых глаз был настолько ясен, прозрачен и интонационно красноречив, словно у поверхности его струился монотонный молитвенный текст и испарялся немymi шепотами с бледных и удивительно подвижных губ.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга.

— Вася, на выход, — тихо скомандовала Анжела, и девочка вспорхнула со своего насеста, выпрямилась, сделала шаг вперед.

— Вася? — спросил я.

— Василиса, — пояснила Анжела. — Она у нас новенькая. Только что прибыла из Волгограда. Есть такой город на реке, знаешь? — Она вздохнула. — Обычная история.

— То есть?

— Ну что... Живешь ты в своей провинции, потом симпатичный твой школьный приятель говорит, что может устроить тебя в Москве на хорошую работу — сидеть в офисе и долбить по клавишам компьютера. И ты соглашаешься. Вы грузитесь в поезд, едете, потом сходите на перроне Казанского вокзала, а твой приятель прямиком двигает ко мне. И я даю ему сто долларов.

— Сколько? — не вполне поверил я своим ушам. — Всего сотню?

— Таковы на этом рынке ставки за свежий товар.

— Твою мать.

— Брось, Паша. Не я это придумала. Просто плыву по течению и ничего не могу с этим поделать.

Я кивнул: Анжела права, здесь все до единого медленно тащется вперед, увлекаемые течением, иной раз изредка пытаясь шевелить плавниками и бить хвостом, чтобы обойти зловонное мазутное пятно, му-сорный завал в узком месте или всплывшее со дна тело покойника, и никому нет дела до того, что воды этой реки на вкус тошнотворны, на взгляд мутны, как прокисшее пиво, а из редких икрных пометов в заросших тиной ямах на свет вылупляются все сплошь мутанты — двуххвостые, трехглазые, с большими сопливыми ртами, — и мне никуда от этих прокисших вод не деться, потому что лодочнику суждено жить у реки.

— Знаешь, я ведь просто пожалела ее, — тронула меня за локоть Анжела. — Она бы

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

тут быстро пошла ко дну.

— Почему?

— Сам увидишь. Вернее, услышишь. — Она слабо улыбнулась и подтолкнула меня в бок. — Ладно, идите. Я сегодня не приду ночевать.

— А что так? — спросил я.

— Чувствую, будет много работы.

— Сегодня что, канун Дня святого Валентина?

— В нашем деле святой Валентин ни при чем.

— Да уж, — кивнул я, напоследок окидывая взглядом подвал, прежде чем покинуть этот уютный вселенского какого-то уныния, и все то время, пока поднимался на второй этаж к своей двери, ее легкое дыхание висло на моих плечах. — Ну, заходи, раз пришла, — сказал я, пропуская девочку в тесную прихожую, и она опасливо юркнула в дом, замерла в нерешительности у темной ниши справа от входа — пришлось подтолкнуть ее в плечо, чтобы запереть дверь.

Я прошел в комнату, выглянул в окно — у стены разворачивался очередной аукцион, наблюдать за ним охоты не было, — обернулся, нашел свою гостью смирно сидящей на краешке дивана. В ее напряженной позе, в плотной сомкнутости детских коленок, на которых отдыхали маленькие ладони, в обреченной опущенности узких плеч было что-то жалкое и бесприютное, захотелось раздеть ее, уложить в кровать, накрыть до подбородка одеялом и, поглаживая по головке, затянуть протяжную унылую колыбельную, дожидаясь, пока она сладко засопит, погрузившись на самое дно теплого и покойного сна.

Теперь я мог рассмотреть ее получше.

Если она и походила на проститутку, то разве на ту, что совсем недавно ступила на эту опасную тропку, да и то потому, что ее школа закрылась до сентября на летние каникулы: ниже среднего роста, хрупко сложенная, отмеченная той особой угловатостью, какая предваряет созревание девочки-подростка в женщину, она в самом деле напоминала ученицу средней школы, и только в говорящих ее глазах угадывалось подлинное знание порядка вещей, принятого во взрослом мире.

— Который год тебе? — спросил я, усаживаясь рядом с ней на корточки.

Она что-то немо проартикулировала в ответ, потом с трогательной беспомощностью улыбнулась, достала из накладного кармашка джинсовой юбочки маленький блокнотик, распахнула его, выдернула из паза на сгибе тонкую ручку, быстро черкнула что-то на пустой страничке и протянула блокнот мне.

«18» — округлым почерком было выведено в чистом листе.

Несколько озадаченный ее типичной для подполья манерой вести разговор, очевидно чужим ушам не предназначенный, я упрямо мотнул головой:

— Врешь. Тебе от силы лет шестнадцать.

«Верно», — порхнули ее тонкие пальцы, сжимающие ручку над все еще лежащим на моей ладони блокнотом, и мне понадобилось некоторое время для того, чтобы впитать эту ее опрокинутую вверх тормашками реплику, и, по мере того как способ ее произнесения доходил до моего сознания, я медленно оседал назад, а потом, мягко плюхнувшись на пол с корточек, никак не меньше минуты сидел, тупо глядя в ее голубые, доверху переполненные какими-то тайными смыслами глаза, и только окунувшись в донные глубины ее взгляда, я начал кое-что понимать.

Господи, эта девочка была глухонемая.

— Извини, — сказал я, опуская руку на ее колено.

«Ничего», — отозвались ее глаза.

— Может быть, выпьем? — спросил я.

«Зачем?» — утомленно двинулись ее немые губы.

— Не знаю, — пожал я плечами, потому что в самом деле не знал, что мне делать: выпить в моем доме было нечего, если, конечно, не пихнула в холодильник какую-нибудь бутылку Анжела.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Давай я уложу тебя спать.

«Уложи», — ответила она не столько глазами или губами, сколько всей пластикой своего хрупкого тельца: приподняв грудь глубоким вздохом, она поднялась и, чуть качнувшись вперед, замерла, уронив голову, и я наконец начал нащупывать видовое начало ее растительной природы — этим изгибом своего телесного стебелька она поразительно напомнила какой-то сорный, на хрупкой ножке, совершенно невзрачный цветок, названия которого я не знал.

— Я буду звать тебя василек, ладно?

Она кивнула и, подняв лицо, улыбнулась, ее глаза приобрели оттенок моря после ночного дождя — без намека на приторно рекламную пасторальную лазурь, зато с той прохладно голубоватой мутью, что парит не на поверхности, а вот именно что над благородной воронью пистолетного ствола, и этот тон, разрастаясь из глаз, наполнял исподним, изнаночным светом ткани еще по-детски овального лица в оправе льняных, слегка вздыбленных волос, уложенных несколькими откатывающими от лица волнами, походившими на изогнутые лепестки. И я подумал о том, что заскочившее мне невзначай на язык имя вполне отвечает ее природе: в моем доме будто бы в самом деле пророс крохотный василек, которому должно было быть уютно и спокойно в тени моего заскорузлого, дупляным провалом ноющего в районе левого плеча, ствола. Впечатление было такое, будто ее тонкий, напоминающий бороду Хо Ши Мина корень, нежно щекочет своими белесыми нитями какую-то мою поверхностную коренную жилу, и эта бесхитростная ласка отливается сладкой ломотой во всем теле. И лишь на короткое мгновение придя в себя, догадался, что это ласково стелются по гладко выбритой голове ее шелковистые волосы.

— Ложись, — сказал я.

«Хорошо», — отозвалась она глазами.

— Нет, — дернул я головой. — Надо раздеться. Давай я тебя раздену, ладно?

«Давай», — безропотно откликнулась она, опять-таки пластически, чуть приподняв переломленные в локтевых суставах руки и давая возможность приподнять ее муарово дымную сорочку. Сорочка со слабым шелестом вытекла из моей беспамятной руки, осела сгустком голубоватого дыма на полу, и скоро ей вдогонку устремилась короткая джинсовая юбочка, а вслед за ними туда же легли мои ковбойские доспехи, застыв мягкой грудой, и гордый золототканый орел со спины куртки все косил своим окровавленным рубиновым глазом на мужчину и девочку, которые стояли у кровати, обнявшись, а потом начали медленно клониться, оседая на прикрытую тощим одеялом кровать.

— Черт, как раз вот этого мне и не хватало.

Она приподнялась на локте, заглянула мне в лицо, и ее говорящие глаза ожили.

«Чего?» — спросила она.

— Это трудно объяснить.

«Попробуй. Может, я пойму», — сказала ее рука, легшая мне, на висок и, пальцем очертив контур ушной раковины, успокоившаяся на скуле.

— Вот этой немоты.

«Я понимаю», — заметила она после долгой паузы губами, прикоснувшимися к левому плечу и надолго застывшими на вспухшем мягкой розовой лавой рубце пониже ключицы, эти губы слабо шевелились, словно высасывая из затянувшейся раны гадючьи яды, и впервые за многие дни, прошедшие с момента выписки из госпиталя, я вдруг почувствовал, что мертвые ткани плеча начинают оживать и наполняться живой кровью.

«А зачем тебе немота?» — спросила она тускло мерцающими надо мной глазами.

— Затем, что это привычный способ существования всего живого. Травы, дерева, цветка, ветра, дождя, реки, — ответил я, обнимая ее за хрупкое плечико и привлекая к себе. — И еще...

Она вдруг напряглась, выскользнула из-под моей руки, нависла надо мной и, с красноречивой тщательностью артикулируя, немо спросила:

«Женщина?»

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Да нет, — сказал я. — Просто голубка. Очень красивая, очень породистая и очень домашняя. Ее нельзя было выпускать из-под руки, я это твердо знал, но все же отпустил. Я тебя хочу попросить об одной мелочи... Никогда не проводи вот так пальцем по моему уху, прежде чем заснуть, ладно? Потому что голубка, прежде чем пожелать мне доброй ночи, вот так же проверяла форму моей ушной раковины, а потом засыпала на моем плече, уютно погрузив свой теплый клюв мне под мышку. — Я долго молчал, потом тихо произнес: — И мне нужно вытравить это из моей памяти.

«Хорошо», — согласилась она, устраивая мягкий бутон своей головки на моей груди, и спустя минуту сладко засопела, а я так и не сомкнул глаз — не потому, что не хотелось спать, а просто наслаждался пространством блаженной немоты, к которой надо было привыкнуть, и задремал ненадолго лишь под утро, а когда открыл глаза, увидел ее сидящей на стуле у окна. Подперев подбородок ладонью, она слабо улыбалась, едва заметно шевеля губами, словно к кому-то обращалась. Я проследил ее взгляд и увидел нахохлившуюся голубку — обычную городскую, сизокрылую, породы плебейски невзрачной. Она сидела на краю карниза, вжавшись в угол, нахохлившись и втянув голову в растрепанное оперение своего маленького тела, похоже, была больна и глядела своими пуговичными глазками куда-то сквозь меня.

— Ну, иди сюда, — сказал я, открывая окно, а она и не думала бежать от моей руки, порхнувшей над карнизом, и с сонной меланхоличностью откликнулась на ласковое прикосновение моих пальцев, погладивших ее по маленькой гладкой головке, не отпрянула и не сделала попытки с пыльного карниза вспорхнуть — вот разве что уютно спрятала клюв под крыло и замерла, всем своим видом будто бы говоря: ну что ж, бери меня, если хочешь.

Я достал ее с карниза — казавшееся удивительно хрупким, невесомым под мягким слоем оперения тельце больной птицы медленно согревало мои сошедшиеся в форму полусфера ладони, и вот именно оттуда, из поддерживающих мягкий пушистый комочек рук возникло ощущение, отлившееся тяжелой ломотой в груди: я вспомнил другую Голубку — породистую и удивительно красивую, с которой мы когда-то давно стояли на смотровой площадке Воробьевых гор, и подумал, что не был там с того самого дня...

С того самого, когда мы — рука в руке, сплетя пальцы, — глядели на расстилающийся под нами город и никаких планов на будущее не строили, довольствуясь безмолвным согласием в том, что будем просто жить, бесхитростно, но мудро, туго сплетясь корнями, предположим, как вон тот старый тополь с раздваивающимся на два русла стволом: с весенним теплом из его ветвей прыснет молодая листва, поздней осенью тополь ее сбросит — и все будет хорошо, лишь бы не было войны да лишь бы не пилили пилами наши набрякшие от пуха ветви, а остальное приложится.

Девочка не мигая следила за мной, я ласково погладил ее по голове.

— Мне надо кое-куда съездить. Хотя, возможно, это глупо.

«Почему?» — спросила она губами.

— Кто-то верно сказал на этот счет: по несчастью или к счастью, истина проста — никогда не возвращайся в прежние места.

2

На смотровой площадке без перемен, она все так же парит над текущим в желтоватой дымке городом, вот только белая голубка не срывается с чьих-то дрожащих от предпраздничного волнения рук, и не описывает, свалившись на правое крыло, длинный полукруг в жарком, кажущемся из-за духоты студенистым воздухе — где ее гнездо теперь? За чьей теплой пазухой она греется, сунув головку под крыло?

Сзади слышался шорох шин — к бордюру медленно и торжественно, словно белый лайнер к причалу, швартовался роскошный «линкольн». Захлопали дверцы машин, на смотровую площадку выкатились гости, шумно, рассыпая по следу звонкие реплики и вспышки смеха, двинулись к ограде. Легкий ветерок донес тонкие запахи женских духов,

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

сладковатые ароматы роз, сигаретного табака, смутное шуршание свадебного платья. Краем глаза я видел невесту, вглядывающуюся в дымное марево. Интересно, что она видит. Должно быть, угадывает там, — в переплетении улиц, улочек и переулков, пикантные запахи какого-нибудь банкетного зала, по которому уже шустро снуют официанты, наводя последний лоск на ломящиеся от аппетитных блюд, водки и шампанского столы.

Каждому — свое.

Что до меня, то вижу там, внизу, нечто совсем иное. Ведь не один Арбат течет под высоким берегом Воробьевых гор, как река, а весь этот огромный город струится, паря желтоватой дымкой, и в мерном движении своем питает энергией конвейер смерти: там дышат покоем все шестьдесят шесть московских кладбищ, а в прозекторских более чем сорока столичных моргов мастера своего дела, вроде Вадима Гельфанда, наводят последний лоск на желтые лица усопших посредством тонального крема «Балет» (отчего-то именно это макияжное средство в большом почете у похоронных визажистов), моют им головы пушистыми шампунями и надушивают их дорогими одеколонами; там за слепыми, без окон без дверей, стенами крематориев без усталости гудят суперсовременные английские печи марки «Эванс», перерабатывая тонны мертвой плоти в прах, и за компьютером, управляющим одним из этих чудес техники, сейчас, возможно, сидит мой друг Фима Золотцев, в прошлом кандидат биологических наук, а нынче машинист кремационной печи, сидит себе, изредка поглядывая в монитор и почитывая Шопенгауэра, — у них в крематории действует что-то вроде философского клуба. Там сотни менеджеров похоронных контор стучат по клавиатурам компьютеров, оформляя договора под тысячи заказов, там уверенные резцы скульпторов режут камень надгробий, а чуткие пальцы флористов плетут из живых цветов роскошные траурные букеты и венки, и бесконечная эта река все течет и течет без пауз и перерывов на праздники — вот уж воистину права Люка: у смерти не бывает выходных.

Жаркий сквозняк шевельнул слабо шуршащую шелуху, осыпавшуюся на пыльный асфальт с проплывших мимо свадебных кортежей, — россыпь пластиковых шампиньонов из шампанских бутылок, сальное шоколадное золотце, окурки, походящие на опарышей, брызги расколотых хрустальных бокалов и смятые останки пластиковых стаканчиков — совсем как в те времена, когда ты частенько навещался сюда, ведь на филологическом факультете университета училась хорошая знакомая, девочка по имени Надин (производное от простого и милого имени Надя), и вы частенько отдыхали с ней, лежа в тени кустов на травке, попивали кисленькое молдавское вино, тайком наблюдая из укромной засады за торжественными дефиляциями новобрачных, прежде чем приняться за дело.

Оглядывая теперь эти газоны, я с оттенком легкого ужаса представил себе, что — обладай человеческое семя способностью, подобно семени древесному, прорасти в питательной почве — вокруг смотровой площадки теперь шевелились бы под жарким ветерком густые заросли моих потомков.

В тот день Надин отчего-то не пришла на свидание, ты в одиночестве коротал время на газоне, бездумно наблюдая за смотровой площадкой, изредка захлестываемой бурными приливами свадебных кортежей, — нахлынув и отбурлив, они откатывались, оставляя после себя двух людей, сопротивлявшихся силам отлива, — одного ты знал: дядя Прохор, знакомый вам с Надин старик, легонький и сухонький, как прокаленная на летнем солнце сосновая щепка, с редкой и полупрозрачной, словно папиросный дым, одуванчиковой растительностью на маленькой голове, желтоватыми латунными глазами, выражения в которых было не больше, чем в истершемся пяточке старого советского образца. Узкое лицо его тоже отдавало в желтизну, а сухая, как ископаемый египетский пергамент, кожа была забрызгана — особенно на скулах и в районе тяжелой носогубной складки — черной угревой сыпью столь плотно, словно приняла на себя заряд мелкой дроби.

Старик уродливо и одиноко, наподобие пустынного саксаула, прорастал на площадке, как правило, в выходные дни, когда свадебный прибой был особенно мощен, и даже вытягивалась на ведущей сюда дороге очередь из расфуфыренных, переплетенных атласными, тошнотворно розовыми или голубыми лентами автомобилей, возле которых

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

нервно прогуливались свидетели с идиотскими красными лентами через плечо — дым их сигарет стелился над головой старика, сидящего у бордюра, облокотясь на большую, крепко сплетенную из ивовых прутьев клетку, и с видом нищего на паперти глядевшего в одну точку перед собой. Он был голубятником и за скромную плату предлагал новобрачным своих смиренных, рабски покорных голубок для свершения языческого ритуала, смысл которого он всякому случайному собеседнику скупое пояснял тусклым, бесцветным голосом: Коли невеста выпустит из рук голубку, то это, по народному поверью, к счастью.

Давали ему когда как — когда гроши, когда вполне сносно, — он, не глядя, совал деньги в старую армейскую рубаху с густой траурной каймой по краю воротничка и на манжетах, лез в клетку, доставал птицу, вручал ее покупателю, и однажды ты спросил его, не жалко ли расставаться с птицами, и он ответил, что нисколько за их судьбу не тревожится: голубка, вспорхнув с ладоней невесты, непременно вернется в свою голубятню, таков ее природный инстинкт — безошибочно находить в огромном, растекшемся в дымные горизонты пятне города ту крохотную и глазу недоступную точку, в которой прячется в тенистом дворе ее гнездо и хозяин голубиногo гнезда подзывает ее переливчатым свистом.

Ты. помнишь, теперь отчетливо и во всех подробностях помнишь: компанию ему составляла несмываемая накатами свадебного прибоа женщина среднего роста с расплесканными по узким плечам темно-русыми волосами. Пастельная мягкость тонов ее наряда — легкой летней юбки палевого оттенка с рискованно высоким, чуть ли не от бедра, разрезом и просторной, бледно-салатовой майки — просто не могла на фоне попугайско пышной палитры праздничной толпы не обратить на себя внимание, к тому же сложена она была плотненько и даже аппетитно, единственной помаркой в мягких линиях ее фигуры смотрелись слегка по длине не дотягивающие до выставочного подиумного стандарта ноги, впрочем, впечатление это, скорее всего, происходило из того, что обута она была в легкие, древнегреческого фасона сандалии на узкой и плоской подошве, от которой восходили вверх узкие ремешки, мягко оплетавшие ее восхитительно тонкие щиколотки. Черт, эти щиколотки... Потом ты приохотишься находить их самой интимной частью ее тела — наравне с запястьем, но это будет потом, а пока ты, развалившись в патрицианской позе на газоне, поджидал Надин, прихлебывая кислое молдавское шардоне, она неподвижно стояла у ограды спиной к тебе. Что именно толкнуло к ней, неясно, но помнится, допив винцо, ты покинул засаду, кивнул в знак приветствия голубятнику, приблизился к женщине и произнес какую-то суконную глупость вроде того, что: какой хороший вид на город открывается отсюда, не правда ли, девушка? — и она с заметным опозданием, словно голос долетел до нее из немыслимого далека, тряхнула головой, повернулась, а ты непроизвольно потупился — настолько ярким показалось ее лицо.

Черты его не имели филигранной отточенности, зато в них читалось какое-то очень породистое начало: высокий чистый лоб, обласканный шелковистой прядкой сильных здоровых волос, прямой нос с едва внятной вертикальной впадинкой на кончике, чуть впалые щеки, подчеркивающие уверенные линии широких скул, и рот правильный, в недоуменной приоткрытости которого проступала восхитительная припухлость мягких губ, уверенный подбородок, возможно несколько тяжеловатый, но не настолько, чтобы смазать общее впечатление.

В больших ее, карих, с желтоватой прожилкой, глазах стояло какое-то изумленно восторженное и в то же время настороженное выражение, с каким ребенок глядит на новогодний подарок, скрытый под воцеленной бумагой праздничной упаковки. Вот так молча она глядела не менее минуты, и в ее взгляде проросла лукавый мотив, оттенок которого прозвучал в интонации: «Почему ты такой неловкий? Ну и что ты на меня так смотришь? Не знаешь? А я знаю. Потому что я красивая»

С этим оставалось только согласиться: «Да, ты красивая!» — и с запозданием поразиться этой ее открытости и манере вот так запросто называть вещи своими именами. Но она, по-прежнему внимательно наблюдая за тобой, мотнула головой: «Нет, я очень красивая, очень, ведь правда?»

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

«Правда», — голос звучал как чужой. «Таких женщин ты еще не встречал, верно?» — улыбнулась широко и открыто, и опять оставалось согласиться с ней не своим голосом: «Верно».

Она кивнула и вдруг, задумчиво насупившись, оглядела тебя, прикусила уголок губы, отвела взгляд и резко тряхнула головой: «Вот ведь черт!..» Помнится, был мгновенный испуг: «Что-то не так?» — но она оставила реплику без ответа, отвернулась и, словно окаменев, опять уставилась в дымное марево, висящее над городом. Возникла пауза, в которой голос вернулся к тебе: «Я не меньше часа за тобой наблюдал, вон с того газона за кустами, и не понимал, что ты там высматриваешь?» Теперь ее голос изменился, в нем пророс тревожный мотив, то ли отчаяние, то ли нешуточная боль: «Человека высматриваю...» — «Видишь его?» — «Да», — удрученно кивнула. «И чем он занят? Тебе видно отсюда?» — «Конечно, — вздохнула. — Он нервно ходит по дому. Курит сигареты одну за другой. То и дело хватается за телефон. Обзванивает наших знакомых». — «Зачем?» — «Ищет меня». — «Почему бы тебе ему не позвонить?» — «Сколько тебе лет?» — вопрос прозвучал вместо ответа, сбил с толку. «Девятнадцать». — «А мне двадцать четыре, — покивала в пространство, точно вступая в немой диалог с воображаемым собеседником. — А ему двадцать шесть... Он микробиолог, работает в Академии наук. Его послали на стажировку в Лион». — «Он твой муж?» — «В каком-то смысле... — рука порхнула у лица в каком-то витиевато неопределенном жесте. — Нет, в загс мы не ходили, если ты это имеешь в виду. Просто были мужем и женой».

На это не нашлось, Что сказать, оставалось стоять, облокотившись на камень ограды, смотреть на город, в туманных недрах которого какой-то неведомый человек мечется по квартире, курит, то и дело рассылая свои поисковые звонки в попытке нащупать след этой удивительно странной женщины, — откуда ему было знать, что она уже очень далеко, на смотровой площадке. Возможно, она расценила сочувственное молчание как вопрос: «Я говорила ему, что меня нельзя надолго оставлять одну, нельзя выпускать из рук, даже на неделю, а он уехал на полгода и вот вчера вернулся».

Умолкла, ты тоже не представлял себе, о чем можно говорить в такой ситуации, абсурдность которой лежала за гранью понимания порядка вещей, и потому оставалось поддерживать ее в молчании уже хотя бы тем, что не лезть на рожон с изъяснениями сочувствия или соболезнования и только прислушиваться к тому, как она тихо, почти беззвучно плачет, по-детски беспомощно и трогательно шмыгая носом, и невозможно сказать, сколько длилась эта пауза, окончание которой было уловлено шестым чувством. Уловив, покосился на нее.

Она теперь стояла вполоборота и, склонив красивую голову к плечу, рассматривала тебя, и ты с легкой оторопью от колебаний ее переменчивых настроений отметил, что теперь в ее глазах укрепилось почти прежнее, празднично новогоднее выражение — с той лишь разницей, что оно приобрело определенность и законченность: ребенок освободил свой подарок от обертки, уже держит его в руках и вот застигнут кем-то из взрослых в тот переходный момент, когда приоткрывает рот, чтобы завизжать от восторга и запрыгать от радости, баюкая вожаденную, весь долгий год ожидаемую игрушку на руках. Улыбнулся, отвечая ее новому настроению: «Ты не только красивая, но и немыслимая какая-то!» Глянув мимо тебя, она расхохоталась: «Ага, вот именно, вот именно, а что там сидит этот старик?»

В двух словах было рассказано про голубиный бизнес дяди Прохора, она, покусывая ноготь мизинца, о чем-то размышляла, потом тряхнула головой и рассмеялась: «Да разве так эти дела делаются?!» — и понеслась, полетела к старику, дурашливо подсакивая и размахивая при этом руками, о чем-то быстро с хозяином голубей переговорила и получила в свои руки одну из птиц как раз в тот момент, когда к бордюру площадки швартовался очередной свадебный кортеж, и оставалось только поражаться тому, как блестяще она экспромтом отыгрывала эту новую для себя роль доброй феи, безошибочно выискивающей в толпе гостей нужного человека — громоздкого, как старомодный платяной шкаф, молодого человека с валкой матросской походкой, закованного в тяжелый черный парадный костюм со

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

слишком для его обезьяньих рук короткими рукавами. Сальная его, розово лоснящаяся рожа мгновенно преобразилась, едва взгляд прохладных в оправе припухших век глаз, ИЗ: рядно смазанных салцем, уперся в женщину с голубкой. Исполнив нечто вроде балетного реверанса, она, покорно склонив голову, протянула ему птицу, торопливо поясняя смысл подношения, и этот орангутанг повел туда-сюда головой, словно ему жал ворот сорочки, подумал и, сально ухмыльнувшись, что-то спросил, и она ласково улыбнулась в ответ. Он полез в карман, сунул ей в руку купюру, забрал птицу и понес ее к невесте... Помнишь, был первый накат ревности, душной и липкой как пот: «Что он там тебе говорил?» Она вспышку ревности почуяла, усмехнулась: «То же, что и все мужчины говорят мне» — «А что они говорят?» — «Что не прочь со мной переспать». — «Я этого не говорил». — «Но ведь — подумал». — «Вовсе нет». — «Этого не может быть!» — изумление было искренним, секундной ее растерянностью стоило воспользоваться: «Мне стыдно в этом признаваться, но я страдаю тяжелой формой клинической импотенции...» Расхохоталась: «По тебе это очень заметно!»

Наверное... В ту пору ты ведь не курил, пил умеренно и по большей части сухое вино, продолжал оставаться кандидатом в мастера спорта по водному поло и имел комплекцию, вполне соответствующую этому воловьему, связанному с большими нагрузками, ломовому виду спорта.

Она раскрыла кулачок, знакомя с гонораром за свой изящный реверанс: в одну минуту ухитрилась заработать сотню, но не рублей, а долларов, и спустя час в клетке старика осталась всего одна голубка — маленькая и не слишком импозантная, с черным крапом на левом крыле, и ты отдал дяде Прохору деньги, в основном доллары, — такой суммы он наверняка не заработал тут за целое лето — забрал последнюю птицу, сунул ее за пазуху, подошел к краю смотровой площадки и заметил ей, что она прекрасная актриса. Воспринято было как данность, нечто само собой разумеющееся: «Ага, я ведь когда-то училась в цирковом училище!» — «На кого?» — «На клоуна».

Немыслимая женщина, немыслимая: я и теперь иной раз пытаюсь представить себе ее в типично клоунском гриме — со свекольным носом, рыжими накладными ресницами, сочными пятнами румян на щеках и напоминающем шарик репья парике из желтой пакли — и не получается ничего, куда же тебе нечто такое было вообразить? Она, почуяв неверие, обиженно опустила уголки губ и вдруг, стрельнув взглядом в перила ограды, спросила: «Не веришь? Хочешь, сделаю тут стойку?»

Немыслимая женщина: опередив твой отрицательный жест, уперлась руками в каменные перила, подпрыгнула, вынося свое тело вровень с оградой, сгруппировалась и в следующую секунду уже стояла на руках, нисколько не озаботившись тем, что просторная юбка медленно соскользнула вниз и успокоилась мягкими складками вокруг упертых в перила ладоней, а взгляду открылись ее крепкие покатые бедра, перетянутые треугольником простеньких светлых трусиков. У тебя слегка помутилось в глазах. Из-под чехла юбки донесся голос: «Ну и как тебе?» — плавно развела ноги в стороны, но тут же опомнилась: «Ой, что это я, извини!» — и пружинисто соскочила с перил на асфальт. Если и смутилась, то не показала вида и с улыбкой дотронулась до твоего согнутого локтя, прижатого к животу: «Держишь камень за пазухой?»

Вот тут был момент прозрения: ты достал пригревшуюся на груди голубку, протянул ей, а она долго, не мигая смотрела тебе в глаза, на пару с тобой прозревая, потом тихо спросила: «Ты это серьезно?» — и как раскаленный свинец накатило понимание: да, кажется, да.

Она все поняла. Было долгое молчание. Потом она, приняв какое-то важное решение, взяла птицу, поддержала ее в уютном гнезде своих сомкнутых ладоней, приподняла на уровень лица, потерлась щекой о маленькую головку голубки и, скосив глаза, отослала тебе долгий вопросительный взгляд. Ты задал тогда хороший вопрос, очень хороший: «Хочешь спросить, завидую ли я тому парню, который вчера вернулся из-за границы и теперь мечется по дому, названивая твоим знакомым?» Она медленно опустила ресницы в знак согласия. «И

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

да и нет. Нет, потому что я его начинаю понимать и не хотел бы сейчас оказаться в его шкуре. А да... Оттого, наверное, что он держал тебя в своих руках». Тихо выдохнула в ответ: «Вот черт!..» — «Ты уже второй раз поминаешь черта. Почему?»

Откуда-то из донной глубины ее темных глаз медленно двинулось новое выражение, оно прояснялось, по мере восхождения, делалось все более внятным и наконец отчетливо проявилось в поверхности ее влажного взгляда — смысл его, как я теперь понимаю, состоял в предельном отчаянии: «Потому что ты мне начинаешь нравиться!» — и повернулась лицом к городу, распуская ладони.

Не раз и не два приходилось наблюдать издали, от кустов, за моментом взлета голубки с рук невесты, есть в нем удивительно скоротечный, от постороннего взгляда скрытый нюанс: вот медленно распахиваются ладони самой счастливой в этот час во всем свете женщины, и белая голубка, почуяв свободу, в первом отчаянном и шумном всплеске крыльев на мгновение обращается в ослепительную белую вспышку... А потом уж летит — валится на крыло, скользит, косо и остро, как нож масло, разрезая плотный воздух над городом, в дымных глубинах которого у нее есть свой голубиный дом. Следя за полетом голубки, прошептала: «Мне бы так!»

Потом было первое прикосновение к ней — протянул руку: «Ну так полетели!» — «Куда?» — «В гнездо. Оно вон в той стороне, неподалеку от метро „Аэропорт“... Я буду называть тебя Голубкой, ладно?», — «Голубкой? — прищурилась, помолчала и улыбнулась., — Хорошо. Только не выпускай меня из руки, понимаешь?» — «Кажется, понимаю».

С того дня немало воды в этой реке утекло, но вот всплыл он на поверхность разом и вдруг, весь от края и до края, настолько отчетливо, что привычно заломило в груди, как всегда бывало, когда накатывал дух самоистребления, однако какой именно из жестов или взглядов Голубки, осевших во мне, предстояло уничтожить, я не понимал и потому огляделся по сторонам: на смотровую площадку хлынула очередная свадьба. Невеста в легком белоснежном платье — на вид совершенная еще девочка — со смехом хлынула к ограде, подалась вперед, словно в желании воспарить над городом, а потом, приложив к ладошкам губы, оставила на них пятнышко короткого поцелуя и сдула это невесомое пятнышко со своих рук, отправив его в полет над склонами. Я закусил губу — вот именно так распахивались ладони Голубки, отпуская на волю птицу.

3

Не разобранные за ночь золотые рыбки сонно дремали в бетонном садке подвала, сидя на поду и привалившись спинами к пыльным стенам, — должно быть, они впали в зимнюю спячку, во всяком случае, никто из них не обратил на меня внимания.

— Где Анжела? — спросил я, но они сонно пожали плечами.

Я вернулся к брошенному у входа в подвал мотоциклу, включил зажигание, медленно тронул с места, оглянув палисадник, и тут заметил Анжелу — она выходила из крайнего подъезда соседнего дома, поеживаясь от утренней прохлады и на ходу притискивая кулачок к распахнутому в сладкой зевоте рту. Заметив меня, она приветственно помахала рукой — я подкатил, встал у трех выщербленных ступенек, подскакивавших к массивной железной двери, слева от которой ритмично вспухал и тух красный сигнал в панели электронного замка, и его тревожная пульсация напоминала спрессованную в одно короткое мгновение жизнь цветка, распускающего бутон с первым утренним светом и сминающего его с первой вечерней прохладой, и к горлу вдруг подкатил рвотный комок, теплый и скользкий.

Вот так же вчера вспух во лбу несчастного Малька маленький, кроваво-красного оттенка бутончик и начал распускаться крошечным тюльпаном, а в следующее мгновение полыхнул разрывом, и голова моего бывшего работодателя лопнула, как радужный мыльный пузырь, — момент вспухания красного цветка в белом лбу выплыл из глубин памяти, отлившись, видно, покойническим оттенком в лице, потому что Анжела участливо тронула за

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

локоть. Терпеливо дождавшись, пока рвотный спазм, толчками поднимавшийся из желудочных глубин, не утихнет, она сердобольно осведомилась:

— Что, принял вчера на грудь?

— Да нет. — Я мотнул головой и сплюнул. — Я не пил. Это так, от жизни.

— С мной такое тоже бывает, — сказала она. — Как девочка?

— Никак. — Я опять сплюнул. — А ты что здесь?

— Да вот сняла тут комнату у одной старушки. На третьем этаже. Так удобней. И у тебя не будет проблем.

— Да их и не было, если ты имеешь в виду свои ночевки.

— Да ладно тебе. У тебя своя жизнь.

— Мне будет тебя не хватать. Хотя... — Я оглянулся на свое окно, плотно зачехленное клубящейся лавой дикого винограда, и мне показалось, что там, в пышном теле этой сонно ползущей вверх гусеницы, возникло едва уловимое движение, как если бы кто-то, растворив окно, ласково пощекотал ее пыльное брюшко. — Ты права, своя жизнь. — Я полез в задний карман джинсов, извлек из него полученную от Мальвины сотню и протянул ее Анжеле. — Этот василек поживет пока у меня, договорились? В подвале он совсем зачахнет. А я высажу его, в свежую землю и поставлю цветочный горшок на подоконник, чтоб он мог питаться солнечным светом. Буду поливать, удабривать, оберегать от тли.

С минуту она, сузив красивые темные глаза, пристально смотрела на меня, бессознательно перетирая в пальцах купюру.

— Ты уверен? — тихо произнесла она.

— Сотня — туда, сотня — обратно, — сказал я. — Ты остаешься при своих. Так мы в расчете?

— Как хочешь, — грустно улыбнулась она, расправила купюру на ладони и, перебросившись с президентом Франклином быстрым взглядом, сунула сотню в карман. — Мне бы так. И где ты был десять лет назад?

Она потопталась на месте, глядя себе под ноги, потом подняла взгляд, и я слегка даже пошатнулся, поймав себя на том, что впервые за время нашего знакомства увидел ее глаза — темные, слегка раскосые, глубоко посаженные, — а впрочем, не их оттенок или форма пошатнули, а то, что глаза у Анжелы были предсмертные какие-то: вспомни, тебе ведь случалось видеть это характерное, вглубь себя опрокинутое выражение, с которым человек, уже зашагнув в траурный челн, напоследок окидывает взглядом земные пределы; он будто бы пока еще здесь, среди живых запахов и движений живого света, но уже — внутреннее — отплыл к другому берегу, и потому в глазах его стоит отражение вечности.

— Где я был? Не знаю. Столько воды мимо утекло с тех пор.

— Да, много утекло. — Она ласково потрепала меня по щеке и пошла в сторону подвала, ссутулившись и с какой-то опасливой неловкостью переставляя ноги, словно двигалась по тонкому льду, потом обернулась, глянула на меня через плечо и вздохнула: — Знаешь... А тля ведь к сорнякам не липнет.

— Уже легче. — Я опустил забрало шлема, выехал на Ленинградку и поплыл вперед в плотном потоке машин, растворяясь в его мерном гудении, зловонных дыханиях выхлопов и полагаясь на инстинкт, понукавший мою руку то и дело подгребать широким своим веслом с левого борта, чтобы держаться ближе к берегу, плавно огибая причаливавшие к пристаням остановок троллейбусы, — я слишком был рассеян, чтобы рисковать быстрой ездой, и просто плыл по течению, боясь встречи с той тихой гаванью, куда не заворачивал с тех самых пор, когда мы с Отаром, полюбовавшись с утра на пышное цветение Древа желаний, ехали в институт, не зная еще, что не суждено вернуться в эту гавань вечером, как уговорились, с парой милых девочек с соседнего потока, потому что Отар тем вечером уже лежал на операционном столе, а ты брел, не видя перед собой ничего, по Садовому, до тех пор, пока не почувствовал, как холодок начинает восходить выше от вдрызг промоченных ног, и потому инстинкт самосохранения подтолкнул в американский бар, где было очень тепло и где стоял такой густой запах попкорна.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Приткнув «Урал» на тротуаре у знакомого подъезда, я взялся за латунную ручку двери, постоял, чувствуя, как холодок латуни течет в ладонь и прохлада эта из руки восходит к сердцу.

— Нет, ерунда, — пробормотал я, припоминая двузначный код в простом замке с кнопочным набором. — Если бы перебрался на тот берег, я бы знал... Но среди пассажиров моего челна я тебя не встречал. Стало быть, ты жив, парень.

4

Есть в самом воздухе знакомого дома — даже если нога твоя очень давно переступала его порог в последний раз — что-то такое, что моментально погружает тебя в прежние запахи, звуки голоса и оттенки света, и эта сжиженная субстанция памяти, словно фотопроявитель, восстанавливает в тебе самом, как в листе фотобумаги, акварельно смутные контуры прежних ощущений.

Здесь был с прежней легкой небрежностью поставлен свет — он плавно тек слева, притухая в матовой линзе стеклянного окошка, проточенного в кухонной двери, и, густея, набирал рыжеватый оттенок, по мере того как сочился сквозь узкий коридорчик, ведущий с кухни, мимо туалетной и ванной комнат, в сумрачную прихожую, мягко ложась на старомодную дубовую вешалку для уличной одежды, поигрывая в надраенной меди крючков, за шкурку хватко цапнувших джинсовую куртку, светлый плащ, а также синий сатиновый рабочий халат. И плутал, неуловимо растворяясь в ароматах домашнего быта, прежний, чуть сладковатый запах — тот самый, что излучают пластиковые одежки мониторов, принтеров, сканеров и прочей компьютерной техники. И был знакомый звук — он испарялся будто бы с самих стен этой квартиры, которая находилась как раз над продуктовым магазином, в потайных глубинах которого мерно, день и ночь, гудели какие-то бессонные механизмы, питающие энергией продуктовые холодильники, — легкая вибрация мелким простудным ознобом восходила из этого то ли машинного, то ли трансформаторного зала вверх и, тонко шелушась, осыпалась с выцветших обоев странным, едва уловимым, похожим на шуршание песка в песочных часах звуком — да, все было прежнее, но я ждал, застыв на пороге, прежний голос.

— Привет, — выплыл из полумрака, голос Отара. — Ты так Давно не заходил, сукин ты сын.

— Да, — кивнул я, шагая за порог. — На Садовом была такая слякоть, что я промочил ноги. Надо было выпить, чтоб согреться. Я здорово принял на грудь в американском баре на «Маяковке», и у меня отшибло память. Я просто забыл дорогу сюда.

— Ну так заходи, чего стоять.

— Ты спал?

— Нет... А тебя где носило все это время?

— Где-то носило. Не знаю где.

— Ты просто так? Или по делу?

— Без дела... Просто в последнее время почему-то часто думал о тебе. Я зажгу свет?

Нашупав справа от вешалки выключатель, я щелкнул кнопкой и слабо покачнулся, потому что снотворный свет от встроенной в потолок лампочки так минорно оттенил чрезмерную впалость его некогда здоровых и полных щек, провалы в районе височных костей, делавшие лоб выпуклым, и общую заостренность некогда плавных черт его красивого лица, и с голубоватым отливом седины в редящих волосах, аспидно черная копна которых была когда-то так пышна, объемна и плотна.

Тусклый желток света из-под потолка на мгновение затек в глухое черное стекло его массивных очков и соскользнул в ответ его слабое движение головой, и я чуть было не спросил — отчего ты носишь черные очки, когда и так в доме сумрачно? — но вовремя прикусил язык, а он двинул тонкие губы, сложив их в форму мне незнакомой, несколько кривоватой улыбки, как будто прочитал мои мысли, и дружески пихнул меня в плечо:

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Ничего. Бывает.

Жест этот — ну наконец-то некий рудимент прежнего Отара проявился, возникнув из небытия! — подтолкнул меня под локоть, заставив вытянуть вперед раскрытую ладонь, а он с прежней — прямой и открытой улыбкой — звонко хлопнул меня по ней своей ладонью, и слабый звук этого приветствия заставил меня немного оттаять. Оглядевшись, я обнаружил, что из прежней обстановки в доме сохранилась лишь старая дубовая вешалка в прихожей, которая — фактурно и тонально — удачно гармонировала с дубовыми панелями, выстилающими стены коридора, удаляющегося к арочному перекрытию, которого прежде не было; да и вообще здесь все было новым и свежим, вплоть до квадратных панелей светлого паркета...

— Паша, — усмехнулся Отар, — это называется сделать в доме ремонт.

— Евро?

— Ну... — раздумчиво протянул он. — Если ты имеешь в виду джакузи, то установить это помывочное излишество я как-то не сподобился... Ладно, пошли в берлогу. Ее я не трогал.

Отлегло от сердца: выходит, он в порядке, во всяком случае, с хлеба на воду явно не перебивается.

«Берлога» — рабочая мастерская Отара — располагалась в конце длинного коридора, там, где теперь темнел провал арочного проема. Собственно, это был небольшой чуланчик без окон, по стенам которого тянулись до потолка стеллажи, битком набитые коробками с радиодетальями, схемами и платами, кусками олова и ядрышками канифоли, мотками проводов, паяльниками и прочим барахлом, которое можно найти в доме всякого заядлого радиолюбителя: если Отар не лежал с девушкой в своей постели у окна, то, значит, он либо пялился в монитор компьютера, либо паял какую-то очередную микросхему.

— Выпьешь чего-нибудь? — спросил он и, когда я отрицательно покачал головой, уселся в мягкое кожаное кресло сбоку от широкого стола, плотно заставленного оборудованием: пара мощных мониторов, черных макинтошевых клавиатур, планшет сканера и еще множество каких-то пеналов с клавишами и крохотными экранчиками, плоских ящичков и ящичков — и в защитных кожухах и без, — zipповские дисководы, пара раскуроченных мобильных телефонов. Не могу сказать, что на институтской скамье я сильно преуспел в своей будущей профессии связиста, но о назначении кое-каких приборов смутно догадывался. Проследив мой взгляд и, видимо, уловив его смысл, Отар мотнул головой: — Я этим теперь не занимаюсь.

— Но занимался?

— Ага. А откуда, как ты полагаешь, у простого скромного радиоинженера могут взяться деньги на евроремонт? — Он потянул на себя один из многочисленных проводов, словно змеиный выводок расползавшихся по столу до какого-то прибора, подтянул к себе пластмассовый поддон с низкими краями, на котором покоились несколько пеналов с миниатюрными клавиатурами. — Хорошая штука... Хочешь, ломанем сейчас любой телефон в системе МГТС? Нет? Ну тогда, может, пейджер? — Он погладил белый узкий вертикальный ящик, стоявший под нависающей над столом полкой стеллажа.

— Сканер? — спросил я:

— Ага. — Он поморщился и махнул рукой. — Но ломать пейджеры давно не в моде. Это проще простого. — Он включил один из компьютеров. — Хочешь, влезем в любую пейджинговую компанию? А чего, поглядим, о чем народ секретничает.

— Да нет, не стоит. А сотки? Ведь это, насколько я помню, просто поток цифровой информации.

— Ну, сотки... — раздумчиво произнес Отар, почесывая затылок. — Это отдельная история. Это в самом деле интересно. Точнее, было когда-то интересно. Теперь это может любой дебил, если у него есть под руками компьютер и кое-какие еще штучки, которыми можно разжиться на любом рынке.

— Вот так — запросто?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Ну не запросто... Года три назад все причиндалы для хаканья, скажем, цифрового стандарта в пределах одной соты стоили на рынке пару тысяч баксов, Сейчас — не знаю как. Говорю же, я этим теперь не занимаюсь..

Я кивнул, припомнив, что не так давно, гуляя на работе по Интернету, набрел на сайт одного нашего умельца, в котором на всеобщее обозрение был выложен раздел с характерным названием — «Как без проблем хакать GSM».

С минуту мы молчали, потом Отар тихо сказал:

— Тебе надо отсканировать какой-нибудь телефончик?

Пожалуй, — кивнул я, достал из заднего кармана портмоне, вытащил из кармашка визитку, позаимствованную — у Малька, с координатами его импозантной знакомой с Лазурного берега, подтолкнул ее по столу к Отару. — Да. Боюсь, что надо. Но если ты этим не занимаешься...

— Да брось ты, надо так надо, — отмахнулся он, опуская визитку в нагрудный карман клетчатой байковой рубашки.

— А чем вообще ты занимаешься, если не этим?

— Да так, по мелочам. Программирование. Офшорное.

— Что? — вздрогнул я. — Знаешь, когда я слышу это слово — офшор, то сразу начинаю подозревать, что дело нечисто.

Отар откинулся на спинку кресла и расхохотался.

— Да нет! Это из другой оперы и к банкам на Каймановых островах отношения не имеет... Хотя при большом желании я в эти банки смогу, наверное, влезть. Нет, тут все честно и никакого криминала. Офшорное программирование... Ну, сидит какой-то славный американский парень в своей Силиконовой долине, шлет мне весточку — мол, сбачай маленькую программку с такими-то и такими-то параметрами. Я говорю, о'кей, посмотрим. Сделал. Парень говорит — молодец, пожалуйста в кассу. Вот и вся любовь.

— Ай-ай-ай! — погрозил я ему пальцем. — Сознательный советский человек, комсомолец в прошлом, отличник учебы — и гнешь спину на американский империализм.

— Ага, — весело отозвался Отар. — А ты на кого гнешь?

— На вечность, друг мой, на вечность... Я, знаешь, теперь лодочник. Живу у реки. Гребу себе и гребу.

Он нисколько не удивился в ответ на мои беглые пояснения своего теперешнего статуса или просто не подал вида и неподвижно застыл в кресле, задумчиво окунув подбородок в ладонь и поглаживая пальцами скулу. Я не видел за крошечной теменью очков его взгляда, но чувствовал его.

— Хочешь, чтобы я снял очки? — тихо спросил он.

— Нет... Зачем?

— И то верно. Мой правый глаз... Точнее, то, что от него осталось... Зрелище не из приятных. — Он сделал паузу. — Зато ты вот — неплохо выглядишь. Вполне комильфо.

— Не то слово. Настолько комильфо, что даже фейс-контроль в одном дорогом кабаке не имел ничего против, чтобы я посетил это чопорное заведение.

— Фейс-контроль? — переспросил Отар. — Это было казино?

— С чего ты взял?

— Ну, насколько я знаю, у них на серверах хранятся физиономий нежелательных клиентов.

— Да нет. Это был просто какой-то ночной клуб.

— Вон как... И какой?

Название его, смутно, приглушенно парящее фиолетовым неоном над входом, я толком не разобрал, но адрес помнил.

— А почему тебя это занимает? — спросил я.

— Да так, из чисто спортивного интереса. — Отар похлопал меня по колену. — Я немного в курсе всех этих охранных систем. И боюсь, я тебя разочарую.

— То есть?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Это в самом деле дорогое заведение с очень ограниченным доступом и в принципе для простого смертного недоступное.

— Это я заметил... Но с чего бы мне разочаровываться?

— Да видишь ли... Тебя пропустили вовсе не потому, что твоя физиономия не фигурировала в их банке данных. — Отар сложил руки на груди и склонил голову к плечу. — Ну, давай колись... Ты что, по ходу дела намыл в своей реке золотишка — так примерно на миллион баксов? Купил шестисотый мерседес, коттедж в Барвихе и особнячок в Испании? Обзавелся счетом в швейцарском банке, женился на манекенщице, завтракаешь устрицами, а отпуск проводишь на Антибе?

— Не понял, — тряхнул я головой.

— Да видишь ли... В этом клубе фейс-контроль работает с точностью до наоборот. Ты же проходил мимо сканера?

— Ну да. А что?

— А то, что смог пройти ты в заведение исключительно потому, что файл с твоим портретом лежал у них на сервере. Рядом с портретами всех остальных постоянных клиентов.

В голове моей произошло что-то такое, что походило на короткое замыкание: путанные нити, ниточки и обрывки всех странных коллизий, беспорядочно сматывавшихся в клубок все это время, плавно развернулись и, сойдясь концами в одной точке, заискрились.

— Ты что-то говорил насчет выпить? — произнес я, с трудом узнавая собственный голос, который будто бы не имел выхода вовне, а тяжело ворочался внутри черепной коробки.

— Водка? Пиво? Коньяк?

— Коньяк.

Отар поднялся, прошел мимо меня к выходу и, остановившись на пороге берлоги, спросил:

— Ты в порядке?

— Да. Плесни мне немного. Да и себе тоже.

Мой чуткий нюх сразу уловил отменный букет напитка, имевшего оттенок мореного дуба. И тепло пошло по жилам, кажется, еще до того, как я поднес рюмку ко рту.

— Это настоящий армянский, — сказал Отар.

— Я чувствую.

— Что-то не так?

— С чего ты взял?

— Ты бы на себя посмотрел со стороны, когда я тебе сказал про действие фейс-контроля. Ты просто одеревенел.

— А-а-а, — кивнул я. — Да-да. Одеревенел. Оно и к лучшему.

— Вон как? И что в этом хорошего?

— В таком состоянии я начинаю жить растительной жизнью и становлюсь опасным для окружающих. Стало быть, у меня есть шанс сохраниться. Давай выпьем.

Глоток терпкого, имевшего какой-то суховатый древесный привкус коньяка, должно быть отменно крепкого, но никак не проявлявшего свой высокий градус — вот оно, настоящее качество! — понемногу возвращал мне способность соображать. Не мигая глядя в бездонную черноту стекол, скрывавших левый зрячий Отара и правый незрячий, вытекший когда-то из глазницы голубоватым моллюском, я тихо произнес:

— Роскошная тетка в широкой шляпе и Мальвина.

Я закурил и, сделав еще один глоток, добавил:

— Каменное лицо, стильный наряд из дорогого бутика, светский раут под открытым небом, странствие по кабакам, где тебя предъявляют окружающим, словно визитную карточку, и наконец свист разрывного каштана над ухом.

Еще один глоток коньяка окончательно привел меня в чувство, и я, вздохнув, постучал согнутым пальцем по краешку стола:

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Черт возьми, Люка едва не накаркала!

Отар, все это время плавным круговым движением кисти взбалтывавший коньяк, медленно поднес наконец рюмку к губам, пригубил и усмехнулся:

— Все это очень увлекательно. Но может быть, введешь меня в курс дела — по пунктам?

— По пунктам так по пунктам...

Пункт первый. Я вдруг отчетливо припомнил странное ощущение, что не отпускало меня те несколько часов, которые я провел в обществе Мальвины, начиная с момента нашего знакомства в приемной охранного агентства и кончая расставанием в угнанной «шкоде»: пластика ее движений, оттенки жеста, обыкновение склонять голову набок в секунду задумчивости, пикантные округлости ее фигуры — все это будто бы было мне не внове, все несло смутный отпечаток вторичности. Неудивительно. Потому что той роскошной теткой в шляпе и темных очках, что возникла под сенью нашего пивного шатра и ни с того ни с сего угостила меня пивом, была конечно же она, Мальвина. Бог ее знает, зачем ей понадобилось изменять свою внешность и камуфлировать природный цвет глаз небесно-голубыми контактными линзами... Факт есть факт: она долго пристально вглядывалась в мое лицо, потом сказала — а что, это идея! — и в тот же день появилась у Люки, чтобы оформить за черный «нал», естественно не оставляющий никаких следов в документах нашей скорбной конторы, эти странные похороны... Странные, потому что ведь не оговаривалась конкретная дата церемонии: в разговоре с братками, навестившими наш офис, — кстати, с чего бы это им этим скорбным делом интересоваться? — Люка, помнится, обронила занятную фразу на предмет окончательной даты: «Когда покойник будет готов...»

За то время, что мне пришлось грести в скорбном челне, ничего подобного видеть и слышать мне не приходилось.

— Ну-ну, — раздумчиво протянул Отар. — Дальше что?

Дальше — пункт второй. Впечатление каменности моего лица, вышедшего из-под опытной руки желтоголового визажиста в салоне для истинных джентльменов, имело под собой вполне устойчивое основание, причем не подсознательное, а сугубо предметное, материальное, фактурное: рассеяннo проглядывая в нашей приемной притащенные Бэмби эскизы какого-то изящного памятника, я имел случай уже скользнуть по нему взглядом, слишком, видимо, мимолетным и рассеянным, чтобы отложить его в памяти, потому что мысли в тот момент были слишком заняты другими материями — то ли экзотикой городской жизни, то ли невеселым предчувствием мороки, связанной с цыганскими похоронами, то ли размышлениями о благодности жизни в психушке, где можно целыми днями рисовать пейзажи под чутким руководством Бэмби... Так или иначе, то мужское лицо — неясно, полутонами и потому очень изящно, без намека на типичную для посмертных портретов аляповатость, не то чтобы высеченное в сером камне, а вот именно из него плавно вытаивающее — было прописано в эскизах, и теперь я, напрягая память, вполне восстановил его черты. Восстановить бы его сразу — уже в тот момент, когда я после долгих массажно-макияжных процедур глянул на себя в зеркало, там, в салоне «Комильфо», из которого я вышел именно с тем самым лицом, что было прописано на благородном камне.

— Выходит, ты имел счастье оказаться на кого-то похожим?

Выходит, так, и бедный Боренька, перешептываясь с Мальвиной на пороге салона и то и дело постреливая в мою сторону характерным взглядом ваятеля, прикидывал про себя, удастся ли ему из грубого и неотесанного материала моей дремучей — еще бы, после отдыха в Казантипе! — физиономии восстановить черты и формы какого-то неведомого мне оригинала.

— Знаешь, напоследок он попросил меня надуть щеки.

— Надуть щеки? Зачем?

Наверное, с надутыми щеками я в полной мере отвечал чертам оригинала, облик которого был Бореньке конечно же хорошо знаком, — скорее всего, именно за это знание он и поплатился тем, что ему свернули шею в Строгино, как цыпленку, и сделал это, возможно,

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

именно тот профессионал, из-за которого Отар носит теперь кромешно черные очки: «Ек-королек, как бы этот парень ласты не склеил!»

— Это ж надо быть такой дубиной, а, Отар?

Вместо ответа он плеснул мне в рюмку еще одну дозу.

Таким дубиной, чтобы дать себя обрядить в дорогом бутике ну в точности в тот наряд, какой описывал мне Малек, рассказывая о встрече на Лазурном берегу с мужем этой Валерии — таков этот стиль, просто, но дорого! — а потом точной его копией до ночи слоняться по разным публичным значным местам, битком набитым ее знакомыми. Настолько точной, — уж Боря постарался! — что даже фейс-контроль в закрытом клубе никак не отозвался на мое появление в тесном проходном шлюзе напротив сканера, а Маль-вина, едва я миновал контроль, испустила вздох облегчения — настолько искренний, что перемена в ее напряженном, вздернутом настроении не ускользнула от моего расслабленного внимания.

— Она просто предъявляла меня обществу, понимаешь?

— Еще коньяка?

— Нет. Теперь хватит. И так все ясно.

Во всяком случае, то ясно, что разрывной каштан, чпокнувший в стекло как раз в тот момент, когда мы предавались любовным утехам на черной лестнице кабака, должен был улечься не в ее красивый лоб, как я подумал, а в мой, не слишком, наверное, красивый и уже проточенный глубокой бороздой морщины, разлетом изогнутых крыльев походившей на чайку, золотящуюся в мхатовском занавесе.

Оставался простой вопрос: зачем и почему?

— Слушай, Паша, это не жизнь, а просто сказка... Дорогие рестораны, роскошные женщины, любовные утехы на лестнице...

— О-фе-ли-я, — внятно и врасстяжку вдруг произнес я.

— Ну, знаешь ли, — мягко улыбнулся Отар. — И шекспировские страсти туда же?

— Да нет. Просто в ее жилах течет немного армянской крови.

Я лишний раз поразился свойствам растительной памяти, механизм которой подвешен, точно на тонких путах паучьей паутины, на невесомых и смутных, почти невидимых нитях случайных ассоциаций: тот гневливый дядечка, что на пикнике издавдала тыкал в меня пальцем, жарко полемизируя с Мальвиной, был армянином. И он походя бросил мне эту фразу: «Сегодня суббота. А в понедельник материалы аудиторской проверки лягут на стол шефа».

— Если я верно помню, по ходу любовных утех еще кто-то и каркал? — осторожно подал голос Отар. — Вороны?

Да нет, не вороны, а Люка, между делом обмолвившаяся, что — когда я истреблю себя в попытках вытравить из себя Голубку — она похоронит меня в баснословно дорогом гробу из канадского «птичьего глаза».

Я, собственно, и должен был бы покоиться в этом гробу — на месте кого-то, на меня похожего: по исконной природе, может быть, и отдаленно, но благодаря стараниям гримерных дел мастера сделавшегося похожим достаточно близко. Разрывная пуля в лоб сняла бы последние проблемы с этим маскараром — мне снесло бы полголовы, так что хоронить пришлось бы в закрытом гробу, и лишь изящный портрет в камне надгробия напоминал бы о том, кто именно покоится под ним.

— Этому парню, роль которого я так старательно отыгрывал на людях, просто надо было исчезнуть. Безутешные друзья и коллеги проливали бы слезу на тот камень, под которым я занял его место, а он, скорее всего, тем временем уже загорал бы на каком-нибудь тропическом пляже.

— Лихая тебе досталась бабенка, Паша.

— Не то слово... Мне с этим всегда везет.

Я уложил ладони на стол и долго вглядывался в них.

— И к чему ты это? — тихо спросил Отар.

— К тому, что в руках моих еще, кажется, есть силы держать весло. Ладно, пока, Отар.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Мне пора грести.

— Может, плюнуть тебе на эти дела? — Отар погладил темный патрон бутылки с таким видом, будто хотел тактильно разрешить те сомнения, что смутно отразились в его лице и смысл которых укладывался в простую дилемму: стоит еще выпить или нет.

— Не могу. Харон живет у реки.

В сумрачной прихожей я задержался, напоследок вбирая в себя те звуки, запахи и оттенки света, которые так прочно впитались в мои древесные ткани в те бесконечно от нас — теперешних, заскорузлых и утративших пышность кроны — далекие времена, когда мы были молоды, шумны, гибки, устойчивы к переменам климата, ветрам и стужам и оттого беспечны, наивно полагая, что все у нас еще впереди, и осели в них каким-то животворным соком, напоминавшим сладковатый вкус сока березового. И так я стоял, купаясь напоследок в сладковатом, густо-рыжем воздухе прежнего дома, все никак не находя в себе сил с ним расстаться, и отчетливо улавливал в его летучей материи слабые токи каких-то посторонних звуков и запахов.

— Ты что? — спросил Отар. — Что-то не так?

— Да нет, все так. Пока. Звони, если что.

Но что-то было в самом деле не так, инстинкт угадывал присутствие в доме еще кого-то, кроме нас двоих, ощущение это не имело отчетливых очертаний и лежало за пределами логики, доступной разуму, и скорее управлялось наитием, которое подсказывало мне, что именно за тень стояла все это время за нашими спинами и тихо дышала нам в затылок, — черт возьми, это была тень женщины! — и потому я, выехав из двора, обогнул дом по узкой пешеходной дорожке, чем вызвал гневное утробное клокотание в груди преклонного возраста женщины, прогуливавшей меланхоличного бассета с сократовским взглядом, а тот упорно тянул женщину к вытоптанному газону и добился-таки своего. Отцепленный с поводка, бассет, метя ушами пыль с асфальта, неловко пролез сквозь прутья низкой железной ограды, помотал головой и с деловым видом направился к стволу дерева, тщательно обнюхал его и, глядя в сторону, словно смущаясь своего намерения, задрал заднюю ногу, орошая ствол, по которому уже медленно восходил мой взгляд — туда, где в зелени кроны — чуть ниже Отарова окна — плутали промельки слишком хорошо знакомых по прежним временам цветов: салатový, розовый, голубой.

— Черт возьми! — рассмеялся я. — Выходит, еще не все потеряно.

5

Она сидела, где и положено комнатному цветку, — На кухонном подоконнике, привалившись спиной к узкой стенке оконного проема, плотно обхватив тонкими руками подтянутые к груди ноги, и, уложив подбородок на колени, медленно моргала, глядя перед собой. Остановившись в прихожей, я наблюдал за ней, воспользовавшись тем, что она не слышала, как я потихоньку вошел в дом, а впрочем, кажется, я заблуждался: она слышала.

То ли легкий толчок сквозняка, шевельнувший зелёную пену винограда, оповестил ее о моем приходе, то ли обостренное ее обоняние уловило вторжение в привычные запахи едва слышные — мне, во всяком случае, недоступные — привкусы бензина, пары которого парят вокруг всякого мотоциклиста, не знаю, как именно, но она меня опознала и вот скомкалась в плотный бутон, как и положено беззащитному растению, напрягшемуся при приближении постороннего, у которого бог знает что на уме может быть.

— Василек, — сказал я.

Она искоса глянула на меня, улыбнулась и распустилась: соскользнув с подоконника, подошла к плите, зажгла газ под чайником, потом, достав из хлебницы свежий и румяный батон белого хлеба, принялась аккуратными долями нарезать его, сунулась в холодильник, извлекла с полки кусок закатанной в тонкую оберточную пленку телячьей колбасы, сделала бутерброды, заварила чай — ее движения были точны, плавны и расчетливы, без намека на суетливость, и, может быть, даже немного монотонны, словно все жестикуляционные

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

нюансы сервировки легкого перекусона были впитаны ею за долгие годы ежедневного хлопотания на этой самой кухне, а потом она, сидя Напротив меня на табуретке за столом, со слабой улыбкой наблюдала, как я ем, и в глазах ее стояло выражение полного покоя, типичное для всякой домашней хозяйки, твердо знающей, что главное в этой жизни — дом, его уют, неторопливый строй, плавная размеренность быта, а все остальное, в сущности, не стоит и гроша.

— Что ты сказала? — спросил я, потому что не смог определить форму слишком неотчетливой фразы, возникшей на ее бледных, едва двинувшихся губах.

Она пододвинула к себе блокнот, вывела пару слов. Рука ее, вспорхнув с листа, повисла — то ли в нерешительности, то ли погружаясь в забытие отточия.

«Анжела мне сказала...»

— Ты не против?

Она пожала плечами: нет.

— Просто поживешь немного у меня. — Я бросил взгляд в окно, где в разрывах клубящегося винограда серел бетонный забор. — Нет-нет, ничего такого. Просто поживешь.

«Конечно», — сказала она.

Обжигая губы чаем, я раздумывал о том, сказала ли ей Анжела, что я ее просто купил, точнее — выкупил. Вряд ли.

— Вот и хорошо.

«Тебе кто-то звонил», — сказала она.

— Ага, — машинально кивнул я, и лишь спустя минуту до меня дошел смысл этой фразы, вспухшей на ее губах, а она, видя мое замешательство, с улыбкой опустила ладонь на стоявший на столе телефонный аппарат, давая мне понять, как именно она смогла расслышать дребезжание зуммера — ну, разумеется!

Разумеется, как и всякому растительному существу, ей свойственно, чисто тактильно, поверхностью чуткой кожи пальцев улавливать мельчайшие вибрации в предметах.

Я хотел было спросить — а кто звонил? — но вовремя прикусил язык, однако мой идиотский порыв от ее внимания не ускользнул, и она, слабо улыбнувшись, произнесла губами:

«Ничего. Бывает».

— Мне просто надо привыкнуть.

«Конечно», — сказали ее глаза.

Я нажал кнопку автоответчика, в динамике коротко прошуршал голос Отара: «Перезвони. Есть новости». Я набрал номер. К телефону подошла женщина. Голос ее был вял, нетороплив и исполнен какой-то особой истомы, как если бы человек говорил сквозь сладкую зевоту. Интонация эта подсказывала мне, что на Древе желаний совсем недавно, может быть всего пару минут назад, распустился еще один латексный цветок. Отар, не в пример своей приятельнице, был настроен на сугубо деловой лад.

— Наш клиент дал о себе знать, — сообщил он.

— Что? Какой клиент?

Возникла пауза.

— Паша, — подал наконец голос Отар, — совсем недавно ты меня кое о чем просил.

— Ах да, извини. Так что там?

— Мужчина и женщина. Содержание стоит на моем мониторе, если тебе это интересно.

— Давай. Слушаю.

— Как скажешь... Значит, так. Сперва короткий обмен приветствиями, это неинтересно. Дальше существенно. Она: «Дело сорвалось. Парень оказался куда проворнее, чем я ожидала». Он: «Где ты?» Она: «Не в городе. Ты ж понимаешь. Я и так рискую». Он: «И все-таки где?» — Отар откашлялся. — Тут, Паша, следует драматическая пауза. Далее опять она: «Где, Где?! В...» — Отар осекся на полуслове. — Местопребывание свое мадам определила inferнальным названием женского полового органа. Ну, ты ж понимаешь... Далее она же: «Аркаша, у тебя что, совсем крыша съехала?» Он: «Ах да, понял, понял.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Извини». Она: «В общем, друг мой, дело дрянь. Так что сиди в своей берлоге тише воды ниже травы. Жди субботы». Он: «А что будет в субботу?» Она: «Чартер в Анталию». Он: «В Анталию? Туда же ездят одни жлобы и нищие... Мы что с тобой, нищие?» Опять пауза, потом снова она: «Аркаша, скажи мне честно, ты совсем идиот или как? Анталия — это битком набитые чартеры каждый день. Это толпы туристов в аэропорту. Визу турки тебе шлепнут в паспорт на месте. Разумеется, ни в какой отель на побережье мы не поедem. Возьмем в порту тачку и двинем в Стамбул. А оттуда — куда надо». Он: «Ладно, ладно, понял, успокойся. Так что наш парень?» Она: «Он вряд ли в курсе дела. Что же касается людей, которые его могли просветить, то они уже далеко».

Я сумрачно кивнул: да, далеко. И желтоголовый Боря, и Дима Мальков уже отбыли на моем челне к тем берегам, откуда не возвращаются.

— Ты слушаешь? — спросил Отар.

— Да. Извини.

— Он: «Мы все в этом деле вычистили? Никаких хвостов?» Она: «В общем, да. Есть, правда, одна волоокая матерщинница с большой грудью... Вряд ли она сможет свести концы с концами. Но чем черт не шутит... Она, судя по всему, опытная баба, из тех, кто задницей чувствует, если что не так. Тем более что, насколько я знаю, ребята Астахова к ней навевались. Чем дело кончилось, я не в курсе, но вопросы они ей задавали... Так или иначе, ее тоже придется отослать куда подальше. Король об этом позаботится. Уже сегодня». Он после долгой паузы: «Ключ у тебя?» Она: «Нет... То есть я не ношу на груди в чашечке бюстгальтера, если ты это имел в виду». Он: «Кончайте такими вещами не шутят». Она: «Успокойся. Он там, где и положено сюжетом этой сказки про кукольных детей»... Паша, ты меня слушаешь? Это все. Точнее сказать, почти все.

— Спасибо. Но ты сказал — почти...

Отар некоторое время молчал, мягко дыша в трубку, и мне показалось, что в этот момент на губах его зреет улыбка.

— Хочешь, подскажу тебе, где находится половой орган этой мадам?

Какое-то время я пытался постичь смысл невидимой мне, но отчетливо прозвучавшей в его голосе ухмылки, и наконец до меня дошло.

— Е-мое, что, и это возможно?

— Ну, у меня возможности не такие, конечно, как у ребят из большого серого дома на Лубянской площади... Те запросто могут вычислить местоположение абонента с точностью до нескольких десятков метров... Что же касается нашей клиентки, то она говорила откуда-то с северо-запада. Это километров пятьдесят от Москвы. Я, конечно, понимаю, адресок тот еще... Но точнее я сказать не могу. Во всяком случае, хотя бы название деревни или дачного поселка ты установить сможешь. Пиши координаты.

Я машинально записал, не понимая, понадобится ли мне эта информация.

— Все, Отар, отбой. Ты меня здорово выручил. Подожди, не бросай трубку. — Я помолчал, не зная, как сформулировать вопрос. — А она...

Сквозь шуршание телефонного эфира до меня долетела его слабая усмешка, и потом возникла пауза.

— Нормально, — отозвался он наконец. — В ней полтора центнера живого веса, и она занимается борьбой сумо. Она уже пару раз выпихивала меня с татами. Но еще не вечер.

— Я рад, что у тебя все в порядке, правда.

Положив трубку, я откинулся на жесткую спинку стула, закурил, и вдруг меня едва не хватил паралич.

— Волоокая матерщинница с большой грудью... — прошептал я, хватаясь за телефон.

6

Добиться от Сони, отозвавшейся на звонок в офисе, толку — это все равно что набить рот сухим горохом и при этом играть на трубе: Люки нет на месте. А где она? Поехала по

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

делам. Каким? Куда? Бог его знает куда. А мобильник? Мобильник, мобильник... Наверное, в сумочке, она оставила сумочку на столе в кабинете.

— Твою мать! — Я шарахнул кулаком по столу. — Извини, Соня, это я сгоряча... Она хоть примерно не сообщила, где ее искать?

— Да нет. Но к двум должна быть на кладбище... Там наш клиент... Какой-то генерал...

— Да-да, понимаю, — оборвал ее я. — Какое кладбище? Какой участок? Быстро, Соня, быстро! Давай, детка, шевелись, поднимай документы... Ну же!

На поиск нужной бумаги у Сони ушло минут десять, и все это время я беспрестанно дымил, прикуривая одну сигарету от другой. Наконец она нашла. Я запомнил время и место, допил остывший чай и поцеловал Василька в щеку.

— Спасибо. Все очень вкусно. Мне надо срочно уехать. Я вернусь вечером.

«Если, конечно, вернусь», — про себя внес я поправку в планы на будущее, сунул пояс с «ласточками» в рюкзачок и замешкался в прихожей, дожидаясь, пока она, приподнявшись на цыпочки, не поправит загнувшийся воротник моей куртки, и опять отметил про себя, что движения ее пальцев, а потом и ладоней, стряхивавших с моих плеч несуществующие пылинки, настолько инстинктивны и машинальны, будто она проделывала эти процедуру великое множество раз и все нюансы проводов мужчины, покидающего ранним утром дом, просто осели в ее подкожных тканях.

— Что ты сказала? Извини, я не разобрал. Говори медленней. Мне надо привыкнуть.

«Что приготовить на ужин?»

Вопрос этот, проплывший на ее губах, меня покачнул — мне его не задавали, наверное, лет уже сто, даже Голубка никогда не отягощала себя такими заботами, она была слишком легкокрыла, порывиста, слишком устремлена в небо, чтобы думать о чем-то приземленном, вроде хлеба насущного, сама питалась чем бог послал — сухариком под красное сухое вино, глотком пива с ломтиком чипса — и жила одним мигом, не видя ничего дальше того момента, когда мы вечером ляжем в постель, обнимемся и начнем питаться друг другом: алчно и беспамятно, с каким-то предсмертным отчаянием, как будто все это происходит между нами в последний раз, и ничего не помнила наутро, приветствуя первый свет каким-то глубоким гортанным клекотом, прежде чем начать тормозить меня.

— Черт возьми, — сказал я.

«Что?» — спросили ее глаза.

Черт возьми, я начал забывать, как Голубка выглядит.

7

В запасе было много времени, но ноющая боль в плече, которая вдруг возникла, едва я услышал упоминание про волоокую матерщинницу, подсказывала маршрут следования, она нарастала, словно притягивая меня к источнику этой боли, гнездящемуся где-то вне меня, и начала мощно пульсировать, отдаваясь в немеющую левую руку, когда я очнулся наконец от вязких пут ступора, обнаружив, что стою на обширном пятаке асфальта, где автобусы свершают свой конечный круг, прямо напротив длинного ряда торговцев кладбищенской рассадой.

— Он скоро появится, — подумал я вслух, выключая двигатель и стаскивая с головы шлем.

— Что? — спросила крайняя в ряду женщина с выпетшим лицом, поправляя разложенные на тарном ящике кулечки, свернутые из пропитанных влагой газет, в которых покоились пухлые куски почвы, проточенной корневыми капиллярами настурций.

— Да так, ничего, — сказал я, поднимая взгляд к латунному небу. — Кукушка кукует.

— Кукушка? — Она проследила мой взгляд и прислушалась. — Хм, чудишь ты, парень... Откуда тут кукушка?

— Да так, залетная, — махнул я рукой в сторону ограды оптового рынка, которую

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

обтекала узкая жила дороги, тянущаяся мимо кварталов Нового Косино и впадающая в конце концов в обширную, мерно гудящую базарным гулом торговую площадь у станции метро «Выхино». — Если не уселась пока в свое гнездо, то, значит, скоро усядется.

Наверняка так: это опытная кукушка, профессиональная — в этом был случай убедиться там, в Строгино, где в чаще кустарника остался лежать Боря, и потом на дачной аллее, где во лбу Малька вспух кровавый бутон, — она подлетит на место загодя, усядется на свою укромную, надежно укрытую от посторонних глаз зеленую ветвь, затаится, не дыша, не двигаясь и с неподвижной кроной дерева сливаясь, и терпеливо станет ждать удобного момента, чтобы нажать на крючок спуска.

В пространстве Николо-Архангельского кладбища я ориентировался неплохо, участок располагался в старой его части, куда можно было добраться, держась левее основной территории, в старом лесу, сквозь который неторопливо пробиралась лента выщербленного асфальта, подтекавшего к тупику, откуда гробы к дальним могилам приходилась таскать на руках, пробираясь узкими тропами между плотно стоявших оград.

Раскрошенная тень от крон обступавших дорогу старых вязов сонно шевелилась на асфальте, я медленно брел вперед, чутко прислушиваясь к голосам и шорохам старого кладбища, не столько зрением, сколько, наверное, поверхностью кожи улавливая малейшие колебания в сладковато пахнущем кладбищем желтом воздухе, блуждавшем меж стволов и сонно облизывающем пыльный камень надгробий, и отметил про себя, что справа от дороги, в глубине леса, бродит какой-то человек, за зеленью кустов невидимый.

Он показался на мгновение и растворился, но боковое зрение успело срисовать очерк его фигуры и отложить его в память.

На тупиковой полянке ковырялась в земле парочка сонных землекопов в тотально вылинявших клетчатых рубашках: выворачивая наизнанку рыжее нутро глинистой почвы по периметру могильной ямы, они явно не торопились, хотя верхний край ямы доходил им разве что до колен.

— Ничего, успеется, — буркнул один из них, уловив мой интерес к их трудам.

— До двух?

— Ага, до двух. Еще есть время. Успеется.

— Генерал? — спросил я.

— Да хоть маршал, — смачно сплюнул он. — Все там будем.

— Это точно.

Я повертел головой, оглядывая окрестности. Могила на самом краю полянки, траурный кортеж встанет на дороге, далеко нести гроб не придется — уже легче.

И участникам траурной церемонии легче, и той кукушке, которая засядет где-то неподалеку, дожидаясь удобного момента, чтоб прокуковать свою короткую песенку. Деревья расступались в этом месте, словно отшатываясь от сетчатой ограды территории, за которой громоздилось несколько, мусорных куч. За ними — пологая плоска высохшего болотца, его дальний край довольно круто взбирается на пригорок, поросший чахлым кустарником.

Я прикинул расстояние до загравка холма — метров пятьсот. Идеально. Сектор обстрела узок, но совершенно чист: тупиковая полянка лежит перед тобой как на ладони.

— А что там? — спросил я, указывая на взгорок.

— Ничего, — сказал землекоп. — Родные просторы — поле, грунтовая дорога. Она ведет к гранильной мастерской.

— Идеально, — опять подумал я вслух.

Сказал свое заветное «ку-ку», собрал вещички, сел в машину и уехал. И даже будет время, чтобы сделать напоследок пару затяжек с чувством исполненного долга: пока народ очухается, пока поймет, что произошло... А определить, откуда стреляли, и вовсе смогут разве что менты, которые подтянутся на место в лучшем случае через час.

Осмотр пригорка окончательно развеял сомнения: стрелок расположится именно здесь, скорее всего слева от куста бузины.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Что-то людей не видать, — сказал я, вернувшись к могиле и окинув взглядом пространство старого участка.

— Да сюда вообще редко кто забредает, — пожал плечами землекоп. — И потом, будний день. Работают люди.

— Да, работают, — кивнул я. — Но не все.

Перед глазами встал смутный очерк той фигуры, которую я видел в старом лесу по дороге сюда, и мне стало не по себе.

8

Далеко от места, в котором я его заметил, он не ушел: стоял, подняв голову, и прислушивался к беспокойному вороньему крику, осыпавшемуся с высокой кроны старого тополя, потом вздохнул, прошел за крашенную серебрянкой ограду, постоял у могильного камня, сдернул с плеча сумку, извлек из нее бутылку водки, какую-то завернутую в вощеную бумагу закуску, наполнил шкалик, опять тяжело вздохнул и выпил.

Наверное, он был настолько погружен в себя, что не слышал, как я подошел, а может быть, просто не подал вида.

— Здравствуй, Малахов, — сказал я.

— Здравствуй. — Он коротко глянул на меня через плечо и кивнул. — Заходи.

Я прошел за ограду, сел на узкую лавочку у металлического столика и уставился перед собой, стараясь не глядеть на могильный камень, в серое поле которого был впаян овал портрета.

Должно быть, оригинал фотографии, с которой делалось это изображение на керамике, был выбран с тем расчетом, чтобы сохранить в чертах ее детского лица как можно больше жизни и проявить смутный проблеск лукавства в глазах, вслед за которым брови ее сходились к переносице, застывая в притворно гневливом изломе, а на губах, возникала та несколько растерянная улыбка, что сигналила нам с Отаром преамбулой традиционного отлупа в ответ на наше предложение завалиться к кому-нибудь в гости или прошвырнуться на дачу: «Ну что вы, мальчики, я не могу, потому что у меня есть жених, он очень ревнивый, он большой и красивый и — кстати! — носит с собой пистолет!»

Ни большим, ни красивым Малахов не был, да и пистолет, насколько я помню наш разговор, носить с собой не любил, но ей, наверное, было видней.

— Это и есть та причина, о которой ты вскользь упомянул, отпуская меня? Ну, там, в пивной, помнишь?

Вместо ответа он полез в сумку, достал из нее стограммовый шкалик, наполнил его, налил себе. Мы молча выпили.

— Да, — сказал он, промакивая тыльной стороной ладони губы. — Я рад, что ты жив. Хотя это и странно.

— Мне и самому странно.

Мы долго молчали, сгибаясь под тяжестью вороньего крика, давившего нам на плечи.

— У нее сегодня день рождения, — глухо и без намека на какую-либо внятную интонацию, произнес Малахов.

— Я не знал.

И опять мы ничего не говорили, потому, наверное, что губы наши сделались деревянными, а языки онемели, — мой уж во всяком случае. Первым оттаял Малахов.

— Она мне рассказывала, как вы подбивали под нее клинья. И зазывали на свои гулянки.

— Она нам нравилась. Мы любили ее.

— Я тоже.

— Да, мы знали, что у нее был жених. Большой и красивый. Очень ревнивый. И с пистолетом.

Он покосился на меня, и в глазах его возникло смешанное выражение настороженного

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

удивления и запоздалой тоски.

— Она нам рассказывала.

Он поморгал, слабо улыбнулся, кивнул, и выражение его взгляда рассеялось, уступив место выражению никакому.

— Спасибо, Малахов, мне хватит. — Я отодвинул наполненный им стаканчик. — Извини, но больше мне нельзя. Я на работе.

— Да брось ты. Какая, к черту, работа.

— Не бог весть какая, конечно, но все-таки. Если я еще выпью... — Я наконец нашел в себе силы глянуть на керамический овал, с которого мне улыбалась женщина с перекинутыми на грудь девчачьими косичками, и покачал головой. — Если я сейчас выпью, то уже не остановлюсь.

— Так не останавливайся... Давай напьемся.

— Не могу... Спьяну запросто могу направить свою лодку на какую-нибудь корягу, подводный камень, а то и вовсе посадить ее на мель. А на это права я не имею. Зачем мертвым такие хлопоты? Им надо поскорее добраться до мира теней. А мне нужны силы, чтобы грести.

— У нее сегодня день рождения, — повторил Малахов.

Я помолчал, любуясь тем, как свет играет в гранях шкалика.

— Одного из тех, кто это сделал, я как раз и собирался перевезти на тот берег, откуда не возвращаются. Мы причалим вон там, на холме за оградой, скорее всего. — Я указал туда, где в разрывах зелени маячила тупиковая полянка. — Можешь его забрать, если хочешь. Хотя не исключено, что на том пригорке буду лежать я, а не он. Этот парень — умелец, профессионал.

Глаза Малахова сузились.

— Кто? — почти не размыкая губ, спросил он.

Я набросал портрет человека по прозвищу Король, каким он мне запомнился, — эскизно, потому что видел я его лишь мельком, да и то издалека.

— Знаю такого, — кивнул Малахов. — На нем много чего висит.

— Почему вы его не возьмете?

— Пробовали... У него высокие покровители.

— Выходит, я был прав.

— В чем?

— Мочить. Где достанем, там и мочить. По-другому не выходит. По-другому в нашей реке не выгрести.

Пальцы Малахова принялись отбивать сосредоточенную чечетку на столе.

— Как ты вышел на него?

— Это долгая история.

— У нас вроде есть время.

Я поднял лицо навстречу вороньему крику, который все сыпался и сыпался сверху — беспорядочно кувыркающийся, острый, как осколки бутылочного стекла.

— Тут, наверное, не время и не место.

— Как раз наоборот. Пусть она послушает. Она должна знать, что мы не сидим сложа руки.

Насколько мог коротко, я посвятил Малахова в обстоятельства дела — начиная с того момента, когда он отпустил меня, там, в пивной, хотя был в принципе обязан засадить на нары, и заканчивая перипетиями последних дней.

— Поражаюсь я, Паша, — сумрачно усмехнулся он. — Ты вечно ухитряешься влезть в самое дерьмо. Оно, правда, упаковано в красивую конфетную обертку. Но это не отменяет его качества и запаха.

— Расскажи. Я люблю на досуге поговорить про дерьмо.

— Этот парень, на месте которого ты должен был лежать в гробу... — Он с минуту вглядывался в мое лицо. — А кстати, вы в самом деле похожи... Только он немного

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

постарше. Ну так вот. Он, собственно, правая рука одного большого человека. В холдинге этого большого человека, по нашим сведениям, сейчас переполох.

— В офисах завелись крысы?

— Крысы? — усмехнулся Малахов. — Вроде того. Этот парень уже давно приворовывал, насколько мне известно от источников в их головном офисе. Не так чтобы по-крупному. Но со временем набежала, должно быть, приличная сумма. Я в деталях не знаю, как руководство прослышало об этом, то ли случайность, то ли кто-то стукнул по доброте душевной...

— Ага, — вставил я, припомнив слова армянина на пикнике. — Это была аудиторская проверка.

— Не исключено, — согласился Малахов. — В любом случае Аркадию Евсеевичу с этого момента была заказана прямая дорога, — он оглядел обступавшие нас кресты. — Сюда. Вон туда, на опушку. Или вон там, в осиннике. Хотя... Возможно, он упокоился бы с миром в каком-нибудь роскошном месте. На Ваганьково или на Новодевичьем. Человек он не бедный. Может себе позволить.

Да уж. Я представил себе, как ворочаются в своих гробах народные артисты, академики и прочие знатные люди в компании братвы, лучшие представители которой спят с ними по соседству под роскошными надгробиями.

— Ты говорил о хорошей сумме. В чем? Тугриках или юанях? Или, не дай бог, в долларах?

— Да кто же теперь хранит наличность в банке из-под соленых огурцов? Нет, конечно... Я ведь давно этой компанией занимаюсь — по роду службы.

— Это Управление по борьбе с экономическими преступлениями, что ли? — припомнил я.

— Это очень большой финансово-промышленный холдинг, — продолжал он, пропустив мою реплику мимо ушей. — Эдакий платан с очень разветвленной кроной и густой массой кустарниковой поросли у подножия мощного ствола.

— Что, даже бензопила не берет?

— Хм, бензопила! — отмахнулся он. — Чтоб его покачнуть, надо подкатывать орудие залпового огня. Да и то вряд ли... Слишком сильные корни. Слишком глубоко сидят.

— Там, где залегают нефтеносные пласты?

— Не совсем... Не нефть, а алмазные трубки.

— Понятно. Если под тобой нефть или алмазы, значит, в самом деле сидишь в этой почве устойчиво.

— Еще бы. Землица в центре нашего города каменная — уж если пророс в нее корнями, то тебя не выкорчуют.

— Ты Старой площади землицу имеешь в виду?

— Ее... Да и мало ли у нас в центре других площадей, улочек и переулков. А впрочем, это неинтересно — тебе, во всяком случае.

— А что мне может быть интересно?

— Бродя вокруг да около этого платана, я невзначай наткнулся на одну маленькую скромную фирму. Она к коренному дереву вроде бы отношения не имела — так, скромный, невзрачный побег, да к тому же проросший в тех краях, где у холдинга как будто никаких коммерческих интересов не было.

— Да неужели? Еще остались такие заветные места, где наша братва не пустила корни?

— Таких мест в самом деле мало осталось. Но суть не в этом. Городок, в котором находится контора, называется Амстердам.

— И чем занимается контора? Торгует презервативами?

— С чего ты взял?

— Да так. Я слышал, что основное занятие населения этого славного города, а также миллионных толп туристов, состоит в том, что они повсеместно впадают в грех.

— Не без того. Но контора занимается чем-то более серьезным. Бриллиантами. Когда

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

наш департамент заинтересовался холдингом, мы начали присматривать за их ведущими сотрудниками.

— Ай-ай. Это противозаконно!

— Угу. В нашей стране все что ни делается хорошего — все противозаконно. Тот факт, что мы сидим тут с тобой и пьем за Светку водку, — тоже противозаконно. По закону ты должен бы теперь сидеть в тюрьме за нанесение человеку тяжких телесных повреждений. — Он глянул на памятник, выпил, а потом очень долго молчал. — Ты этого парня так отделал, что он отвалился полгода в каком-то австрийском госпитале, но окончательно так и не поправился. Говорят, в самом деле головку плохо держит и писается под себя. Он, кстати, сюда не вернулся, так и кочует по элитным альпийским клиникам.

Выдержав красноречивую паузу, Малахов окатил меня долгим, пытливым взглядом, словно лишний раз хотел удостовериться, я ли сижу тут с ним за могильной оградкой или это кто-то другой, потом сглотнул слюну, резко двинув голову вперед, отчего на мгновение сделался похожим на индюка, и на излете этого жеста повисла его тихая фраза:

— А вот папа этого паренька здесь.

— Ну и что?

— Потому-то мне и странно, что ты жив.

— Просто я хорошо спрятался. Как ты и советовал. На целых девять месяцев. А. потом мне снайпер чуть было не снес плечо.

— Понятно, — кивнул Малахов. — Лихо пришлось?

— Хуже не бывает... Ну да я тебя сбил с панталыку. Ты говорил что-то о парне, вместо которого я должен был улечься в гроб. Похоже, он имел веские причины, чтобы исчезнуть без следа.

— Наверное... — Малахов плеснул себе водки, вопросительно посмотрел на меня, но я отрицательно мотнул головой. — Так вот. Оказалось, наш Аркадий Евсеевич изредка мотается за границу.

— Ну, у богатых свои причуды.

— Возможно. Но меня озадачило маленькое обстоятельство.

— Какое?

— Почему он мотается в одно и то же место? Догадываешься в какое?

— Нет. Я с детства был тугодумом. Когда я учился во втором классе, мама уронила меня с балкона. С тех пор я плохо соображаю.

— Это сразу заметно, — усмехнулся Малахов. — Так вот. Наведывается, значит, Аркадий Евсеевич в славный город Амстердам...

— Счастливчик! Прилетел, сел в такси и сразу поехал в квартал красных фонарей.

Малахов поморщился:

— Он не по этому делу.

Я вспомнил Мальвину. Будь у меня под боком такая женщина, я бы тоже был не ходок.

— Нет, он сразу направляется на проспект Рокин, заходит в офис одной маленькой и невзрачной фирмы, проводит там от силы минут пять, выходит с маленьким чемоданчиком. Едет в банк. Проводит там примерно полчаса. И выходит.

— Но уже без чемоданчика.

— Ну разумеется — без. Потом для порядка шляется по городу, садится в экскурсионный автобус, осматривает достопримечательности. А вечером улетает.

— Сейфовый зал?

— Почти на сто процентов. В принципе все просто. Он, видимо, потихоньку формировал себе, так сказать, пенсионный фонд. Фирма на Рокин была им через подставных лиц куплена в девяносто пятом году. Так что накапало за это время. Деньги по сложной схеме отводились со счетов холдинга, растекались по нескольким незначительным конторам, а оттуда капали в копилку на Рокин.

— И там их превращали в бриллианты.

— Тебя в самом деле мама уронила с балкона?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— А кто во главе холдинга?

— Некто Сухой Сергей Ефимович. Ты его знаешь.

Сухой... Когда Мальвина говорила по мобильнику с Аркадием, это имя промелькнуло — я грешным делом принял его за кличку. Выходит, это не кличка, а фамилия. А что, звучная.

— Ты его тоже знаешь, — повторил Малахов. — Импозантный седой мужик. Ты должен был видеть его во дворе института — после того, как мочил его сына в туалете.

— Почему у сына была другая фамилия?

Малахов пожал плечами:

— Он от первого брака. Почему парень решил носить фамилию матери, я не знаю.

Я прикрыл глаза, восстанавливая в памяти: карета «скорой помощи», джипы, «мерседес», из которого выходит в самом деле импозантный человек, а вокруг него образуется вакуумная пустота, словно некое энергетическое поле, прозрачной аурой обтекающее его сухопарую фигуру, отталкивает толпящихся во дворе людей, не рискующих приближаться к нему ближе, чем на расстояние вытянутой руки, — чем-то его внешность, манера держать себя поразили меня тогда, однако только теперь я нашел этому его качеству более или менее точную характеристику.

— Он всегда настолько стерилен?

— Стерилен?

— Он даже не снял перчатку, когда приподнимал простыню.

Малахов сложил руки на груди, откинулся на косую спинку скамейки и, подняв лицо к небу, некоторое время молчал.

— В наблюдательности тебе не откажешь... Хм, перчатка! Я, сказать по правде, на это не обратил внимания. Но суть ты ухватил верно — стерилен. Причем болезненно. Если не сказать — маниакально.

— Это в самом деле что-то вроде маний? Ну, наподобие того, чем мается Майкл Джексон, который на публике иногда появляется в каком-то специальном респираторе, чтобы, не дай бог, не вдохнуть какую-нибудь бациллу?

— У богатых свои причуды. — Он с усмешкой возвратил мне копию моей недавно оброненной реплики. — По науке это называется мезофобия. Боязнь подхватить какую-нибудь заразу. Даже самую безобидную, вроде насморка... Да, он избегает прямого контакта с людьми, даже на уровне рукопожатия. Разумеется, употребляет продукты, экологическая чистота которых не вызывает сомнений. Плюс к тому специальные очистители воздуха — в офисах, в машине. М-да, Сергей Ефимович в самом деле человек глубоко стерильный, это ты верно подметил.

— Такого рода комплексы на ровном месте не возникают.

— Возможно... В его окружении поговаривают, что эта его мания как-то связана с его женой... Второй женой. Говорят, она потрясающая женщина, знаешь, из породы ярких. Ну вот, сравнительно уже давно они наведывались в Кению, на сафари, и там она подцепила что-то малоприятное — то ли малярию, то ли еще что-то. История какая-то темная... Будто бы он собирался ехать один, справедливо полагая, что такого рода вояжи по саванне не для хрупкой женщины, но в аэропорту с ней случилась истерика... Словом, никому ни слова не сказав, она прилетела следующим рейсом и застала его еще в Найроби... Деваться ему было некуда, пришлось держать ее при себе. Ну а потом она добрых полгода отлежала в Кремлевке. Чем там дело кончилось, я не знаю, да и знать не хочу. Скорее всего, ее поставили на ноги. Но с тех пор он слегка — в этом смысле — стал неадекватен, так сказать. — Малахов помрачнел и коротко глянул на керамический овал в граните памятника. — Говорят, он ее очень любил.

— В делах он настолько же стерилен?

Малахов вздохнул и скривил губы в саркастической ухмылке.

— М-да, выходит, падение с балкона все-таки имело место быть.

— Так все-таки заметно?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Еще бы. Только сильно ударившийся головой способен предположить нечто такое — в нашей-то стране. Разумеется, в делах стерильностью и не пахло. Тут мы имеем полный наш Джентльменский набор — вплоть до того, что во времена оны при странных обстоятельствах исчезали люди, в чем-то Сергею Ефимовичу мешавшие. Версии о его причастности, конечно, отрабатывались, но доказать ничего не удавалось.

— И не удастся, — быстро вставил я.

— Да, — сумрачно согласился Малахов. — Но не потому, что Сергей Ефимович вдруг сделался добрым самаритянином и, устыдившись прошлых деяний своих, раздал капиталы бедным. Как раз наоборот — он добрался до тех ступеней нашей иерархии, где нанимать тривиальных киллеров считается признаком дурного тона. Зачем? Когда и так любого, кто тебе не по ноздре, можно пустить на дно вполне цивилизованно. Просто приводятся в действие механизмы влияния, начинаются легкие подергивания нужных ниточек... Глядишь, и на неугодного тебе деятеля наехала прокуратура — ай-ай-ай, какая незадача! Глядишь, и какой-то другой деятель, сдуру наступивший Сергею Ефимовичу на мозоль, оказался в СИЗО, да еще в камере с крутыми ребятами, — ах, бедный он, несчастный! А потом этого несчастного в один прекрасный день находят в камере повешенным. Так что его штатный специалист по прежним крутым разборкам, можно сказать, в последнее время отдыхает. И занимается легальным бизнесом.

— А кто он такой?

— Некто Астахов.

То ли вороны взорвались острым криком где-то высоко над нами и, стронувшись со своих насиженных мест, волнистым черным покрывалом застелили и без того приглушенный солнечный свет, слабо сочащийся сквозь старый лес, то ли просто в глазах моих немного потемнело. В голове возник густой и тяжелый, отдаленно напоминающий колокольный, звон. Из состояния прострации вывел жар сигаретного огонька, лизнувший онемевшие пальцы. Я поискал, куда бы бросить окурки — сорить в чистом и опрятном, посыпанном желтым песком пространстве вокруг могилы рука не поднималась, — так и не нашел. Малахов достал из сумки пластиковый стаканчик, налил в него минералки, я с благодарностью кивнул, утопил в шипящей воде окурки и, кажется, опять обрел дар речи.

— А он мне понравился. Думал, в кои-то веки в нашем городе встретил приличного человека... А что их связывало?

— Служба, — просто отозвался Малахов.

— Ага. Служили, значит, два товарища в одном и тем полке, — пропел я. — А потом: вот пуля пролетела и — ага! Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал.

— Да нет. Если вокруг ребят из этой конторы пули и летали, то лишь в крайних случаях. Но дела делались такие, что лучше б человек, который на крючок попал, в самом деле словил пулю.

— Ты хочешь сказать...

— Хочу, хочу, — усмехнулся Малахов. — Когда-то эта контора называлась Комитет госбезопасности.

— А наш стерильный клиент тут при чем?

— А при том, что жил да был в те славные времена молодой перспективный сотрудник комитета, и в один прекрасный день его назначили курировать ряд научно-исследовательских институтов. Строительной механизации в том числе. А в ту пору скромным научным сотрудником, завсектором в этом институте трудился еще один перспективный, подающий надежды специалист, уважаемый товарищ Сухой Сергей Ефимович. И надо же так случиться, что в институте компетентными органами были выявлены изрядные махинации. По теперешним-то временам — так, ерунда, мелочь: институту отпускали средства для разработки проекта загородного поселка будущего. Такие образцово-показательные деревни, где будут жить наши труженики полей со всеми удобствами. Работа закипела. Но что-то не заладилось дело, не пошло, а потом про этот проект потихоньку забыли. Образцовая деревня между тем была спроектирована и

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

отстроена: в одном живописном районе Подмосковья. Только обитали в этих симпатичных загородных домиках, разумеется, не крестьяне.

— И наш подающий надежды заведующий сектором?

— Ну что ты... За кого ты его держишь? У него чутье, как у легавой. Он в это дело ввязываться не стал. Он просто все знал. Но молчал до поры до времени. Ну вот. И молодой товарищ Астахов вызывает как-то к себе в кабинет товарища Сухого: садитесь, располагайтесь разговор у нас будет долгим. Ай-ай-ай, товарищ Сухой, говорит товарищ Астахов, как же это вас, такого образцового товарища, угораздило впутаться в дела дирекции... Нет, вы, конечно, ничего не воровали. Но ведь все знали, не так ли? Почему же не просигналили? Нехорошо, так настоящие партийцы не поступают. Но, впрочем, мы можем вашему — и только вашему персонально делу — не дать хода. И вообще, человек вы энергичный, инициативный, пора вам заняться живым делом, знаете ли, в Академии наук есть хозяйственное подразделение, оно ведаёт всякими бытовыми делами наших уважаемых академиков, порой у них возникает потребность что-то строить на своих дачах, ну и так далее... Словом, вы конечно же согласны этот хозяйственный отдел возглавить. Ну вот и прекрасно — приступайте. Работайте. Обвыкайтесь. Заводите знакомства среди ученой публики, входите в доверие. А мы с вами будем регулярно встречаться и беседовать.

— То есть он был, выходит, стукачом?

— Выходит. А ты спроси, кто из тех, кто теперь сидит наверху, им не был... Ну а потом... Потом наш клиент хорошо поработал в Академии наук, откуда ушел и создал один из первых строительных кооперативов. И дело пошло. И так потихоньку стала создаваться эта империя.

Я вспомнил, как гордо реял на легком ветерке в Строгино стяг над участниками пикника, — помнится, я предположил тогда, что государство в государстве должно обладать всеми необходимыми символами и атрибутами, вплоть до валюты и тайной полиции.

— Ну, насчет валюты не знаю, — заметил Малахов. — А что касается корпоративной службы безопасности, то, когда в таковой возникла необходимость, ее и возглавил товарищ Астахов. Они, кстати, регулярно встречаются. На территории Астахова. Сергей Ефимович заезжает к твоему приятелю в офис раз в неделю, по понедельникам. Наверное, по старой памяти, как ездил в свое время для докладов о каверзах академиков на Лубянку.

— И о чем таком старые друзья толкуют?

Малахов пожал плечами.

— Неужели ваши ребята не удосужились наладить прослушку?

— Шутишь? Астахов человек профессиональный. Он и близко ничего такого не допустит, если ты имеешь в виду жучки и прочие шпионские штучки.

— Астахов... Так это, выходит, его ребята охраняли сына Сухого? И в институте в том числе.

Малахов угрюмо молчал, и только мерная пульсация желвака под напрягшейся кожей оживляла его неподвижное лицо.

— И, стало быть, это его ребята... — Я покосился на памятник и прикусил язык.

— Да. Если ты имел в виду Светку... — Невзирая на мой протестующий жест, он плеснул мне в стакан водки.

— Откуда тебе так много известно про это? — спросил я, вертя в пальцах стакан.

— Ну, у меня были концы в Комитете. В свое время.

Мы выпили. Со стороны дороги донеслось простуженное фырканье не в меру шумного движка — мимо протарахтел, изрыгая пары голубоватых выхлопов, мотороллер землекопов, в кузове которого кощунственно звонко дребезжали лопаты и еще какие-то металлические инструменты. Я бросил взгляд на часы и поднялся.

— Мне пора грести.

Малахов поймал меня за рукав куртки. В его глазах стоял какой-то крошечный, обездвиженный сумрак.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Отдай его мне, — тихо сказал он.
— Нет.
— Почему?
— Ты что заканчивал?
— Экономфак МГУ. Потом — заочный юридический.
— Тебе приходилось убивать людей?
Он долго молчал, потом едва слышно произнес:
— Нет.
— Ну вот видишь.

Возможно, Малахов что-то говорил мне в спину, достаточно громко и, может быть, срываясь на крик, но я уже не слышал его голоса, вернее сказать, просто впитывал звук — затылком, спиной, ногами, — однако смысла звука, еще долго висшего на моем загривке, уже не улавливал, вот разве что настороженно поводил плечами, как и всякое растительное существо, не слишком радующееся вторжению на свою территорию постороннего, тем более человека, который может ненароком или же намеренно, походя обломить одну из твоих ветвей, сорвать лист, чтобы налепить его на нос, а то в запальчивости или остром приступе дурного настроения или вообще без видимой причины отхлестать прутом тебя по бедрам или пнуть ногой холмик муравейника, так мягко и тепло обнимающего твои щиколотки, — и так я незаметно для себя и окружающих пророс на том взгорке, слева от мусорной кучи, где в беспорядочном, сумбурном навале обнимались клочья выполотой из могильных холмиков сорной травы, волглые полотнища истрепанных газет, пустые бутылки и объедки скорбных трапез, изломанные скелеты некогда пышных венков, с которых давно осыпалась траурная хвоя, оголив проволочные прутья каркасов, а еще недавно пламеневшие пурпуром ленты выгорели настолько, что адресованные усопшему слова казались почти до дна высосанными немилосердным солнцем, и лишь стойкие к переменам климата и налетам ненастья бумажные цветы хоть как-то оживляли эту грудку кладбищенских отходов. Я пророс там тихо, незаметно, укрывшись в порывевшей от зноя высокой траве, и разве что меня тревожили время от времени визиты крайне суетливых трясогузок да мучительные налеты жажды и острое желание закурить, а впрочем, продолжалось это не слишком долго: солнце уже перевалило точку полуденного зенита, когда он появился.

9

Он появился в час дня, развернулся на пыльной грунтовке, подал немного назад свои не первой свежести «Жигули», номерные знаки которых были покрыты таким плотным слоем серой пыли и копоти, что разобрать на них было почти ничего невозможно. Наверняка этот выдавший виды автомобиль числится в угоне, а впрочем, недолго ему фигурировать в поисковых сводках, потому что совсем скоро его наверняка обнаружат где-то тут неподалеку, в Косино, на какой-нибудь не слишком шумной улице, брошенным в том самом месте, где водитель переседет на поджидающее его другое авто и спокойно укатит, растворившись в огромном городе без следа.

Попинав носком ботинка задний правый скат, он открыл багажник, извлек из него плоский черный предмет, напоминавший жесткий футляр не слишком громоздкого струнного инструмента — больше скрипки, но меньше гитары, — и, сунув его под мышку, уверенным шагом направился на загривок холма: должно быть, посещал он этот укромный уголок не впервые и твердо знал, где именно ему удобнее всего вить гнездо.

Те эскизные наброски его облика, что отложились в памяти, оказались при ближайшем рассмотрении далеко не безупречными. Он был меньше ростом, чем казалось, к тому же немного сутуловат и слегка косолап, отчего на ходу напоминал утомленную долгим переходом обезьяну. Еще был он крепко сбит, кряжист, мускулист и жилист — в его внешне, может быть, и невзрачной, явно до традиционных атлетических стандартов не дотягивающей фигуре угадывался скрытый от постороннего взгляда смысл крепко сжатой пружины,

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

способной в нужный момент мгновенно распрямляться, отпуская на волю распирающие ее энергии. В его резкими штрихами очерченном, скуластом лице наверное можно было бы уловить оттенки мужественности, если бы не странное обыкновение то и дело постреливать языком сквозь плотно сомкнутые губы и при этом растягивать рот в секундной, беспричинной и совершенно лишённой какого бы то ни было тепла улыбке, отчего в лице прорастало на мгновение что-то заячье. Покатый лоб его туго стягивал завязанный на затылке узлом платок — на этот раз нейтрального оттенка хаки.

Присев на корточки, он откинул крышку ящика и, извлекая деталь за деталью из уютных углублений в ложе футляра, принялся неторопливо собирать винтовку. Покончив с этим, он заглянул в окуляр оптического прицела, поводил дулом туда-сюда. Оставшись доволен этой разминкой, он отложил оружие в сторону, улегся на спину в траву и, широко раскинув руки в стороны, затих, словно потерял дыхание, и так пролежал до тех пор, пока на тупиковой полянке не возник катафальный автобус с черной полосой по борту. Из передней его двери потихоньку, стараясь ни голосом, ни жестом не вспугнуть траурную тишину, начали выходить люди в темных одеждах, баюкающие на согнутой в локте руке букеты цветов.

Он неторопливо поднялся из травы, потянулся, разминая суставы, поморщился и коротко зевнул, словно в предчувствии Муторной, рутинной работы, поднял винтовку, еще раз осмотрел полянку через окуляр прицела. Из автобуса между тем вытаскивали гроб, ставили на подставки, а от толпы, вспухшей плотным темным овалом вокруг могильной ямы, один за другим отделялись люди, вставали в головах у покойника. Протяжные, плавно раскачивающиеся слова с тихим шелестом, словно опадающие листья, ложились на желтое лицо лежащего в гробу генерала, обряженного в парадный мундир.

Он усмехнулся и мотнул головой, не глядя опуская руку в футляр и извлекая из него черный напульсник, в котором туго вспухали три вытянутых чехольчика снайперского патронташа. Укрепив напульсник на запястье левой руки, он опять глянул на полянку: траурные речи там уже иссякли, знакомые мне землекопы и еще двое добровольцев из числа прощающихся, пропустив под днище домовины две широкие брезентовые ленты, начали медленно опускать гроб в яму.

Возникла Люка в строгом густо-фиолетовом платье, коротко переговорила с лет сорока грузным человеком, поддерживавшим за локоть крохотную седую женщину, как видно, вдову, на минуту пропала из вида и потом опять появилась, встала в сторонке, чтобы не мешать проходу к могиле отделения солдат, ведомых молоденьким, сильно нервничавшим лейтенантом.

Он осторожно вытащил из ячейки патронташа патрон, с любовью повертел его перед глазами, потом приблизил к лицу и коротко дыхнул на наконечник, словно разогревая коническое жало теплом дыхания, — что ж, это в порядке вещей, профессиональные стрелки, как правило, народ суеверный, и у каждого есть свои приметы. Эта была из разряда хрестоматийных — говорят, на пулю надо вот так легонько дунуть, чтоб ей верней летелось.

Он вставил патрон в патронник, я вышел из своего укрытия за мусорной кучей и спросил:

— Друг, закурить не найдется?

Показалось, что все это длилось бесконечно долго: ленивый поворот его головы на голос, косой взгляд через плечо, припухание сужающихся в едком прищуре век и мое невыносимо долгое кистевое движение, отпускающее на волю одну из «ласточек» фирмы «Глок», — на самом деле все произошло в доли секунды, и «ласточка» четко клюнула его стальным клювом в правое плечо. В его глазах метнулся промельк какого-то простого человеческого чувства, напоминавшего искреннее изумление, и только потом ощущение острой боли слегка замутило его взгляд — сквозь стиснутые зубы он шумно втянул в себя воздух, но не вскрикнул и даже легким стоном не выдал местоположение своего гнезда. Это был сильный противник, наверное, я его недооценил, — я, но не растительный инстинкт, который подтолкнул руку, отпускающую в полет еще одну «ласточку», смачно тьюкнувшую

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

его в левую руку. Третья пробила ногу чуть выше коленного сустава, и это был хороший бросок: острое жало вспорол сухожилие, надежно избавив его от желания упражняться в ходьбе или тем более беге.

— Ты похож на бабочку, пришпиленную к коллекционному планшету, — сказал я без злобы или раздражения, подошел, присел рядом, выдернул из-под его руки винтовку, взвесил в руке.

Он лежал в траве, вывернув лицо, и косил на меня смутным неподвижным взглядом, в котором читались не столько боль или отчаяние, сколько то холодное угрюмое выражение, что стоит в желтом взгляде затравленного и уже надежно опутанного веревками волка.

Я вскинул винтовку, заглянул в прицел.

— Хм, хорошая штука эта СВ-94... Калибр двенадцать и семь десятых миллиметра, прицельно бьет километра на два. И на такой-то дальности способна прошить любой бронежилет. Солидная штука, только зачем тебе эта махина? Она же весит больше десяти килограммов без прицела и патронов. А в бронежилетах у нас народ, как правило, не ходит — во всяком случае вон та симпатичная женщина в темно-фиолетовом платье. Ты ведь ее тут караулил? — Я погладил пальцем черную трубку прицела. — Кстати, у тебя стоит хреновая оптика. Возможно, она способна считывать скорость ветра, а электроника учитывает эту поправку при выстреле... Но у нее есть один изъян: он бликует.

— Ты видел? — преодолевая боль, тихо простонал он.

— Если ты имеешь в виду твою охоту за парочкой, предающейся любовным утехам на черной лестнице кабака, то мне трудно сказать. Возможно, и видел. Но главным образом я среагировал потому, что у меня заныло плечо. И ты промазал.

— Бывает, — выдавил он из себя. — Дрогнула рука. Я боялся попасть в нее.

— Нет, — покачал я головой. — Я тебя почуял. Я не могу этого объяснить. Просто наитие. Я чую снайпера. Как-то раз я наплевал на этот инстинкт, и снайпер сработал по мне.

— Почему ты тогда жив?

— Дуракам, говорят, везет.

— Ты не дурак.

— Спасибо на добром слове. Возможно, ты и прав. Во всяком случае, я все знаю. Про то, например, что я должен был лечь вместо Аркадия Евсеевича в дорогой американский гроб. Ну и — почему именно лечь.

Молоденький лейтенант наконец выстроил своих солдатиков. Те передернули затворы, начали поднимать стволы в небо. Я вскинул винтовку, заглянул в окуляр прицела, повел ствол вправо, туда, где на дороге выстраивался траурный кортеж, поймал в перекрестие переднее левое колесо синих «Жигулей». Лейтенант коротко махнул рукой, я выстрелил, сливая плотный звук выстрела с грохотом залпа. «Жигули» стояли достаточно далеко от полянки, и никто за грохотом салюта не заметил, как вдребезги разлетелось поймавшее пулю колесо, а «жигуль», вздрогнув и будто бы предсмертно выдохнув, уронил левое плечо и так, покосившись набок, замер.

Опуская ствол, я подумал о том, что было бы, окажись в этом перекрестии красивый лоб Люки. Да и мой не слишком красивый — тоже. Я бросил винтовку в траву и закурил — наконец-то. Все это время, что мы, бездыханные, провели на холме, мне до одури хотелось глотнуть сигаретного дыма.

— Ну вот. Завтра тебя здесь найдут. И все будет выглядеть так, как будто ты охотился за кем-то. Выстрелил, но дрогнула рука. Вместо человека попал в колесо. Какой досадный промах для такого специалиста, как ты. Ну, отдыхай тут. А мне пора.

— Куда ты? — едва шевельнув побелевшими губами, спросил он.

— Как куда? На работу. Надо немного поправить весло, потом подогнать свой челн к этому берегу. Лежи спокойно, я за тобой приеду. Ты сядешь в лодку, и мы поедем по реке. Тебе будет удобно ехать, там на носу лодки удобная скамейка. А я встану на корме и буду грести. — Я осмотрелся и вздохнул. — До вечера. По моим расчетам, ты до вчера дотянешь. Хотя... Я бы тебе не советовал. Потому что, возможно, часа через полтора сюда придет один

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

очень на тебя злой человек.

— Всего-то один? — Он попытался улыбнуться.

— Тебе и его хватит. Когда-то уже сравнительно давно ты состоял в охране одного молодого человека, студента. И выполнил с коллегами одну его маленькую просьбу. Забрали девочку прямо в институтском дворе, отвезли куда-то за город. У нее было слабое сердце, и она просто не выдержала. — Я помолчал, наблюдая за тем, как медленно разрастаются кровавые пятна на его рубашке и правой штанине. — Тот, кто за тобой придет, был ее женихом.

Его глаза уже подернулись мутноватой поволокой, но он нашел в себе силы собраться и прохрипеть:

— Да. Помню. Сладкая была девочка. Когда мы ее оставили раком...

Не стоило ему этого говорить: рука моя ведь действует сама по себе, без присмотра и контроля — рука сработала, метнулась к черному поясу, закрепленному на талии, и коротко полыхнул на лезвии солнечный зайчик, я видел, как этот зайчик юркнул вместе со сталью ему прямо под левую лопатку, и он захрипел, рот его оросился розовой пеной. Дернувшись, он затих. Я освободил «ласточек», отер с них кровь, рассовал по гнездам, сходил к мусорной куче, выбрал ржавый овальный остов, увитый выгоревшими на солнце бумажными цветами, бросил ему на спину.

— Аминь! Садись, приятель, в мою лодку. Путь у ас не близкий. И грести я буду не слишком сильно — Харон устал.

Глава пятая

1

Харон немного сдал — накопившаяся за века усталость наваливалась так тяжело, так свинцово, что рука его инстинктивно правила веслом, понуждая лодку скользить в направлении берега, беззвучного и сумрачного оттого, что дикий виноград застит в окне хижины белый свет. Он камнем свалился на жесткое ложе кровати, разрешив себе хотя бы полчаса сна. Убаюканный колыбельным тиканьем будильника, он, уже наполовину погрузившись в мутноватые воды своих сновидений, возможно, с запозданием припомнил, что думал было на время короткого отдыха выдернуть из розетки телефонный штепсель, да вот почему-то не сподобился. И напрасно — презрение такого рода мелочами оборачивается беспокойством: зуммер, волнистые переливы которого поначалу, воспринятые из глубин сна, казались просто шелестом накатывающих на песчаный берег низких волн, наконец подмыли каменное основание сна и подтолкнули слепую руку в направлении невыносимо унылого в его ритмичном однообразии звука.

— Алло, поверьте, мы искренне скорбим вместе с вами...

— Ой, ну не надо меня лечить! — оборвала Люка традиционный мой приветственный спич. — Ты как там, жив?

— Черт его знает. Подожди, дай я себя ощупаю. Да... Вроде жив. Во всяком случае, руки-ноги целы.

Разбавив паузу характерным придыханием, она с искренним беспокойством в голосе осведомилась:

— А между ног цело?

Спросонья я не понял, о чем это она, и глянул на часы, стоявшие на табуретке возле кровати: уже пять вечера. А впрочем, ничего удивительного: пока отвозил стрелка до места, пока выскребал из-под его онемевшего языка положенный мне обол, пока правил лодку к заводи, где меня сморил сон, — прошло время, так что прилег я, выходит, всего полчаса назад.

Я сел на кровати, тряхнул головой, и до меня дошло, чем именно она интересуется.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Да вроде бы цело, — отрапортовал я.

— Ну, слава тебе господи! — Она испустила вздох облегчения и тут же соскочила на деловой тон. — Отдохнул маленько? Давай тогда немного потрудись. Ты мне нужен.

— В каком качестве? — зевнул я.

— В сугубо профессиональном.

Я попытался сообразить, зачем ей в такой час понадобился водитель траурного «кадиллака», но ничего вразумительного на ум мне не пришло.

— А ты где? — спросил я.

— Где-где! В... — Она обрисовала свое местоположение в тех же сугубо гинекологических выражениях, что и Мальвина в телефонном разговоре с Аркадием Евсеевичем. — Ты что, забыл?! Я весь день сегодня на ВВЦ торчу.

— Где?

— На ВВЦ, твою мать! Выставка достижений народного хозяйства.

— А-а-а, понимаю, — протянул я, припомнив, что перед моим бегством в Казантип Люка что-то говорила про ВВЦ...

Ах да: там должна была проходить традиционная ежегодная выставка достижений похоронного хозяйства под названием «Некрополь», и наше бюро, будучи конторой респектабельной, в таких занятных экспозициях участвовала просто по определению.

— Ну вот и хорошо, что припомнил, — заметила Люка. — Давай, гребь быстрее сюда на нашем траулере.

— На кой черт нам там «кадиллак»?

— Да так, для пущего антуражу. Мы поставим его при входе, я уже договорилась с дирекцией.

Смутная догадка проплыла в моем еще вялом и не слишком поворотливом со сна воображении.

— Ты хочешь сказать, что мне предстоит торчать рядом с нашим челном в черном костюме с траурной повязкой на рукаве и зазывать посетителей каким-нибудь веселеньким кличем вроде: «Эй, ребята, садитесь, прокачу с ветерком до самой до могилы!»

Она хрипловато хохотнула на том конце провода.

— Черт, а это дельная мысль... Но нет. Это уже излишество. Просто повесим на ветровое стекло наш логотип и координаты — в порядке лишней рекламы, так сказать.

— Уже легче. Ладно, жди. Скоро подгребу.

2

Всякий раз, садясь за руль катафалка, я начинаю испытывать блаженное состояние абсолютно полного душевного покоя, и так, убаюкиваемый тяжелым и плавным, воистину минорным каким-то ходом громоздкого «кадиллака», уношусь в воображении к тем далеким временам, когда автомобильная промышленность еще находилась в состоянии зачаточном, и тем не менее в водах этой реки где-то в начале двадцатого века впервые появился диковинный, изукрашенный пышной резьбой и окаченный позолотой катафальный корабль, усаженный на шасси с мотором.

— Имя отважного похоронных дел мастера, дерзнувшего идти в ногу с прогрессом, история, к сожалению не сохранила, — торжественно произнес я, выплывая в мутные воды Садового кольца. — Но память о его первопроходческом деянии будет вечно жить в сердцах коллег, моем во всяком случае.

Пообвыкнувшись в должности Харона, я начал потихоньку изучать историю вопроса, так что теперь вполне могу прочитать короткую лекцию по этому поводу.

На этот раз аудиторию мою составляла Галя, наш бухгалтер, которой позарез понадобилось подписать у Люки какие-то испещренные колонками цифр бумаги. Усевшись рядом со мной в обтянутую темным мягким велюром кабину, она терпеливо выслушала вводную часть лекции — рассеянно, как мне показалось, потому что по ходу моего

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

повествования она пролистывала кипу прихваченных с собой документов, однако впечатление мое оказалось обманчивым, потому что, стоило мне умолкнуть, она осторожно тронула меня за локоть.

— А дальше что было?

— Ну что... Просвещенные народы пылко приветствовали всякое проявление прогресса, так что заказы на новые гробы на колесах посыпались как из рога изобилия. Впрочем, не обошлось в начале пути без скандала,

— Что, покойника уронили в кювет?

— Да нет, покойник остался цел и невредим. Чего нельзя сказать о каком-то приходском священнике, который должен был хмурым сентябрьским утром девятьсот девятого года провожать усопшего в мир иной... Это просто потеха. При въезде на погост в местечке Стоунвиллидж — кажется, это где-то в штате Огайо — мой коллега задел ступицей переднего колеса правую опору ворот. И от сотрясения дрогнула выведенная на воротах хрестоматийная надпись из трех букв.

Галя, оторвавшись от бумаг, недоуменно моргнула и придавила ладошкой скорбный вздох:

— Что, и они — туда же?

— Да нет, — рассмеялся я. — Это слово ничего общего с нашей заборной словесностью не имеет. К тому же оно было отлито из латуни и траурно сверкало в лучах осеннего солнца. Три буквы, о которых я веду речь, составляли аббревиатуру RIP.

— И что это значит?

— Ай-ай-ай! — погрозил я ей пальцем. — В таких сущностных основах ремесла должна была бы ориентироваться.

— Знаешь, мне и вот этих основ, — она встряхнула кипу покоившихся на коленях бумаг, — хватает.

— RIP, — назидательно пояснил я, — происходит от выражения Rest In Peace. Почивай в мире, по нашему... Ну вот. Шарахнул мой коллега, значит, ступицей в этот чертов столб, а от надписи на воротах возьми да и отвалилась увесистая латунная литера «Р». Да и тюкни того святого отца прямо по темени. Словом, вышел большой скандал, попы, по обыкновению, подняли вой, и многие кладбища перекрыли нашим скорбным пирогам кислород.

— И все из-за какого-то там попа?

— Ну, это был всего лишь повод. Аргументы у этих чернорясников были вполне весомые. Во-первых, наши гробы на колесах представлялись им недостаточно торжественными по сравнению с конными экипажами. Во-вторых, выхлопные трубы дышали угаром. Кроме того, скорость доставки тела — по тем временам это было что-то около пятнадцати миль в час — казалась отцам церкви кощунственной демонстрацией неуважения к усопшему.

— Как же эти ребята выкрутились?

— Да как... Прогресс ведь не задушишь. Автомобильные гиганты нос по ветру держать умеют. Они быстро унюхали, что катафалк с мотором — это золотое дно. В Штатах это были «Кадилак», «Паккард», «Студебеккер». В Англии — «Роллс-Ройс» и «Даймлер». В Германии «Мерседес» и «Хорх». Ребята смекнули, что к чему, и быстренько запустили в производство партии так называемых коммерческих шасси.

— Коммерческих? — озадаченно мотнула головой Галя.

— Ну это такие специальные шасси, на которых было удобно монтировать похоронные кузова. Больше того, те же американцы выступили на рынке с ката-фальным гидросамолетом. Этот гроб на крыльях назывался почему-то «Либерти».

— Свобода? — задумчиво почесала висок Галя.

— Ага. Он располагал четырехсотсильным движком, мог принять на борт пилота, его помощника, шесть пассажиров и еще одного пассажира — в гробу. Но это еще так, цветочки... На Аляске тем временем додумались до того, что построили несколько похоронных снегоходов. А впрочем, все это экзотика. Начиная с середины двадцатых годов

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

все тамошние покойники пересели исключительно на машины класса лимузин — ну, вроде нашего... Ах, золотые были времена! Ты только представь себе — эдакая махина, сплошь улепленная барельефами и скульптурными группами. Кстати, ваяли всех этих ангелов, плакальщиц и прочих печальных персонажей достаточно известные скульпторы. Ну а с тех пор, как в конце сороковых годов появились кузова типа «универсал», катафальный парк мира так и питается исключительно, этой идеей.

— И наш танкер — тоже?

— Естественно. Насколько я знаю, он сошел со стапелей в девяносто втором году и официально называется «Federal-Cadillac Sovereign Landawlet». Сказать по правде, роскошней тачки я в жизни не видел. Одна колесная его база в три с лишним метра чего стоит. Точнее сказать, три метра и восемьдесят пять миллиметров. Это ведь больше чем на полметра превышает базу стандартного четырехдверного седана.

— А сколько наша махина весит?

— Что-то около трех тонн.

— Господи, как же она передвигается?

— Как видишь, легко... Благодаря нестандартному движку.

— И что в нем такого?

— Восемь цилиндров с объемом пять и семь десятых литра.

С минуту Галя отрешенно пялилась на приборную доску, пытаясь усвоить эту полезную информацию, однако ни к какому выводу не пришла и потому просто окинула неторопливым взглядом роскошный водительский салон, отделенный от основного перегородкой с зашторенным темной гардиной окошком.

— Знаешь, чего мне бывает искренне жаль? — спросил я, верно истолковав смысл ее взгляда. — Того, что наш основной пассажир так и не в состоянии по достоинству оценить всей комфортности этой ладьи. Гидроусилитель руля, например. Или наличие дисковых тормозов на всех колесах. Или регулировку передних сидений в шести направлениях. Или автоматический климат-контроль, круиз-контроль, стеклоподъемники, стеклоочистители с контролируемым циклом и все прочие примочки. Но больше всего покойнику должно было бы нравиться, что при открытии дверей вон там; — я коротким кивком указал за спину, — автоматически зажигаются осветительные плафоны, и приглушенный их свет мягко ложится на обтянутые траурным велюром стены салона... А, черт!

— Что? — вздрогнула Галя, настороженно глянув на меня, саданувшего в сердцах кулаком по рулевому колесу, потому что прямо по курсу вдруг неожиданно возник, вильнув из соседнего ряда, замызганный «пазик», и мне стоило большого труда не протаранить его.

— Вот, Галя, полюбуйся. Эта кургузая колымага, что тащится прямо перед нами, и есть наш отечественный посильный вклад в развитие мировой ката-фальной культуры: консервная банка марки ПАЗ-651 или ПАЗ-652. Дело было за малым: снабдить серийные модели открывающимся люком в задней части кузова, впихнуть в пассажирской салон полозья для закатывания гроба да наклеивать на борту черную полосу. И вся недолга. Больше ничем наша великая страна транспортную сферу похоронной культуры не обогатила. Есть, правда, с десятков санитарных «Чаек», положенных когда-то вождям, и пяток ЗИЛов, уготованных им же.

— М-да, беда... — раздумчиво протянула Галя.

— Не то слово. А труповозки?... Это же вообще песня.

В самом деле, месяца два назад мне по делам пришлось навеститься в один из одинцовских моргов. Так вот там ребята за неимением средств на приобретение соответствующего транспорта приспособили к этому делу мотоцикл с коляской. Я очень живо представляю себе, как санитар катит по улицам города на тарахтящем железном коне, а в коляске справа от него мирно дремлет покойник.

— Приехали, — отвлекла Галя меня от этих мыслей, указывая в сторону узкого проезда, открывавшего транспорту доступ на территорию ВВЦ, возле которого прогуливалась Люка в приличествующем моменту строгом наряде: черная юбка, черный

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

жакет, под которым ослепительно сияла белоснежная сорочка. Обмахивая лицо, словно веером, какой-то бумагой, она собиралась перекусить, поднося к, медленно распахивавшемуся рту большое зеленое яблоко.

— Порядок! — Она сунула охраннику, тупо уставившемуся на наш дредноут, опухальную бумагу. — Вот пропуск. Въезд нам разрешен, — и требовательно постучала ладонью по крыше лимузина.

Я разблокировал двери — и боковые, и заднюю.

Люка, будучи человеком, не отягощенным комплексами, ничтоже сумняшеся залезла в обширный траурный салон за нашими с Галей спинами и уселась на роскошную домовину из красного дерева, которую мне было велено прихватить со склада в качестве реквизита. Секунду подумав, она решительным жестом поддернула узкую, туго обтягивающую бедра черную юбку настолько, что моему взгляду открылись ее сильные, красивые ноги, что называется «от» и «до», перекинула левую ногу через гроб и оседлала его, как скаковую лошадку.

— Как устроилась? — спросил я.

— Как в раю, — улыбнулась она, ерзая своей мыслящей попкой по лакированной крышке гроба, и влажные ее глаза начала завлакивать мутноватая поволока.

Облизав некрашенные губы, она наклонилась и протянула руку к моей смотровой амбразуре. На ладошке ее покоилось надкушенное яблоко.

С минуту мы молча смотрели друг на друга.

— Ты хочешь, чтобы мы занялись этим прямо на гробу?

Она дурашливо прыснула в кулачок, потом сочно расхохоталась, выпрямилась и погладила лакированную крышку домовины.

— Да ну!.. Это все равно что на рояле. Скользко. Да и ты не сильно смахиваешь на Адама.

3

Заехав на обширную прогулочную площадку перед застекленным фасадом павильона по пологому широкому пандусу, я поставил наш линкор чуть сбоку от стеклянных дверей парадного Входа, над которыми парил громадный баннер с названием траурной экспозиции. Спустившись по лесенке к подножию площадки, я отметил, что катафалк как нельзя лучше вписывается в интерьер фасада, заметно оживляя его унылую плоскость, и в целом придает пространству монументальную торжественность.

— Да, кстати, Люка. Я так и не спросил, чем там дело кончилось — ну, у вас в офисе,

— А-а-а, — поморщившись, махнула она рукой. — Да ничем. Как только ты смылся, я стала поджидать ментов. Но вместо них явился какой-то молодой человек, как оказалось водитель джипа, на котором они подвалили к нам. И я попросила его убрать все это дерьмо. Он отволоч коллег в машину и отчалил.

Я прикрыл глаза, восстанавливая в памяти поле боя, и недоверчиво покачал головой:

— Что, все вот так просто? Эти пацаны же были, насколько я помню, при пушках.

— Ну, как тебе сказать... Обоймы я из пушек вытащила. И на всякий случай достала из сейфа свой «комбат». — Она усмехнулась и ощупала уголки губ. — Знаешь, я давно заметила, что иной раз в деловых переговорах эта игрушка представляет собой очень весомый аргумент.

Я понимающе кивнул: как же, как же... Очаровательная хромированная игрушка, подарок Левы, ее мужа — производство фирмы «Smith & Wesson», модель «36 Chiefs Special „Combat“», калибр девять миллиметров, пять патронов в барабане, вес чуть больше полкило, и вполне уместается на ладони — моей во всяком случае.

— Ну, ребята, правда, когда очухались, пытались меня разводить немного — знаешь, как это у них принято... Трали-вали, кошки срали, щас мы тебе чичи потараним и все такое прочее. Ну я тогда просто назвала пару-тройку имен — старых друзей Левы, — и ребята

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

умылишь.

— Я б на их месте поступил точно так же. И осыпал бы пятки пеплом,

— Чего? — прищурилась Люка. — Зачем?

— Чтоб они не сверкали, когда быстро делаешь ноги.

— Впрочем, кое-что из их арсенала я притырила и спрятала в сейф — наручники, шокер и тот хромированный пугач, который тебе, кажется, понравился.

— Зачем?

— Да так. На всякий случай. Когда ты положишь глаз на очередную дамочку... — Она вдруг тряхнула головой и, отступив на шаг, окинула меня медленно восходящим от носков ботинок до бритой макушки взглядом. — Е-мое, а что это с тобой? Где твоя борода? И шевелюра? Ты дал их на время поносить своей профуре?

— Да вот решил сменить имидж. А что касается профуры... — Я скорбно умолк. — Она меня покинула, увы и ах. Отныне холодна моя холостяцкая койка.

— Ай-ай-ай, какая утрата, — нараспев протянула Люка, покачивая головой, словно китайский болванчик, и сердобольно тронула меня за локоть. — Крепись, Пашенька, до свадьбы заживет. А что касается холостяцкой койки... Думаю, не долго быть ей холодной — при твоих-то комплексах по этой части. Эй, чего приуныл?

— Да так...

Вдруг подумал про Василька. Вернувшись домой, Харон был настолько усталым, что камнем рухнул в койку, даже не вспомнив про этот невзрачный сорный цветок. На месте его не было — ни на подоконнике в кухне, ни в комнате. Наверное, он ушел в магазин за продуктами, чтобы приготовить мне ужин. Черт, но как же она будет объясняться с продавщицами? Как она вообще ориентируется в нашем крошечно беззвучии?

Хотелось отогнать от себя эти мысли.

— Как прошли сегодняшние похороны?

— Нормально, — пожала плечами Люка. — Правда, в одной тачке лопнуло колесо.

— Ну, это на наших дорогах сплошь и рядом. Поймал гвоздь. Или еще чего в этом роде.

— Как же, гвоздь, — тихо произнесла Люка, глядя поверх голов празднующейся публики и думая о чем-то своем, — Скот разнесло в мелкие брызги. И обод покорежило. Там же была чертова туча вояк — пришли попрощаться с генералом...; Они сказали, что этот «жигуль» наехал на разрывную пулю. — Люка умолкла и, склонив голову набок, пыталась заглянуть мне в глаза. — Слушай, Паша, что происходит?

Я отвел взгляд и потоптался на месте. Наверное, со стороны в этот момент я напоминал школьника, не выучившего урок.

— Люка... Ты как спишь?

— Сукин ты, Паша, сын. — Она покачала головой, на ее губы наплыла слабая и невыносимо щемящая улыбка. — А то ты не знаешь, как.

Знал, конечно, знал, что она презирает пеньюары и ночные рубахи, спит голой, что ложится всегда слева от мужчины, некоторое время лежит на спине, глядя в потолок, потом осторожно начинает ногой поглаживать твою ногу и ласковым этим жестом приглашает тебя повернуться на левый бок, приподнимает твою правую руку и опускает ее себе на грудь, потом медленно поднимает правую ногу и, переломив ее в колене, перекидывает через твое бедро. И легонько надавливает пяткой на твой крестец: ну же, друг, заходи и будь как дома. Конечно, знал — как, но не знал, почему всякий раз — именно так. Возможно, так было у них когда-то с ее мужем Левой.

— Люка, я не это имел в виду. — Обнял ее, поцеловал в висок. — Я просто к тому, что есть одна народная примета.

— Какая? — тихо выдохнула она.

— Меньше знаешь — крепче спишь. Ладно, хватит об этом, пошли заглянем на огонек.

Осмотр экспозиции ничего нового в познания о похоронном бизнесе не внес, вот разве что лишний раз убедил в том, что эта отрасль нашего народного хозяйства процветает, имеет прекрасные перспективы роста, а в широкой и красочной палитре сервисных услуг при желании можно рассмотреть свежие оттенки.

Воплощением одного из таких оттенков явился застенчивый молодой человек с прозрачным лицом, водянистыми глазами болотного цвета, остроносый, и тонкогубый, в положенном всякому участнику специфического вернисажа кромешно черном костюме, фасон которого был в моде лет десять назад. Траурный мундир был юноше слегка великоват и выглядел взятым напрокат в бюро бутафорского реквизита.

Заметил я его уже в тот момент, когда мы с Люкой, напялив на лица выражение тихой грусти, прошествовали в огромный зал, разгороженный узкими кабинками выставочных стендов. Он, то и дело воровато оглядываясь по сторонам, слонялся в жидкой толпе посетителей и впихивал им в руки какие-то рекламные дадзыбао — судя по отсутствию на лацкане пиджака маленького бэджа, юноша на выставке аккредитован не был, а просто, прикидываясь одним из случайно забредших на огонек зевак, тихой сапой распространял свои проспектики. Отвлекаясь на разговор с Соней, хозяйничавшей за стойкой нашего стенда с видом матерой барменши, — не хватало ей для полной убедительности образа разве что замызанного полотенца на плече да тлеющей в уголке рта сигаретки — я потерял юношу из вида, а спустя полчаса, побродив вдоль стендов, нашел его сидящим на мраморном основании памятника и потягивавшим из высокого пластикового стакана пиво.

Мраморный ангел с поникшими крыльями и скорбно сомкнутыми на груди ладонями, опустив голову, сонно паялся в затылок юноши, и в его красивом лице стояло такое выражение, будто ему смертельно хочется сделать пару хороших глотков из подернутого подсыхающей пеной стакана.

Юноша поднял на меня глаза, отставил стакан, утер тыльной стороной ладони губы и молча протянул мне откатанный на подслеповатом матричном принтере листок.

Я пробежал глазами короткий текст и поперхнулся.

— Передвижная... Простите — что?

— Звонница, — пояснил он. — Передвижная звонница. Я сам-то из-под Владимира, — добавил он с таким видом, будто упоминание о месте жительства могло внести ясность в характер оригинальной траурной услуги.

— То есть вы хотите сказать, что готовы предоставить клиентам некое подобие колокольной на колесах? — пробормотал я, пытаюсь выстроить в воображении примерные контуры такой конструкции, однако отчего-то перед мысленным моим взором все время маячила кремлевская колокольная Ивана Великого во весь ее исполинский рост. — И покойник может заказать себе малиновый звон в момент опускания гроба в могилу?

— Ну да. Что-то типа того, — подтвердил мои догадки юноша, поднялся с постамента и, повертев головой, облегченно выдохнул. — Ну все, рекламки я все раздал, пора домой. А вы звоните нам во Владимир, если что.

— Непременно, — сказал я, глядя ему в спину, похлопал мраморного ангела по крылу и, кивнув на забытый юношей недопитый стакан с пивом, вздохнул: — Ну, брат, чего смотришь? Выпей, брат, выпей.

— Какая трогательная сцена общения с небожителем! — раздался за моей спиной бодрый голос, обладатель которого в лишних рекомендациях не нуждался, потому что это был лучший мастер траурного макияжа всех времен и народов Вадим Гельфанд. — Может, друг Харон, в самом деле дернем немного пивка?

«Кадиллак», насколько я понял Люку, останется на своем почетном месте до конца выставки, за руль мне садиться сегодня нужды не было, поэтому предложение Вадима заслуживало внимания.

Он сходил в буфет, принес два стакана, накрытых пышными шапками пены. Мы уселись на постамент и принялись лакать пиво под присмотром ангела, невзирая на гневные

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

взгляды приземистого господина с ослепительно сияющей розовой лысиной, неторопливо прохаживавшегося вдоль стендов, то и дело раскланиваясь с экспонентами, — наверное, это был кто-то из представителей дирекции выставки.

Мы мгновенно выдули свои дозы, пришлось отправляться в буфет за добавкой и, плавно маневрируя с двумя полными бокалами между посетителями, думать о том, насколько превратно трактует общественное мнение образ работника морга: сумрачный взгляд из-под кустистых бровей, низкий лоб, выпирающие скулы, поросшие щетиной впалые щеки, согбенные плечи, на которые накинута замызганный рабочий халат, и ввевшийся глубоко в поры нездоровой кожи отвратный трупный запах. Что касается Вадима, о чем-то тихо беседовавшего в этот момент с ангелом, то он являл собой полную противоположность расхожему представлению о хранителе трупов: высокий, поджарый, без даже крохотного намека на сутулость, с породистым, удивительно пропорционально изваянным лицом, на котором выделялись рентгеновски пронизательные и слегка замутненные выражением легкого сарказма темные глаза, на дне которых, однако, слабо колыхалось выражение вековой еврейской скорби, с вечно блуждающей на тонких губах, точнее сказать, смутно проступающей в идеально, волосок к волоску, уложенной бороде улыбкой, он скорее походил на какой-то в меру развязный голливудский персонаж, уверенно несущий в каждом жесте и полужесте, повороте красивой головы, взгляде из-под по-женски пышных ресниц свое амплу героя-любовника, и постоянно рассеивал вокруг себя тонкие, пропитанные мотивом мужественности ароматы баснословно дорогих одеколонов.

Подобные же ароматы, кстати, блуждали в помещениях его идеально отманикюренного частного заведения, на мой вкус лучшего в своем роде на просторах нашего города, где всякий временный постоялец был окружен настолько трепетной и внимательной заботой персонала, что иной раз хотелось хоть пару деньков пожить в этом прекрасном, блистающем стерильной чистотой трупохранилище. Словом, частный морг Вадима являл собой абсолютное и безоговорочное свидетельство в пользу частной собственности вообще и распространения ее благотворного влияния на трупохранилища в частности.

Я присел на постамент, и мы с прежним азартом принялись за пиво.

— Ты выглядишь немного усталым, — заметил я. — Пришлось повозиться с лицом очередного клиента?

— Да, именно с лицом. Если ты имеешь в виду тот изящный взгляд на положение вещей, согласно которому, например, аппетитную попку вон той девочки, — он сделал плавный жест рукой, сжимавшей пивной стакан, — можно рассматривать как истинное ее женское лицо.

Я привык к тому, что витиеватые умозаключения Вадима частенько ставили в тупик, и, проследив направление его жеста, я нашел, что попка у юной участницы экспозиции, которая, соблазнительно раскачивая бедрами, прохаживалась вдоль стендов прямо напротив места нашего импровизированного пикника, в самом деле достойна пристального внимания: черная юбка настолько плотно обтягивала ее чресла, что являла взглядам посетителей удивительно пикантные формы выпуклых ягодичек, которые, пожалуй, в самом деле можно было расценить как истинное ее лицо, потому что собственно лицо было блекло и невыразительно.

— Так это была женщина? — Я с неохотой увел взгляд в сторону.

— Нет, это был мужик. Пожилой, несколько обрюзгший и с пейсами. А лицо у него было очень маленькое и сморщенное.

С минуту я пытался постичь смысл Вадимовой логики, и наконец она начала до меня доходить.

— Так ты хочешь сказать...

— Ага! — весело отозвался он. — У меня возникла большая морока с его членом.

Ослепительная лысина представителя дирекции потускнела, едва эта реплика Вадима коснулась его слуха.

— Да понимаешь, — продолжал Вадим, неотразимой голливудской улыбкой отзываясь

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

на очередной раскаленный взгляд представителя выставочной власти. — Этот старый хрыч, как выяснилось, долгое время прикидывался ортодоксальным евреем. Но на смертном одре выяснилось, что у него не сделано обрезание. Ну и пришлось мне добывать резника.

— Это что, очередной анекдот? — спросил я, потому что за время нашего знакомства так и не выучился понимать, когда Вадим говорит серьезно, а когда шутит.

В ответ он пожал плечами и со вздохом развел руки в стороны, оставляя мне возможность догадываться самому.

— Вообще с этими тонкостями с обрядовыми ритуалами разных племен и народов вечно возникают проблемы, — заметил я, припоминая, что в самом начале моей карьеры Харона наша контора едва не заимела своим клиентом какого-то очень не бедного вьетнамского коммерсанта, но Люка, несмотря на баснословно высокий гонорар, отказались принимать несчастного азиата под свое крыло, и, как всегда, поступила правильно.

Потому что этому бедолаге в ходе отчаянных разборок между соплеменниками отвинтили голову и подевали ее неизвестно куда, а без головы, по вьетнамским понятиям, покойного невозможно предавать земле, словом, этот всадник без головы добрых полгода лежал в морозильной камере, прежде чем менты нашли недостающую часть его тела, и только потом усопшего отправили на самолете поближе к земле предков грузом двести.

— Да, дела, — философским тоном протянул Вадим, выслушав эту печальную историю. — А кстати, почему гроб с покойником, если он летит на самолете, называется «грузом двести»?

— Да потому, что груз этот со всеми причиндалами не должен превышать двухсот килограммов.

— Господи, отчего в нас так неизбывна тяга к мелочным регламентациям всего и вся? — со вздохом изрек Вадим, поднимаясь с постамента. — Может, пойдем покурим?

— Пошли.

Момент для перекура мы выбрали очень удачно, потому что на площади перед павильоном как раз разворачивались интересные события. Микроавтобус, на борту которого пламенел причудливо рассыпающейся искристыми брызгами логотип «Sky Flower», пытаясь пробраться через плотную толпу, ненароком протаранил низкую ограду уличной кафешки, зацепив крайний столик и повалив накрывающий его тент. Хозяин заведения, грузный и рыхлый человек с крохотной головой, в пластике движений которого было что-то от ластоногого существа, тюленя скорее всего, свирепо шевеля пышными бровями и валко раскачиваясь на ходу, направлялся к месту происшествия с явным намерением потребовать у водителя фургончика ответа за нанесенный ущерб. Решительным жестом открыв дверку со стороны водителя, он набычился, готовясь к бою, однако тут же отшатнулся, потому что из кабины неторопливо выбрался настолько отменного сложения и высокого роста человек, что охота связываться с этим малым у шашлычника мгновенно отпала. Всплескивая короткими руками, шашлычник сокрушенно покачивал головой, то и дело кивая на порушенные фрагменты закусочного интерьера, тогда как атлет спокойно внимал его словоизвержениям и подергивал себя за пальцы левой руки.

Мне померещилось, что я отчетливо слышу, как щелкают фаланги его пальцев.

Я в самом деле слышал этот отвратительный звук, от которого пробежали по коже волны мурашек, хотя на приличном расстоянии слух мой не в состоянии был уловить эти щелчки, и только спустя какое-то время догадался, что звук живет во мне смутным отголоском какого-то прошлого дня, в полуденной сердцевине которого ты брел по каменистой тропе и сказал шедшему впереди, в шаге от меня, человеку, что если он не кончит вот так отвратно щелкать суставами пальцев, то ты дашь ему по башке прикладом автомата.

— Будь спок, Саня. — Я двинулся вниз по лестнице. Вадим что-то протестующе бубнил в спину, но я его уже не слышал.

Он сразу меня узнал, что, видимо, немудрено, потому что благодаря цирюльническим стараниям Майка Медведя, обрившего меня наголо, я вышел из ворот байк-клуба достаточно убедительной копией со знакомого Сане оригинала, да и сам он мало изменился с тех пор, как я его последний раз видел на тропе склонившимся надо мной, словившим пулю в плечо, вот разве что лицо его — в том дне густо припудренное пылью и пороховой гарью — слегка округлилось и приобрело здоровый оттенок.

Хозяин уличного кабака, уловив недобрый знак в приближении к месту полемики персонажа, комплекция которого почти в точности соответствовала кондициям водителя фургончика, почел за благо ретироваться, — и так он пятился задом наперед к своим мангалам, примирительно покачивая поднятыми на уровень груди ладонями, до тех пор, пока мы не встали друг напротив друга.

— Привет, сапер, — сказал я.

— Привет, Паша, — кивнул Саня Кармильцев, пихнув меня в плечо.

Мы обнялись, похлопывая друг дружку по спинам.

— А что это ты? — спросил я, взглядом указывая на фургон. Что за «Небесные цветы»?

— Да так, фирма. Организация праздничных фейерверков, — пояснил Саня украшающий борт фургона логотип.

— То есть в каком-то смысле работаешь по специальности?

— Ну, в каком-то — да. А ты?

Я вдруг подумал о том, что в последние дни тоже работаю по специальности, в рамках которой когда-то считался лучшим метателем ножей в дивизии, а может быть, и вообще во всей армии.

— Я-то... Торгую смертью. Оптом и в розницу. — Я полез в карман за зажигалкой и обнаружил там многократно сложенный листок бумаги; это было выведенное на принтере сообщение, которое я выудил в Интернете на одном из похоронных сайтов; хотел отдать его бухгалтеру Гале, да вот забыл.

Саня развернул протянутую ему бумажку, пробежал ее глазами.

НАЛОГИ НА РИТУАЛЬНЫЕ УСЛУГИ

Уже не первый раз предлагаются изменения и дополнения в областные законы «О налоге с продаж». Очередные из них рассмотрены на заседании комитета по бюджетной, налоговой и финансовой политике Новосибирского областного Совета депутатов.

Если говорить об изменениях в законе «О налоге с продаж», то они вызваны, как сказал начальник управления финансов администрации области С. Аксененко, желанием привести областной закон в соответствие с федеральным законом по перечню товаров и услуг, не облагаемых налогом с продаж. В этот перечень решено включить целый ряд товаров, которые не являются товарами первой необходимости, и услуги, которые подпадают под закон о едином налоге на вмененный доход за определенный вид деятельности. В частности, было внесено предложение не считать «объектом» налогообложения по налогу с продаж стоимость ритуальных услуг, связанных с похоронами, предоставляемых организациями и предприятиями.

— А что, смерть у нас облагается налогами? — спросил Саня.

— Разумеется. Это ведь такой же товар, как и все прочие.

Я подумал о том, как бывает трудно объяснить убитым горем родственникам усопшего, отчего это в представляемых им сметах наших расходов на погребение внесен пункт «Налог с продаж». Тем более трудно растолковать им, что, наведавшись в наш офис, они попадают не в юдоль скорби, а в сугубо торговое предприятие, которое поставляет на рынок тот специфический товар, который называется «смерть». А впрочем, этот продукт в наших краях веки вечные относится к разряду самых ходовых товаров или, если угодно, продуктов первой необходимости, вроде хлеба, сала, водки и женских гигиенических прокладок.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Саня пару раз бросал короткие взгляды на часы, должно быть, торопился по своим огненным делам.

— Тут скоро пальба начнется, — поморщившись, пояснил он. — Фестиваль фейерверков, ты разве не знал? Я буду работать вон там, в районе прудов. Увидишь. Это будет классно. Знаешь, хороший салют, если разобраться, — это своего рода искусство, — он опять глянул на часы. — Ладно, Паша, я помчался, уже опаздываю. Как отстреляюсь, ты приходи туда, к прудам. Посидим, то да се... Придешь?

— Конечно. Будь спок.

— Смотри у меня... Не придешь — я отстрелю тебе задницу.

Он, по обыкновению, взялся за палец.

— Саня, если ты хоть раз щелкнешь своей звонкой фалангой, я в самом деле, как обещал, вырублю тебя.

Он с сожалением тряхнул рукой и погрузился в фургон, который, как мне показалось, удрученно выдохнул и покачнулся, приняв тяжесть его большого тела, а спустя час я сидел на лавке неподалеку от прудов, дожидаясь того момента, когда над водой вспухнут, рассыпаясь мелкими брызгами, букеты Саниных небесных цветов, а дождавшись, в самом деле согласился с бывшим сапером в том, что настоящий парковый фейерверк — это воистину высокое искусство, рядом с которым тривиальные салюты по праздникам выглядят, не более чем беспорядочная пальба пьяного канонира, в тупом остервенении расстреливающего давящее ему на плечи небо.

При взгляде на эту шипящую и свистящую, пышно взрывающуюся или мягко стелющуюся, брызжущую шампанскими залпами и вертящуюся на колесах вертушек вакханалию огня меня, наверное, хватил паралич немого восторга, потому я не сразу обратил внимание на массивный, явно утяжеленный броней, «линкольн» с тонированными стеклами, который тихо и скрытно, наподобие разведывательной субмарины, вплыл в узкое русло пешеходной аллеи, встал на прикол у поворота к прудам и так стоял, не обнаруживая в своих просторных темных недрах ни малейшего признака жизни, и лишь когда последняя россыпь огня потухла в черном небе, он, плавно тронувшись с места, покотил куда-то к центральным аллеям.

Глядя на то, как воспаленные язвы его пунцовых габаритов впитываются в темноту, я подумал, что у обитателя этой роскошной субмарины, скорее всего, тоже был пропуск на территорию, как и у нашего катафалка.

6

Нашел я ее на положенном месте, она сидела на подоконнике в знакомой мне позе — подтянув колени к груди и плотно обхватив их руками — и тускло глядела во двор, где ничего не происходило за исключением того, что какой-то в дымину пьяный молодой человек в мешковатых штанах и черной майке до колен, сидевший на железной ограде и с трудом удерживавший свое неустойчивое тело в вертикальном положении, начал клониться набок, пытаясь дотянуться рукой до стоящей на бордюре бутылки пива, и в этом жесте, видимо, преодолел некие предельные углы наклона — ткнувшись лбом в траву, он повалился на бок и затих, а она отозвалась короткой улыбкой на наше с Саней появление на кухне, начав вместе с ней распускаться, и, соскользнув с подоконника, смиренно опустила глаза в ответ на Санины слова, который, шумно вдохнув носом воздух, заметил, что чем-то удивительно вкусным пахнет в убогой хижине Харона.

Вынув изо рта сигарету, дымок которой глушил чуткость обоняния, я с Саней согласился: пахло восхитительно. Горячий запах, в котором смутно проступали ароматы грибов, жареного лука, расплавленного сыра и еще чего-то очень пикантного, тек из духовки, в которой млела большая кастрюля.

«Я сделала жульен, — виновато улыбнувшись, пояснила она, и в глазах ее возникло выражение озабоченности. — Ты не любишь жульен?»

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Да что ты! Конечно, люблю. Просто лет сто не ел ничего подобного.

Глаза ее прояснились, она принялась хлопотать, собирая на стол. Я остановил ее, поймал за локоть.

— Давай мы сделаем не так. — Я кивнул на Саню, он, облизываясь, косился на кастрюлю, в жерле которой клокотала ароматная масса, подернутая рыжеватой корочкой запекшегося сыра. — Это мой старый приятель. Он флорист. Разводит цветы. И пригласил нас в свою оранжерею. Давай мы так сделаем... Возьмем наш котел и поедем к нему?

Она пожала плечами, с оттенком сожаления оглядывая накрытый стол.

«Конечно. Как скажешь».

— Это недалеко, — пришел мне на помощь Саня, выглядывая во двор, где был припаркован его фургон. — Мы на машине. Мухой долетим.

Она вопросительно глянула на меня и немного растерянно — на Саню. Отвернувшись от окна, он нерешительно замер в полушаге, перебрасывая быстрые взгляды с меня на нее.

— Саня, если ты хочешь ей что-то сказать, говори, глядя в глаза. Она не слышит. Но понимает по губам.

Какое-то время он беспомощно моргал, потом приподнял тяжелым вздохом могучую грудь и тряхнул головой.

— Черт, извини. Я ведь не знал. Извини.

«Ничего», — улыбнулась она.

«Что она сказала?» — примерно такой смысл я прочел в его взгляде.

— Всё Нормально. Нет проблем. Поехали... — Я ободряюще пихнул его в бок. — Ничего. Я тоже не сразу выучился понимать язык цветов.

Оранжерея Сани располагалась на самом краю московской географии, накатывающей своими бетонными заборами, пустырями и свалками, временными строительными базами и ремонтными мастерскими, гудами металлолома и складскими ангарами на широкое русло мерно гудящей и парящей прохладным неоном светильников окружной. Поплутав по извилистым закоулкам пыльной промышленной зоны, мы причалили наконец к обнесенной серым бетонным забором узкой гавани, в тылу которой маячила башенка небольшого цементного заводика, а справа к ограде прижималось унылое промышленное строение, сложенное из бетонных блоков.

— Это и есть штаб-квартира знаменитой на весь мир компании «Sky Flower»? — с сомнением протянул я, оглядывая территорию. — Как все-таки удачно монтируется этот типично пасторальный пейзаж с воздушным названием фирмы... Не хватает здесь разве что пастушки с веночком в волосах и пастушка со свирелькой.

— Ты хочешь сказать, что работать с порохом, бертолетовой солью, селитрой, серой, сурьмой и прочими полезными для здоровья веществами было бы удобнее где-нибудь в районе Арбата? — усмехнулся Саня, подталкивая меня к тяжелой стальной двери каменного бастиона, открыл ее и остановил мой порыв шагнуть за порог. — Постой... Копыто приподними.

— Что? — переспросил я. — Саня, ты все перепутал. Я всего лишь сумрачный Харон и к благородному племени кентавров отношения не имею. У меня еще не выросли копыта.

— Я говорю — ноги покажи.

— Ты боишься, что я занесу на подошвах инфекцию в твой стерильный офис?

— Вот именно. — Он подтолкнул меня в сторону дощатой щелястой пристройки справа от входа, напоминавшей маленький чулан, перегороденный узким верстаком. — Порядок, — заметил он, осмотрев мои подошвы. — Можешь считать это нашей маленькой профессиональной причудой или там приметой... Так или иначе, но ни один пиротехник не позволит проходить в рабочее помещение человеку, у которого подошвы подкованы гвоздиками. Мало ли что там на пол могло просыпаться... Береженого Бог бережет. И кстати, ты верстак-то не лапай. Я за ним изредка растираю соли меди, мышьяка и ртути — с ним лучше на свежем воздухе работать. И в респираторе.

— Ну нет, — мотнул я головой, когда Саня, закончив осмотр моих подошв, широким

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

жестом предложил заходить. — В эту оранжерею я не пойду. Насколько я понимаю, она представляет собой нечто среднее между складом боеприпасов и ядохранилищем. Слушай, а может, лучше переберемся за забор, на цементный заводик — посидим в пыли, выпьем там, закусим, поболтаем... Все как-то безопасней будет.

Василек тем временем уже исчезла за дверью, пришлось двинуться следом за ней и, свернув в узком, пропитанном химическими запахами коридоре налево и найти ее стоящей в центре уютной и вполне жилой комнатки, единственным недостатком которой можно — было считать тяжелую, стальную решетку, смутно графящую на равновеликие квадраты законный сумрак. В остальном здесь было очень мило, чисто и опрятно: круглый стол под рыжим пластмассовым абажуром, слева по стене — обширная тахта с мягкими валиками, маленький телевизор на тумбочке и огромный, до потолка, стеллаж по правой стене, полки которого были заставлены цилиндрическими предметами, напоминающими гильзы охотничьих патронов.

Осмотревшись, она уселась на тахту, уложила узкие ладони на колени, глянула на меня: не стой в дверях, заходи и будь как дома. Я сел рядом, дожидаясь Саню, пропавшего вместе с кастрюлей где-то в недрах своей пороховой бочки, — а впрочем, скорее всего, вне ее — чтобы разогреть жульен.

— Саня вообще-то сапер, — я проследил ее удивленный взгляд, медленно скользящий по стеллажу. — Мы вместе когда-то... Хотя это не интересно... Сейчас он в самом деле разводит цветы. Только высаживает их не в землю, а в небо. Он пиротехник, устраивает праздники с фейерверками.

«Как интересно!» — в ее глазах блеснул огонек и так приглушенно мерцал до тех пор, пока Саня не вернулся, а мы, усевшись за стол, не налили в стерильные, идеально отдраенные шкалики водки и выжидательно покосились на кастрюлю.

«Мне совсем чуть-чуть, за компанию», — сказала она губами.

— Ну... — он поднял свою рюмку.

— Саня, давай только не будем вспоминать. Я не хочу об этом помнить. Тем более — пить за это.

— Тогда за что бы... — задумчиво протянул он, глядя на бликующую в жерле рюмки, словно надраенный серебряный полтинник, поверхность водки.

Она тронула меня за локоть и пошевелила губами.

— Она предлагает выпить за твои цветы, — пояснил я.

Некоторое время он молчал, всматриваясь в ее глаза, потом улыбнулся:

— Спасибо. Спасибо, ты хорошая девочка.

Выпили, налили еще по одной, глаз у Сани загорелся, стало ясно, что сейчас он начнет седлать своего конька, и я вздохнул с облегчением, потому что это было лучше, куда лучше, чем в легком подпитии дать разговору скатиться в те сумрачные глубины прошлых дней, из которых нам уже было бы не выбраться.

— Хм, цветы... — сказал он, обваливаясь на стол с тем расчетом, чтобы ей было удобней читать по губам. — В основном я развожу четыре сорта. Во-первых, цветы пламенные.

Она вопросительно округлила рот и повела, глазами туда-сюда.

— Ну, так они по науке называются — пламенные. Дают очень красивый сильный свет. А свет окрашен сильным цветным пламенем. Они служат для освещения живых картин, зданий, декораций. Могут сопровождать всякие там шествия, гулянья и прочие сборища. Они могут расцветать прямо из гильзы — как бенгальские огни, например, фонтаны или форсы. А могут распускаться и на приличной высоте — как ракеты или Римские свечи... Понимаешь?

— Выпьем за Римские свечи, — предложил я. — Мне не вполне ясно, что это такое, но звучит красиво.

Саня глянул на меня с тем выражением, какое стоит в измученном взоре педагога, аудиторию которого ставит в тупик выводение итога из элементарного арифметического

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

действия, и махнул рукой.

— Чего с него взять... — пояснил он свой взгляд Васильку. — Так, далее... Второй сорт называется цветами искристыми. Потому, главным образом, что распускаются они снопами искр, понимаешь?

Она после некоторого колебания кивнула, и Саня в ответ на ее утвердительное движение просто расцвел.

— В этом сорте множество видов. Бриллиантовые иглы. Пчелиные рои. Блуждающие бабочки. Солнце. Огненные колеса, ну и другие.

«А откуда искры?» — стараясь как можно более отчетливой артикулировать, спросила она.

— Искры откуда? — переспросил Саня и покосился на меня, взглядом осведомляясь, верно ли он расшифровал движение ее губ. Я кивнул. — Все дело тут в смеси тонкого пороха с опилками. Угольными. Металлическими. Деревянными. Фарфоровыми... У каждого вида опилок свой рисунок и оттенок. Угольные дают обыкновенные искры. Чугунные — белые снопы искр. Стальные придают красноватый оттенок. Медные — зеленоватый. Ну и так далее. — Он покосился на меня. — За что выпьем?

— За Блуждающих бабочек.

— Хороший выбор, — кивнул Саня, опрокинул рюмку, шумно выдохнул в кулак, потряхнул головой. — Хорошо пошла... Так. Что у нас дальше? А, третий сорт. Шумовые... Они сопровождаются шумом, грохотом, понимаешь? Это, например, Марсов огонь. Или пушечный выстрел. Ну и все такое прочее — шлаги, бураки, шутихи... И наконец, есть у меня в запасе сложные букеты. То есть комбинации из различных цветов. Тут в самом деле нужно искусство флориста. Чтобы получить, например, Китайское или Саксонское солнце. Или хороший швермер. Или сложную Римскую свечу.

— Марсов огонь, — вставил я.

— Что? — потряхнул головой Саня.

— Очень звучное название. Я бы за это выпил. Но боюсь, если мы не начнем закусывать, то это может плохо кончиться.

Жюльен был отличный — душистый, густой, — и так мы, неспешно пиршествуя, слушали Саню, потихоньку проникая в тайные закоулки его экстравагантного ремесла, где нас окутывали запахи дерева и пергаментной бумаги, погруженной в растворы сернистого аммония или квасцов, клейстера и еще чего-то необходимого Для изготовления навоинок; учились также толочь порох в деревянной ступке пестиком — деревянным же, но ни в коем случае не каменным, — с особой опаской относясь к растираниям бертолетовой соли, когда она смешана с серой; понемногу привыкали к работе со специальными волосными ситами, сквозь которые медленно просеивались наши гремучие, боящиеся встрясок и ударов смеси, — сеянье это требовало большой сноровки, потому что, не дай бог, едкие пылевые облачка от солей бария, меди, свинца, ртути, мышьяка, цинка или сурьмы могли залететь ненароком в дыхательные пути; потом готовили «мякоть», Что в переводе с профессионального жаргона означало специальный порох, смешанный в нужных пропорциях из калийной селитры, угля и серы. И постигали тонкости в изготовлении стопинов, фитилей и зажигательных замазок, и множество еще рутинных мелочей были вынуждены преодолеть, прежде чем к исходу первой бутылки подойти к самому главному: чиркнуть спичкой и поднести ее к хвосту фитиля...

— Ага, как же, — хмыкнул Саня в ответ на мое предположение относительно приведения в действие механизма небесного огня. — Я уже не в том возрасте, чтобы, высунув язык, носиться по рабочей площадке с кресалом и запалить фитили.

«А как же тогда?» — спросила Василек.

— Ну, в принципе сложный комплекс, в котором много чего всякого разного наворочено, запускается электроникой... С пульта. — Он поднялся из-за стола, достал с полки стеллажа узкий черный пенал, напоминающий пульты радиоуправляемых детских машинок, ткнул в одну из кнопок. — Вот так стартуем... А тут регулируются углы наклонов

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

в специальных кронштейнах, куда помещаются заряды.

— Углы наклонов? — переспросил я. — Зачем?

— Ну, это уже мои личные фантазий... Иной раз для создания пущего эффекта это может пригодиться. — Он разлил в наши две рюмки остатки водки и подмигнул мне: — Так что, батарея к бою?

Я выпил уже прилично и потому, откинувшись на валик тахты с незажженной сигаретой в зубах, плавно отчалил в воображении под открытое черное небо, которое совсем недавно нависало над прудами, однако теперь я уже знал примерно, как составлены те огненные букеты, угадывал их сорта и видовые признаки: вот шампанскими брызгами разлетелись бенгальские огни, век их короток, но зато чист и ослепительно яркок, и его на излете сил поддержат бенгальские факелы с их сильным темно-красным пламенем, и той же бенгальской породы, свечи вспыхнут ровным долгим светом, а его потухание в зеркалах черной воды совпадет с ярким безумием магниевого пламени. И покатаются в черный холст неба эффектные Светящиеся ядра, унесутся в высоту, а там разорвутся вдребезги белым огнем, а вслед за ними, словно играя в горелки, устремились Звезды, вынесенные на высоту ракетами, — вспухают они резкими толчками, выделяясь в снопе искр глубоко окрашенным цветным пламенем. А вслед за их увяданием вступят в дело непредсказуемые швермеры, чьи извилистые плутания в небе оставят за собой искрящиеся следы и разорвутся на излете с острым звонким треском, который стронет с места волнообразные накаты Пчелиного роя и вспугнет Блуждающих бабочек, потом беспорядочно захлопают шутихи, шарахнет дробной очередью разрывов Марсов огонь, вулканы Римских свечей изрыгнут разноцветные лавы, завертятся карусели Китайского и Мельничного колес, вспыхнет искрящийся обод Саксонского солнца, от которого оторвется крохотный астероид и, вытянувшись заостренным наконечником шаткого огонька, присядет на сопло зажигалки, поднесенной чьей-то заботливой рукой к кончику моей сигареты.

— Спасибо, детка. — Я прикурил, сделал глубокую затяжку. — Который там у нас час? Может быть, тронемся в сторону дома?

— Уже два с минутами, — отозвался, позевывая, Саня. — Пошли, я подвезу вас до ближайшего метро. Там можно словить тачку.

Домой мы прибыли только в четвертом часу. Я камнем рухнул в кровать, перевернулся на спину и, собрав остатки сил, сказал ей, склонившейся надо мной, что Харон устал — настолько, что у него даже нет сил завести будильник на семь утра.

«Я заведу», — произнесла она, едва-едва — колыбельно — двинув губами, словно опасалась чрезмерно явной, красноречивой артикуляцией нарушить мой покой, и, как мне показалось, спустя минуту после этого над ухом раздалось ритмичное попискивание будильника.

Скосив глаза, я обнаружил, что часы показывают ровно семь, зуммер крохотного электронного ящичка, стоящего на табуретке сбоку от кровати, пульсировал тонкими сигналами настолько монотонно и упорно, что, казалось, был в состоянии поднять не то что живого человека, но и любого из пассажиров Харона, смиренно дремлющего на удобной лавке на носу медленного челна, — но только не ее, тихонько посапывающую на моем плече, и с легкого похмелья я искренне поразился этому обстоятельству, но когда до меня наконец дошло, в чем тут дело, я заплакал.

7

То ли запах свежего кофе, парящего ароматным дымком над моей кружкой, потревожил её сон, то ли белый утренний свет, пробивавшийся сквозь проем в незадернутой гардине и ярким ромбом впившийся в светлые обои как раз с тем расчетом, чтобы бить ей прямо в глаза, то ли не слишком ловкие мои попытки выскользнуть из постели, не нарушив её сон, — наверное, она уже давно стояла в дверях кухни, наблюдая за тем, как палец мой медленно блуждает по расстеленной на столе карте Подмосковья, поглаживая холмы и

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

овраги, перелески вдоль дорог и звенящие переезды через железнодорожные пути, дачные садики на шести сотках и приглушенное тепло вчерашних костров, поля в прохладной утренней росе и толстые жилы автотрасс.

— Похоже, тот интимный уголок женского тела, на который она в сердцах ссылалась, где-то здесь, — сказал я, придавив пальцем крошечный участок карты между железнодорожной веткой и автострадой. — Пятьдесят километров на северо-запад. Отар вряд ли мог ошибиться.

«Не понимаю», — сказала она глазами, еще мутноватыми со сна.

— Почему он не мог ошибиться? — сказал я, прихлебывая кофе. — По двум причинам. Во-первых, он отменный специалист во всем, что касается женского тела. А во-вторых, классный хакер. Поэтому... — Я умолк, встретившись с ее взглядом. — Поэтому у меня есть неплохой шанс поймать эту чертову бабу.

«Не понимаю», — повторила она на этот раз губами, мелко подрагивающими, словно готовыми напрячься преамбулой по-детски беспричинного плача.

— Нет-нет, малыш, ничего такого. Я выразился фигурально, но, видимо, фигура вышла не вполне удачной.

Я протянул руку, она улыбнулась, подошла, опустила тонкую руку в мою ладонь. Я усадил ее на колени. Ее хрупкое тело, прикрытое моей рубашкой, которая выглядела на ней просторным мешковатым шлафроком, излучало мягкое тепло. Она повернула ко мне лицо, заглянула в глаза.

«Ты опять уезжаешь? Возьми меня с собой».

— Нет. В тех местах водится много тли. Анжела, правда, говорит, что к сорным цветкам тля не пристает, но мало ли... — Я покосился на байкерскую куртку Майка, висевшую на спинке стула, и мне показалось, что замутненный дорожной пылью рубиновый глаз золототканого кондора пуст, как выпуклое око каменного изваяния, и незряч.

Я сдернул куртку со стула, расправил ее, подышал в орлиный глаз, протер его рукавом майки — око прояснилось и начало наливаться кровью в предчувствии скорой охоты.

— Вот и славно. Полетели.

Из-под пальца моего, пригревшего потертые рельефы старой замызганной карты, распустились спустя часа полтора: рыжая грунтовая дорога, ответвляющаяся от трассы и катящая волны своих ухабов через кормовое поле К жидкому и пыльному перелеску, в разрывах ветошной ткани которого поблескивали стальным отливом железнодорожные пути; левее, за сетчатой оградой, клубилась здоровая и сочная зелень фруктовых садов, из нее то и дело выплывали на поверхность верхушки ломаных крыш с тонкими мачтами телеантенн, и на них сверху вниз сонно поглядывала кирпичная тура водонапорной башни.

Я свернул с трассы. Проселок едва не вытряс дух из меня и моего «Урала», но вдоль перелеска дорога выравнивалась и плавно подкатывала к распахнутым железным воротам дачного поселка, въезд в который охраняла проржавевшая сторожевая будка коммерческой палатки с зарешеченным окном. В сумрачных глубинах торговой точки я уловил присутствие жизни.

На мой сдержанный стук палатка отозвалась скрипом двинувшегося в сторону окошка, служившего, насколько можно было понять, тем узким каналом, в котором происходит обмен денег на водку, пиво, минералку, чипсы, сигареты, несъедобную лапшу «Доширак», кильку в томате и тушенку, бумажные одежки которой настолько тотально выгорели от солнца и времени, что логично было догадаться — срок годности этого полезного продукта благополучно истек, должно быть, еще в начале девяностых годов.

— Чего тебе? — поинтересовалась палатка зычным женским голосом.

— Пачку «Примы». И воды. Только без газа.

На самом деле я хотел спросить, не пробежала ли мимо симпатичная женщина с кукольным лицом по имени Мальвина, однако по здравом размышлении не стал и пытаться что-то выяснить: она слишком опытный человек, чтобы в острой ситуации лишний раз светиться на людях. И тут вдруг в памяти всплыла ее случайная реплика, оброненная по

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

дороге на пикник: «У меня такая черепашка живет — в старой даче над маленьким прудом».

Палатка слизнула толстопалой, с грязными ногтями рукой мои деньги с крохотной полочки и выплюнула затребованные товары, не озаботившись такой мелочью, как возврат сдачи. Я опять постучал.

— Чего? — опять спросила палатка, на этот раз с долей то ли раздражения, то ли скрытой агрессии в утробно гулком голосе.

— Будь любезна, подскажи... На территории этого поселка есть старый пруд?

— А куда он денется? — твякнула палатка и закрыла пасть.

Я медленно поехал вперед по узкой дорожке, на которую накатывали густые волны черноплодной рябины, бурно перехлестывающей через заборы, и чем дальше я углублялся в недра дачной территории, тем больше крепло во мне подозрение, что Отар все-таки немного оплошал с определением местоположения ее вдруг прорезавшегося моби́льника.

Это был солидного возраста — лет тридцать, не меньше — поселок, в облике которого угадывалась та особая черта, которую я назвал бы самодельностью. Да, здесь все: и крохотные кухоньки, жмущиеся к тылам участков, и тщательно возделанные огороды со слюдяными шатрами теплиц, и беседки, окаченные пеной дикого винограда, и сами летние дощатые домики — было сделано своими руками, поднято когда-то на ровном месте из голого, открытого солнцу и ветрами, заболоченного поля, и каждый гвоздик в выгоревших досках хранил, наверное, в своей заржавевшей памяти воспоминание о заскорузлых руках умельцев, горбом своим, едким потом и мозолями возделавших эту бросовую, ничего, кроме болотной травы, никогда не родившую землю. На обиталище людей, располагающих счетами в швейцарских банках, эти самопальные усадьбы никак не походили.

А впрочем, в заброшенной квартире на Чистых прудах Мальвина тоже постоянно не жила.

Дорога, вывернув к пруду, обогнула его и, ткнувшись в глухой бетонный забор, за которым шуршал листво́й сорный, типичный для болотистого места лесок, отвернула влево, растекаясь несколькими узкими руслами по поперечным аллеям.

Пруд был стар, темен и почти идеально кругл, что намекало на его первородное предназначение пожарного резервуара, но скользкие глинистые берега давно уже обжила трава, сорные кустарники, да пара берез, сонно пляшущихся в зыбкие тени своих крон, стынувших в темной воде, и потому — за давностью лет — он казался не рукотворным, но живым, природным. В тылу его, в густых зарослях боярышника, проступали очертания скромной избушки, если чем-то от остальных здешних строений и отличавшейся, то разве что основательной каменной печной трубой, венчающей излом крыши, выстеленной свежей рыжей черепицей. Дом стоял буквально в пяти метрах от опасно подмывшего берег пруда и слегка даже накренился вперед, словно чувствуя, что долго на таком шатком основании не протянет.

Начало припекать. Я снял куртку, бросил ее на руль и опять прояснил замутившийся в дороге взгляд кондора, протерев его кровавый глаз платком.

— И что ты по этому поводу думаешь? — спросил я, разглядывая заколоченные посеревшими от дождей досками слепые окна дома, который выглядел совершенно нежилым, вот разве что трава, стелющаяся от покосившихся ступенек крыльца к сально поблескивавшей глине обрывистого бережка, была слегка примята, как будто хранила смутный отпечаток следа прошедшего здесь не слишком давно человека.

Мой ширококрылый спутник отозвался ярким всполохом солнечного света, скользнувшего в пуговке стеклянного глаза.

— Вот и я так думаю.

По дороге к пруду я заметил справа по ходу большой провал в сетчатом заборе, открывавший путь к железнодорожной насыпи. Развернувшись, я направился туда, кое-как перебрался через канаву и узкой тропкой, местами совсем захлестнутой высокой травой, с грехом пополам дотянул до пруда. Оставив «Урал» в зарослях кустарника, я прошел немного вперед и оказался почти рядом с той березой, возле которой только что притормаживал, с

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

той лишь разницей, что теперь находился на ничейной территории по ту сторону забора, сквозь крупные ячейки которого мне хорошо был виден домик у пруда. Я опустил в траву за покатым холмиком, по открытой солнцу макушке которого разбредались кустики земляники, и с этого момента время неслышно, на цыпочках ступая, потекло вслед за солнцем, медленно сдвигавшим тень березового ствола слева направо, — мне и того уже было достаточно, что под рукой была вода, необходимая растительному существу для жизни, и солнечный свет, преобразующийся в моих жилах в питательный хлорофилл.

Меня никто не замечал в моем укрытии — ни загорелый, с выпирающими лопатками, мальчик, кинувшийся с берега в воду и размашистыми, неумелыми саженками, то и дело закидывая лицо назад, погребший к другому берегу, ни престарелая дачница в светлом просторном сарафане, прилегшая на берегу на махровой подстилке и пролежавшая без движения, словно сфинкс, довольно долго, ни какие-то работяги, поговору молдаване, как видно подрабатывающие на дачном строительстве, — они, впрочем, появились уже в сумерках и, усевшись под березой, начали неторопливо и тихо пить водку, перебрасываясь приглушенными репликами... Последним пруд покинул сутуловатый рыболов, который все пытался заарканить своей изредка тонко свистящей на забросе леской отраженный свет полной луны, парящий, как казалось, низко над водой, путаясь в мутноватой дымке пара. Потом все стихло, только истошно брехала в глубинах поселка бессонная собака, но в самой сердцевине глухой, без звуков и движений, ночи раздался тихий плеск воды.

Соскользнув с берега, она тихо погрузилась в воду, но я успел заметить, как за минуту до этого в густой тени боярышника появилось матово белое тело обнаженной женщины — ей некого было стесняться в такой глухой сумрачный час, из глубин которого вряд ли кто из давно сморенных сном трудолюбивых дачников мог за нею подсматривать. Я тихой сапой перебрался через забор прудового домика и укрылся в тени боярышника, сбоку от крылечка, терпеливо дожидаясь того момента, когда лунная дорожка в черной глади воды подернется рябью и опять раздастся тихий плеск воды, отпускающей из себя белое тело голой женщины.

Она постояла на берегу спиной ко мне, потом медленно повернулась и, неслышно ступая босыми ногами, двинулась к дому, на цыпочках взойшла на крыльцо, отворила дверь. Метнувшись через перильце крыльца, я успел вставить ногу в узкий проем между встающей на место дверью и косяком, резким толчком распахнул дверь, вошел в теплый сумрак дома, вытянув вперед руку, и наткнулся ладонью на голое мокрое плечо.

— Здравствуй, — тихо проговорил я, привлекая ее к себе. — Мы с тобой не закончили там, на лестнице.

Она с коротким обреченным криком разом обмякла, ватно ткнулась мне в плечо мокрым лбом, но очень быстро пришла в себя, оттаяв от приступа оторопи, и по телу ее прокатилась волна мелкой дрожи, — оперевшись руками мне в грудь, она откинулась назад, и я смог различить черты ее красивого лица, потому что глаза мои уже начали привыкать к темноте.

Она была, конечно, из породы сильных женщин, очень сильных, таких мне встречать еще не приходилось: мгновенно оценив ситуацию, она сузила глаза, пошевелила плечами, и большие ее груди в ответ на это движение так соблазнительно колыхнулись, а рука тем временем, соскользнув с моей груди, протекла по животу и плавно погрузилась под джинсы, благо я успел задержать дыхание и втянуть живот.

— А что... —дохнула она на меня теплом. — Почему бы и нет. Не закончили там, так закончим здесь.

— А ты не понимаешь, — покачал я головой, поймав себя на том, что не испытываю в этот момент ни сколько-нибудь внятных эмоций, ни доступного душевному чувству порыва и уж тем более не слышу отголоска хоть какой-то туманной мысли, а просто движим неистребимым в веках, мудрым инстинктом.

Она, похоже, уловила мой настрой, напряглась, попыталась вырваться, но я был много крепче — рывком развернув за плечи, я втолкнул ее на веранду, обрушил на круглый обеденный стол и молча пошел у инстинкта на поводу, а она забилась, завертелась подо

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

мной, но я был сильнее ее, и жезл мой деревянный был крепок. Наконец она сдалась, расслабилась, поникла и увяла, а потом, вывернув искаженное болью лицо, косо глянула на меня через плечо:

— Чего ты добиваешься, сволочь?

— Ничего, — сказал я, опуская руки на ее талию. — Просто хочу тебе кое-что рассказать. — Я плавно подтолкнул бедра вперед и уже не останавливался, выталкивая из себя вместе с этими тупыми, монотонными накатами на нее слово за словом — до тех пор, пока, мелко сотрясаясь, не начал стряхивать с себя пыльцу, и она, принимая ее неизбежные налеты, не начала глухо и волнисто подвывать, а потом, истопив в себе упругость моего жезла, соскользнула с него, сползла со стола на пол, постояла на коленях, тупо мотая головой из стороны в сторону, повалилась на бок, села, прислонилась к ножке стола и, вульгарно развалив ноги, подняла на меня совершенно мутный взгляд.

— И чего ты добился, дубина? Ты, сволочь стоеросовая?

— Можно подумать, что ты у нас сволочь шоколадная. — Я сдернул со спинки стула большое махровое полотенце, бросил ей.

— Дубина... — усмехнулась она, не сделав и попытки прикрыться. — Аркадия знают, банковские клерки. Они его видели столько раз. Это во-первых. И во-вторых, у тебя нет ключа. Словом, у тебя нет ни малейшего шанса...

— Ну, не скажи. — Я погладил себя по бритой голове, потер кулаком шершавый от густой щетины подбородок. — Шевелюра скоро отрастет, борода тоже. И я наведуясь в салон по уходу за истинными джентльменами — с одной из тамошних парикмахерш я свел знакомство. Она, увидев меня, так искренне сокрушалась, что все ее парикмахерские старания пошли коту под хвост. И обещала, как только волосы отрастут, в точности повторить фасон того зачеса, который она выстроила уже однажды на моей голове. Ну и бородки — тоже.

— Сволочь... — прошептала она, начав догадываться.

— Ты хочешь сказать, что желтоголовый Боря не так давно отчалил на другой берег? — спросил я. — Это большая утрата, но она дела не меняет. Видишь ли, у меня есть хороший друг. Он работает с трупами, но это не должно тебя беспокоить. У него огромный опыт в восстановлении по фотографиям первозданного облика покойного клиента. — Я полез в карман куртки, достал поляроидную карточку, на которой был запечатлен пьяным молодым человеком в Строгино. — Очень удачный снимок. Четкий, контрастный. Так что у Вадима в работе с моей физиономией проблем не будет.

Я на долю секунды опередил ее бросок, отбил руку, метнувшуюся к карточке, однако она, пружинисто вскочив на ноги, ринулась в очередную атаку, от вспышки кошачьей ярости почти ослепнув. У меня вовсе не было намерения ее ударить — она сама сослепу налетела скулой на мой кулак, дернула головой, и, завиваясь винтом вокруг своей оси, повалилась на бок, тупо тюкнувшись виском в край стола, рухнула на пол. Я присел на корточки, осторожно перевернул ее на спину. Глаза ее закатились.

— Ничего страшного, это не более чем глубокий нокаут, — поставил я диагноз, подхватил ее на руки, отнес в комнату, уложил на кровать, прикрыл одеялом.

Осмотр дома ничего не дал. Это была старая, доживающая свой век дачка с верандой, двумя комнатами на первом этаже и одной просторной наверху, в ее не тронутых продувным сквозняком стенах плыли плотные запахи пыли, дерева, до истошного скрипа в половицах просохшего за лето, старых одеял и еще какие-то особые дачные ароматы. Как снаружи, так и внутри дачка производила впечатление нежилой — в комнатах царил тот идеальный порядок, что оставляет хозяйка поздней осенью, готовясь к переезду на зимние квартиры, вот разве что в спальне пыльный ковер был неряшливо сдвинут в сторону. Рядом бесхозно валялся на полу тонкоствольный фонарик с галогенным отражателем.

Я щелкнул кнопкой на круглом пенале фонарика, столбик замутненного пылью света упал на пол, выхватив из темноты загнутый край ковра и плотно пригнанную к доскам пола крышку погреба. Неторопливо стянув с себя куртку, я бросил ее на стул и тихо спросил у

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

кондора:

— Тебе случалось видеть, чтобы погреб располагался под спальней? Нет? И мне тоже.

Я откинул ковер, приподнял за кожаную петельку крышку, сдвинул ее в сторону, заглянул в черный провал погреба и озадаченно присвистнул, потому что оттуда на меня дохнул не привычный подвальный холод, настоящий на скорбном запахе сырой земли, — нет... Нет, это был именно тот теплый выдох, с каким приветствует распахивающаяся дверь приход гостя в обжитой уютный дом.

Свет фонаря лег на металлическую лесенку, круто, почти вертикально срывающуюся вниз. Зажав фонарь в зубах, я начал осторожно спускаться, поражаясь тому, насколько глубоко это подземелье, и лишь достигнув пола, глянул наверх, прикинув, что погрузился метра на четыре. Кругок света желтым выдохом — фонарь я продолжал держать во рту — ложился на обшитую темной доской стену, в которой белела клавиша выключателя.

Я нажал на нее и зажмурился, потому что привыкшие к темноте глаза мои: обожгла вспышка света.

А впрочем, скорее всего, не столько она — свет матово рассеивался, сочась из нескольких разбросанных по стенам бра, развернутых жерлами вверх, и потому не полыхал, а скорее мягко дышал уютом, — сколько то, что отпечаталось на изнанке сетчатки: высокие стеллажи вдоль стен, обширная двуспальная кровать, укрытая шотландским пледом, пара мягких низких кресел, присевших на корточки у низкого сервировочного столика, узкий пенал холодильника «Электролюкс», транзисторный приемник, магнитофон, телевизор с видеомagneтофоном, стопки кассет... Это был основательно погруженный в землю бетонный бункер, вполне пригодный для жилья. Осмотр полок, заставленных консервами, пивными банками, бутылками вина, электроплитка, биотуалет в закутке слева от лесенки окончательно убедили меня в том, что в этом бункере вполне можно благополучно пересидеть если не ядерную бомбардировку, то, во всяком случае, очень долгую осаду и при этом никто не обнаружит в заколоченной дачке ни малейшего признака жизни... Если, конечно, не идти на поводу у простого, бесхитростного желания: потихоньку выскользнуть ночью из укрытия, обжечь босые ступни о влагу прыснувшей прохладной росой травы, окатиться холодной. и безвкусной патокой лунного света, глотнуть свежего воздуха и погрузить свое нагое тело в теплое парное молоко близкого пруда.

— Какой очаровательный отстойник, — сказал я, присаживаясь в кресло, плеснул в бокал глоток красного французского вина, терпкого и тонко душистого, медленно — не то чтобы в два глотка, а вот именно вцеживая в себя сжиженное гранатовое солнце — выпил и подумал о том, что жить бы тут и жить, вблизи подземной реки, выводящей к тому слишком мне хорошо знакомому берегу, с которого нет обратного пути.

— Твое здоровье! — приветствовал я поднятием вновь наполненного бокала мертвый взгляд черепашки, дремавшей в обширном, яйцеобразной формы аквариуме у правой стены бункера, причудливая, мягко окрашенная подсветка которого проявляла в глубинах стеклянного яйца какой-то сугубо натуральный интерьер, будто бы просто изъятый из живой природы: белый наст донного песка, возрастающего на покатый холмик, поросший конвульсивно изогнутым декоративным кустарником, изломом сухих рук напоминавшим кукольного размера саксаул, серый — опять-таки кукольного формата — камень, а под ним крохотное игрушечное озерцо.

Черепаха в ответ на мой тестовый жест медленно опустила мертвые веки — словно в знак того, что приняла знак внимания.

— Уж если сидеть в этом бетонном отстойнике, то лучше коротать время с каким-то живым существом, ведь так? — сказал я черепахе и, дождавшись, пока она в знак согласия двинет кверху свинцовые веки, поднялся с места, вылез на поверхность, тронул теплеющую щеку Мальвины: она понемногу приходила в себя. — И ты права. У меня нет ключа.

Она вяло пошевелила губами, тронувшимися в бессознательную улыбку, и стала вдруг поразительно похожей на кукольную девочку из кукольной сказки, а меня как будто — при взгляде на ее кукольное лицо — прошила медленная в своем неторопливом искрящемся

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

изгибе электрическая дуга, потому что в памяти всплыла еще одна реплика из телефонного разговора: «Ключ там, где ему и положено этим сказочным сюжетом быть».

— Черт возьми! — выдохнул я, поднимаясь с кровати, и, быстро сбежав по ступенькам лестницы вниз, приблизился к слезящемуся от осадочной влаги стеклянному глазу аквариума.

Перед глазами отчетливо встала та девочка, что упустила свою черепашку, уползшую от шума и чада придорожного пикника и едва не угодившую под колеса нашего автомобиля. И встал перед глазами сердобольный распах губ Мальвины, выдохнувшей ей в мертвое лицо: «Ну что ж ты, милая, так неосторожна! Твоя старшая сестричка, что живет в домике над старым прудом, куда осмотнительней!»

В отличие от той девочки я читал сказку.

Потому постучал костяшкой согнутого пальца в стекло и сказал:

— Привет, старушка Тортила. Ты меня знаешь. Я деревянный мальчик с длинным деревянным носом. — Черепаха в ответ медленно моргнула. — Мой папа вытесал меня из грубого соснового полена, зачем-то наделив душой живого человека. — Мертвые веки приподнялись и опустились. — Душа для меня не значит ровным счетом ничего. — Несчастливая земноводная моя сестра опять моргнула. — Но вот инстинкт всегда и очень верно подсказывает мне, куда направить свои деревянные стопы. Потому я и пришел сюда забрать твой золотой ключик.

Я вынул ее из аквариума, осторожно положил на пол. Придя в себя, она поползла в угол.

Я погрузил пальцы в теплый белый песок, тщательно перекопал его, потом ощупал дно игрушечного озера, выложенного плоским голышом, потом свернул серый камень и под ним, в уютном углублении, наконец нашел то, что искал: маленький ключ.

Он был далеко не золотым. Это был просто хромированный ключик с запаянной в красный пластик круглой плоской головкой. В полукруге лунки над длинным жалом ключа на металле был выбит шестизначный номер. Я сунул его в карман и медленно, словно опасаясь налета невидимой, но смертельно опасной кессонной болезни, вышел на поверхность.

Мальвина на кровати начала подавать признаки жизни.

Я тихо покинул дом, перелез через забор, завел свой «Урал».

Но прежде чем уехать, я прилег на холмик, пошарил по нему рукой и нащупал ягоду, казавшуюся мне весь этот долгий солнечный день такой сочной и спелой. Я сорвал ее, сунул в рот. На вкус она оказалась совершенно пресной, суховато безвкусной.

8

«Тебе звонили, — сказала она губами. — Два раза».

— Спасибо. — Я уселся за стол на кухне и, наблюдая за тем, как она хлопочет у плиты, опрокидывая из маленькой кастрюльки в шипящую, пофыркивающую раскаленным маслом сковородку желтую, опушенную светлой пеной омлетную болтанку, вдруг отметил про себя, что в ее внешности проявился свежий мотив, на который я поначалу не обратил внимания.

Она была в фартуке.

Это был обычный невзрачный кухонный фартучек из тех, какими торгуют бабушки в подземном переходе, — скорее всего, там она его и купила по случаю за бесценок — прямоугольный нагрудный клапан на завязках, пара тонких тесемочек, связанных бантиком сзади на талии, полукруглый кармашек на переднике с вытканым на нем пышным цветком, похожим на георгин, но он так ладно и естественно сидел на ее хрупкой фигурке, что казалось, будто она просто родилась в этом незамысловатом наряде домохозяйки.

— Тебе очень идет, — сказал я, пригнувшись к пышно поднявшемуся и дышащему горячим паром омлету. — Я уже и забыл, когда в последний раз видел на этой кухне женщину в фартуке.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Ни прежние мои подружки, ни Голубка, ни те, кто появлялся на этой кухне после нее, фартуков не носили.

— Да, кстати... Откуда ты знаешь, что я люблю омлет с сыром?

Она пожала плечами с таким видом, будто мои вкусы были ею впитаны с молоком матери, присела на краешек табуретки и, уложив ладони на колени, улыбалась глазами, наблюдая за тем, как я ем, а потом легким жестом вспорхнувшей с колена руки остановила мой порыв убрать за собой со стола, сгрузила грязную посуду в мойку, пустила воду, а я, закулив, привалился к стене, в блаженной полудреме наблюдая за тем, как шевелятся под майкой ее лопатки вслед за движениями рук, споласкивающих тарелку.

— А кто звонил? — спросил я и тут же прикусил язык.

По счастью, она стояла у мойки спиной ко мне и не видела на моих губах этого вопроса.

— Извини, — пробормотал я, целуя ее в шею.

«Наелся?» — спросила она глазами, вздрогнув от прикосновения моих губ и косо глянув на меня через плечо.

— Конечно. Если ты так будешь меня кормить, я очень скоро стану толстым, солидным и красивым. Так говоришь, мне звонили?

Она опустила ресницы.

Звонили Отар и Малахов. Отаров голос первым остался на автоответчике, поэтому я решил начать с него.

— Какой у вас счет в схватке? — спросил я, когда в трубке возник его хрипловатый голос, но смысл приветственной фразы тут же растворился в плавающем звуке необъятного, исполненного сладкой истомы зевка.

— Ты о чем это? — осведомился он, отзевав и прокашлявшись.

— Ты же говорил, что сцепился в смертельной схватке с девушкой, занимающейся борьбой сумо.

— А, вон ты о чем... Нет. Это мне наскучило. Теперь я все больше по части балета выступаю. Ты, Паша, еще помнишь, что такое балет?

— Ну, балет... — раздумчиво протянул я. — Кажется, это что-то такое, что связано с театром. А про театр я все помню. Там есть вешалка. И еще есть буфет с пивом.

— Что ж, выходит, еще не все потеряно, — заметил Отар и тут же соскочил на деловой тон. — У твоих приятелей творится что-то неладное. Под утро был еще один звонок. Судя по обилию inferнальной лексики, оба они на взводе. Она бормотала что-то маловразумительное — про ключи, про то, что все пропало. Он сказал, что немедленно приедет. И еще сказал, что чартер в Анталию в любом случае не отменяется, потому что слишком уж сильно пахнет жареным. Это все. Распечатка нужна?

— Нет, спасибо. И вообще, больше этот номер меня не интересует. Да, кстати... Отправляясь нынче на боковую, ты не забыл надеть пуанты?

— Пошел в задницу.

— Спасибо. Сказать по правде, я уже давненько там сижу.

— И как там?

— Ничего. Жить можно.

Малахов оставил номер своего телефона. Я перезвонил.

Трубку снял обладатель приятного, с хрипотцой голоса, в котором улавливались типично казарменные интонации. Двумя короткими выпадами — «Что?», «Кого?» — моментально оборвав витиеватую вязь моих приветственных реверансов, он бросил: «Ждите!» — и пропал, растворившись в приглушенном гуле каких-то голосов, долетавших до микрофона уложенной на стол трубки. Спустя полминуты на его месте возник Малахов.

— Это служебный телефон? — спросил я. — Вроде сегодня воскресенье.

— Ты полагаешь, что у наших клиентов бывают выходные?

Я грустно усмехнулся.

— Что такое? — спросил Малахов, не уловив, как видно, смысла моего ответа.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Да так. Вспомнил девиз фирмы, в которой я тружусь.

— Девиз? И какой же? Приходите к нам на кладбище — и пусть весь мир отдохнет? Воспользуйтесь нашими гробами — они сделаны с умом? Упокойтесь с миром — и ваши волосы станут мягкими и шелковистыми?

— Да нет. Моя патронесса не устает повторять: у смерти не бывает выходных. Некоторое время он молчал.

— Мудрое замечание, — подал он наконец голос. — Я к тебе, собственно, как раз по этому поводу. В твоей лодке не найдется пары свободных местечек?

Мне стало не по себе. Сглотнув горьковатую слюну, я поперхнулся.

— А что такое?

— Это не телефонный разговор. Я тут уже заканчиваю. Так что через полчаса буду свободен. Может, выпьем по кружечке пивка? Ну так как? И где?

Я машинально назвал адрес пивного шатра, в котором когда-то трудился уборщиком.

«Ты опять уходишь?» — спросила она в прихожей, когда я завязывал шнурки кроссовок.

— Да. Такая работа. — Я погладил ее по щеке, она перехватила мою руку, развернула ее ладонью вверх, провела по ней пальцем и что-то произнесла.

— Что? — не понял я.

«Какая у тебя жесткая рука. Вся в каменных мозолях».

Эту фразу она произнесла на какой-то новый, мне еще незнакомый манер — не просто глазами или губами, но будто бы всем лицом сразу, мимически очень подвижным и красноречивым, и вдобавок пояснила ее выразительную пластику витиеватой азбукой пальцев порхнувшей у лица руки, которые складывались в некие мимолетные, живущие лишь мгновение формы: словно вылепливала слова из воздуха.

— Что поделывать. Работа такая — жить у реки, грести.

9

Малахов запаздывал. Послonyaвшись по торговому пятаку перед станцией метро, я зашел под сень шатра, облокотился на край стойки, дожидаясь, пока Таня обслужит двух клиентов с серыми лицами, туго обтянутыми древней и ломкой, словно хрупкий пергамент, кожей и рассеянными, нехваткими пальцами, по которым то и дело пробегали мелкие тремолы похмельной дрожи. Не отходя от стойки, они припали воспаленными картонными ртами к стаканам, моментально опустошили их и после короткой паузы, заполненной блаженным ожиданием прояснения рассудка, потребовали добавки. Вторую дозу они решили вкушать чинно и благообразно, усевшись за столик и вывалив на него из карманов мятые кредитки в знак того, что еще не вечер. Проводив их взглядом, Таня глянула на меня, вздохнула и заплакала.

— Ну все, все... — Я ласково потрепал ее по плечу. — Да, я знаю. Слышал.

— Он был, в сущности, неплохой парень, — прошептала Таня, промокая платком глаза. — Черт бы побрал эту жизнь.

— Кто бы спорил...

Глядя на Таню, я вдруг почувствовал, как комок подкатывает к горлу — то ли мне стало жаль Малька, то ли себя с Таней: мы стойко ненавидели этого юркого, проворного паренька, а вот вдруг не стало его, и у нас глаза увлажняются.

— Хозяйка... Налей-ка нам с Павлом Емельяновичем пивка, — раздался за спиной тихий голос Малахова.

Мы взяли по бокалу, уселись на мое любимое место у окошка с откинутым полиэтиленовым клапаном, за которым тек стальной поток Садового кольца. Пива мне не хотелось. Плотная шапка пены, предсмертно шипя, медленно таяла, истончалась и вот, уже осела, не дождавшись прикосновения наших губ, а мы все молчали, тупо наблюдая за ее агонией.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Кому понадобилась моя лодка? — нарушил я затянувшуюся паузу.

Малахов повел плечами, прокашлялся и вместо ответа поднял свой бокал, полюбовался вялой игрой пузырьков в стакане.

— Нынче утром на Ленинградском шоссе всямку разбилась темно-вишневая «ауди», — монотонно и бесстрастно, словно зачитывая синоптическую сводку на ближайший день, произнес Малахов. — Во время обгона вылетела на полосу встречного движения и вцепилась в тяжелый трейлер. В машине были Двое, мужчина и женщина. Шансов у них не было при таком столкновении никаких. Чтобы их достать из груды обломков, пришлось вызывать спасаловку и резать кузов.

— И почему ты мне об этом рассказываешь?

— Да так... — Малахов неопределенно повертел кистью у лица. — Просто подумал, возможно, это будет тебе интересно.

Я сделал два больших глотка, потому что во рту вдруг возникло то мучительное послевкусие, какое, наверное, способна оставить незрелая хурма, приправленная речным песком.

— Документы сохранились?

— Это да... В отличие от их владельцев. С женщиной ты, насколько я понимаю, был достаточно близко знаком. С ее мужем — только заочно. С этим обстоятельством я бы его поздравил, да теперь уж поздно. Ему уже все равно.

— С каким обстоятельством?

— Да с тем, что он имел счастье не свести с тобой очное знакомство. Я ведь тебе уже как-то говорил... Временами ты бываешь опасен для общества.

— Кстати, Малахов. Если ты думаешь, что знакомство с тобой может оставить в душе человека бездну приятных воспоминаний, то сильно ошибаешься.

— Что такое? — насторожился он, подавшись вперед.

Я живо припомнил славную ночную милицейскую пирушку, за которой наблюдал через решетку «обезьянника», и поделился воспоминаниями о нашем трогательном общении, между делом набросав эскизный портрет паркетного мента, моментально сделавшего — не хуже почуявшей добычу легавой — стойку при одном упоминании имени Малахова.

— Знаю такого, — мрачно кивнул Малахов. — Он не так давно в управлении. Талантливый парень. В том смысле, что умеет держать нос по ветру.

— И что этот ветер несет на хвосте?

— Да ничего, кроме старой народной мудрости. Не стоит против ветра писать.

— Мы, кажется, ушли в сторону от темы.

— Да. Так вот. Судя по тому, что среди вещей той несчастной парочки обнаружены загранпаспорта и авиабилеты до Анталии, они собирались отдохнуть на море. Наверное, опаздывали на самолет, и вот на тебе. Что ж, такое бывает.

— Уж мне-то не рассказывай. Я знаю. Среди пассажиров моей лодки таких несчастных, нашедших смерть на наших дорогах, — каждый второй.

— Но вот что странно, — продолжал Малахов, тускло глядя сквозь меня и при этом делая вид, что пропустил мою реплику мимо ушей. — В их вещах не нашлось никаких ключей. То есть вообще никаких. Ни квартирных, ни гаражных, ни каких-либо еще. Чудно, правда?

— И какое это имеет отношение ко мне?

— Да нет, я просто так... — Он откинулся на спинку пластикового стула и забросил ногу на ногу. — Просто мне кажется, что один ключик они должны были иметь при себе. Знаешь, такой маленький ключик с номером. Но его мы не нашли.

С минуту мы молчали, наблюдая за тем, как за соседним столиком, где устроились двое граждан с серыми лицами, начинается вялая перебранка, вызванная тем, что один из них, закидывая ногу на ногу, основательно покачнул стол и выплеснувшееся из стаканов пиво подмочило несколько десятирублевых купюр.

— Знаешь что? Давай сейчас прошвырнемся до магазина, — предложил я. — Тут

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

неподалеку есть душевная продуктовая точка. Она носит аппетитное название «Кураре».

— Да ну, — отмахнулся Малахов. — Яды в нашем деле давно вышли из моды.

— Я имел в виду яд крепостью под сорок градусов. Что-то наш разговор мне начинает напоминать тот, в котором без бутылки, как говорят в народе, не разобраться.

— Ой, нет, слишком рано. — Малахов потянулся, сладко, зевнул, и в глазах его возникло то мутное и бессмысленное выражение, какое расплывается в Глазах человека, вдруг безнадежно потерявшего нить разговора. — О чем, бишь, мы толковали? Ах да, я хотел рассказать тебе одну историю. Жили-были два хороших приятеля, друга не разлей вода. Назовем их условно Петя и Ваня. Учились на одном курсе в институте международных отношений.

— Дети происходили из элитных, как теперь принято выражаться, семейств?

— Это было давно, — отрицательно мотнул головой Малахов. — В те времена таких понятий не было.

— Значит, это было до рождества Христова.

Он досадливо махнул рукой:

— Говорю же, давно было... Тебя еще на свете не было. И меня, кстати, тоже. Ну вот. И так уж случилось, что оба были влюблены в одну девочку из своего класса. Девочке они оба нравились. Но в конце концов она отдала предпочтение Пете. Они поженились, родили мальчика, потом, когда он немного подрос, уехали на работу за границу. Ваня, кстати, тоже. Только трудились они по разным ведомствам. Петя — по мидовскому, третьим секретарем посольства. Ваня формально тоже, поскольку имел статус атташе по культуре, но по сути был сотрудником совсем другого департамента, ты, наверное, догадываешься какого.

— Да-да, — кивнул я. — Не иначе как он представлял за рубежом наш советский райпотребсоюз.

— Что-то в этом роде. Когда мальчику было семь лет, его отец погиб в автокатастрофе, и они вернулись с мамой домой. Им поначалу трудно пришлось, у мамы не было никакого образования, и она устроилась в детский сад нянечкой. А дядя Ваня продолжал трудиться в далеких краях и дорос до степеней известных. И вот в один прекрасный день нянечка получила денежный перевод. Эти переводы приходили с тех пор каждый месяц, пока мальчик не подрос и не поступил в университет.

Он умолк, и его глаза начали влажно поблескивать, будто подернувшись пленкой жидкого стекла.

— Он хороший мужик, — тихо заметил Малахов. — Вполне мог занять место моего отца. Все это время он любил мать.

Я молчал, пока еще не вполне понимая, к чему мой собеседник клонит.

— Ты хочешь спросить, к чему это я тебе рассказываю? — подал он наконец голос.

— Считаю, что уже спросил.

Он взглядом указал на соседний столик. Отмитинговав, мужички занялись очисткой и просушкой подмоченных десятков. Тщательно промокнув влажную купюру бумажной салфеткой, они встряхивали ее, проветривая, перед тем как аккуратно выложить для окончательной просушки на сухой край стола.

— Да вот к этому, — усмехнулся Малахов. — К тому, что в отмывании дензнаков от приставшей к ним грязи есть свои тонкости.

— И дядя Ваня их знает?

Малахов перекрестил взглядом пространство шатра, и глаза его начали оживать, вытаскивая из прохладной слюды стеклянной поволоки.

— Ты не догадываешься, как могли до последнего времени существовать компартии в Европе и вообще по всему миру? С их штаб-квартирами, газетами и всеми прочими структурами.

— Ну, разумеется, на наши деньги.

— Разумеется. Но ты ведь не думаешь, что те дела просто делались. Ну вроде того, что пришел курьер на Старую площадь, взял мешок с долларами, поехал в Шереметьево, сел в

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

самолет, прибыл, скажем, в аэропорт Орли, а оттуда прямиком на такси до штаб-квартиры нужной организации: привет, ребята, я Санта Клаус, привез вам в своем сказочном мешке подарки к Рождеству.

— Не думаю.

— Так, уже неплохо. Конечно, все было не так. Но если как-то по-другому было, то, значит, существовали люди, которые обеспечивали каналы, по которым эти деньги поступали.

— И каким боком это относится ко мне?

— А таким, что в числе схем, по которым двигались деньги, были и комбинации с бриллиантами.

— Так ты хочешь сказать, что человек, всю жизнь любивший твою мать...

— Да. Он долгое время сидел в Амстердаме. Мелкий, почти незаметный на огромном тамошнем рынке коммерсант. Потом, когда пришло время, он повесил на свою лавку таблицу «Временно закрыто» и отбыл в круизное плавание по Балтике, выбрав маршрут с заходом в Ленинград. Ну и, как ты понимаешь, одного пассажира при отплытии из Ленинграда группа голландских туристов недосчиталась.

— Это было давно.

— Ну, во-первых, не так уж и давно. Во-вторых, такого рода связи не ржавеют и каналы не засоряются. Главным образом потому, что у массы людей до сих пор есть потребность в таких каналах. Дядя Ваня ушел на покой, однако к нему время от времени обращаются с просьбами помочь в такого рода делах. Но он всякий раз жалуется на память — с возрастом она слабеет, это естественно. Впрочем, как мне кажется, есть способ его память оживить — при определенных обстоятельствах.

— При каких?

— Если с такого рода просьбой приду к нему я.

10

Флюиды щемящей тоски, растворенной в шатком и зыбком — словно миражные колыхания раскаленного пустынного воздуха у иллюзорного горизонта — пространстве сослагательного наклонения, я уловил на лице уже в тот момент, когда Малахов свернул на тенистую аллею дачного поселка и сказал, что мы приехали. Справа по ходу тянулся деревянный забор в мундире цвета хаки, который, возможно, и выглядел бы вполне образцовым, когда б в его выправку не вкралась помарка в виде каверзного «если бы».

Если бы не пошедшая волдырями краска на мундире, да если бы не впечатление, что выстроенные когда-то в прежние времена по стойке «смирно» заборные рейки утомились каменеть в шеренге и слегка расслабили левое колено, разрешив себе команду «вольно!».

И обитающего за забором человека можно было бы издалека принять за старого доброго сказочника, посиживающего в слабо поскрипывающем кресле-качалке на тенистой веранде крепкого, с основательной деревенской выправкой, бревенчатого двухэтажного дома. Покачиваясь, он поглаживал дремлющую на укрытых шотландским пледом коленях кошку, в этой сонной дреме с ней соединяясь, и отдыхал от своих сказкослагательных трудов, сквозь неплотно прикрытые веки следя за низким волнистым полетом трясогузки над извилистой тропкой, петляющей меж старых и утомленных свинцовой тяжестью пышных лап елей, разбредшихся по обширному абрамцевскому участку, в избыточной затененности которого было что-то тревожно сумрачное, диковато таежное. Однако голубоватого оттенка полусвет, блуждавший меж старых деревьев, был согрет тем здоровым внутренним теплом, какое свойственно дыханию всякого живого организма: собственно, это был клочок огороженного высоким глухим забором живого, не тронутого порубками леса, почти совсем истребленного на соседних участках с тем, чтобы выгородить место под солнцем для какой-нибудь худосочной грядки, плешивой цветочной клумбы или пляжной полянки с надувным бассейном, пластмассовым столиком и отбежавшим чуть в сторону мангалом.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Он, здесь живет постоянно, почти круглый год, — пояснил Малахов, когда мы прошли на участок через калитку. — И редко выбирается в город.

— Я его понимаю, — сказал я, вдыхая теплые запахи леса.

Малахов открыл ворота, вкатил на участок свои белые «Жигули», поставил их под навес слева от въезда и приветственно помахал рукой в сторону открытой веранды. Согнав с коленей кошку, хозяин поднялся и, оставив плед покачиваться в кресле, чуть развел руки — жест прозвучал мягким, ненавязчивым аналогом тривиального восклицания «Сколько лет, сколько зим!» — и избавил их от необходимости обниматься, расцеловываться и произносить какие-то случайные слова.

В его круглом, здорового оттенка, лице стояла мягкая улыбка — он, видимо, относился к тем редким людям, которым дано улыбаться как бы всеми чертами лица сразу: россыпью, мелких морщинок у глаз, блужданием мягкой ямочки в пухлой щеке, шевелением пышных седых бровей. Потому-то он и напомнил мне при первом взгляде доброго сказочника, однако чем ближе мы подвигались к веранде, на крепкие перила которой он опирался, поджидая нас, тем больше первое впечатление рассеивалось в миражной несбыточности сослагательного наклонения: если бы... Если бы не его светлые, умные глаза, которые никак не отзывались на улыбочиво приветливые игры лица, — глаза были прохладны, внимательны, цепки и, казалось, глядели сквозь тебя.

— Как это мило с вашей, юноши, стороны навестить старика, — сказал он, пожимая нам руки.

— Да брось ты, дядя Ваня, — улыбнулся Малахов. — Какой ты старик. Нам бы в ваши годы так выглядеть.

— А вы ведите здоровый образ жизни. И не пейте много водки. Не курите. Не отягощайте себя воспоминаниями. Не смотрите телевизор. Не читайте натошак российские газеты.

— Но ведь других-то нет, — возразил я хрестоматийной цитатой, и она отозвалась в его холодных глазах едва уловимой вспышкой какого-то лукавого чувства, на мгновение замутив его сквозящий через меня навывлет взгляд.

— А вот никаких и не читайте, — улыбнулся он ртом и кивнул на стоявший в углу веранды стол, на котором попыхивал настоящий ведерный самовар. — Вы, юноши, ко времени. Сейчас чай пить будем.

Мы уселись за стол. Хозяин заварил чай, потом, выждав время, разлил его по чашкам.

— Так в чем, юноши, состоят ваши проблемы? — спросил он, глядя на то, как прозрачный дымок парит над чашкой. — Вы ведь не затем наведались к пенсионеру, чтобы обсудить виды на дачные урожаи кабачков?

— С чего ты взял, что у нас дело? — притворно изумился Малахов.

— Дети мои... — нараспев протянул дядя Ваня, откидываясь на высокую спинку своего стула, и взгляд его несколько потеплел. — Вы собираетесь водить за нос человека, полжизни прошедшего в шкуре нелегала?

— Извини, дядя Ваня, извини, — потупился Малахов. — Просто нужна твоя консультация.

Малахов коротко изложил суть дела, связанного с «пенсионным фондом» Аркадия Евсеевича, опустив, впрочем, утренний эпизод с печальным финалом организатора приватного фонда.

— Так какого рода консультация от меня требуется? — прищурился дядя Ваня.

— Ну какая... — неопределенно протянул Малахов. — Как бы ты действовал на месте человека, который вдруг оказался в курсе такого дела и получил бы невзначай доступ к банковскому сейфу?

— Это настолько для тебя важно? — спросил дядя Ваня после долгой паузы.

— Думаю, да, — кивнул Малахов.

— Думаешь или в самом деле?

— В самом деле.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Вот это другой разговор, — поощрительно закивал дядя Ваня. — Расслабьтесь, юноши, за этим столом вы можете называть вещи своими именами. И потому хочу предупредить сразу: люди, работающие в мировой столице бриллиантов, дерут за свои услуги драконовские комиссионные.

— Бог с ними, — вставил я. — Пусть хоть все заберут. И оставят немного на обратный билет. Деньги — не самое важное.

— Вон как? — приподнял он брови. — А что тогда важно?

— Да знаете... За державу обидно.

Он некоторое время испытующе разглядывал меня, склонив голову к плечу.

— Знаете, а мне ведь тоже обидно... — Спohватившись, он всплеснул руками. — Да ну вас, юноши! Чай простывает. Давайте чаевничать. И не спеша за чайком обсудим дела наши скорбные.

Он аппетитно почмокал губами, дегустируя первый глоток, потом потянулся к сахарнице, извлек из нее каменно прочный кусок сахара, походивший на многогранный мраморный сколок, взвесил его в руке, потом серебряными щипчиками отколол от монолита кусочек, положил его в рот, сделал большой глоток и, прикрыв глаза, замер, наслаждаясь, как видно, тем, как кусочек сладкого мрамора медленно тает на языке.

Посасывая сахар, он перебрoсил быстрый взгляд с меня на Малахова и спросил:

— Мы рассуждаем чисто гипотетически? В пространстве, так сказать, сослагательного наклонения?

Мы согласно покивали.

— Ну, в таком разе я бы... — Интонационно нагрузив частичку «бы», он медленно облизнулся и, пригубив чай; поморгал. — Я бы первым делом обзавелся совершенно безупречной рекомендацией.

Он помолчал, дожидаясь наших кивков, — мы кивнули.

— Далее. По прибытии в мировую столицу алмазов я бы... — он опять оттенил красноречивой паузой условия нашей сослагательной игры. — Я бы в аэропорту Спинхол сел на автобус компании KLM и доехал бы на нем до Центрального вокзала. И хорошенько бы присмотрелся к этому роскошному зданию, выстроенному еще в последней четверти прошлого века, — оно нам еще пригодится для дела. Потом я направился бы по проспекту Дамрак, миновал Музей пыток и так продвигался на юг — до тех пор, пока толпа празднующей публики не вынесла бы меня в сердцевину Старого города, на центральную площадь Дам. Оттуда уже рукой подать до квартала «красных фонарей». Справедливости ради я бы назвал этот милое место, где можно купить любовь на любой вкус, кварталом «розовых витрин» — девушки стоят там в такого оттенка витринах. Но это так, к слову... Девушки меня, сказать по правде, давно не волнуют, а заглянуть в этот экзотический уголок города меня заставило бы то простое обстоятельство, что на окраине этого квартала есть симпатичная гостиница, называется она «Winston Hotel». Место уютное и недорогое, номер встанет не более пятидесяти долларов за ночь. Устроившись, я бы вернулся к Дам, свернул на улицу Вормеострат и через нее выбрался на проспект Рокин, поглазел в витрины всемирно известного ювелирного салона «Даймонд» — это такой Алмазный фонд в миниатюре, — а потом свернул бы на Лейдстрат. На этой улочке расположено великое множество антикварных и сувенирных магазинчиков, но мне предстояло бы отыскать один-единственный, он называется «Хансен», и в его витрине выставлена миниатюрная копия типичной голландской ветряной мельницы. Я зашел бы в лавку, поглазел на витрины, купил для порядка скромный сувенир, например пару деревянных башмаков-кломпов, и потом спросил бы хозяина, господина Хансена. Смею вас уверить, это милейший во всех отношениях человек, так что — ежели при вас рекомендации — он проведет вас в свой кабинет и осведомится, чем может быть полезен.

Он замолчал, глядя себе в чашку.

— И что бы дальше? — тихо поинтересовался Малахов.

— Будь я на месте того человека, я открыл бы чемоданчик, — улыбнулся всем лицом

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

дядя Ваня, оставив, впрочем, по обыкновению, вне этой игры свои прохладные глаза.

— Только и всего? — спросил я.

— Ребята, я просто пью чай, и не более того. — Он опять потянулся к сахарному монолиту, отколол от него сладкий кусочек, отправил в рот, запил чаем, и так он неторопливо, чинно, с толком и расстановкой, в течение никак не меньше получаса блаженствовал, не спеша вводя нас в курс дела, а потом, шумно выдохнув в знак завершения долгой чайной церемонии, откинулся на спинку стула и, сцепив замком сошедшиеся на животе тонкие пальцы, саркастически глянул на меня.

— Вот так, ребята. Как говорится — если бы, да кабы, во рту выросли б грибы.

Я опустил глаза, пытаюсь отложить в памяти воображаемую карту воображаемого города и нанести на нее воображаемые пути следования. Значит, так. Товарищ Хансен, ознакомившись с содержимым чемодана, возможно, согласился бы свести тебя с человеком, имя которого несущественно. Тот — не исключено — согласился бы взглянуть на содержимое чемоданчика из сейфа. Возможно, он счел бы нужным оценить это содержимое и назвать тебе цену. А засим раскланяться и исчезнуть с глаз долой. Окажись ты — ну, разумеется, чисто гипотетически — на месте обладателя чемодана, тебе следовало бы на следующий день направиться на Центральный вокзал, положить чемодан в ячейку камеры хранения, вернуться в свою гостиницу и направиться в бар. Там к тебе — не исключено — подойдет некий новый персонаж и, вежливо осведомившись о состоянии твоего здоровья, погоде и впечатлениях от города, назовет номер банковского счета. Оставив на столике нетронутый бокал с пивом, он откланяется, а ты теперь должен решать, держать ключик от камеры хранения при себе или же поместить его в более надежное место. Дядя Ваня — ну, разумеется, БЫ! — сходил в такой ситуации на почту, купил бы конверт, погрузил бы в него ключик и, написав на конверте адрес отеля и имя получателя, опустил бы его в ящик. Потом он прошелся бы по улицам, посидел бы разнообразия ради в кафе — разумеется, в обычном, так называемом «коричневом», потому что в так называемых «белых» собираются исключительно гомосексуалисты и лесбиянки, — вернулся бы в гостиницу и не слишком удивился бы, обнаружив в своем номере пару обаятельных джентльменов, мирно сидящих на диванчике. В такой ситуации не стоило бы делать резких телодвижений, а просто составить им компанию, присев на диван и плеснув себе в стакан что-либо, на свой вкус, из мини-бара. Лучше бы просто содовой. Следовало бы приготовить себя к тому, что в компании джентльменов придется провести какое-то время, возможно, целый день, разговаривая о посторонних интеллигентных предметах, да вот хотя бы о впечатлениях от посещения Музея эротики. Наконец, по истечении пары часов, следовало бы поднять телефонную трубку и связаться с «Амстел-бэнк», где существует счет, номер которого тебе сообщил случайный знакомый из бара отеля. И продиктовать номер счета. Такой счет в нашем банке открыт, сообщит тебе клерк, и больше он не произнесет ни слова до тех пор, пока ты не подтвердишь свои полномочия, назвав определенный код в виде шестизначной цифры. О'кей, отзовется клерк, и что вас интересует? Сумма. Сумма такова, сообщит он. Ты сопоставишь ее с той суммой, что была названа оценщиком — разумеется, делая поправку на комиссионные: и банковские, и посреднические. Если остаток тебя устраивает, следовало бы поблагодарить клерка за любезность и попросить оказать тебе еще одну услугу. Все, что в наших силах, наверняка ответят на том конце провода. Ты просишь перевести деньги со счета на два других, тоже номерных, — предположим, в каком-нибудь парижском банке, швейцарском или любом другом хранилище денег, причем лучше, чтобы оно обладало солидной репутацией. Останется только ждать. Потом следовало бы связаться с банками, счета которых ты назвал для перевода средств из Амстердама. Вот и все. В компании с двумя джентльменами ты спускаешься в ресепшн, забираешь письмо, отправленное экспресс-почтой на собственное имя, и отдаешь его своим спутникам. Они берут ключик, покидают вместе с тобой отель, садятся в машину, и вы катите на Центральный вокзал, изымаете из ячейки заветный чемоданчик, джентльмены проверяют его содержимое. Все на месте, спасибо, с вами приятно было иметь дело, адье. И вам спасибо, господа, вы имеете

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

счастье жить в воистину прекрасном городе, гуд-бай.

— Все не так уж и сложно, — подумал я вслух.

— Что, простите? — спросил дядя Ваня.

— Если опять-таки следовать в духе наших гипотетических предположений... Ну скажем, так. Предположим, что постояльцу гостиницы «Winston Hotel» придет вдруг в голову, извините за жаргон, «кинуть» своих партнеров по сделке. Это ведь несложно. Тут напрашиваются два варианта. Во-первых, дождавшись подтверждения о переводе средств из Амстердама, он может прямо на месте предпринять нечто экстравагантное — с тем, чтобы покинуть гостиницу не в компании двух джентльменов, а в одиночестве. И вот в таком гордом одиночестве спуститься в ресепшн, взять конверт, поехать на Центральный вокзал и забрать из камеры хранения свой чемодан. Оставшись, так сказать, при своих да плюс к тому заимев круглую сумму на счетах. Или второй вариант. Соблюсти правила приличия, никого не бить по голове в своем номере. А дожидаться, пока они извлекут чемодан из ячейки и обнаружат, что он набит, скажем, грязным бельем.

Дядя Ваня тихо рассмеялся и покачал головой:

— Ну, во-первых, это джентльменские дела, ни разу в моей практике никто никого «кинуть», как вы выражаетесь, не пытался. Почему? Да просто потому, что такого рода сделки крайне выгодны обеим сторонам. Уже хотя бы в силу того обстоятельства, что они обходятся без лишних бумаг, налоговых деклараций и прочей макулатуры. А во-вторых... Либо вы — в первом вашем варианте — просто не выйдете из своего номера. Либо потом, когда они не обнаружат в чемодане того, что ожидали, ваш труп спустя какое-то время выудят из канала... Еще чайку? Нет? А я выпью.

Он налил себе полчашки, неторопливо выпил, поднял на меня глаза:

— Что-то не так, юноша?

— Да нет, что вы... Просто вы лакомитесь чаем вприкуску с таким видом, будто поедаете, как минимум ананасы в шампанском.

Он искренне расхохотался:

— Знаете, молодой человек... Там, где я провел полжизни, ананасов в шампанском было навалом. Но все эти годы мне нестерпимо хотелось вот именно этого. — Он отколол еще кусочек от сахарной глыбы, погрузил его в рот, запил чаем и, откинувшись на спинку стула, прикрыл глаза.

Пора было откланиваться. Мы спустились с веранды, пошли по тропке к навесу, под которым стояла машина.

— Эй, молодые люди, минутку! — окликнул он нас, когда Малахов уже вывел «Жигули» на дачную аллею и запер ворота.

Мы вернулись. Он сидел в прежней позе, потом медленно приподнял красноватые веки.

— Если у вас вдруг возникнет охота — ну, разумеется, из чисто языковедческих соображений — заняться проблемой перевода сослагательного наклонения в наклонение изъявительное... — Он помолчал. — Заезжайте к старику.

— Хорошо, — кивнул я. — Что вам привезти к чаю?

— Кускового сахара. Он почему-то по теперешним временам стал редкостью.

Глава шестая

1

Это была трезвая мысль — прямо за воротами дачной территории свернуть направо и выбраться на обрывистый берег сонной речушки, катящей свои мутноватые желтые воды всего в пяти минут хода от поселка, во всяком случае, Малахов, привалившись плечом к дверце с опущенным стеклом с тем расчетом, чтобы встречный ветерок обдувал подернувшееся потовой пленкой лицо, принялся вслух размышлять о том, как было бы

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

здорово сейчас, в самой сердцевине раскаленного зноем дня, окунуться, поплавать, а потом поваляться на траве в тени прибрежного кустарника и, может быть, даже немного вздремнуть на свежем воздухе.

Я было поддался искушению, встряхивая влажную от пота майку, однако упоминание про вальяжное лежание на берегу слегка встряхнуло мою профессиональную совесть, напомнив, что Харон и так живет у реки, удушливые испарения которой желтоватыми клубами смога подтапливали жидкую голубизну неба у горизонта; не только живет, но и временами работает, и потому у него нет иного выбора, кроме как вернуться к тем далеким берегам, что смутно маячили за тянущимися по правой стороне дороги полями, главным образом затем, чтобы забрать свой стоящий на приколе у одного из павильонов ВВЦ челн и отвести его в тихую заводь перед пряничным домиком, поскольку траурная выставка «Некрополь» закрывалась.

— На ВВЦ так на ВВЦ, — нехотя согласился Малахов. — В крайнем случае там тоже можно искупаться. В фонтане «Дружба народов» или как он там называется... Ну, где по центру стоят золотые бабы со снопами золотой пшеницы и еще какие-то труженики то ли полей, то ли прокатных станов.

Я поймал себя на мысли, что сам не помню, кто именно стоит там в огромной каменной чаше, отгородившись от публики тонкой стеной водяных брызг.

— Малахов... — подал я голос, когда мы вырулили на трассу.

— Да, — сумрачно отозвался он, не отрывая взгляда от дороги, однако я понял, что он уловил в моей интонации настрой на какую-то новую тему.

— Зачем ты это делаешь?

— Что это? — Он откашлялся и сочно сплюнул в открытое окошко. — Веду машину с превышением скорости? Поплеываю на дорогу? Любуюсь пейзажами?

— Брось. — Я осторожно тронул его за локоть. — Ты же прекрасно знаешь, о чем я.

— Зачем я привез тебя сюда? — Он невесело усмехнулся. — Знаешь, мне ведь тоже за державу обидно. И еще. Я не вижу из создавшейся ситуации никакого выхода. Совершенно никакого. То, чем я занят... Ну, не только я, но и еще достаточное число нормальных, приличных людей в нашей конторе... В сущности, все это лишено смысла.

— Но ведь вы же кого-то вечно ловите, сажаете на нары.

— Да брось ты... — отмахнулся он. — Кого? Мужика, который спер кусок медного кабеля, потому что в его рабочем поселке нет работы, а семья зубы с полки не снимает? — Он покивал. — Да! Вот его ловим и сажаем — года на два — за кусок металла. Бабку ловим, которая стырила со склада авоську с картошкой. Пацана, который решил выпендриться перед девочкой и угнал из двора раздолбанную тачку, чтобы погонять по ночным улицам? Этих — да, ловим и сажаем. Знаешь, сколько у нас таких бедолаг мается по тюрьмам? Но по уму на их месте должны сидеть совсем другие люди. Вроде твоего приятеля Астахова.

— Он не мой приятель, — равнодушно вставил я.

— Да это я так, к слову! — Малахов в сердцах саданул кулаком по рулевому колесу, и я заметил, что он начал заводиться. — Хрен с ним, твоим приятелем и всем его маленьким сыскным гестапо... Он-то особенно не ворует, у него другая специализация. А вот патрона его я бы с удовольствием переселил поближе к параше. Да только все это нереально. Это граждане вне всяких подозрений.

Мы некоторое время молчали, тупо глядя на дорогу.

— Я ведь не первый год замужем, Паша. И давненько уже в нашей конторе на службе состою, всякого повидал. И теперь твердо знаю, что есть всего один способ призвать этих граждан вне всяких подозрений к порядку. — Он задумался о чем-то своем, потом тряхнул головой и хохотнул, покосившись на меня. — Кстати, ты как-то в нашем разговоре про этот способ упоминал.

— Да? — спросил я, хотя догадывался, что он имеет в виду.

— Да! — тяжело вздохнув, кивнул Малахов. — Мочить. Где накроем, там и мочить. В сортире так в сортире. На банкете в «Президент-отеле» так прямо — в блюде со свежими

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

устрицами. В сауне так в сауне. Только так. Иного не дано.

— Ну это ты хватил, товарищ мент, — притворно возмутился я. — Так нельзя. Вот, например, товарищ Сухой. Он был, если я верно тебя понял, простой, нормальный советский человек. И не его вина, что вдруг настали времена... Иные времена — иные песни. Люди меняются. Кстати... Зная — хоть и понаслышке — о том, насколько тщательно работают люди с Лубянской площади, у которых ты черпаешь информацию, я б рискнул предположить, что тебе о бывшем заведующем хозяйством в академии много чего еще известно. Вплоть до того, наверное, не писался ли он, будучи в нежном возрасте, в постель.

— Ну, по части этого деликатного предмета ничего существенного тебе сообщить не могу, — усмехнулся Малахов. — Настолько глубоко коллеги не копали... Однако вот что у него были какие-то проблемы в школе — и его даже будто бы собирались исключать — это мне известно.

— В школе? — искренне изумился я. — А что такое? Его застали в момент подглядывания за девочками, которые переодевались в раздевалке к уроку физкультуры? Или он осквернял двери туалета откровенными рисунками? Или, будучи пионером, не отдал честь, проходя мимо бюста Ленина?

— Что там у него были за проблемы, я не знаю. Но раз этот факт фигурирует в его досье, значит, мальчик позволял себя шалости далеко не самые безобидные.

— Не иначе как мальчик учился в специальной школе для особо одаренных детей, — заметил я, закуривая.

— Да нет, в самой что ни на есть в обычной, — возразил Малахов и назвал номер.

Я так жестоко поперхнулся дымом, что очень долго не мог откашляться, согнувшись в три погибели и подставляя спину под ритмичные и плотные удары малаховской ладони. Наконец мне удалось худо-бедно прокашляться и выровнять дыхание.

— Слушай, Малахов... Скажи мне прямо. Ты что, решил меня сегодня окончательно доконать?

— А что такое? — нахмурился он.

— Да нет, ничего. Просто, выходит, мы с ним учились в одной школе.

— С чем я тебя и поздравляю, — кивнул он. — Черт, мне страшно не повезло, что я изучал таблицу умножения в другом заведении. Надо бы эту вашу школу взять на заметку. Это просто какая-то уникальная кузница достойных кадров... Странно, что ты не помнишь такого выдающегося ученика.

— Он же гораздо старше меня.

— Ну тогда конечно, — согласился Малахов и умолк, погрузившись в свои мысли, и так он среди них блуждал в молчании всю дорогу, до тех пор пока мы не притормозили неподалеку от метро, откуда мне предстояло пробираться сквозь битком забитые народом проходы между торговыми рядами к главному входу на выставку достижений черт его знает какого хозяйства.

2

«Кадиллак» мрачной монументальной глыбой темнел у входа в павильон, возле которого копошилась пара работяг в синих комбинезонах, прилаживая к широкой стеклянной витрине верхушки высоких лесенок. Наконец это им удалось, и они полезли вверх снимать черный баннер с названием выставки. Я подумал о том, что если, не дай бог, кто-то из них сверзится на крышу моего челна и нанесет ему урон, то взять мне с него будет нечего, как нечего было взять с того бедолаги, который стащил откуда-то кусок мед ного кабеля, чтобы накормить своих детей хлебом, и в результате сел в тюрьму на два долгих года.

— Черт бы побрал эту жизнь, — сказал я, попинав носком ботинка передний левый скат своего дредноута.

— Чего? — отозвался сверху один из работяг.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Да так, к слову пришлось. А что на месте этого траурного знамени появится завтра?

— А хрен его знает. Наше дело маленькое. Снял одну простыню, повесил другую... Да вон она, на бордюре лежит.

Я отошел к каменным перилам прогулочной площадки, на которых было расстелено готовое к водружению в высоту полотнище небесно-голубого цвета, из которого явствовало, что на днях здесь гостеприимно распахнет двери выставка женского нижнего белья, и, стало быть, на месте гранитных крестов, гробов и мраморных ангелов возникнут стенды с образцами интимного туалета, а белолицых барышень в кромешно черных костюмах за стойками сменят смазливые девчата, нанятые затем, чтобы демонстрировать сочно выпирающие из чашечек открытых бюстгалтеров груди и вертеть попками, при взгляде на пикантные округлости которых разве что чей-то воистину прозорливый и пытливый глаз сможет различить надежно укрытую меж персиково пышных ягодич полоску трусиков типа «танго».

— Ну что ж, это по-нашему! — усмехнулся я, проходя в зал, где сонные и утомленно унылые экспоненты копошились в своих кабинках, словно опавшая листва под осенним ветром, и слабо шелестели, собирая и пакуя нерозданные проспекты, стопки прайс-листов и прочее бумажное барахло.

Люка в полном одиночестве сидела на стуле за стойкой нашего стенда, по обыкновению настолько рискованно закинув ногу на ногу, словно уже открывала тут следующую экспозицию.

Я поделился своими соображениями на этот счет, заметив, что белые ее трусики, туго обтягивающие бедро, очень удачно смотрятся на фоне черной юбки.

— Сукин ты, Паша, все-таки сын, — с грустной улыбкой отозвалась она, не сделав и попытки переменить позу.

— Мне что-то не нравится твое настроение, Люка.

— Мне тоже, — кивнула она. — Может, давай напьемся?

— Давай, — согласился я, заходя за стойку и целуя ее в висок. — Но сперва надо отвести в порт приписки наш авианосец.

— Ну так поехали, — сказала она, оправляя юбку.

— А наше барахло? — Я обвел взглядом закуток, в котором, честно говоря, ничего ценного не оставалось.

— Да ну его! — поморщилась она. — Пропади оно пропадом.

— Люка... — Я погладил ее по щеке. — Что-то стряслось?

— В том-то и дело, что нет. — Она подняла на меня свои красивые, влажные глаза и беспомощно, если не сказать — щемяще, улыбнулась. — В том-то и дело. Ничего не случилось. Ничего не происходит. Просто житуха. День за днем, день за днем. Ну так что, напьемся?

— Ага. Впополам.

Садовое кольцо, в русло которого мы вплыли с проспекта Мира, монотонно катило свои тонко шуршащие воды, время от времени приостанавливаясь у шлюзов надземных переходов, которых, хвала всевышнему, осталось не так уж и много. Наш «кадиллак» с плавной неспешностью катил в спокойном, втором справа ряду, словно расталкивая — одним своим монументальным видом — стаи по-воробыиному шустрых попутных «Жигулей», и, должно быть, напоминал линкор в окружении папуасских джонок.

— Слишком плотное общение с коллегами по похоронному цеху скверно сказывается на душевном самочувствии, — заметил я, косясь на Люку, которая продолжала пребывать в прежнем, густо сумрачном настроении.

— Да нет, это как раз не скучно, — вяло отозвалась она. — Иной раз просто обхохочешься.

— А что тогда?

— Да так... Вышла сегодня прогуляться и на центральной площади наткнулась на школьную подружку. — Она надолго отдалась созерцанию своих ногтей. — Едва узнала в

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

этой толсторожей бабище с заплывшими жиром глазами хрупкую девочку с косичками. Хм, надо же... Мы сидели за одной партой. Помнится, она писала стихи. Глупые, конечно, детские — что-то про рассветы, звезды в ночном небе, про любовь. Но все-таки.

— И что теперь? — спросил я, не отрывая взгляда от дороги. — Ее приняли в Союз писателей?

— Она торгует на улице хот-догами.

Я не нашелся, что сказать на это. Никого из своих одноклассников я не видел со времен окончания школы, несколько групповых фотографий, где в две шеренги — одна над другой — выстроены окаменевшие в ожидании вылета из объектива птички худые стройные мальчики и девочки с невинными глазами, я куда-то затерял, и слава богу: сличение тех трогательных в своей наивности и смутной надежде на лучшее херувимоподобных образов с теперешними обличьями прежних друзей оптимизма мне вряд ли прибавило бы.

— Что с нами сделалось такое, а, Паша?

— Не знаю. Это просто жизнь. Но давай лучше оставим этот разговор до первых пары рюмок. Он слишком философичен. На трезвую голову нам эту тему не поднять.

— И то верно.

Мы плавно причалили к шлюзу перекрестка и застыли перед «зеброй», по белым клавишам которой неторопливо потекли отяжелевшие от духоты пешеходы, словно извлекая своей тяжелой поступью из уличной клавиатуры шаркающие аккорды беспросветно унылого мотива; прислушиваясь к нему, я впал в состояние ступора, и лишь требовательное вмешательство Люкиной руки, энергично подергивавшей локоть, вернуло к действительности.

— Ты что, заснул? Давно зеленый дали.

Садовое с почтительной медлительностью обтекало наш дредноут. Я глянул на Люку и сказал:

— Анна Христофоровна!

— Что? — медленно моргнула она. — Кто? Где?

— Конечно, тетя Аня! — Я включил передачу и плавно тронул с места, — Это недалеко. Минут пять ходу.

Кто ж еще, кроме нее, мог знать все про всех: она пришла в нашу школу сразу после института еще, — кажется, в те ветхозаветные времена, когда мальчикам полагалось приходить в классы в форменных гимнастерках, захлестнутых на поясе ремнями, а их бритые головы украшали фуражки; и девочки тогда были строги и непреклонны и прятали свои формы за монашески унылыми покровами глухих темных платьев с белыми передниками. Конечно, тетя Аня, — она веки вечные преподавала русский язык и литературу, была завучем, некоторое время директорствовала, впрочем, незадолго до ухода на пенсию оставила этот хлопотный пост, а заодно и свой учительский стол, перебралась в библиотеку — в пахнущий канцелярским клеем и бумажной пылью сумрак, стоявший меж высокими стеллажами, — и, видимо, доживала бы свой пенсионный век в тех сладких запахах, если б не отпала у нынешнего умного поколения детей потребность в книгах: говорят, библиотеку закрыли, а на ее место переселили компьютерный класс. Тетя Аня, конечно, она — даже в преклонном возрасте она хранила в своей поразительно ясной, прозрачной памяти все названия довольно обширного фонда, имена авторов, библиотечные шифры, но кроме этого хранила все имена и образы тех, кто в положенный срок — кажется, в восьмом и десятом классах — выстраивался в актовом зале в парадные шеренги и напряженно глядел в объектив фотокамеры.

Пристроить «кадиллак» на Садовом — дело почти безнадежное, мы свернули за перекрестком в переулок, пришвартовались неподалеку от особняка, где размещалось какое-то посольство. При въезде на обнесенную глухим каменным забором территорию торчала светло-серая сторожевая будка, обитавший в ней мент выглянул из своего укрытия, окинул нас с Люкой сонным, ословевшим взглядом и покачнулся, уставившись на «кадиллак» с таким выражением, будто в стороне от охраняемой им вотчины посольского

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

паркинга притормозил легкий танк.

— Это всего лишь катафалк, товарищ лейтенант, — сказал я ему. — А в нем лежит покойник. Мы сейчас вернемся, только купим букет живых цветов. Посмотрите, чтоб никто не тревожил покой усопшего.

Люка, воспользовавшись случаем, направилась в магазин пополнять запасы своего холодильника, а заодно и бара. Я вернулся к Садовому, углубился в подземный переход. Тетю Аню нашел на ее месте, возле кабинок, она неподвижно сидела на раскладном стульчике и глядела перед собой.

— Паша, — бесцветным тоном произнесла она, поднимая глаза. — Какая жара.

— Да уж, — кивнул я, присаживаясь на корточки напротив нее. — Тетя Аня, у нас в школе учился один паренек... Я его, разумеется, не помню, потому что он много старше меня. У него несколько необычная фамилия — Сухой.

— Хм, Сереженька... — слабо, одними уголками губ, улыбнулась она, в ее глазах расплылось выражение ностальгически мягкого тепла. — Чудесный мальчик, он так трогательно краснеет, если не выучит урок.

Я вдруг подумал: возможно, ее жизненные силы поддерживает именно вот эта типично учительская привычка удерживать всех прошлых мальчиков и всех прошлых девочек во времени настоящем, хотя многие ведь уже давно перебрались в прошедшее, и удерживать именно в прежних образах — прекрасных, чудесных, трогательных и наивных существ.

— М-да, он определенно мальчик с головой. И очень — я бы даже сказала маниакально — увлеченный...

— Вон как? И чем?

— Помнится, в шестом классе, — она будто не расслышала мою реплику, — мы писали стандартное сочинение на вольную, с программой прямо не связанную, тему...

— «Кем я хочу стать»? — предположил я.

— Да. И я очень хорошо помню его работу.

— А что в ней было такого примечательного?

— Да, собственно, ничего. Просто пара листков, исписанных твердым почерком. И с бездной грамматических ошибок. — Она помолчала, погрузившись в теплую материю воспоминания. — Но суть не в этом. А в том, что меня несколько озадачил его выбор.

Я прикинул про себя варианты, в стандартной обойме статусов и положений, какие могли занимать юношу в те времена. Геолог. Космонавт. Инженер. Врач. Полярник. Учитель.

— А вот и нет! — улыбнулась тетя Аня, угадав ход моих мыслей. — Знаешь, кем он хотел стать? Ни за что не догадаешься.

Мне было наплевать на то, кем он хотел. Другое дело — кем стал. Подумав об этом, я вдруг ощутил легкий толчок привычной боли в левом плече.

— Он хотел командовать праздничными салютами.

Я остолбенел и с минуту пытался сообразить, что бы этот явно выбивающийся из тривиальной обоймы выбор мог означать, наверное, мальчик был в самом деле существом самобытным.

— Ну, на этой почве у него и начались проблемы. Он вечно мастерил какие-то... — она повертела кистью у виска, подыскивая слово. — Какие-то бомбочки, что ли... Знаешь, прежде валидол продавался в маленьких металлических баночках. Так вот он начинал их чем-то взрывоопасным и взрывал на школьном дворе. Нина Валериановна, химичка, говорила, что это, скорее всего, какая-то смесь алюминиевой пыли с марганцовкой. Ну и еще что-то такое мастерил. Я его предупреждала — эти опыты могут плохо кончиться. Так оно и вышло. У нас, помнится, была комиссия из роно, проверяли наглядную агитацию. И вот они зачем-то наведались во двор, где Сережа, как на грех, экспериментировал. И что-то, конечно, в самый неподходящий момент взорвалось. Грохот стоял... — Она прикрыла глаза и покачнулась, приложив руку к груди. — Руководителю комиссии чуть плохо с сердцем не стало. Ну словом, вышел большой скандал, меня затаскали по инстанциям. И Сережу

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

пришлось переводить в тридцатую школу — рабочей молодежи, были прежде такие школы. Ну вот. — Она поправила выбившуюся из-под светлого платка прядку. — А как его судьба дальше сложилась, я не знаю. А ты?

— Хорошо сложилась. Он в порядке. Ладно, тетя Аня, мне пора.

Поспел я в переулок в самый удачный момент, застав там, что называется, немую сцену: мент изумленно таращился на Люку, которая вместо цветов загружала в багажное отделение литровые бутылки виски с черной наклейкой и прозрачный пластиковый пакет с закусками. Низко наклонившись, она старательно устраивала рядом с роскошным гробом покупки, нисколько не обращая внимания на то, что порыв горячего сквознячного ветра приподнял ее юбку, открыв нашим взорам сочную попку во всей ее аппетитной красе.

— Покойный любил в этой жизни всего две вещи. Женщин и выпивку, — бросил я лейтенанту, минуя будку. — И мы просто обязаны отдать долг его светлой памяти.

3

Отдавать долг решено было у Люки, благо жила она в пяти минутах ходьбы от пряничного домика, в массивном, с еще основательной сталинской выправкой, десятиэтажном доме, фасадом выходящем на Садовое и изукрашенном поверху, над линией верхних окон, барельефами с типичными для «большого стиля» сценами вдохновенного труда: в полях, цехах и у чертежных кулманов — четкие профили плоских людей, застигнутых и остановленных неведомым мастером архитектурных излишеств в моменты их летящих порывистых движений. Все, как один, восторженно приподняв просветленные лица, глядели вдаль, словно выискивая в тех туманных далях землю за горизонтом, и, глядя на них, я подумал: если мы чего-то и добились за последнее время, так это того, что воспитали в себе привычку сумрачно глядеть себе под ноги.

Люка поволокла покупки к подъезду, я свернул за угол и дворами выплыл к заветной гавани, по которой нервно курсировало неопределенного возраста бледнолицее существо в надетом на голое тело просторном и крайне поношенном вельветовом балахоне сугубо поэтического фасона, первозданный оттенок которого определить уже не представлялось возможным, слишком коротких, открывавших жилистые щиколотки, джинсах и сандалиях на босу ногу, которые по такой жаре, наверное, и смотрелись бы уместно, если бы их носитель имел обыкновение хоть раз в год споласкивать ноги и остригать ногти. Сосредоточенно почесывая мягкую и жидковатую, неровными островками вспухающую на истощенном лице бороду, существо уставилось на меня и на удивление гулким, глубоким, поразительно объемным, неизвестно как уместающимся в цыплячьей впалой груди, голосом осведомилось:

— Вершительница скорбных дел у себя?

— Привет, Алдарионов, — ответил я, прикрывая дверь лимузина. — Если ты про Люку, то ее нет. Она скорбит в тиши уединения. Но я уполномочен представлять ее интересы. Пошли в офис... А кстати, у нас что, начался месячник творческой интеллигенции? Недавно Бэмби свидетельствовала почтение — от лица мастеров монументалистики. Теперь вот ты — от лица литературы. Выходит, все искусства в гости к нам. Не хватает разве что мастеров балета.

— Да ну их в баню, — прогудел Алдарионов. — Они все педики.

— Я где-то слышал, что среди них встречаются и женщины, — сказал я, когда мы поднялись наверх и вошли в приемную.

— Один черт, — махнул он рукой, окунул ее в висевшую на плече холстяную суму, напоминавшую безразмерный накладной карман без клапана, извлек оттуда бутылку водки и водрузил ее на стол.

— Ого, Костя! И чем ты так воодушевлен? — спросил я, поглаживая ребристый бочок «Гжелки». — Что-то удалось продать? Что именно? Частушки, анекдоты или гимн?

Костю я знаю почти с первого дня работы Хароном и не перестаю им восхищаться.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Когда-то он закончил Литературный институт и с тех пор ударно трудится на литературной ниве, то есть пишет абсолютно все — стихи патетические и лирические, глубокомысленные эссе и критические дневники, частушки и анекдоты, рассказы всех возможных мастей, включая эротические, статьи и заметки в прессу, интервью с представителями бомонда, а кроме того, подхалтуривает в какой-то забавной конторе, которая создает корпоративные гимны. Разумеется, Костя участвовал и в конкурсе на лучший текст нового гимна нашей страны, но весовая его категория в сравнении с мэтрами этого монументального жанра оказалась явно легковата.

— Вот именно, — с серьезным видом кивнул он. — Гимн.

— И в честь кого? Корпорации «Юкос»? Группы компаний «Альфа»? Банка «Национальный кредит»?

— Ты просто обхохочешься! — сказал Костя, усаживаясь на стул напротив меня.

— Ну?

— В честь президента.

Это сообщение заставило оторваться от созерцания водочной наклейки.

— Что? — поперхнулся я.

— Что слышал. Президента в честь. Это прямо усрать про любовь что за история! —

Он мечтательно закатил глаза и уставился в потолок. — Встретил тут как-то случайно в одной редакции чувака, он, как оказалось, пописывает всякие пасторальные песенки — ну, про родной край там, пшеничное поле, березу у околицы... Ну вот. Я ему и говорю: а слабо слабая песню про президента? Музыка твоя, слова мои. И сбацали. Мужик текст на музыку кинул, на свои бабки в студии записал. А потом кассету как-то ухитрился сунуть кому-то — то ли в Думу, то ли вообще министру социального обеспечения.

— И что президент?

— Пока не знаю, — пожал шуплыми плечами Костя, косясь на дверь в кабинет Люки. — Так что, ее не будет сегодня?

— Думаю, нет.

— А я вам новую порцию принес. — Костя извлек из сумы коленкоровую папку, разумеется тоже кошмарно потрепанную, с на честном слове держащимися тесемочными завязками.

Талант Кости настолько многогранен, что, помимо всего прочего, из-под его пера выходят еще и эпитафии, которые он время от времени притаскивает нам.

— Давай посмотрю.

— Да что ты в этом понимаешь? — как обычно, насутился он.

— Ты же знаешь, у меня есть опыт в журналистике вообще и в публикаторстве в частности. — Я выдернул из его руки папку. — В школе мне доверили выпуск стенной газеты «Костер». И потом, я ведь с рецензированием эпитафий тебя еще ни разу не подводил. Во-первых, я, будучи погруженным в контекст, лучше тебя чувствую стилистику и настроение этого жанра. А во-вторых, безошибочно ориентируюсь в Люкиных вкусах.

Я раскрыл папку, заранее зная, что в ней обнаружу: стопку отпечатанных на полуслепой машинке листов, в верхнем правом углу которых проставлено имя автора (даже если творение состоит из одной единственной строки), а в левом нижнем — паспортные данные создателя текста, адрес, номер пенсионной книжки и прочие реквизиты. Уже не в первый раз рецензируя творения Алдарионова, я действовал по накатанной схеме, то есть бегло просмотрел всю пачку, раскладывая листки по отдельным стопкам: всего их, как правило, набирается шесть.

В первой оседают тексты, созданные Костей в порыве сердобольного к себе отношения: как правило, они представляют собой обращение безутешных родственников к усопшему. Вторые отстраненно философичны — они Косте удаются совсем неплохо. Третьи написаны под настроение сугубо лирическое. Четвертые есть слово, вымолвленное в простоте, — и, как всякое такое слово, оно тоже, как правило, удачно. Пятое — обращение к Создателю. И шестое — ни в какие ворота не лезет.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— С чего начнем? — спросил я, опуская ладонь на стопку с воображаемым грифом «Ни в какие ворота». — С грустного?

— Да что ты понимаешь... — на всякий случай обреченно пробормотал Костя, приготовившись слушать приговор.

— Ну, поехали, — сказал я, извлекая из пачки лист, и, держа его — согласно поэтической манере читать стихи — в парящей несколько на отлете руке, продекламировал:

Не высказать горе,
Не выплакать слез,
Навеки ты радость
Из дома унес.

— Костя, я ничего не имею против смысла этого творения, — заметил я после паузы. — Но ритмическим строем оно мне поразительно напоминает жанр частушек. Или вот еще:

Ты спишь, а мы живем,
Ты жди, а мы придем...

— При чем тут частушки?! — взбеленился Алдарионов. — У частушек совсем иной мелодический строй. Вот послушай; — Он откашлялся и тягуче пропел:

Вот упал метеорит,
А под ним еврей лежит.
Это что же за напасть?..
Камню некуда упасть!

— Ну ладно, — согласно кивнул я. — Убедил. Пошли дальше.

Проходящий, остановись,
Обо мне, грешном, помолись.
Я был, как ты,
Ты будешь, как я.

— Это слишком рискованное откровение, — прокомментировал я. — Надо же быть полным идиотом, чтобы остановиться у памятника с таким текстом. Да еще помолиться. Я понимаю, конечно, философскую подоплеку — мол, все там будем! — однако высказана она слишком в лоб: «будешь, как я...» Тебе случалось видеть труп после того, как он полежит в земле?

— Да, — кивнул Алдарионов. — Ты прав, пожалуй. Давай выпьем. — Он свернул «Гжелке» синюю ее головку, налил в стаканы. Мы выпили, Костя выдохнул в меня винные пары: — Давай, мордуй меня дальше, сатрап.

Я не понял, при чем тут сатрап, но продолжил экзекуцию:

— Этот текст явно навеян лирическим настроением. Но сделан он крайне косолапо, вот послушай сам:

Как линь желает к потокам воды,
Так желает душа моя к тебе.

— При чем тут линь? И почему не сом, скажем? Сом — даже чисто внешне — это куда более печальная рыба, нежели линь. И потом, что такое «потоки воды»? Сказал бы проще — река. И вообще придал бы этому простому мотиву аллегорический смысл.

— Какой?

— Река жизни, какой...

— Рекой жизни? — недоверчиво переспросил Алдарионов.

— А почему бы и нет? Кстати, развивая эту аллюзию, в моем, например, статусе можно различить черты Харона. Хотя это, конечно, выпендрей, рисовка и не более, чем беспомощные игры плоского, недалекого ума.

— Твоя взяла, — согласился Костя. — Проехали. Дальше.

— Поехали, — согласился я, беря новый лист.

Не будет уже солнце служить тебе светом
Дневным, и сиянье луны светить тебе.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Но Господь будет тебе вечным светом,
И Бог твой — славою твоею.

— Начнем с того, что «сиянье» светить не может. Светить может источник света — луна в данном случае. И вообще тут перебор со светом, согласись.

— Это спорный тезис, — мотнул головой Костя. — Но я подумаю. Давай выпьем.

Мы выпили и перешли к сердобольному разделу.

Вы жизнь нам в этом мире дали,

В другом покой вы обрели,

Ушли, оставив след печали,

Порывы скорби и тоски.

— Это, Костя, очень душевно в целом, за исключением последней строчки.

— А что в ней такого? — нахмурился он, настороженно теребя один из кустиков своей бороды.

— Скорбь есть чувство покойное, монотонное и меланхоличное, если хочешь. Равно как и тоска. Ему порывы не свойственны.

— Может, сказать — припадки скорби и тоски? — осторожно предположил Алдарионов.

— Нет, — решительно возразил я. — Тут возникают аналогии с апоплексией. Ты лучше подумай.

— О'кей, — кивнул он. — Давай по маленькой.

— Давай. — Мы махнули по маленькой и разом продекламировали всю сердобольную обойму:

Ангел родной
Прости, виновата,
Что не была в час смерти
Рядом с тобой.

Ушла ты от нас очень рано,
Скорбим и помним мы любя,
Родная бабушка и мама,
Нам жить так трудно без тебя.

Тебя, как собственное сердце,
Нельзя забыть и заменить.
Любящие тебя...

Ты не вернешься, не оглянешься,
Не станешь мудрым и седым,
Ты в нашей памяти останешься
Всегда живым и молодым.

Мы сожалеем, плачем и скорбим,
Что ты остался вечно молодым.

Живой тебя представить так легко,
Но в смерть твою поверить невозможно.

Горем сердце мое
Твоя смерть обожгла.
Без тебя мне мир
И мирские дела.

Я сделал паузу, перебирая листки, и отрицательно мотнул головой в ответ на Костин

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

безмолвный намек — он приподнял бутылку и вопросительно уставился на меня.

— Нет, еще не время. По части следующих слезных творений есть кое-какие замечания. Вот послушай:

Ушел от нас ты очень рано,
Никто не смог тебя спасти.
Навеки в нашем сердце рана.
Пока мы живы, с нами ты.

— Нормально, — оценил Костя, проговорив эпитафию про себя.

— В целом да, но рифма хромает. «Спаси — ты» — это режет слух. Немного неуклюже, согласишься. Теперь далее...

Тебя познать не в нашей власти,
И скорби нет конца,
Безмерна боль, что рвет на части
Осиротевшие сердца.

— Кого познать? Если усопшего, то он не нуждается ни в каком познании — тем более безутешными родственниками. Другое дело, если местоимение «тебя» обращено к Господу. Но тогда возникает смысловая невянтица. Подумай. — Я выдернул из стопки очередной лист. — А вот это мне нравится.

Ты, память счастья,
Что умчалась прочь.

— Хорошо, да? — облегченно выдохнул Костя.

— Просто классно. Но тут есть нюанс, связанный со знаками препинания. После «ты» лучше поставить тире.

Он вытянул лист из моей руки и некоторое время тупо смотрел в текст. Потом кивнул:

— Верно. Что еще?

— С лирикой почти все. Вот разве что это осталось:

Из сердца все на свете лица
Не выжгут твоего лица,

— А что, по-моему, сильно, — заметил Костя.

— В том-то и дело, что слишком сильно сказано. Весомо, грубо, зримо. Но эпитафия — это жанр скорее мягкий, он избегает сильных эпитетов. Выжигать лицо из сердца — это слишком агрессивный образ... Что мы привыкли выжигать? Скверну — каленым железом, так? Клеймо, тавро — когда надо пометить свою корову или какую-то еще скотину. Словом, тут возникает слишком рискованный ассоциативный ряд.

— Выпьем, — подвел итог Алдарионов.

Я подумал о том, что невзначай преступил основную заповедь Харона — не пить на работе, но, с другой стороны, грести сегодня не было надобности, поэтому мы выпили и перешли к философскому разделу.

— Все, что содержится в этой стопке, — просто блеск, — сказал я и, полуприкрыв глаза, начал декламировать:

Что можно выразить словами,
Коль сердце онемело?

Земной путь краток,
Память вечна.

Благословляю все, что было,
Я лучшей доли не искал.

Не суждено мне быть, как прежде.
В любви и радости дожить свой век.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Здесь та любовь, что правду подарила,
Здесь та печаль, что мудрость принесла.

— А вот это просто гениально, — сказал я, добираясь до последнего листа.

Не надо надписей для камня моего.

Пишите просто здесь: он был, и нет его.

— Ей-богу, с человеком, который собирается лечь под такой камень, я свел бы знакомство поближе: он близок мне по духу, в его характере ощущается привкус плодотворного сарказма и здорового цинизма.

— Выпьем, — предложил Алдарионов.

— Нет, давай перед этим пройдемся по лирике.

— Давай, — тяжело вздохнул Костя.

Лирических творений было всего три.

На холодный камень сей

Возри, всяк человек,

И представь в уме своем

Быстротекущий век.

Познай, что и твоих настанет

Дней конец.

Спеши сплести из добрых

Дел венец.

И пусть у гробового входа

Младая будет жизнь играть.

И равнодушная природа

Красою вечно сиять

Тише, листья, не шумите,

Моего друга не будите,

С жизнью покончен вопрос...

Больше не будет ни горя ни слез.

Прочитав последнюю эпитафию, я поймал себя на ошибке — ее конечно же следовало отправить в раздел «Ни в какие ворота».

— Костя, — с мрачной торжественностью начал я. — Как ты мне объяснишь фразу «С жизнью покончен вопрос»?

— Выпьем, — удрученно кивнул он, следя за тем, как я отправляю лист в стопку забракованных творений.

— Самое время, — выпив, я закурил и за этим занятием бегло просмотрел все, что относилось к слову, изреченному в простоте.

Помним, любим, скорбим.

— Воистину верно замечено: не говори красиво, говори просто. — Я затушил окурок в блюдечке под цветочным горшком и протянул Алдарионову руку: — Поздравляю!

— Вот и славно. — Хлопнув в ладоши, он потер руки и поднялся. — Мне пора. Надо заскочить домой к одной редакторше. В понедельник ей сдавать рукопись. А я ее только что собрал.

— Какую, если не секрет? — спросил я, убирая наполовину опустевшую бутылку в ящик стола.

— А-а-а, — поморщился Костя. — Так... Есть такая серия. «Крутой бульвар» называется, знаешь?

Я знал эту серию, представляющую на своих обложках роскошных стриптизерок в совершенном неглиже.

— Удачи тебе, — прощально помахал я Косте рукой, — Теперь я за нашу словесность совершенно спокоен.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

В самом деле — с литературой у нас будет полный порядок до тех пор, пока живы еще творцы, способные из юдоли скорби напрямик отправиться в редакцию порнографического издания.

4

Разгон, полученный в ходе общения с мастером художественного слова, казалось бы, должен был вдохновить на новые подвиги, однако пить не слишком хотелось, — изредка прихлебывая из большого стакана на толстой подошве, я сидел напротив Люки на кухне, наблюдая за тем, как она со знанием дела, целеустремленно и упорно, топит минорное настроение в отливающем янтарем напитке, и все не мог отделаться от ощущения, что в ее лице зазвучал новый мотив, отсутствовавший в момент нашего расставания у подъезда, и наконец догадался, в чем его смысл и строй.

— Черт возьми, Люка, ты покрасила губы.

Она подняла на меня глаза и беспомощно улынулась:

— Х-м, ты заметил... — подвигала губами, то приоткрывая их, то плотно смыкая, как это делает всякая женщина, проверяя, удачно ли легла помада. — Надо ведь как-то жить, да, Паша?

— Наверное. Может, пойдем спать? Уже поздно.

— Пойдем. — Она задержала стакан в руке, подумала, мотнула головой и поставила его на стол. — Черт, и пить не хочется. Ничего не хочется. С тобой такое бывает?

— Конечно.

В спальне она торопливо скинула с себя черный мундир, потом завела руки за спину, расстегивая замок бюстгальтера, тугие бретельки его тут же расслабились, отпуская на волю большие груди, и я отвел глаза в тот момент, когда она, покачивая бедрами, начала опускать трусики — наверное, просто по привычке, осевшей во мне одним из оттенков Голубки, которая, прежде чем избавиться от этого последнего аксессуара своего интимного туалета, на мгновение замирала и, поводя кончиком языка по верхней губе, просила, чтобы ты не смотрел на нее... Странно, но это воспоминание никак и ничем не отозвалось во мне, я вернул взгляд на место — как раз в тот момент, когда Люка, согнувшись в три погибели, сдергивала со щиколотки этот бледный, льнувший, как видно, к коже аксессуар и, наконец избавившись от него, наклонялась над кроватью, взбивая подушки.

— Ничегошеньки не хочется, ничего, — тихо сказала она, не оборачиваясь.

— Мне тоже. — Я разделся, перелез через Люку, уже успевшую юркнуть под одеяло, лег, по обыкновению, справа от нее и начал дремать, дожидаясь, когда она мягким жестом призовет повернуться на левый бок, чтобы перекинуть через мое бедро ногу, однако она не шевелилась, а не мигая глядела в потолок, по которому блуждали мутноватые отголоски света, стывшего в ложе Садового кольца.

— Люка.

— Да, — отозвалась она, почти не размыкая губ. — Тут такое дело... — Я приподнялся на локте и умолк.

— Ну! — усмехнулась она. — Не уподобляйся тому коту.

— Какому коту?

— Которого нужно тянуть за яйца, чтоб он на что-то решился.

— Ну, в общем, такое дело... Словом, мне надо бы обзавестись парой счетов в хороших банках. Ты же в этих делах смыслишь... Может быть, с помощью друзей Левы, твоего мужа...

Она медленно поднялась, села, помотала головой.

— Это что-то новенькое. Ты прошвырнулся по помойкам, набрал пустых бутылок, сдал их в пункт приема стеклотары, а вырученные от этой операции деньги хочешь спрятать в офшорах?

— Да, понимаешь, тут такое дело... — Я начал было очень туманно развивать свою

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

мысль, толком не понимая, в каком направлении собираюсь ее продвигать, однако она избавила меня от этих мук тем, что наклонилась, нависла надо мной так, что соски ее касались моей груди, и, приложив палец к моим губам, произнесла ту самую сакраментальную фразу, с которой и началось наше знакомство в день зачатия Харона. Ну разумеется: не буду ли я так любезен не вступать в половое сношение с ее мозгами, поскольку этим я сделаю ей одолжение.

Ничего другого не оставалось, как вкратце и очень эскизно изложить суть дела.

Какое-то время она лежала на боку, подперев щеку рукой, и глядела на темный квадрат иконки, висевшей в простенке между окнами, потом, словно обращаясь к невидимому в потемках лику, прошептала:

— Ты хоть примерно отдаешь себе отчет в том, чем эта твоя затея может обернуться?

— Да, — сказал я. — У меня что-то заныло плечо.

— Это к дождю?

— Нет. У меня ноет плечо только в одном случае. Когда кто-то разглядывает меня сквозь перекрестие оптического прицела.

Ну разумеется, понимал и, разумеется, отдавал себе отчет. В том, что рано или поздно — завтра или через месяц, — но кто-то из сотрудников «карманного гестапо» меня непременно достанет. И поплыву я в своем челне, раздвоившись в ипостасях гребца и пассажира, и некому будет по прибытии на место выковырять из-под моего языка медный обол. Не исключено, что, может быть, даже завтра, — ну да, ведь завтра понедельник! — товарищ Сухой и товарищ Астахов, встретившись, по обыкновению, в просторном, наполненном светом кабинете последнего, начнут прикидывать пути моего следования к другим берегам, и никому не будет ведомо, о чем они там толкуют, надежно отгородившись от мира всеми мыслимыми и немыслимыми мерами информационной безопасности, по части которых, если верить Малахову, бывший лубянский полковник большой дока.

— Ну е ж мое! — провозгласила Люка неожиданно бодрым, здоровым тоном, и в ее интонации я уловил нотки типичного для знакомой мне по прежним дням хозяйки похоронного бизнеса азарта. — Сукин ты, Паша, сын, но с тобой нескучно! Ладно, утро вечера мудренее, что-нибудь придумаем... — Она с кошачьим каким-то проворством переменила позу, уперлась мне в грудь руками, перекинула ногу через мое бедро и так застыла, забросив голову назад, начала медленно сгибать ноги в коленях, тихо охнула в момент нашего соприкосновения и плавно опустила вниз и с этого момента воплотилась в образ какой-то буйно, но при этом весело помешанной ведьмы, отплясывающей замысловатый экстатический танец, и не унималась уже всю ночь, изобретая все новые и новые пластические формы наших слияний — за исключением той одной-единственной, что была нам обоим так хорошо знакома, но в эту безумную ночь оказавшейся по молчаливому согласию под строгим запретом.

Очнувшись от дремотного забытья, я приподнялся, поглядел на нее. Она спала в не слишком, как мне показалось, ловкой позе, откинувшись на высокую подушку, — еще не лежа, но уже и не сидя — и немо шевелила губами, слабо улыбаясь какому-то образу своего сновидения, и безмолвные ее шепоты были обращены прямо к прояснившемуся от света лику в скромной иконке.

Какое-то время я молча наблюдал за ней и вдруг начал чувствовать, как в смутном еще со сна сознании немые эти движения Люкиных губ и плоский лик какого-то святого вдруг начинают тянуться друг к другу, сближаться и наконец, слившись, переплетаясь, обретают устойчивую форму простой и ясной мысли.

— А ведь это в самом деле мысль, — тихо выдохнул я.

— Что? — сонно зашевелилась рядом Люка.

— Ничего, спи.

Я вдруг подумал о скромном безмолвном растении, что в этот момент уже, видимо, распустилось на моем кухонном подоконнике и сидит там, обхватив колени руками, смотрит во двор, где кто-то беседует между собой, предположим, женщина-почтальон и один из

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

жильцов нашего дома, она не слышит их, но видит и все понимает, потому что ей ведомо искусство чтения по губам.

5

Поначалу думал было взять ее с собой, но по здравом размышлении эту сомнительную мысль отверг, вспомнив, что у нас в офисе есть хорошая профессиональная камера — на тот случай, если кому-то из близких покойного придет на ум запечатлеть на пленке церемонию похорон. Прихватив на всякий случай и тяжелый штатив, я погрузил аппаратуру в багажник Люкиной «субары» и погреб в направлении храма.

Принимавший пожертвования монах стоял на своем месте у ворот — в прежней мертвой позе, как будто и не покидал свой пост с того самого дня, когда я кощунственно поинтересовался у него, как идет торговля индульгенциями.

Брат Анатолий огромной метлой ласкал каменные плиты церковного двора — с широким замахом, в тупой ритмичной монотонности деревенского косца подсекая под корень парящий низко над землей тополиный пух, жесткое охвостье метлы издавало шершавые звуки, от которых по спине побежали мурашки. Завидев меня, он оставил свои труды, утер широким рукавом рясы вспотевший лоб и улыбнулся.

— Хороший денек, — сказал я, глянув на небо, затянутое мутноватой пленкой облачности, низкой и рыхловатой, голубовато-серой и скользкой, фактурно напоминавшей верхний слой жидкой простокваши.

— Да, — кивнул Анатолий. — Хорошо. Мы все немного устали от открытого солнца.

— Хорошо, — согласился я, подумав о том, что в этом наблюдении есть немалый смысл: оконное стекло не будет сильно бликовать. — У меня к тебе одна просьба. Я был бы тебе признателен, если б ты разрешил мне побыть в твоей келье. Ну там, на втором этаже. Что узким окном выходит в соседний дворик.

Он удивленно приподнял жидкие брови и потерся щекой о длинный черенок метлы, на которую опирался.

— Это в самом деле так для тебя важно?

— Более чем.

Он раздумчиво покачал головой и кивнул в сторону пристройки — пошли! Мы миновали коридор, в конце которого темнела сумрачная ниша, скрывавшая лестницу, поднялись на второй этаж, оказались в точно таком же коридоре, ослепительно белостенном. По левой его стороне, в притененных лунках глубоких ниш, темнело несколько тяжелых, окованных медными пластинами, дверей. Толкнув одну из них, брат Анатолий пригласил меня входить. Это был сумрачный, с низким сводчатым потолком, каменный каземат, обстановка которого своей аскетичностью напоминала тюремную: жесткая койка по правой стене, маленький стол, табуретка при нем — и разве что образа в углу, в приглушенно поблескивавших праздничных ризах слегка разбавляли мрачное впечатление от убогого монашеского жилища.

— Ну вот, располагайся, — сказал Анатолий. — Бог в помощь. Я пойду, у меня дела.

— Это тебе — Бог в помощь, — отозвался я, нагружая интонацией местоимение, потому что толком не знал, кого мне следовало призывать в союзники, светлоликого Всевышнего или его вечного антипода, косматого, в густой шерсти, парнокопытного, с желчной иезуитской ухмылкой на тонких губах, ведь ни в того, ни в другого не верил — точнее сказать, привык относиться к обоим с достаточной степенью равнодушия, поскольку оба находились вне растительного мироощущения, которому присуща вера исключительно в таинство действительного мига, все движения, голоса и запахи которого хороши именно тем, что происходят и присутствуют здесь и сейчас, а что за этим мигом воспоследует — дело десятое.

«В вас, Павел, угадывается мучительная раздвоенность...» — говорил в момент нашей прошлой встречи Анатолий, и он как в воду глядел: привычка жить мгновением в самом деле

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

раздваивает, приучает воспринимать себя прошлого как существо чужое и даже чуждое и воспитывает прохладно отстраненный взгляд на себя и обыкновение обращаться к себе как к постороннему, на «ты».

— Я догадывался, Павел, что вы закоренелый язычник, — скорбно произнес Анатолий, уловив в моих глазах настроение кощунственной смуты. — Но Господь милостив.

Он тихо прикрыл дверь, и я тут же занялся делом, штатив с камерой установил ближе к двери, с тем расчетом, чтобы аппаратура растворялась в сумрачных глубинах каземата и была незаметна при взгляде извне, заглянул в видоискатель, настроил трансфактор, увидел прямо перед глазами круглую, обтянутую кожей пупочку и лишь спустя некоторое время догадался, что в поле притяжения телевизора оказался один из элементов обшивки кожаного дивана, стоявшего по левую руку от входа в кабинет Астахова. Я повел камеру вправо. Показалась рука, запястье которой было окольцовано золотым браслетом часов, внешне скромных, но, видимо, очень дорогих. Тускло блеснул перламутр запонки. Рука двинулась вверх, исчезая из поля зрения. Направив объектив ей вдогонку, я увидел, как палец поглаживает уголок тонкого рта, форма которого была мне знакома: стало быть, хозяин кабинета был на месте. Увеличение такого масштаба мне было ни к чему, поэтому я подстроил трансфактор с тем расчетом, чтобы расширить пространство кадра, захватывая весь диван целиком.

Астахов сидел, закинув ногу на ногу, потом глянул на часы и, повернув лицо в сторону двери, что-то произнес. Вошел Сухой, прошелся по кабинету, заложив руки за спину, уселся справа от Астахова и начал произносить какую-то пространную реплику. Я включил камеру и с этого момента уже не отрывал глаза от видоискателя, стараясь ловить в объектив движения их немых губ, жесты, оттенки мимических рисунков, проступающие в их лицах, — палитра этих рисунков была не слишком разнообразной, за исключением одного момента. В ответ на какой-то вопрос собеседника Астахов некоторое время скорбно молчал, опустив глаза и поглаживая уголки рта, как будто собираясь с духом, потом с тяжелым вздохом что-то произнес, а Сухой покачнулся, словно реплика Астахова пробила его грудь навылет, откинулся ни спинку дивана, потеряв дыхание, лицо его побелело, сделавшись совершенно неподвижным и мертвым, и мне показалось, что чья-то прозрачная невидимая ладонь проводит по его лицу, опуская веки.

Он пребывал в призрачном загробном мире никак не меньше полутора-двух минут, потом дрогнули сухие веки, приподнялись, открывая глаза, в которых прежнее — слегка насмешливое, утепленное иронией — выражение сменилось каким-то совершенно новым, антарктически прохладным, как будто зеницы его только что окунулись в полынью и, выплыв на поверхность, подернулись слюдой тонкого ледка. Он поднялся с дивана, подошел к окну и пошевелил все еще мертвыми губами.

Астахов кивнул.

Сухой опять слабо двинул губами, сложив их в формы только что изреченной фразы, поднял взгляд, некоторое время молчал и, глядя, как мне померещилось, мне прямо в глаза, отчетливо и жестко артикулируя, произнес что-то такое, отчего у меня очень внятно и мучительно заныло в плече.

Потом он вернулся на место, уселся рядом с Астаховым. Они продолжили разговор и вели его еще в течение минут десяти, наконец Сухой зябко повел плечами, перекрестил кабинет медленным взглядом, поднялся, сухо кивнул хозяину офиса и удалился, а тот, сокрушенно покачав головой, произнес короткую фразу, смысл которой мне слишком хорошо был знаком, потому что она частенько вспухала на губах Люки — в том случае, когда ей приходило на ум сделать мне дружеский комплимент:

— Сукин сын!

Я выключил камеру, снял ее с штатива, покинул каземат, спустился на первый этаж, где блуждали сладковатые запахи свежеструганого дерева, — потому, должно быть, что дверь мастерской была приоткрыта. Анатолий возился у столярного верстака, глянул на меня через плечо и кивнул.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Спасибо, ты меня очень выручил.

Он ничего не ответил, загнал деревянную планку в столярные тиски и взялся за рубанок. Я присел на табуретку, выглянул через узкое окно во двор и на мгновение потерял дыхание, потому что через ворота в этот момент медленно проплывал тяжелый бронированный «линкольн».

Тем вечером у прудов, над которыми распускались небесные цветы фейерверков, на аллее было уже темно, но я узнал автомобиль, это был тот самый «линкольн», что притормозил тогда на аллее неподалеку от моей лавочки и черной субмариной темнел на приколе до тех пор, пока последний цветок не увял в черном небе. Плавно открылись передние дверки, на камень церковного двора ступили два подтянутых молодых человека в черных костюмах, осмотрелись, прошли туда-сюда, перебросились быстрыми взглядами и кивнули друг другу. Один из них открыл заднюю правую дверь, обитатель сумрачного салона медленно выбрался из машины, поднял голову, истово, с чувством, перекрестился и направился в обществе молодых людей к парадным воротам храма.

Мой взгляд упал на простой карандаш, лежавший на краю верстака. Я повертел головой, выискивая клочок бумаги, ничего похожего не нашел, поэтому взял с подоконника книгу в плотной коричневой полиэтиленовой обложке — ту самую, наверное, что Анатолий читал, когда мы виделись с ним здесь в последний раз, определенно ту, потому что из торца ее торчала высохшая травинка, заложенная в том месте, где он оборвал чтение.

— У меня скверная память на цифры... — Я вопросительно глянул на Анатолия, и тот пожал плечами.

Расценив жест как знак согласия, я пустил страницы веером, записал на первой попавшейся номер машины, сунул книжку в карман куртки, — бог его знает, зачем я это сделал, скорее всего, просто машинально.

Блаженная троица тем временем приблизилась к парадному входу в храм. Подняв глаза к венчавшему вход образу, они перекрестились и вошли.

— Чудны дела твои, Господи, — сказал я, заметив, что Анатолий, поглаживая мелкозернистой шкуркой деревянную планку, глядит туда же, куда и я. — Знаешь, кто этот добрый самаритянин?

— А зачем мне знать?. — тихо сказал он. — Мы все равны перед Господом.

— Как же, как же... — саркастически отозвался я. — Этого доброго христианина зовут Сергей Ефимович Сухой. И он самая отъявленная сволочь, какую мне приходилось встречать.

— Не сквернословь вблизи храма, — тихо обронил Анатолий.

— Да полно тебе! — устало отмахнулся я. — Я просто называю вещи своими именами. Это ведь не я, а вы так склонны к эвфемизмам. Это ведь вы кропили святой водой офисы «Тибета», «МММ», «Чары» и прочих пиратских контор, пустивших миллионы людей по миру. Это вы пускали по престольным праздникам под своды Елоховки целые своры клинических безбожников в строгих костюмах во главе с их вечно пьяным кремлевским воеводой. Это ваши золотые кресты висят на бычьих шеях братков, которые, прежде чем кого-то замочить на стрелке, заглядывают в церкви, дабы истово помолиться. Это с вашего молчаливого благословения происходит что-то такое, отчего старики рыщут по помойкам, собирая пустые бутылки, потому что иначе они подохнут с голоду.

В мастерской было совсем тихо, и только шершавый голос шкурки, ласкающей дерево, нарушал покой молчания, вставшего стеной между нами.

— Вот потому-то я и не хожу в ваш храм, — тихо закончил я.

— Вы язычник, Павел, закоренелый, — прошептал, не отрываясь от работы, Анатолий. — Я уже говорил; вам.

— Наверное... И ничего в этом нет дурного.

— Да? — Он поднял на меня расплывчатый взгляд.

— Да. Потому что богословие, если разобраться, это не более чем природоведение. Или наоборот, это уж как тебе будет угодно. Оттого-то я и привык молиться в своем храме.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— И где он? — спросил Анатолий, опять берясь за рубанок.
С минуту я молчал, не зная, что ответить, потом пожал плечами:
— Харон живет у реки.

6

Найтием живого растения она, конечно, уловила, что именно за оттенки и запахи осадила прошлая ночь на поверхности моей кожи, должно быть еще хранящей тонкий налет любовного пота, а возможно, и расплывчатый, неотчетливый оттиск Люкиной губной помады, и потому напряглась в тот момент, когда я в прихожей поцеловал ее в теплый висок, но на удивление быстро оттаяла, все прощая, и повела за руку на кухню, к столу, на котором сально поблескивали растопившимся маслом рыжеющие — в аппетитных пятнах поджарок — тосты, и подивился про себя тому, как ей удастся угадывать час моего прихода домой, чтобы поспеть с готовкой.

— Ангела не навевывалась? — спросил я, хрустя ломкой корочкой хорошо прожаренного хлеба.

Она отрицательно мотнула головой.

— Вот и хорошо.

Хорошо потому, что это означает, что видеоплеер еще стоит на своем месте, на полке под телевизором, — аппарат этот, в котором я никакой надобности не усматривал, в свое время принесла в мой дом Ангела, скромно испросив разрешения иногда смотреть кассеты, стопка которых пылится на одной из книжных полок. Прежде мне в голову не приходило полюбопытствовать, что за фильмы хранились в черных пеналах, и только теперь, заморив на кухне червячка, я присмотрелся к их корешкам. Это было полное собрание американских сочинений в паточно-сладком жанре слезоточивых мелодрам с Ричардом Тиром, Джулией Робертс и прочими голливудскими красавцами и красотками в главных ролях.

— Иди сюда, детка, садись к телевизору. — Я взглядом указал ей на кресло, и она послушно опустилась в него. — Будем смотреть кино. Мне надо знать, о чем говорят эти ребята.

Я нажал кнопку на пульте, на экране возник первый кадр — тот самый, в котором герои моего немого фильма устраиваются на диване. Некоторое время она, подавшись вперед и прищурившись, вглядывалась в экран, потом плавно покачала вспорхнувшей с колена ладонью.

— Остановить? Отмотать назад?

Утвердительно кивнув, она. удалилась на кухню, вернулась с блокнотом, устроила его на коленях, сделала на чистом листе пару быстрых, волнистых прочерков, проверяя ручку, и откинулась на спинку кресла.

— Включать?

Она опустила ресницы в знак согласия, и ее рука повисла над блокнотом.

— Может быть, ты — сама? — Я протянул ей пульт управления.

«Конечно», — сказала она губами, нажала на кнопку, уперлась взглядом в экран, начертила в блокноте несколько торопливых каракулей и тут же остановила запись.

Я ушел на кухню, потому что охоты к повторению пройденного у меня никакой не было, уселся к окну, закурил на неимением какого-то иного полезного занятия, и так просидел, медленно наполняя пепельницу окурками, довольно долго, до тех пор, пока она не опустила мне руку на плечо.

— Готово? — вздрогнул я, приходя в себя.

Она показала мне страницы блокнота, в которых летела с легким наклоном совершенно немыслимая кавалерия ее каракулей. Догадавшись, что для расшифровки этих криптографических набросков ей потребуется чистая бумага, я пошарил в ящике рабочего стола, нашел там ученическую тетрадку, невесть с каких времен пылящуюся среди старых, подернутых меловым инеем окаменевшей пены шиковских бритвенных станков, пустых

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

сигаретных пачек, обломков карандашей, записок с номерами каких-то давно оглохших телефонов, спичечных коробков, выдохшихся авторучек и прочего барахла.

— Подойдет?

Она кивнула, уселась за стол и, то и дело заглядывая в блокнот, принялась писать... Не желая ей мешать, я присел на кровать, наблюдая за ее работой с тыла, — она походила на прилежную школьницу, занятую муштровкой руки на уроке чистописания, и ее избыточное усердие отливало в слишком напряженной позе, а ко всему прочему, она слегка опускала вниз правое плечо, искривляя позвоночник. Я тихо подошел, опустил ладони ей на плечи, мягко выправил ее осанку — она потерлась щекой о мою руку, подняла лицо и благодарно улыбнулась.

— Пиши-пиши.

У нее был типично женский, округлый, с вниманием к стартовым точечкам в «П», «Л» или «С», к мягкой прорисовке овалов, подвиванию чубчика над «и» кратким, плавному соединению буквенных охвостов и прочим ухищрениям. Просматривая спустя час исписанные ею тетрадные листы, я вдруг подумал о том, что настолько образцовый ее почерк есть, скорее всего, один из отголосков ее глухоты: не слыша языка, она старалась угадать его красоту в каллиграфии.

— Спасибо, детка. — Я помог ей выбраться из-за стола, подхватил на руки, пересек комнату и бережно опустил ее на кровать. — Полежи и отдохни.

«Я не устала», — возразила она глазами.

— Это тебе только так кажется. Кто-то из древних монахов, всю жизнь занятый копированием старых пергаментов, высказал дельную мысль: пером правят три пальца, но работает у переписчика все тело.

Она улыбнулась, прикрыла глаза и через минуту уже начала сладко посапывать, а я, глядя на нее, свернувшуюся уютным калачиком, вдруг испытал что-то вроде чувства раскаяния, угадав в этом ее стремительном отходе ко сну в самом деле нешуточную усталость: должно быть, она, сидя на подоконнике в кухне, так и не сложила свои лепестки с уходом солнечного света, а ночь напролет сторожила взглядом темный двор, дожидаясь, когда я вернусь домой. И еще я подумал, что больше всего на свете мне сейчас хочется тихо раздеться, потом осторожно раздеть ее и лечь рядом.

Но вместо этого я уселся в кресло перед телевизором, взял в руки исписанную ею тетрадку, включил плеер и принялся озвучивать немое кино.

7

— Нельзя ли было обойтись с ними поаккуратней? — спросил Сухой. — Аркаша, если верить данным аудиторской проверки, унес изрядно. Выходит, с собой в могилу унес?

— Да мы и не думали предпринимать в отношении их резких телодвижений, — слегка смутившись, ответил Астахов. — Это Валерия во всем виновата. Она была за рулем. И, судя по всему, задержалась, когда почуяла за собой хвост.

— А кстати, как вы их вычислили? Насколько я понимаю, они, когда жареным запахло, легли на дно. Твои ребята, если я не ошибаюсь, сбились с ног, пытаюсь их найти. И все безрезультатно. Аркашки ни дома не было, насколько я понимаю, ни в его загородных особняках. Пропал человек...

— Теперь мы знаем, где он отсиживался.

— Теперь поздно, — жестко бросил Сухой, но Астахов на этот выпад никак не отреагировал.

— Это старая квартира в районе Чистых прудов. Ее год назад на подставное лицо сняла Валерия, как удалось выяснить. Выглядит этот запасной аэродром чем-то средним между хлевом и коммуналкой советских времен. Никогда б не подумал, что они могут выбрать для прикрытия такое задрипанное жилье... Единственное более или менее приличное место там — это спальня.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Вот тут наши вкусы сходятся, подумал я, спальня в квартире на Чистых прудах в самом деле вполне комильфо. Наверное, Аркадий Евсеевич, дожидаясь на запасном аэродроме вестей от Мальвины, целыми днями лежал на огромной кровати и любовался своим отражением в зеркальном потолке.

— А она? — спросил Сухой.

Астахов пожал плечами: мало ли...

Мне показалось странным, что солидная охранный контора не удосужилась отследить ее по мобильнику, ну да теперь это не важно.

— Так как вы их засекли? — прищурился Сухой.

— Да очень просто. Пост автоинспекции в районе Кольцевой. У гаишника была ориентировка на их машину.

— Они что, имели глупость пуститься в бега на своей машине?

— Да, наверное, что-то стряслось такое, что они решили немедленно рвать когти. А другой машины, кроме «опеля» Аркадия, под рукой не оказалось. Глупо, конечно... Ну вот. Гаишник, опознав тачку, притормозил их под каким-то благовидным предлогом, тут же отзвонил мне,

— Из любезности?

— Вы же знаете, я с прежних времен: сохранил массу связей — и в ГИБДД в том числе... Ну вот. Наши джипы быстренько подкатили на место, И повели их. Когда стало ясно, что они ломятся в Шереметьево, пришлось принимать меры, вы же понимаете. Ребята начали их потихоньку поджимать в правый ряд, чтобы со временем стопорнуть. Тихо, мирно и культурно. Но Валерия, почуяв, что к чему, так дернулась влево и придавила газ, что просто улетела на встречную полосу. А там — трейлер... У них при лобовом столкновении на такой скорости не было ни единого шанса. Хоронить их придется в закрытых гробах.

Типа «Консул» или «Дипломат», — машинально подумал я.

— Ладно, мир их праху, — вздохнул Сухой. — Бизнес есть бизнес. В нём без потерь не обходится. Выходит, концы в воду?

— Ну, не совсем... Есть одна ниточка, Я же говорил вам, что Лера как-то обращалась ко мне со странной просьбой.

— И ты тут же пошел ей навстречу.

— Разумеется. Аркадий, насколько я понимаю, был второй человек в вашем холдинге и ваша правая рука. А я, как вы знаете, человек службы, так что представления о субординации давно впитались мне в кровь. Разумеется, я не мог отказать жене вашего заместителя в ее просьбе.

— Я что-то запамятовал. О чем там, бишь, шла речь?

— Она просила свести ее с пареньком, бывшим десанником. Ну, мы с ним встретились в одной уличной пивнушке, немного поболтали, я — будто бы по рассеянности — оставил на столе портмоне. И он пришел сюда вернуть кошелек. А там уж Валерия его прихватила.

— Она всегда была слаба на передок. Кстати, она именно поэтому вечно меняет свои обличья? То она пепельная блондинка с голубыми глазами. То брюнетка с короткой стрижкой... То рыжая и зеленоглазая. На кой черт ей это надо? Она что, для каждого своего мужика находит свежий образ?

— Возможно. Паренька, о котором я говорил, она свинтила в своем исконном обличье. Наверное, у нее неплохой вкус — парень оказался профессионалом. Вырубил троих наших, когда они отрабатывали один Леркин след.

— Ты не мог бы обходиться без чекистской терминологии? Какой, к черту, след? При чем здесь след?

— Видите ли, я ведь в материалы аудиторской проверки заглянул еще до того, как они легли на ваш стол. Ну и подумал, что не грех присмотреть за этой сладкой парочкой. Хотя бы для начала обратить внимание на состояние их банковских счетов. И оказалось, что один из счетов Аркадия вдруг облегчился на двадцать тысяч.

— Ну, это ж мелочи, — пожал плечами Сухой.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Да не скажите. Особенно если учесть, что деньги эти обратились в наличность.

— М-да? — раздумчиво протянул Сухой. — И зачем ей могла понадобиться такая сумма?

— Чтобы сделать заказ.

— Заказ? — нахмурился Сухой. — Она что, позвонила в Африку и заказала там натуральный слоновий член, потому что простой человеческий ее уже не удовлетворяет?

— Она заказала похороны по высшему разряду.

Тут возникла пауза — очень долгая.

— Не понял, — мотнул головой Сухой.

— Я тоже не понял поначалу. Но теперь кое-что начинаю сечь. Этот парень... — Астахов прикрыл глаза. — Если его отмыть, постричь, побрить, ну и вообще привести в порядок... И немного поработать с его физиономией...

— Ну что ты заладил — если, если! Если парня отмыть, он сможет позировать для рекламных постеров?

— Он начнет заметно походить на Аркадия...

Опять долгая пауза.

— Ага. Значит, выходит так, — покивал головой Сухой. — Парня мочат. Кладут в гроб вместо Аркашки. Его баба устраивает пышные похороны. И впадает в неутешный траур. И едет куда-нибудь на маленький тропический островок подлечить нервы. А друг Аркадий там ее уже поджидает.

— Похоже на то.

— Черт, я недооценивал Аркашку. Жаль его. Неужто в нашей стране люди по определению не могут не воровать?

— Выходит, нет.

— Но я же не ворую, — смутился Сухой. — Ну... Разумеется... Теперь это, слава богу, называется делать солидный бизнес. На вполне законных основаниях. Как все люди моего уровня... Но ты говорил про этого парня. Вы его нашли?

— Нет. Но я тут переговорил со своими людьми. Кто-то ведь наверняка что-то видел, слышал обрывки разговоров... Словом, мне удалось выяснить, что шлепнуть парня в одном кабаке должен был Король.

Сухой искренне, как мне показалось, изумился.

— Черт, это ведь твоя креатура. И один из твоих лучших ребят — столько лет в нашей команде... Как он оказался замешан в Леркины дела?

— Да как! А вы не догадываетесь? Он вообще-то к ней уже давно неровно дышал. А вы Лерку знаете. Ну, затащила мужика в постель, то да се... И попросила оказать маленькую услугу. Тот не смог ей отказать. Взял наших ребят для прикрытия. Ну мало ли... Однако у него ничего не вышло. Настолько ничего не вышло, что теперь он сам лежит в морге.

— А те ребята из прикрытия?

— Он их тоже вырубил. Одному нос сломал.

— Слушай, а этот твой парнишка из пивной — достойный кадр. Он мне положительно нравится. Но если он такой хороший, то почему он шляется по городу, мочит всех подряд, вместо того чтобы работать в твоём агентстве?

Астахов, погруженный в свои мысли, казалось, пропустил эту реплику мимо ушей. Задумчиво поглаживая уголки рта, он пробормотал:

— Чудно... Этот парень, можно сказать, был у меня в руках.

— Отчего же ты его не придержал?

— Ну, вообще-то это были не совсем мои руки...

Сухой, нахмурившись, тряхнул головой.

— Нелепая случайность, — пояснил Астахов. — Парень ночью что-то не поделил на улице с патрульными ментами, и его заперли в кутузку. А там в это время был один деятель, который мне очень обязан: я помог ему в свое время перебраться на Петровку... Ну и с тех пор он оказывает мне кое-какие услуги.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

«Паркетный мент», — догадался я.

— И что? — спросил Сухой после напряженной паузы.

— Да что! — усмехнулся Астахов. — Отметелили его до полусмерти и бросили на дороге. Расчет в принципе верный... Там, насколько я понял, глухой поворот. Да плюс темень. Кто-то из поддавших водителей неминуемо налетел бы на него впотьмах. Вот и все — несчастный случай на дороге.

— И что? — сквозь зубы повторил Сухой.

— А ничего. Он пропал. Никаких происшествий на этом участке дороги зарегистрировано не было — я проверял. Я, собственно, случайно об этом инциденте узнал. Мой человек обмолвился на другой день вскользь, между делом. Его в общении с нашим бойцом напрягло маленькое обстоятельство. И он решил проявить инициативу.

— Что за обстоятельство?

— Он сказал, что знаком с Малаховым.

Сухой сузил глаза и немо подвигал сомкнутыми губами.

— Это как раз та заноза, что уже давно сидит в вашей заднице, — сказал Астахов. — Тот сукин сын из Управления по борьбе с экономическими преступлениями, что уже давно на вашу компанию точит зуб.

— Я же, помнится, просил тебя договориться с ним.

— Не выйдет, — сумрачно мотнул головой Астахов.

— Ерунда! — поморщился Сухой. — Что значит — не выйдет? Договориться можно всегда и с каждым в этой стране. Если не в форме единовременных пособий, то в расчете на перспективу. Ты знаешь Колмыкова? Мы вместе с ним играем в гольф в Нахабино.

— Колмыков? — прищурился Астахов. — Это та забавная история с правительственными нефтяными квотами, которые должны были отлиться в средства на реконструкцию Кремля, но почему-то не отлились? — Астахов коротко и прохладно улыбнулся. — Разумеется, знаю. И что?

— А знаешь, кто в его фирме теперь работает заместителем генерального директора? И главным консультантом — кто?

— Ну допустим... Кресло зама занимает бывший первый заместитель министра внутренних дел. А консультантом состоит бывший вице-премьер.

Сухой с холодной улыбкой покивал головой:

— Все-то ты знаешь... Но так вот, к делу. Гонорар за получение тех квот вовсе не обязательно было выплачивать в твердой валюте, просто надо уметь договариваться в расчете на перспективу. — Сухой помрачнел. — И ты хочешь меня убедить, что с простым ментом труднее договориться, чем с замом министра?

Астахов мрачно помолчал.

— Это именно тот случай.

— Слушай... — подался вперед Сухой, доверительно опуская руку на колено Астахова. — А этот Малахов, часом, не маньяк?

— В определенном смысле — да. И у него есть на то причины.

— Ай! — досадливо отмахнулся Сухой. — Я что-то устал от ваших чекистских игр... О чем, бишь, мы толковали? Ах да, речь шла о твоём лихом парне. Ты не ответил на мой вопрос. Почему, если он так хорош, он не пристроен к делу в твоём агентстве?

Вот тут и возникла та самая пауза, на которую я обратил внимание еще в каземате Анатолия, поразившись странному замешательству, в которое впал Астахов, потом он с видимым усилием опять заговорил.

— Боюсь, наше сотрудничество с ним вам не слишком бы понравилось.

— Что? — немного напрягся Сухой. — Что ты имеешь в виду?

— Ну, я тут навел справки... Тот случай с Виктором... Когда мы нашли его в полной отключке там, в туалете института... Это ведь был он.

Я включил перемотку, минуя те минуты, в течение которых Сухой напоминал мертвеца, и возобновил дубляж, когда он с ледяными глазами подошел к окну.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Найди его мне, слышишь, найди.
— Да, — кивнул Астахов. — Найду.
— Но только живым. Я сам с ним разберусь.
— Может, лучше нам?
— Нет. Я сам.

Я опять оборвал просмотр — на том кадре, где Сухой поднял лицо, и мне показалось, что он глядит прямо на меня и вслед за этим произносит какую-то тщательно артикулированную фразу.

В тексте этого субтитра темнела единственная на всю тетрадку пометка, точнее сказать, это был вычерк какого-то слова, смысл которого надежно укрывали плотно пригнанные штрихи, а поверх этого темного пятна было аккуратно вписано новое слово — «поимею».

«Я его поимею и высушу».

Я усмехнулся, отдав должное деликатности спящей за моей спиной девочки, у которой рука не повернулась довести до моего сведения исконную форму этого крепкого выражения, а впрочем, я прекрасно знал, как оно звучит.

— Как он смог уйти от вас тогда, несколько лет назад? — с мрачным видом осведомился Сухой.

— Он хорошо спрятался, — сказал Астахов. — В таком месте, где его никому не пришлось в голову искать.

— Ну и где же? На острове Пасхи? Или в Патагонии?

— Формально — гораздо ближе. По сути — дальше.

— Кончай. Мне надоели твои загадки.

— Он спрятался в Чечне.

Снова долгая пауза.

— Найди мне его, — сказал Сухой.

— Хорошо.

— Что-то еще?

Астахов пожал плечами:

— Как будто ничего. За исключением того, что на днях юбилей нашей скромной фирмы. Я вам как-то говорил. Наверное, вам стоило бы подышать.

— Да, — нехотя согласился Сухой. — Я вашей фирме многим обязан. А где планируется сбор?

— На одной из наших маленьких загородных баз. Будет старый костяк личного состава, человек десять, не больше... Приезжайте, отдохнем на природе, подышим воздухом. Мы для вас, кстати, сюрприз приготовили. — Астахов увел взгляд в потолок и пару раз взмахнул рукой, словно разбрасывая над головой пригоршни праздничных конфетти: — Бабах, бабах...

— Хм, фейерверк, — слабо улыбнулся Сухой, взгляд его потеплел и приобрел то странное, словно из глубин памяти вырастающее и совершенно с жесткими чертами лица не вяжущееся выражение, которое, наверное, давным-давно теплилось в глазах юноши, терпеливо смешивавшего алюминиевую крошку с марганцовкой. — Черт возьми... Знаешь ты, чем старого приятеля соблазнить.

Мальчик вырос, подумал я, но детская мечта сделаться командиром праздничных салютов до сих пор согревает, его душу,

— Вам понравится, — улыбнулся в ответ Астахов. — Мы пригласили того парня, на которого вы обратили внимание — ну там, на ВВЦ.

— Да, — кивнул Сухой. — Это большой мастер. И так удачно выбрал место для своих парковых композиций — прямо над прудами. Хорошо, заметано, я приеду.

Бог его знает, сколько времени я просидел в кресле — до тех пор, пока не поймал себя на том, что тупо пялюсь в пустой, мелко подрагивающий экран, различая в нем темные пятна прудов, в черной глади которых вспыхивали отблески огненных цветов, запущенных в небо

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Я не заметил, как она проснулась и распустила свои скромные бутоны навстречу солнцу, скорее просто услышал луговой запах, исходивший от ее тела, и только потом ощутил упругое давление ее маленького бюста в спину: наклонившись, она обняла меня, потерлась щекой о мое ухо, потом прикоснулась губами к мочке и слегка прикусила ее. Я вывернул лицо, посмотрел на нее. Она улыбалась, в ее глазах плутало выражение слабого намека.

— Нет, детка. Не теперь. Теперь нам надо смазать пятки дегтем и рвать отсюда когти.

Мотоцикл я подтавил в торце знакомого дома, напротив газона, обласканного тихо шевелящейся тенью Древа желаний. Астахов пообещал найти меня, и он конечно же найдет. Так что оставаться дома было небезопасно.

Отар, казалось, нисколько не удивился, когда мы возникли на его пороге, окинул медленно восходящим взглядом мою сублинную спутницу и, поправив оправу черных очков, покачал головой.

— Я к тебе вовсе не за тем, о чем ты подумал, — сказал я.

Он молча кивнул, посторонившись и открывая проход в сумрачную прихожую.

— Она поживет у тебя немного? Дня три, не больше, а?

— Конечно, — улыбнулся Отар, опуская руку на ее хрупкое плечо. — Как нас зовут?

Она съезжилась и вопросительно посмотрела на меня. Я ласково погладил ее по голове — она расслабилась и улыбнулась. Отар склонил голову набок и, медленно убрав руку с ее плеча, повесил ее в воздухе, вывернув ладонью вверх, — жест выглядел вопросительно. Я легонько — утвердительно — хлопнул его по руке.

— Все нормально. Но, если хочешь ее о чем-нибудь спросить, старайся четче артикулировать. Она понимает по губам.

С минуту он молча смотрел на меня, и мне показалось, что за мраком аспидно черного стекла я угадываю смысл его взгляда. Я коротко кивнул:

— Ага, все верно. У меня возникли кое-какие проблемы. Ей в это впутываться ни к чему. Не бойся, она тебя не стеснит. Ей немного надо. Чуть-чуть солнца и влаги, вот и все.

Некоторое время он сосредоточенно глядел на мою спутницу, потом поднял руку, медленно стянул с переносицы очки, и я быстро увел взгляд в сторону, но на сетчатке остался мгновенный и четкий оттиск той странной, мучительно напряженной и мелко колышущейся субстанции, отдаленно напоминающей розоватый пельмень, которая вспухала на месте его левого глаза. Спустя какое-то время я, все еще не находя в себе сил поднять взгляд к его лицу, почувствовал, что наблюдаю за происходящим на привычный растительный манер — тактильно — рукой, все еще бессознательно поглаживавшей девочку по волосам, и в этом опосредованном — через мягкий шелк ее волос — осязательном наблюдении не улавливаю и тени неловкости или смущения, напряжения или испуга, которые должны были бы возникнуть в тот момент, когда с переносицы Отара соскользнули очки, напротив, шестым чувством — я угадывал, что именно в этот момент между ними, молча стоящими друг напротив друга, возникло очень внятное, ощущаемое поверхностью кожи поле сокровенного взаимопонимания. Собравшись с силами, я перебрал быстрый взгляд с девочки на Отара и обратно, — оба они слабо улыбались, казалось не находя друг в друге ни малейшего изъяна, или, скорее, находя этот изъян ничем из нормы не выбивающимся, а потом она плавно выскользнула из-под моей руки и протянула Отару узкую ладонь в знак приветствия и дружеского расположения, а мой старый друг медленно и с оттенком церемониального изящества начал склоняться к ее руке и наконец коснулся ее губами.

— Ты с ним поострожай, — сказал я, тронув ее за локоть. — Он профессиональный сердцеед.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Она тихо рассмеялась и мотнула головой.

— Не веришь? Пошли. Я покажу тебе Древо его желаний.

Миновав коридор, мы зашли в спальню, где царил рыжеватый сумрак, я отдернул глухую плотную гардину, открывая путь ослепительному солнечному свету, она, плотно сощурившись, приблизилась к подоконнику, выглянула на улицу, Недоуменно моргнула, и в лице ее возникло выражение тревоги. Я проследил ее взгляд. Слева от газона в тесном русле пешеходной дорожки стоял бело-голубой милицейский «форд». Рослый мент, затянутый в бронежилет, прохаживался вокруг «Урала» с таким видом, будто осматривал редкий музейный экспонат, потом он присел напротив номерного знака. Сосредоточенно покусывая губу, он некоторое время рассматривал собственные ногти, с усмешкой кивнул в знак того, что настиг какую-то смутную мысль, блуждавшую в его голове, сдернул с ремня черный пенал раций.

— Что он говорит? — прошептал я.

Она пожала плечами — должно быть, не успела считать с его губ смысл коротких фраз — и глянула виновато.

— Ничего. — Я ласково потрепал ее по щеке. — В сущности, и так все ясно. За исключением того, как я буду расплачиваться с Майком за мотоцикл.

О том, чтобы приближаться к нему, не могло быть и речи. Астахов обещание держал, он почти нашел меня, хотя я не вполне понимал, как это ему удалось. Ну да мало ли — школа за его плечами хорошая. На Майка грешить не приходилось: в списке тех, кого он собирался иметь самым циничным способом, менты значились первым номером. Даже если бы они наведались в его берлогу, добиться от Майка им ничего бы не удалось. Анжела? Тоже вряд ли. Десять лет на улице кое-чему да учат. Я осторожно подвинул гардину на место — спальня погрузилась в полумрак, — опустился на кровать, подвинул к себе стоящий на тумбочке телефон, набрал номер Люкиного мобильного. По счастью, она не забыла свою сумочку на рабочем столе.

— Ты в офисе? — спросил я, как только в трубке раздался ее голос.

— Нет. — Она саркастически цыкнула зубом. — Я в театре Моссовета на концерте Горана Бреговича: по долгу службы пришлось посетить это шоу.

Я молча кивнул — как же, как же! — модный по теперешним временам маэстро на днях привез в Москву свой широко известный коллектив, на выступление которого личный состав нашего пряничного домика вполне мог прибыть в полном составе, потому что именовался он «Оркестром похоронной и свадебной музыки». Те, кому удалось побывать на концертах, утверждали, что симбиоз похоронных и свадебных мотивов — это нечто.

— Люка, я серьезно.

Она помолчала.

— Ну в офисе я... А ты опять влип в какое-нибудь дерьмо?

— Что-то вроде этого. Ты не знаешь, та роскошная домовина, которую мы возили на выставку достижений похоронного хозяйства, все еще в кузове нашего линкора?

— Ну а где ей быть? Ты же, сукин сын, не выгрузил ее.

— Ну извини, так уж вышло. Сначала меня отвлек наш мастер художественного слова со своими эпитафиями. Потом я заторопился к тебе домой: пить в одиночку вредно для психики. Потом...

— Я знаю, что было потом, — оборвала меня она. — Ладно. Сделай одолжение, прекрати...

Ну разумеется, я должен был прекратить покушаться — тем самым заветным способом — на ее целомудренные мозги.

— Хорошо, — согласился я. — Тогда маленькая просьба. Ты не могла бы встать к штурвалу и привести наш крейсер в одно уютное место?

Я сообщил ей координаты, рассказал, как лучше заехать во двор, развернуться, подать «кадиллак» задом к парадному, а потом разблокировать двери. Люка запустила в пространство телефонного эфира настолько аппетитную и пространную реплику, что мне с

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

трудом удалось за витиеватыми переплетениями ее сквернословии разобрать, что она, твою мать, скоро будет, мать твою, на месте, трали-вали-кошки-срали, через час, ешь твою двадцать.

Я опустил трубку на аппарат, помолчал, глядя перед собой.

— Коньяк? — с пониманием осведомился Отар. — У меня остался тот — с прежней нашей встречи.

— Да нет, — покачал я головой. — Для такого случая положена водка.

— Водка — в такую жару? — спросил Отар.

— Что поделать, таков обычай. Кстати, у тебя в кухонном шкафу или холодильнике, часом, на завалилась плешка с кутьей?

— Часом, нет... — протянул он, опускаясь рядом со мной на кровать, и тихо спросил: — В чем дело?

— Да так... — болезненно поморщился я. — Плечо ноет. Оттого, наверное, что за твоим домом уже, скорее всего, приглядывают малоприметные ребята. Сидят в машине. Или просто фланируют по двору, зыряка на подъезды... И ждут, когда появится мотоциклист, бросивший своего железного коня вон там, неподалеку от Древа желаний. Но мне надо по-тихому выбраться отсюда.

— Как? Если они приглядывают за подъездами?

— Да как... В гробу.

На кухне мы быстро соорудили нехитрую закуску, разлили водку по рюмкам. Одну я оставил в сторону, накрыв ее кусочком черного хлеба.

— Что ж, выпьем, — тяжело вздохнул я. — Покойный был большим грешником, но именно за это все мы его и любили.

Когда спустя час явилась Люка, мы с Отаром были уже изрядно подшофе. Василек, приличия ради поучаствовав в первой стадии поминок, перебралась на свое излюбленное место и, усевшись на подоконник, обхватив колени руками, тускло глядела во внутренний двор. Я объяснил Люке ситуацию. Против моих ожиданий она отозвалась на затею с вывозом моего тела в гробу с энтузиазмом и даже в порыве какого-то лихорадочного возбуждения согласилась махнуть рюмку.

— Сукин ты сын, — коротким кивком в мою сторону и легким покачиванием руки с рюмкой обозначила она адресата траурного тоста, выпила, поморщилась, тряхнула головой и только теперь, как мне показалось, заметила девочку на подоконнике.

С минуту они молча глядели друг на друга. Наконец губы Люки тронула уже знакомая мне щемящая улыбка: должно быть, она все поняла. Кивнув девочке с каким-то не вполне внятным чувством — напутственным, как мне показалось, — она тряхнула головой и пихнула меня в плечо.

— Пошли, раб божий. Пора выходить из этого уютного дома вперед ногами. А, черт! Я забыла твои белые тапочки.

Я и без них управился. Люка задом подала катафалк почти вплотную к распахнутой двери парадного, так что мне никакого труда не составило быстро прошмыгнуть в салон. Она тут же заблокировала двери и плавно отчалила. Откинув крышку роскошной домовины, я улегся в обтянутое белым атласом, поразительно мягкое и удобное ложе гроба, опустил крышку и сразу почувствовал прохладное дыхание обеспечивающего комфортный микроклимат кондиционера, которое так удачно вплеталось в строй тихой мелодии, льющейся неизвестно откуда, из потайных каких-то динамиков, смутно знакомой. Прислушавшись, я опознал этот напряженный и в то же время щемящий мотив — протяжная до бесконечности, волнистая и тревожно вздрагивающая на взлетах тема Энио Морриконе из фильма «Профессионал» — и испытал мягкий прилив счастья, потому что впервые в жизни не было нужды рвать в кровь ладони о жесткое древко весла, напрягать мускулы, подталкивая челн против течения, — он сам по себе тихонько плыл вперед.

Два дня, проведенные, в подвале нашего офиса, куда Люка распорядилась поместить мой временный дом, прошли как в сказке: настолько комфортно я давненько себя не чувствовал и потому, стараясь не нарушать ощущения полнейшего душевного покоя, поднимался из гроба разве затем, чтобы открыть новую банку «Гессера», упаковку которого Люка предусмотрительно доставила мне тем же вечером, или на скорую руку заморить червячка, сжевав пакетик чипсов «Эстрелла», к пиву прилагавшихся. К исходу вторых суток возлежания на одре отчего-то взгрустнулось — отчего, неясно, потому что лучшей доли, чем та, которая мне так неожиданно выпала, вялая от безделья фантазия не подсказывала. Оно понятно: лежать в гробу, окутываться колыбельными звуками музыки, лакать пиво и ни о чем не думать — это ли не есть то самое простое человеческое счастье, о котором каждый из нас втайне мечтает. Природа же легкого томления, которое начинало смутно тревожить плоть, открылась в момент вечернего визита Люки, заглянувшей в подвал проводить меня. Пикантные формы ее тела под полупрозрачным платьем настолько, видимо, взбодрили мое воображение, что результат его работы красноречиво отразился в моем взгляде — особенно в тот момент, когда она уперлась руками в край домовины и зябко пошевелила плечами, отчего сиреневый дым ее платья так мягко и призывно вспух на груди, оттеняя валкое колыхание пышного бюста.

— Ага... — с пониманием произнесла она, наблюдая за тем, как я поворачиваюсь на бок, освобождая уютное пространство слева от себя, и некоторое время пребывала в нерешительности, явно туманящей взгляд ее больших, навывкате, карих глаз, однако взяла себя в руки и, сведя брови к переносице, решительно мотнула головой: — Ну нет. Эту будет уже слишком. В конце концов существует профессиональная этика... И потом... Я, собственно, зашла, чтобы предложить тебе освободить жилплощадь. Этот гроб нам понадобится на следующей неделе.

— У нас опять пристрелили какого-нибудь банкира? — Я заворочался в скользком атласном ложе.

— Да нет... Сюда ляжет несчастный цыганенок. Ну тот, который вмазал себе «золотой выстрел». Вроде вся его бесчисленная родня уже прибыла. И отец хочет, чтобы все было по высшему разряду. Бедный дядька. Он за это время постарел лет на двести.

Заготовленный вариант борьбы с томлением плоти моментально расплылся, отпрыснувшись прохладной потовой росой, вспухшей на лбу. Она права. И дело тут не в профессиональной этике.

— Ну ладно, отдыхай до завтра, — сказала Люка, тяжелым вздохом приподняв свою пышную грудь. — Я пойду. Хочу спать.

— Хорошо, — сказал я. — Спи спокойно. И пусть тебе приснится что-то хорошее.

— М-да... — грустно отозвалась она. — Почему все хорошее является нам только во сне?

— Не знаю. Такое время. Сейчас время сна. Даже когда мы бодрствуем. Гребем в похоронном челне, как я. Или делаем на этом транспорте бизнес, как ты.

Она отчего-то смутилась и, скосив взгляд в сторону, тихо и будто бы между делом спросила:

— А что это за парень? Ну, тот, к которому я приезжала на нашем авианосце за твоим телом?

«О господи, — подумал я. — Этого не может быть. Этого не может быть, потому что не может быть никогда».

— Он лучший мужик, которого я когда-либо встречал в своей жизни. Во всех отношениях.

— Во всех? — заинтересованно переспросила она.

— Я вовсе не то имел в виду, о чем ты подумала,

— Знаешь, Паша, — грустно улыбнулась она. — Я ведь тоже имела в виду вовсе не то, о чем подумал ты.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Какое-то время мы молча смотрели друг другу в глаза, и я опять подумал — с оттенком легкой ревности: этого не может быть.

— Знаешь, Паша, я ведь баба, если ты успел заметить... И как всякая баба — просто по определению — курица. В сущности, курице нужен лишь насест. Усядешься поудобней, сгребешь крылом под себя своих птенцов и греешь их своим теплом. Или хотя бы одного птенца... — Она помолчала, теребя бретельку своего платья. — Почему он носит такие жуткие очки? Он что, слепой?

— Да. На один глаз. Второй у него нормальный. И мне кажется, он его на тебя положил.

— Правда? — спросила она с той степенью наивности и неуверенности, с какой пятиклассница отзывается на приглашение мальчика проводить ее из школы домой, потом прикоснувшись губами к своей ладони и сдула с нее отпечаток легкого, ни к чему не обязывающего, дружеского поцелуя: — Спи, лодочник.

Я повернулся на правый бок, укладываясь поудобней, однако что-то мне мешало, упираясь в бедро. Я сел в гробу, сунул руку в карман куртки — это была книжка, на одной из страниц которой я на всякий случай записал номер бронированного «линкольна», завернувшего на церковный двор.

Книга вяло распахнулась, уронив затрепанное крыло мягкой обложки на мое запястье и открыв скромным и постным шрифтом тиснутый на пустой странице титул — «Окаянные дни», — паривший словно в невесомости в пространстве чистого листа, и отпечаток этот, отслаиваясь от тонкой бумаги мутноватым дымком, походившим на тот, что вырастает тонким шатким стеблем из серого хоботка забытой в старой малахитовой пепельнице папиросы, и, причудливо извиваясь, местами густея, местами же просветляясь до состояния туманной прозрачности пристального взгляда, формировался во что-то такое, что напоминает воспринятые сквозь слой речной воды черты мучительно насупленного старческого лица. В мутноватых глазах старика стояло выражение той самой боли, которую я уже однажды испытал, стоя в открытой будке телефона-автомата на углу Лесной улицы, тупо прислушиваясь к молчанию Голубки, насквозь пропитанному ее слезами, и чувствуя, как в ткани моего одревеневшего тела медленно входят новые крови, настоянные на клейких древесных соках...

Игры воображения настолько увлекли меня, что я с некоторым запозданием ощутил легкую щекотку в безымянном пальце, причиной которой было легкое касание высохшего травяного венчика, мучительно стремящегося — вслед за тонким побелевшим жалом травяного ствола — выскользнуть из плотной хватки туго спрессовавшихся книжных страниц.

Я качнул книгу на ладони — она распалась, вяло развалив затрепанные крылья, как поймавшая заряд кучной дробы птица, и затихла в предсмертной агонии, на том самом месте развалившись, где прервал свое чтение брат Анатолий, заложив между страниц тогда еще живую и сочную травинку, а потом с не слишком приличествующей его статусу шаманской интонацией изрек свою скорбную и невесомую, как дыхание, догадку о двух вариантах, среди которых не приходится выбирать.

Я смутно догадывался, каким смыслом это дыхание наполнено, — я начал его чувствовать уже в тот момент, когда он, оторвав ладонь от гладко отшкуренной доски, на которую должны были — со временем — лечь плавные иконописные мазки, коснулся моего лица, внимательно ощупал его, а потом безнадежно уронил руку, одним движением губ обозначив фигуру произнесенной в глубь себя фразы:

— Иного не дано. Либо так, либо эдак.

И потому сплетение литер в путаной вязи плотного текста меня не сбilo с толку — я безошибочно вычленил в плотном абзаце его коренную жилу:

«Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, „шаткость“, как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: „Из нас, как из дерева, — и дубина и икона“, — в

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев».

Я медленно провел ладонью по лицу в надежде распознать в его жестких чертах хоть какой-то смутный намек на былые прикосновения той тонкой кисти, из-под которой выходят плоские иконописные лики, но ничего не услышал в себе и не увидел и вдруг испытал чувство облегчения — возможно, потому, что, жестко покусывая все это время губу, наконец-таки прокусил ее и услышал знакомый привкус крови. Я утер рот тыльной стороной ладони, на которой остался влажный, быстро темнеющий мазок.

— Хорошо, ребята, — тихо произнес я, глядя в пространство. — А ведь у меня есть шанс отвезти на тот берег, — я слизнул языком кровавый мазок, и вкус его пришелся мне по душе — возможно, еще и потому, что перед глазами встали того же сочного оттенка огненные цветы, выпестованные умелой рукой Саши Кармильцева, падающие отголосками своих коротких, но пышных цветений в черную гладь прудов на ВВЦ и отзывающиеся смутными всполохами в черном лаке бронированного «линкольна».

Глава седьмая

1

Фургон с искрящимся логотипом на борту я поджидал у поворота к промышленной зоне, в тени старого каштана, утомленного солнцем, белой цементной пылью и чадом выхлопов, изрыгаемых тяжелыми грузовиками, — густая тень его кроны, казалось, парила над обширной лужей у железных ворот какого-то густо дышащего запахами горячего металла заводика, словно опасаясь прикоснуться к поверхности мертвой воды, в которой даже мутноватый солнечный свет, пробивавшийся сквозь пыльную листву, закисал и гнил, распавшись в радужной гамме тонкой мазутной пленки, — ночью прошел мощный гулкий ливень, и его расплесканные по колдобинам и выбоинам в асфальте визитные карточки еще не успели выцвести, на солнце, обратившись в стустки отливающей скользким лаком грязи. Я закурил, окинул взглядом место засады, в которой поджидал Саню, подремывая в старых Люкиных «Жигулях» шестой модели: этот слегка уже тронутый тленом ржавчины рыдван без дела стоял на вечном приколе возле нашего офиса, и я им воспользовался: ключи от своей «субары» Люка мне, разумеется, не дала, а иного транспорта под рукой не было, за исключением катафального «кадиллака», габариты которого и слишком броская внешность никак не годились для той затеи, смутные контуры которой начали складываться в моей голове прошлой ночью, когда, лежа в гробу, я посасывал сочащуюся из прокушенной губы кровь, находя, что вкус ее мне нравится все больше и больше.

Место засады выбрано было с тем расчетом, что Саня, направляясь украшать праздничный пикник по случаю скромного юбилея астаховского агентства своими огненными небесными цветами, его не минует: это была единственная дорога, ведущая из промзоны в сторону окружной. Наконец фургон, в борту которого рассыпался искрящимися блестками знакомый логотип «Sky Flower», проплыл мимо. Пристроившись ему в кильватер, я покати следом. Упустить из виду фургон было мудрено, ехал он медленно, старательно огибая выбоины в асфальте, — скорее всего, тем гремучим смесям, которыми был набит кузов, тряска была противопоказана — и даже на гладкой окружной Саня не поддавался искушению придавить газ. Миновав пару развязочных виадуксов, мы свернули на Ярославское шоссе. На своем тихоходном буксире Саня завез меня километров за пятьдесят от Москвы, потом свернул с трассы на узкую бетонку, убегающую, в старый лес. Я притормозил на повороте, дождавшись, пока фургон не скроется из виду, потом медленно тронулся следом, и минут через пять дорога выплеснула меня к каменным воротам поселка, монументальные опорные тумбы которых были изваяны в грешащем избыточной лепниной стиле парковой архитектуры тех пронизанных солнцем, пропитанных кумачом и орошенных

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

звуками духового оркестра дней, когда просторные аллеи было принято украшать гипсовыми скульптурами рослых девушек, сжимающих в крепкой, как у молотобойца, руке тяжелое байдарочное весло — должно быть, дачное поселение было основано в те ветхозаветные времена и с тем расчетом, чтобы старый еловый лес надежно укрывал в своих сумрачных и сыроватых глубинах его обитателей.

С минуту я тупо глядел на эти воротные тумбы, от былой парадной торжественности которых не осталось и следа, и пытался сообразить, что бы это могло означать, — уж слишком неожиданно выросли на моем пути эти два облупившиеся рудимента давно погрузившихся на дно атлантид — и начал было подумывать о том, что, упустив Санин фургон на повороте с трассы, сбился с пути, однако по здравом размышлении эту крамольную мысль отбросил: вильнуть с бетонки было ему некуда, вот разве что в тенистую просеку, что отползала в глубь леса справа от дороги метрах в трехстах отсюда. Я сдал назад, развернулся и покатил в обратном направлении.

Судя по тому, что в глубоких ложах проселочной колеи тускло поблескивала девственная, нетронутая грязь, здесь давно никто не проезжал. Рискуя посадить машину на брюхо, я двинулся в глубь леса и вскоре уперся в маленькую полянку, на краю которой был свален относительно ровным штабелем посеревший от времени, сухой и ломкий валежник, формой и габаритами походящий на погребальный языческий костер, вспомнил наш разговор с Люкой на предмет моих роскошных похорон и прикинул про себя, что это погребальное ложе будет мне в самый раз.

Загнав «Жигули» в тыл штабеля, я двинулся дальше пешком — старый ельник принял меня за своего, и я, растворившись в его сыроватой сини, спустя минут десять пророс в тылу старой водонапорной башни, тень которой ложилась на обширную прореху в заборе, ограждавшем территорию поселка. Похоже, я оказался в дальнем его тупиковом углу, глухом и сумрачном, тяжелыми кронами стоявших вдоль узкой аллеи деревьев сраставшемся с лесом. По левой стороне аллеи тянулся глухой зеленый забор, плоский верх которого был изящно подвит спиралью колючей проволоки, а у распахнутых ворот стоял знакомый мне фургон.

Коренастый дубок, охранявший угол забора, гостеприимно предложил мне в подмогу один из своих нижних сучьев; ухватившись за него в прыжке, я повис, собираясь с силами, подтянулся настолько, чтобы в очередном рывке вверх дотянуться рукой до крепкой толстой ветви, на которой смог передохнуть и впитать корой своих черствых шершавых ладоней ровное дыхание крепкой дубовой плоти, а вслед за этим расслышать в ее глубинах мерные пульсации древесной жизни, — они быстро вошли в мою кровь и срослись с ритмом моего дыхания, потому я без труда растворился в пышной кроне дерева, наблюдая сквозь нее фрагменты обширного участка, по центру которого грелась на солнце аккуратно выбритая лужайка с декоративным прудом, искусственное происхождение которого сразу бросалось в глаза: уж слишком плавен был очерк его берега, с избыточной тщательностью выстеленного разнокалиберным гладким булыжником.

Вокруг пруда разбредались несколько дачных столиков, укрытых от солнца круглыми зонтиками тентов, левее ароматно курилась жаровня барбекю и окутывала слоистым дымком массивную тележку передвижного бара, открытые полки которого были забиты множеством бутылок всех мыслимых и немыслимых форм, цветов и оттенков.

В тылу лужайки выросло несколько не вяжущееся с общим ансамблем строение, в плавных покатых формах которого смутно угадывалась миниатюрная копия тех атлантидных концертных «ракушек», что некогда были разбросаны по паркам культуры и отдыха: полукруглая палуба крохотной эстрады, уютно накрытая сферической крышей, под сенью которой темнели массивные ящики черных динамиков, а на переднем плане, у самого края эстрады, тускло поблескивала хромом долговязая стойка микрофона.

Левее, метрах в пятидесяти от края солнечной поляны, в синеватом сумраке леса просматривались контуры массивного дома, над светлым каменным цоколем которого нависала просторная лоджия, обшитая благородным черным деревом и отороченная по

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

верхнему краю низких перил розовой, как кровавая пена у рта, пышно клубящейся геранью. Чопорной и подчеркнуто буржуазной внешностью этот элемент дома походил на открытую ресторанную веранду уютного горного отеля, да и вообще в облике симпатичной дачки смутно угадывалось родство с альпийским шале, неведь каким ветром занесенным в безалаберные глубины русского леса.

Единственным обитателем этой цивилизованной, на типично европейский манер вылизанной резервации, взятой в осаду варварским ельником, казался Саня — экипированный в камуфляжную форму, он, низко надвинув на лоб длинный козырек полевой армейской шапочки, меланхолично бродил по участку, высеивая по пространству поляны зачатки небесных цветов. Приседая на корточки, он подолгу возился с каждым пучком рассады, что-то прилаживая, устанавливая и прикручивая, потом, медленно поднявшись и отступив на пару шагов, любовался делом рук своих и медленно поднимал голову к небу, — по всей видимости, следил в воображении за возможным направлением роста того или иного стебля, качал головой и начинал что-то переделывать, перестраивать в своих грядках, изредка зыря в сторону ворот, вплотную к которым стояла крепко сбитая из толстых бревен сторожевая башенка, возвышавшаяся над забором метра на три.

Проследив направление его коротких косых взглядов, я обнаружил, что по узком балконе, охватывающему башенку по периметру, прохаживается коренастый молодой человек с десантным автоматом, висящим на плече дулом вниз, и меланхоличная сойка, усевшаяся прямо напротив той развилки в теле дерева, из которой я пророй одной из свежих упругих ветвей, глянула на меня с оттенком то ли сожаления, то ли укоризны.

Мне вполне был понятен смысл ее взгляда. Восстав с утра пораньше из гроба, я наведалься в наш офис, открыл сейф и собрал в свой походный рюкзачок нехитрые пожитки, необходимые для лесной жизни, в первую очередь выводок своих стальных «ласточек», да плюс к тому кое-что из арсенала тех молодых людей, что в свое время наведывались к нам в гости: «Реск» с одиннадцатью патронами в обойме, шокер, наручники, однако этого было явно недостаточно, чтобы вступать в полемику с теми людьми, что уже начали подтягиваться на полянку, выбираясь из своих черных мерседесовских джипов. Поразмяв затекшие суставы сладкими потягиваниями, поглазев в высокие небеса, проветрив легкие несколькими глубокими вдохами — как это делает всякий горожанин, вырывающийся на природу, — они начали стекаться к бару, чтобы зарядиться аперитивом, и рассеялись по пространству полянки, фланируя туда-сюда, изредка перебрасываясь короткими фразами и прихлебывая из бокалов. Их было десять человек, включая несущего вахту на сторожевой башенке, и время текло для них незаметно за выпивкой и расслабленными дефиляжами по лужайке — в отличие от меня, для которого оно остановилось в наблюдении за крепким желудом, уже вполне созревшим для того, чтобы оторваться от материнской ветки и упасть, и потому я с оттенком полного равнодушия отмечал краем глаза, как прибыл Астахов на маленьком джипе Rangler, ведя на буксире громоздкий черный «линкольн», из которого выбрался Сухой, покивал собравшимся, принял от Астахова бокал с шампанским и, чинно прошеествовав на эстраду, начал произносить в микрофон какие-то медленные слова, туго вспухавшие в черных ящиках динамиков и, принимая форму тяжелых шаров, катящихся в сторону общества, рассеявшегося за столиками. О чем он говорил, я не понимал.

Закончив праздничный спич, Сухой поднял бокал, сделал маленький глоток, и общество, успевшее к моменту появления патрона уже изрядно нагрузиться, включая и того, кто стоял в дозоре на башенке, отозвалось бурной вспышкой типично застольных восторгов, — с криками «ура» и расплескиванием напитков из в едином порыве качнувшихся вверх бокалов.

Вечерушка накалялась по мере того, как на полянку ложились сумрачные синие тени. Сухой предпочитал наблюдать за ней со стороны, с лоджии дома, где он уютно устроился в кресле-качалке, и наконец, когда сумрак загустел, жестом подозвал Астахова, что-то нашептал ему на ухо. Тот покивал, поглядывая на Саню, коротавшего время в меланхоличном покуревании у забора.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Астахов сделал Сане знак рукой, тот вяло поднялся с корточек, направился к воротам, однако эти движения едва задевали мой взгляд, занятый- наблюдением за таинством зачатия новой жизни: я чувствовал, как висящий рядом с моим лицом желудь наливался спелой тяжестью, и вот уже преодолел в этом росте какие-то предельные объемы и величины, и оторвался наконец, и начал медленно падать к земле, чтобы со временем, зарывшись в мягкую почву, выбросить из себя свежий росток, и я последовал его примеру, неслышно соскользнув со своей ветки.

Саня стоял спиной ко мне у фургона и слишком был погружен в свои мысли, чтобы расслышать звук моего падения — мало ли желудей тихо валяются с дубов в мягкую траву обочины! — зато я хорошо слышал примету его сосредоточенности: он, по обыкновению, щелкал фалангами пальцев, и отвратительный этот звук отзывался во мне мелким ознобом.

— Черт тебя возьми, Саня, я ведь тебя предупреждал, — сказал я в глубь себя — того прежнего себя, что когда-то шел по каменистой тропе вслед за массивным сапером. — Если ты не прекратишь вот так щелкать пальцами, то я тебя вырублю.

Прикосновение шокера к шее заставило его вздрогнуть, напрячься и вдруг расслабиться — завиваясь винтом, он начал опускаться на землю, и я успел подхватить его под мышки.

— Извини, друг, извини, — сказал я, затаскивая Саню в чрево фургона. — Ни к чему тебе встревать в эти игры.

Я быстро переоделся в его камуфляжную форму, которая сидела на мне как влитая — мы ведь были с Саней одной комплекции, — натянул на нос козырек полевой шапочки, нащупал в боковом накладном кармане брюк плоский пенал пульта, с которого запускались небесные цветы. Саня шевельнулся на полу фургона.

— Извини, у меня нет другого выхода, — сказал я, успокоив его очередным разрядом, закутал в аккуратно сложенное в углу солдатское одеяло, потом поднял его правую руку, окольцевал запястье браслетом наручников, а другой браслет прицепил к ножке намертво приваренной к полу лавки. — Извини. Но тебе в самом деле ни к чему встревать в эти дела.

Заблокировав дверь фургона, я двинулся к воротам, миновал их — на меня никто не обратил внимания, даже постовой: прислонив автомат к ножке столика, он забирался на эстрадку, где вокруг микрофона уже собралось все общество, за исключением Сухого, по-прежнему отдыхавшего на лоджии в ожидании салюта. Я уселся на Санино место у забора, достал из кармана пульт.

Динамики вспухли тактами какой-то густой, тягучей мелодии, в которой я тут же опознал одну из первых песенок группы «Любэ» — про дерева, которые рубят мужики: там, за лесом, у реки... Возможно хоровые песнопения под караоке входили в план вечерушки, а может быть, этот номер программы возник спонтанно, просто потому что размякшие от водочки души требовали песни, и вот она в десять луженых глоток рванулась на волю:

— Не губите, мужики, не губи-и-и-те... Не рубите деревья, не руби-и-и-те...

— Очень в жилу мотив, — пробормотал я, нажимая красную кнопку на пульте.

Первыми заработали бенгальские огни, фонтаны и форсы, их искрящиеся шампанские брызги взметнулись из тонких гильзовых сопел, расставленных по периметру полянки, потом в черном небе расцвел Пчелиный рой, а на его мерцающем излете туда же устремились Бриллиантовые иглы, а вслед за ними зароились Блуждающие бабочки, которых вспугнул, наверное, жуткий грохот Марсового огня — в грохоте и истерическом визге стартующих в небо зарядов, всполохах белого магниевого света никто не обратил внимания на то, как я нажал еще одну кнопку на пульте, и пришли в движение кронштейны, удерживающие массивные патроны пламенных фейерверков, расставленных вокруг концертной ракушки. Они медленно опускались, меняя угол обстрела.

Первый же залп Римских свечей в мелкие брызги разнес эстраду, раковину навеса и всех, кто под ней, сгрудившись вокруг микрофона, дотягивал финальный стон: «Не рубите, мужики, не рубите!» — а шквальный огонь Светящихся ядер просто срубил ее под корень.

— Вечерушка удалась, — пробормотал я, чувствуя, как приятно и остро щекочет

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

ноздри запах паленого человеческого мяса, который я, казалось, окончательно и бесповоротно вытравил из своей растительной памяти.

Сунув хромированный «Resk» за пояс брюк, я направился к лоджии.

2

Он прекрасно видел, что произошло, однако не сделал и попытки что-либо предпринять, а лишь порывисто приподнялся из кресла-качалки, привстал, а потом мягко опустился обратно в удобное ложе и, слегка раскачиваясь, дожидался моего прихода на лоджию, словно разомлевший за долгий жаркий день дачник, и, по мере того как расстояние между нами сокращалось, я все больше убеждался в том, что все это время недооценивал его. Он был сильным человеком — из той породы, что спокойно принимает свою участь: во всяком случае, в его стального оттенка глазах не было и намека на страх или оторопь, отчаяние или обреченность — скорее выражением совершенно неуместного в его положении искреннего любопытства был пропитан его неподвижный взгляд, который, как мне показалось, даже слегка потеплел в тот момент, когда я встал напротив него.

— А ты хорош! — прохладно улыбнулся он и, покосившись на бесформенную грудку дымящихся обломков на месте концертной ракушки, спросили — И откуда ты взялся, окаянный такой?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Из дней. Какие дни, такой и я. Времена не выбирают. И кстати... Ты, собственно, если чем от меня и отличаешься, так это тем, что едешь на «линкольне», а я до последнего времени — на стареньком «Урале». Да и тот у меня отняли нанятые твоим Астаховым менты.

— Астахов — дурак, — холодно обронил он. — Он сам во всем виноват. Господи, ну почему кругом одни идиоты? Одно дубье стоеросовое. Дубье-дубьем.

— Такой уж мы деревянный народец. — Я закурил, наблюдая за тем, как он мирно раскачивается в качалке, сосредоточенно постукивая пальцами по плетеному из тонких светлых прутьев подлокотнику.

— Выпить не хочешь? — неожиданно спросил он и в ответ на мой кивок поднялся. — Пошли в дом. Тут чем-то воняет.

— Так известно чем, — заметил я. — Горелое мясо да порох. Порох да мясо. Нам не привыкать.

— Это точно, — кивнул он, пропуская меня в стеклянную дверь дома, а когда я помедлил, не желая подставлять ему свою спину, тихо рассмеялся: — Не бойся. Я не собираюсь с тобой драться. Вон ты какой амбал. Да еще, насколько я успел заметить, при пушке. А я уже не первой молодости человек. И без оружия.

Мы прошли в просторный каминный зал, обставленный мягкой кожаной мебелью, по верху которого, на уровне второго этажа, тянулась огороженная низкими перилами галерея, на нее выходили двери комнат. Внешнее впечатление оказалось верным — дачка и внутри походила на уютный альпийский отельчик. Сухой подошел к передвижному бару, скользнул взглядом по батарее экзотической формы бутылок, обернулся, вопросительно глянул на меня.

— Водка, — подсказал я. — Так положено по традиции.

— Да? И что это за традиция?

— На поминках положено пить водку.

Он тихо рассмеялся, покачивая головой:

— Ах да, я забыл, зачем мы, собственно, тут собрались. — Он протянул мне стакан, уселся в глубокое кресло и посмотрел сквозь меня. — Положено ведь — не чокаясь?

Мы выпили, я не почувствовал обжигающего нёбо и глотку вкуса крепкой водки, тряхнул головой, встретился с его бесцветным, поразительно равнодушным взглядом, и мне стало не по себе: он понимал, что живым из этого дома выйдет только один из нас, и этим живым буду я.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Вот именно, — медленно кивнул он. — Ты в самом деле хорош. Но я тебя несколько не боюсь.

— Нет. Каждому из нас есть что терять.

— Ошибаешься. Меня, в сущности, ничего не держит... — Он обвел медленным взглядом высокое пространство каминной залы. — Здесь... У меня был сын от первого брака. Ты его покалечил, и он стал дебилом. У меня была женщина после того, как я развелся с первой женой. Но она ушла от меня год назад. Так уж сложились обстоятельства моего бизнеса, что мне пришлось на время покинуть нашу замечательную страну, а она осталась здесь... — Он помолчал, глядя в пространство, и взгляд его слегка затуманился. — Ну, словом, я ее потерял и уже не пытался вернуть. Потому что понимал, что это невозможно... Такая уж это была женщина. Немыслимая какая-то. И я ее любил — до дрожи, до беспамятства, до умопомрачения. — Он дернул плечом, взяв себя в руки, и махнул рукой. — А впрочем, тебе этого не понять.

— Ну почему же. Мне это знакомо.

Он метнул на меня короткий взгляд, саркастически цыкнул зубом и покачал головой.

— Да брось ты... Откуда? — Он звонко хлопнул себя по коленкам, словно собирающийся в долгую дорогу путник, присевший на минуту по традиции на чемодан, перед тем как шагнуть за порог. — Давай. Работай, парень. Если ты не сделаешь этого, то, значит, это сделаю я. Кто-то из нас ведь должен отчалить в мир иной. А остаться здесь суждено лишь одному. Ну?

В его вдруг сделавшихся совершенно прозрачными глазах стоял полный покой, тот самый, что возникает во взгляде человека, которого в самом деле уже мало что удерживает на этом свете, он смирно сидел в своем кресле, дожидаясь того момента, когда я вытащу из-за пояса тяжелый «Реск» и закончу этот разговор, его холеные белые, совершенно стерильные руки с тщательно обработанными розовыми ногтями по-прежнему неподвижно лежали на коленях, и, глядя на его тонкие, без пятнышка грязи или ссадинки пальцы, я вдруг подумал о том, что мне вовсе незачем его убивать.

— Вот что, собирайся, — сказал я, поднимаясь с дивана. — Нам пора ехать.

— Куда? — вскинул он жидкую бровь.

— Это не так уж и далеко отсюда. Рядом с рекой, неподалеку от метро «Щукинская», живет один мой приятель. Он тебе понравится. Хороший парень, поразительно похож на Элтона Джона. Умный, начитанный, имеющий два высших образования. Его проблема состоит даже не в том, что он придерживается, так сказать, нестандартной ориентации, а просто у него легкий комплекс.

— Хм, ты водишь шашни с геями? — усмехнулся Сухой.

— В том-то и дело, что он не гей. — Я коротко изложил смысл того анекдота, которым попотчевал меня когда-то в Строгино безутешный Сева. — Он пидор. А это большая разница. И его комплекс как раз в том и состоит, что он очень хочет почувствовать себя настоящим геем — в обществе приличного человека из высшего общества. И потому он с огромным удовольствием поставит тебя раком и за милую душу употребит.

— Нашел чем испугать, — равнодушно хмыкнул Сухой. — Это не смертельно. Три четверти нашего бомонда имеют друг друга в задницу, и ничего... А что это тебе взбрело в голову познакомить меня с педиком?

— Да так. Я всего лишь возвращаю тебе твое сокровенное намерение. Несколько дней назад ты, прикидывая с Астаховым мои перспективы, изрек сакраментальную фразу. Помнишь?

С минуту он, едко прищурившись, глядел мне в глаза, потом кивнул и произнес фразу в том исконном, без вычерков и правок виде, в каком она бытует в живом языке.

— Ну вот, — усмехнулся я. — Тебе просто не повезло, сегодня, видно-, не твой день. Сейчас мы поедем на «Щукинскую», и ты займешь мое место в этой изысканной словесной фигуре. С той лишь разницей, что выслушивать мне тебя — после основательного употребления — не придется. И знаешь почему?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Он напряженно молчал, почуяв неладное.

— Да потому, что у моего приятеля уже трижды был положительный тест на СПИД. И кроме того, он ухитрился где-то подцепить гепатит. И еще какие-то вирусные штучки, что, в общем, немудрено, учитывая, что общаться ему приходится со всякой швалью.

Упоминание Малахова про его тяжкий комплекс мезофобии смутно маячило в голове на протяжении всего этого разговора, но я никак не ожидал, что в действительности этот комплекс не просто тяжек, но скорее маниакален... Сухой на какое-то время просто потерял дыхание, кровь отлила от его лица, а глаза, сделались стеклянными, и в них отразилось именно то чувство, которого я так ждал: дикий, животный страх.

— Нет... — едва шевельнув губами, произнес он.

— Ну почему же нет? — весело возразил я. — Как раз-таки да. Вставай, поехали. Сейчас я позвоню сэру Элтону и скажу, чтоб он нас подждал и готовился к интимному с тобой общению.

— Нет, — повторил он тоном обреченного, окончательно и бесповоротно сломавшегося человека.

— Ну как знаешь... — Я вытащил «Реск» из-за пояса, бросил пистолет ему на колени и пошел к выходу.

— Постой, — остановил меня на пороге его голос.

Я обернулся. Он взвешивал пистолет в руке, не глядя на меня.

— А ты не думаешь, что я сейчас выстрелю тебе в спину?

— Нет. — Я грустно покачал головой. — В сущности, ты уже труп. И стрелять тебе в меня нет никакого резона. Кто ж тогда свезет тебя на другой берег, если не я? Так что давай устраивайся поудобней в моей лодке... Плыть нам далеко. Посиди и отдохни. А я пока схожу за веслом.

Я вышел на лоджию и закурил. Я успел сделать всего пару затяжек, а потом в глубинах дома гулко стукнул выстрел.

Он выстрелил себе не в лоб, не в висок или в рот. А почему-то — в сердце.

И продолжал сидеть, утопая в глубоком кожаном кресле, чуть опустив потяжелевшее на девять граммов левое плечо, закинув голову назад, и стеклянно глядел на меня. Я подошел, опустился на колени и вложил в его упавшую на ковер левую руку черный пульт управления салютом.

— Все. Теперь ты можешь командовать.

Возможно, в этот момент меня опутало вязкое наваждение — черт его знает! — но мне показалось, что чуть шевельнулись пальцы мертвой руки, укрепляя в ладони черный пенал, а в мертвых стеклянных глазах отразилось высокое небо, в которое когда-то давно глядел мальчишка, мечтавший со временем сделаться командиром праздничных салютов.

3

Саня давно очухался и, оглашая окрестности диким ревом, бился в запертом фургоне, как огромный зверь в клетке, — микроавтобус аж валко раскачивался с боку на бок — и я с великим трудом поборол искушение открыть дверку и дать волю его неистовству.

— Потерпи немного, скоро тебя выпустят, — пробормотал я, удаляясь в сторону водонапорной башни, где присел в траву, достал из нагрудного кармана камуфляжной куртки Санин мобильник и позвонил Малахову домой. По счастью, он оказался на месте.

— Ты жив еще? — усмехнулся он. — Что ж, уже неплохо. Как проводишь выходные?

— Да как... Как обычно, в трудах. Такова уж тяжкая доля лодочника.

— Какая доля? Я что-то запамятовал.

— У смерти не бывает выходных.

Я почувствовал, как он напрягся на том конце провода.

— Ты где? — тихо спросил он после долгой паузы.

Я примерно обозначил свои загородные координаты.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Хм, это же старый кагэбэшный поселок... Точнее, еще энкавэдэшный. И что ты там делаешь, если не секрет? Прибыл на конспиративную дачу с доносом на соседа, который по ночам слушает радио «Свобода»?

— Да нет, просто прогуливался по окрестностям и невзначай стал свидетелем жутких событий. Тут на одной из дач ребята из охранного агентства праздновали корпоративный юбилей. Ну знаешь, как это бывает... Выпили, потом еще и еще. Начали запускать фейерверки. Собственно, этим огненным праздником должен был дирижировать один профессиональный пиротехник, которого они специально пригласили. Но вот тут какая закавыка... Один наш общий знакомый, как выяснилось, в самом деле давным-давно имел неприятности на почве юношеского увлечения пиротехникой и даже был вынужден перевестись в школу рабочей молодежи. В одном из сочинений — в шестом классе — он написал, что мечтает в будущем стать командиром праздничных салютов.

— М-да? — с сомнением с голоса протянул Малахов. — А не космонавтом или геологом?

— В том-то и дело, что нет. Ну вот, видимо, он решил вспомнить молодость... Разумеется, парень, который готовил заряды, был против. Но ребята из охраны его вырубили, заперли в фургоне, а пульт управления салютом вручили патрону...

— Ай-ай-ай! — нараспев протянул Малахов. — Фейерверки — это же очень опасная забава. Не ровен час... Ведь могут быть и жертвы.

— То-то и оно. Словом, что-то там с этой пальбой вышло наперекосяк, и без жертв, конечно, не обошлось. Ну вот, а наш общий знакомый, ужаснувшись делу рук своих, взял да и пустил себе пулю в сердце. Ствол этот, кстати, должен числиться за одним из сотрудников агентства... Так этот бедняга и лежит на дачке — со стволом в одной руке и с пультом в другой.

— Ай-ай-ай-ай! — опять пропел Малахов. — Какое несчастье.

— Ну я поехал. Мне пора плыть отсюда к другому берегу — отвозить этого несчастного. А вот за других не ручаюсь. Все они в мою лодку не влезут.

— Ладно, я подгоню сейчас туда катера.

— Вот-вот. И выпустите вы этого мастера небесных огней из заточения — он тут совершенно ни при чем. Я бы и сам его выпустил, да вот опасаясь, что он меня под горячую руку прибьет на месте.

— Ладно. Вали оттуда. Быстро.

Я сунул телефон в карман куртки, оглянулся, вернулся к дававшему мне приют, кров и пищу дереву, пошарил ладонями по земле, нащупал наконец опавший желудь, разрыл руками уютную ямку в почве и прикопал это гладкое дубовое зерно — мало ли, может быть, из него проклюнется со временем росток.

4

Запахи, витавшие над дачной поляной, должно быть, глубоко впитались в поры кожи: распустившись мне навстречу, она обняла меня в прихожей, бледный бутон ее губ мягко распался, глаза подернулись влажной поволокой, но, потерявшись носом о мое плечо, она тут же отпрянула, мгновенно увяв, отступила в сумрак ведущего на кухню коридора и, перекрестив грудь руками, сжимая опустившиеся плечи, испуганно поглядывала на меня.

— Пожрать чего-нибудь есть?

Я вдруг понял, что с того момента, когда я, лежа в гробу, посасывал прокушенную губу, смакуя бодрящий вкус крови, меня неотступно преследует древнее какое-то, первобытное чувство, и только теперь я смог его отчетливо определить — это был голод, дикий, свирепый, неумный, туманящий рассудок и понукавший инстинкт самосохранения скользкими повизгиваниями кишок, шевелящихся под мышцами пресса, и властно гнавший на охотничью тропу: поторапливайся, потому что если ты кого-нибудь не съешь, то, значит, съедят тебя.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Она кивнула — есть! — пятась в сторону кухни, все не находя, куда бы спрятаться от вспышки страха, вошедшего в ткани ее тела вместе с принесенным мною в дом запахом едкого пота, крови и пороха, а потом сидела на краешке стула и смотрела, как я алчно жру приготовленный ею фасолевый суп, умасливая начавшую отрастать на подбородке густую щетину сальными потеками, то и дело утирая тыльной стороной ладони жирный рот и смачно чавкая, а потом, выхлебав из большой миски густую похлебку, приступаю к обглаживанию огромной кости, вгрызаюсь в жесткие куски мяса, обволакивающие гладкую костную ткань, перетираю в зубах тугие жилы и наконец отваливаюсь от стола, завершая пиршество зычным рыком.

Она молча и утомленно поднялась со своего места, взяла миску со стола, переправила ее в мойку и опять впиталась в сумрак коридора, куда вслед за скрипом ванной двери выпал клин желтого света, потом послышался пушистый звук бьющей из душа струи — ощущение блаженной сытости вкупе с этим домашними оттенками света и звуками совсем меня лишили сил, и она медленно раздела меня прямо на кухне, тут же запихнув полевую форму в круглое жерло стиральной машины, и удалилась в ванную, послав мне с порога короткий неопределенный взгляд — ну совершенно так же как это делала когда-то Голубка, приглашая меня составить ей компанию — однако ничто не шевельнулось и не дрогнуло во мне. Обстоятельство это меня крайне озадачило, и я, исключительно из любопытства, на призыв откликнулся.

В ванной меня окутали клубы теплого пара, лежащего мутноватой испариной на мягкую слякоть бледно-розовой ширмы за мутноватым пологом которой акварельно проступали туманные контуры ее тела, — и опять это был намек, посланный мне Голубкой из прошлых дней, на который я почему-то никак не откликнулся, вот разве что, погоняемый все тем же любопытством, отодвинул занавес. Перелез через бортик, лег на спину и прикрыл глаза, пытаясь вызвать из памяти те ощущения, которые предвещали наши с Голубкой колыхания в скользком и тесном ложе ванной, и спустя какое-то время их внешние проявления меня коснулись: она опустилась ко мне, и я услышал, как по внутренней стороне ее бедра скользит мягкое тепло, однако этот влажный жар соскальзывал с поверхности моей кожи, остававшейся прохладной,

— Что-то не так, — пробормотал я, поглаживая девочку по влажным волосам, и она подалась назад, ускользая из-под моей руки, и будто бы растворяясь без остатка в горячем паре, однако тут же опять возникла, проявившись прикосновением твердых сосков к моей груди.

Я с трудом приподнял налившиеся тяжестью веки.

Она стояла на коленях, с оттенком беспомощности и виноватости поглядывая на меня, по ее осененной минорной бледностью щеке медленно скатывалась капля — то ли вода, то ли слеза, — и я протянул руку, отгоняя каплю со щеки.

— Ты ни в чем не виновата.

«Это все какая-то прошлая твоя женщина?» — спросила она глазами.

— Да. Наверно, так. Ты иди, ложись спать. Я скоро приду.

Она ушла, закутавшись в большое махровое полотенце, я намылился и принялся драить себя жесткой мочалкой с таким остервенением, будто собирался содрать с себя кожу, и, наверное, мне это в конце концов удалось, потому что чуть позже, до предела завернув кран горячей воды, я стоял под ледяным душем и чувствовал, как вместе с запахом с меня, наподобие старой коры, кусками отваливается прежняя кожа, а под ней проступает новая — тугая и упругая, пропитанная живыми соками.

Влажный след, оставленный ее босыми ногами, вывел меня в сумрачную комнату, где на полу у кровати валялось ее полотенце. Она лежала на кровати, натянув одеяло до самого подбородка. Я шагнул через порог, остановился посреди комнаты, не зная, куда себя подевать, и чутко прислушивался — впрочем, без прежнего удивления или оторопи прислушивался — к тому совершенно новому ощущению, смысл которого только теперь дошел до сознания.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Это была пустота.

Полная, крошечная, вакуумная — я был пуст, как чистый лист бумаги, как белый взгляд слепого, как черный космос, как глоток дистиллированной воды, как пучок света, как просящая ладонь нищего, как реплика немого, — но именно из вакуума этой пустоты медленно потекло в ткани тела новое тепло, потому что, выходит, ни отголоска Голубки, ни тени ее жеста или движения, ни интонации, ни взгляда во мне уже не осталось, а здесь, в двух шагах от меня, под одеялом лежала женщина — маленькая, хрупкая, субтильная, — но тем притягательней было ее невзрачное, еще девчачье тельце, чем яснее проступали из пустоты угловатые его формы, жесткая впадинка ключицы, холмики маленьких грудей, плоский живот, узкие худые бедра, острые коленки: они медленно поднимались с просторного ложа кровати, а одеяло, в которое она куталась, тихо сползало с ее плеч, укладывалось вокруг тонких щиколоток как-то причудливо, волнистым овалом, и походило на пологую пиалу перламутровой раковины.

Что-то в ее прорастании из раковины, в том, как она целомудренно прикрывала правую грудь рукой, а соломенные ее волосы парили на легком сквозняке от окна и, ниспадая с чуть склоненной к правому плечу головки, мягко окатывали покатое плечо и стелились ниже, затекая под левую ладонь, прикрывающую низ живота, было такое, что я просто потерял дыхание и очнулся лишь в тот момент, когда она слабо улыбнулась.

— Не может быть... — чуть слышно пробормотал я, однако она сумела увидеть смысл едва вспухшей на моих губах фразы и вскинула брови.

«Чего не может быть?»

— Да вот этого... Все это было уже подсмотрено когда-то одним флорентийцем.

«Кем-кем?» — сощурилась она.

— Его звали Боттичелли, однажды он кое за чем подсмотрел, а потом увиденное выдохнул на холст.

«Ложись, — сказала она губами. — Ты устал».

— Да, — сказал я. — Так много было работы. Я в кровь содрал себе ладони.

Она поймала мою руку и прижала ее к щеке, и так мы медленно опускались на кровать, а потом друг в друга, и так продолжалось до первого света, когда она, приподнявшись на локте и заглянув мне в глаза, спросила — всем лицом:

«А что это была за женщина?»

— Я же говорил тебе. Не женщина, а просто голубка. Ну такая... — Я прикрыл глаза, пытаюсь вытянуть из глубин памяти ее облик, и вдруг поймал себя на том, что не могу этого сделать.

Не помнил ни цвета ее глаз, ни их разрез, ни черт лица, ни линий ее тела, не помнил ничего, и потому, встав с постели, прошел к секретеру, откинул крышку и начал рыться на полках.

— Где-то у меня была ее фотография. Она прислала мне ее, когда я был в армии. Точнее, прислала она ее домой, но потом соседка переправила мне ее в госпиталь. Я там валялся со сломанной лодыжкой... Знаешь, я не смотрел на этот снимок с армейских времен. Потом, когда вернулся, сунул куда-то — с глаз долой. Теперь уж, возможно, и не найду... Нет, вот она. И в том самом конверте, что я получил в госпитале.

Я протянул ей конверт, она извлекла из него цветастый квадратик плотного глянцевого картона и, держа его в парящей несколько на отлете руке, с минуту вглядывалась в карточку, а потом скорбно и понимающе глянула на меня.

«Да, она очень красивая. Очень».

— Не то слово, — улыбнулся я, вытягивая из ее пальцев фотографию, скользнул взглядом по короткой восточке, брошенной ее быстрым почерком на обороте: «Теперь это мое гнездо!» — перевернул карточку лицом вверх и онемел, потому что в этот момент перед глазами вдруг встало все еще несколько испуганное лицо Димы Малька, с избыточной тщательностью описывавшего мне внешность того роскошного особняка на Лазурном Берегу, к которому он провожал очаровательную Валерию после прогулки по побережью.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— О господи... — прошептал я, плавно вписывая те его эскизные наброски в глянцеовое поле плотного картона и поражаясь их совпадению с тем, как выглядел оригинал: особняк из белого мрамора, старинный, выполненный в испанском стиле — внешне строгим и даже несколько суровом, — он ослепительно белел на пологом холме в окружении пышной субтропической зелени, а к нему вела мраморная же лесенка, взбирающаяся вверх через несколько белокаменных террас, украшенных цветниками, а в ее основании на двух приземистых тумбах сонно дремлет парочка меланхоличных мраморных львов, возле которых и стоит Голубка, щерясь в объектив, застигший ее, казалось, именно в момент произнесения той самой фразы, что легла на белую бумагу изнанки: «Теперь это мое гнездо».

Особняк этот, насколько я помню уверения Малька, принадлежал ближайшему деловому партнеру Аркадия Евсеевича, точнее, патрону, а патроном у мужа Мальвины был последний пассажир моего челна.

— Господи, этого не может быть... — пробормотал я, живо припомнив, как затуманился его взгляд, когда он, уже внутренне готовый сесть в лодку, вдруг вспомнил про женщину, которую любил до умопомрачения, до дрожи, а потом заметил, что мне этого не понять.

Я понимал его, но не на прежний манер — поверхностью кожи, как и положено растительному существу, — но как-то по-новому, исключительно рассудком, который с прохладной бесстрастностью возражал той реплике, что минутой раньше соскользнула с моих онемевших губ:

— Все может быть!

Запросто может, ведь Голубка, не имея никакой профессии, кроме той, какую ей предопределила счастливая голубиная судьба, всю жизнь порхала вслед за мужчинами, гревшими ее за пазухой. Бросив цирковое училище, куда ее поманил один из первых ее хозяев, служивший в цирке на Цветном помощником режиссера, она упорхнула за прилавок магазина игрушек, где директорствовал ее новый владелец, оттуда без тени печали или раскаяния воспарила, чтобы угнездиться медсестрой на подхвате в гинекологической клинике на Пироговке, поскольку очередной ее мужчина был доктором по этой части, потом, в момент нашего знакомства на смотровой площадке, служила в Академии наук, где перекладывала бумажки за секретарским столом, — ее туда привел микробиолог, что отбыл на стажировку в Лион, и Голубка упорхнула в мое гнездо на «Аэропорте». И вполне, вполне могло так случиться, что бывший начальник хозяйственного отдела, к тому времени уже импозантный состоятельный человек, зашел по старой памяти в родные академические коридоры — как раз в тот момент, когда я был на практике в Смоленске, — и за пазухой у него оказалось так тепло и уютно.

Это ведь его голос звучал в телефонной трубке — там, у поворота на Лесную улицу, где меня хватил древесный паралич, — теперь я это твердо знал, и потому опустил на спину, лег, сложив руки на груди, уставился в потолок и пролежал так неподвижным бревном чуть больше суток, до тех пор, пока меня не поднял на ноги звонок Люки, потребовавшей, чтобы я немедленно занимал свой пост на капитанском мостике и вел наш линкор к Вадиму Гельфанду, чтобы забрать того цыганенка, что пульнул себе «золотой выстрел»: все многочисленные его родственники, включая трансильванских, прибыли попрощаться с телом, и, стало быть, его можно было везти на другой берег.

5

Вадим сохранял цыганенка в лучшем виде, мальчишка лежал в гробу столь тихо и покойно, словно только что уснул, убаюканный материнской колыбелью, и я отметил про себя, что он очень похож на цыгана, которого я мельком видел в приемной нашего офиса. Он оказался вовсе не отцом мальчика, как я предполагал, и все его родственные с ним отношения ограничивались тем, что он тоже, как и несчастный паренек, — цыган.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Завороженный магией этого сходства, я вдруг припомнил тот изумленный взгляд, которым когда-то окатила меня Мальвина под сенью шатра — с него-то все и началось! — и поделился своими сомнениями на этот счет.

Вадим некоторое время пристально всматривался в поляроидный снимок, на котором я — тщательно отчищенный и отлакированный в салоне по уходу за внешностью джентльменов — был запечатлен на корпоративном пикнике, и пожал плечами:

— Ну и что? Хочешь — ложись прямо сейчас на стол. Я тебя отретуширую. Прическа и фасон бороды — не по моей части, а в остальном нет проблем.

— Отчего возникают эти сходства в совершенно разных людях? — спросил я.

— Никто не знает, — сказал Вадим. — Но они возникают. Айда, я кое-что тебе покажу.

— Очередной твой шедевр?

— Нет, — мотнул он головой. — Его привезли только сегодня утром, и я к нему еще не притрагивался. Он умер во сне — обширный инфаркт.

— Уже и на том спасибо, что во сне, а не под колесами товарного состава. — Я двинулся вслед за Вадимом, покидая ритуальный зал, мы прошли длинным коридором в холодильник, где на высоком металлическом столе лежало укрытое простыней тело.

Вадим обошел стол, встал у покойника в головах, чуть приподнял простыню, наклонился и некоторое время пристально и, как мне показалось, с оттенком недоумения вглядывался в черты мертвого лица, потом увел взгляд в потолок и прикрыл глаза. Так простоял он довольно долго, едва заметно шевеля губами, и наконец, распустив пальцы, удерживавшие край простыни, как-то очень беспомощно, потерянно развел руки в стороны:

— Чудеса, да и только.

— Он что, подмигнул тебе?

— Да нет... — Вадим задумчиво почесал бороду и тускло глянул на меня. — Этого парня зовут Марк Аронович Кацнельсон.

— Ага, — согласно кивнул я. — Он из ортодоксальной еврейской семьи, и у него проблемы с Членом? И ты позвал меня сюда, чтобы предложить мне попробовать себя в качестве резника?

— А? — растерянно переспросил Вадим с таким видом, будто моя реплика пролетела мимо его ушей. — Знаешь, его родители в молодые годы побывали в Майданеке.

— М-да, — сконфуженно протянул я, втайне надеясь, что мой пассаж насчет обрезания в самом деле не долетел до его слуха.

Вадим откинул простыню.

Наверное, смерть наложила свой отпечаток на это лицо, но не узнать его было мудрено: вытянутый овал головы, короткие и жидковатые, тщательно зализанные волосы, одутловатые щеки — не хватало разве что какой-то крохотной детали, которую я тут же выудил из глубин памяти и водрузил покойнику на переносицу. Вот теперь — в воображаемом пенсне — он вполне отвечал оригиналу. Этот несчастный Кацнельсон был почти точной копией человека, известного всему миру под именем Генрих Гиммлер.

6

Заведение Вадима располагалось на территории заложенной, если не ошибаюсь, еще в середине прошлого века больницы, и оттого так покойно и уютно было в тенистом ее дворе, больше напоминавшем старый приусадебный московский парк с круглой чашей давно потухшего фонтана по центру, вокруг которого разбрелись лавочки, намертво вросшие в почву своим тяжелым чугунным основанием и уютно вписанные под сень онемевшей от долгого зноя сирени, — новые корпуса отпрянули куда-то на зады больничной территории, а здесь, под охраной замерших в четком каре трехэтажных строений, высокими арками сраставшихся с основным парадным корпусом, римский портик которого опирался на белые колонны, все оставалось по-прежнему: ровное московское тепло, настоящее на запахе пыли, тополя и живой, не закатанной в чехол асфальта земли, медленно растекалось по дворику, и

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

казалось, что тени прошлых постояльцев неслышно бродят под старыми вязами, с надеждой поглядывая на черный ажур высокой кованой ограды, за которой течет неспешная московская жизнь.

Я устроился на одной из лавок, в тень сирени, закурил — времени у меня было достаточно, потому что последние прощавшиеся, как видно из числа самых близких родственников, только начали прибывать: их машины с почтительной медлительностью вкатывались во двор, паркуясь на некотором расстоянии от моего «кадиллака», а впрочем, один из автомобилей, серебристая «мицубиси» с плавными обводами и несколько хищным передком, презрев негласные правила траурного церемониала, на приличной скорости, посвистывая покрышками на вираже, пронеслась мимо ворот, описала по дворику быстрый, круг и, подняв столб пыли, резко затормозила у одной из арок. Открылась передняя левая дверка, из машины вышла красивая женщина в просторном темном платье, в наброшенной на плечи черной воздушной пелерине, потопталась на месте, вертя головой, словно выискивая кого-то, а потом с трогательной беспомощностью втянула голову в поникшие плечи и оттого, съежившаяся, вдруг напомнила мне ту больную голубку, которую я снял когда-то с жестяного карниза под окном нашего офиса.

С минуту я наблюдал за ней. Осмотревшись, она неуверенно двинулась к входу в траурный зал морга.

Я вставил в рот сомкнутые колечком пальцы и переливчато свистнул — в ответ на призыв она, замерев на мгновение в летящем полушаге, как-то обреченно всплеснула руками, отчего просторный муар пелерины порхнул вверх, напомнив взмах птичьих крыльев, и так, удерживая черные крылья в широком распахе, она, словно сомнамбула, медленно потянулась в мою сторону, и, по мере того как подлетала все ближе, сумрак на ее красивом лице прояснялся, и он схлынул из ее темных глаз окончательно, когда между нами оставалось всего каких-то два метра.

Я тихо рассмеялся, расстегивая пуговицы своего черного, как и положено Харону, пиджака, распахнул его полы.

Расстояние в пару-тройку шагов она преодолела в каком-то импульсивном, но плавно уверенном порыве, напоминавшем взлет голубки с парашюта смотровой площадки на Воробьевых горах, и наконец мягко ткнулась мне лицом в грудь.

Я обнял ее.

Она ласково потерлась щекой о мою грудь, прижалась плотнее, уютно устроившись у меня за пазухой, а я, поглаживая ее по плечу, вдохнул полной грудью — вольно и уверенно, как это бывает с долго хворавшим человеком, очнувшимся вдруг от вязких пут нездоровья и понявшим, что он окончательно выздоровел.

— Пашенька... — проворковала она с таким выражением, будто мы расстались только вчера.

— А что ты тут? — спросил я, бережно усаживая ее на лавку.

— Да знаешь, у меня горе... Собственно, с этим человеком мы расстались год назад, но все-таки... — Она потрогала уголок глаза, в котором вспухла слезинка. — Он застрелился. Мне сказали, он где-то здесь лежит, в морге.

— Да-да, я слышал... В газете писали.

— Ай! — досадливо махнула она крылом. — Теперь о нем много чего пишут, гадости, гадости, гадости всякие! Грязью поливают, выдумывают глупости, на гробах пляшут! — Она вздохнула, улыбнулась беспомощно. — Но я все равно его люблю, хотя мы уже не вместе. И тебя люблю. И вообще всех.

Господи, подумал я, она так и осталась невыносимой женщиной и любит всех, кто когда-то держал ее за пазухой.

— Да, — тихо улыбнулась она, чертя пальцем мягкую линию по моей скуле, и словно в этом слабом касании угадала мои мысли. — Люблю. Странно, да?

— Вовсе нет. Просто такова твоя природа.

— Ну, обними меня.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

Я опустил руку на ее плечо, притянул к себе. Она опять потерлась щекой о мою грудь.

— Я не виновата, — прошептала она. — Ты ведь сам выпустил меня из-под руки, уехал куда-то... А этот человек... Он просто протянул руку, когда мне было плохо. Ты же знаешь, я не могу одна. Мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Кто-то держал меня за пазухой. Это, наверное, какая-то болезнь.

— Да, болезнь, — кивнул я. — У меня тоже. Знаешь, что-то вроде тропической лихорадки. Да, вот именно. Такая особая хворь — лихорадка плоти, она куда как хуже тропической, в ней я чуть было не сгорел дотла. Может, и хорошо, что ты упорхнула так быстро, всего полгода прожив в моем гнезде.

— Да? — произнесла она с полувопросительной интонацией.

— Да. Если б ты жила у меня под боком дольше, это, наверное, закончилось бы совсем скверно. Ты ведь все равно, рано или поздно, упорхнула бы. Лучше рано, чем поздно.

— А куда ты пропал?

— Никуда. Был в армии.

— Ах ты, бедняжка... — Она вздохнула и погладила меня по колену. — Наверное, тяжело тебе пришлось там. Ты же был такой домашний мальчишечка.

— Ну, не без того, — сказал я. — Поначалу в самом деле тяжело. Но потом привыкаешь. Знаешь, у нас там был один сержант со звериной фамилией Медведь. Он начал наше воспитание с того, что построил всех в туалете и начал бить — по очереди. Кулак у него был, надо сказать, как дубина.

— Господи! — Она отпрянула и придавила ладошкой тяжкий вздох. — Какой зверь... Что же это у нас, Паша, за жизнь такая, кругом одни звери.

— Так ведь лес... Мы ж лесная страна, деревянная. А где тайга, там зверье. Что касается сержанта, то он в самом деле был дикий, дремучий, огромный такой Малый, вылитый медведь. Когда я через полгода на прыжках сломал лодыжку, ой пятнадцать километров тащил меня на себе... Я видел его недавно. В нем килограммов сто двадцать живого веса, он лохмат, бородат и теперь уж совершенно похож на медведя. Он ездит на мотоцикле, пьет пиво и имеет все, что шевелится. Сказать по правде, я ему немного завидую.

— Ну, мне, наверное, пора. Надо идти в этот кошмарный морг. Договариваться о похоронах и вообще... У него... — Ее взгляд на мгновение затуманился. — У него, в сущности, никого не осталось из близких. Первая его жена живет где-то в Испании и снова замужем. А сын в Австрии, но он болеет. Выходит, одна я у него и осталась.

Она поднялась с лавки, окинула больничный двор медленным взглядом, уронила плечи и качнулась в направлении траурного зала.

— Постой, — поймал я ее за руку. — Ни к чему тебе все это. Морг, мертвое тело на столе. — Я достал из кармана пиджака визитку нашей похоронной конторы, протянул ей. — Позвони. В этом заведении тебя избавят от всех хлопот. Его фирма оплатит расходы, а ты просто в нужный день заедешь на кладбище. Простишься и обо всем забудешь.

— Правда? — мгновенно ожила она и, порывисто порхнув ко мне, поцеловала в щеку. — Спасибо, милый. А я и не знала, что теперь так можно.

— Можно, — кивнул я, — Ну, лети, тебя, кажется, ждут.

Возле серебристой машины нервно прохаживался симпатичный малый лет тридцати пяти в светлом полотняном костюме, то и дело бросая косые взгляды в нашу сторону. Она потопталась на одном месте и виновато глянула на меня.

— Мне нужны чьи-то руки.

— Я знаю.

— Он хороший, — пробормотала она и застыла в нерешительности.

— Хочешь спросить, завидую ли я ему? — улыбнулся я. — Нет. Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что ему будет хорошо с голубкой за пазухой. И в то же время плохо. Он будет опасаться выпустить ее на волю. Но в конце концов все-таки не сможет удержать ее в руках.

Она задумчиво сузила глаза и тяжело вздохнула.

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

— Лети. Удачи тебе, — сказал я.

Она приподнялась на цыпочки и снова меня поцеловала.

— Ты хороший. Я тебя люблю, — она встрепенулась, словно стряхивая с себя путы мучительного сновидения, развернулась спиной ко мне, вскинула свои муаровые крылья, готовясь вспорхнуть в небо, и так, с распахнутыми руками, понеслась к серебристому автомобилю, а я помахал рукой Люке, стоявшей возле «кадиллака» со скрещенными на груди руками, а потом она медленно кивнула — она все понимала, — и я отметил про себя поразительно покойный смысл вдруг наплывшей на ее лицо улыбки, красноречивость которой была подчеркнута приглушенным, почти телесного оттенка, тоном ее губной помады.

Эпилог

Вторая половина июля и весь август выдались смутными, неустойчивыми: короткие грохочущие ливни сменялись недолгой жарой, а потом опять лили дожди, однако сентябрь успокоился наконец в ровном тепле бабьего лета, дни стояли ясные, прозрачные — в один из таких спокойных, растворенных в желтоватом свете теплой осени дней я наведалься к Соне, она привела мою бороду и отросшую шевелюру в надлежащий вид, а из салона по уходу за внешностью джентльменов мы направились в пивной ресторанчик и прекрасно провели там время.

Добыть в нашем городе настоящий кусковой сахар оказалось делом непростым, но в конце концов мне удалось сговориться с одной звонкоголосой хохлушкой, торговавшей мясом на Киевском рынке, и ее партнерша по прилавку, регулярно мотавшаяся в столицу с товаром, доставила мне массивную сахарную голову, похожую на кусок белого мрамора. Дядя Ваня пришел в полный восторг от такого подарка, мы протрепались весь день на веранде его загородного дома, и напоследок он, провожая меня у калитки, напомнил о необходимости соблюдать принятые в приличном обществе манеры и предостерег от поползновений «кинуть» его прошлых партнеров по бизнесу.

Гладколицый менеджер бутика, в который мы наведывались с Мальвиной, узнал меня и с готовностью экипировал — в полном соответствии с тем стилем, про который мы когда-то толковали в его примерочной.

На другой день я ни свет ни заря направился к Вадиму, который, зачем-то раздев меня донага, уложил на металлический стол, казалось стойко хранивший в себе холодок множества перебивавших на нем мертвых тел, и приступил к делу. Не могу сказать, что получил удовольствие от долгих и временами мучительных манипуляций его хирургически жестких рук, что-то подтягивавших, разминавших и сдвигавших в чертах моего лица, однако восстал я с покойнического стола со смутно знакомым ощущением каменности в тканях обновленной физиономии, а когда заглянул в зеркало, то нашел ее вполне схожей с той, что отпечаталась в эскизах надгробного памятника. Амстердам, куда я отбыл прямым ходом из морга, встретил меня унылым серым дождем, который не прекращался все те три дня, что я провел в этом чудном городе. Господин Хансен оказался милейшим человеком лет пятидесяти, розовощеким и улыбчивым, вот разве что прохладный взгляд серых глаз намекал на характер того бизнеса, которым он изредка занимается, а когда мы закончили наши дела, я купил у него пару деревянных башмаков, но, покинув сувенирную лавку, так и не нашел, что мне с ними делать, и в конце концов бросил их в канал — они поплыли по темной воде и вскоре скрылись из поля зрения под мостом. Джентльмены, навестившие меня в отеле «Winston», были приветливы, предупредительны и корректны, как истинным джентльменам и положено, впрочем, один из них удивил меня рассказом о своем хобби: оказалось, что он заядлый байкер, и я спросил его, где бы можно было обзавестись хорошей машиной, скажем «харлеем». Он наморщил узкий лоб и заметил, что «харлей» стоит очень

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

больших денег, но я сказал, что мне наплевать, сколько он стоит. Он понимающе кивнул и прохладно улыбнулся. Напоследок я забрел в одну из кафешек и выкурил сигаретку с марихуаной. Последний раз я курил анашу уже давно — в тот день, когда мы отдыхали в разгромленной кошаре, где я лежал, облокотившись на оторванную взрывом голову козопаса, — и мне стало дурно. Дочапав кое-как до отеля, я тихо напился в своем номере до полной оглушки — в самолете наутро меня чуть не стошнило. Отар, к которому я явился прямо из аэропорта, тут же вызвался поправить мое здоровье, и мы двинулись на кухню, где я обнаружил возящуюся у плиты Люку.

Она была в фартуке и в этом кухонном наряде, несколько растрепанная, какая-то очень домашняя, в самом деле напоминала курицу. Мы выпили, по паре рюмок коньяка, Люка накормила нас роскошным омлетом с зеленью и спросила, нет ли у меня на примете какого-нибудь парня, способного водить катафальтный «кадиллак», только чтоб он был не алкашом вроде меня, не эротическим маньяком вроде меня и не последней сволочью, а впрочем, последнее ко мне, мать мою так, не относится. В этот момент я стоял у окна, глядя в мерно гудящее ложе широкой улицы, железным фыркающим потоком сочившейся мимо Отарова дома. Улица текла, как расцвеченная солнечными блестками река.

— Ты решила выставить меня вон? — спросил я.

— Да нет... Просто я подумала, что теперь ты найдешь себе занятие повеселей, — пожала она плечами.

Я отвернулся к окну и покачал головой.

— Куда я денусь от этой реки.

Поправка моего здоровья затянулась далеко за полночь и завершилась тем, что я заснул прямо на кухонном столе. Люка с Отаром перетащили меня на диван, спал я скверно, мутно, в поту, несколько раз поднимался и, сшибая углы, тащился в туалет, чтобы сунуть в рот два пальца, а утром меня поднял на ноги телефонный звонок. Отар с Люкой куда-то ушли, поставив аппарат у дивана, я поднял трубку, но ничего не услышал и сразу догадался, что это звонит Василек.

— Привет, детка, я вернулся, — с трудом выдавил я из себя и тут же прикусил язык, но не потому, что вдруг муторная одурь нахлынула и отпрыснулась липкой росой на лбу — что ты делаешь, она ведь тебя не может слышать! — а просто молчание ее было оглушительным и страшным, как крик, и потому я, моментально протрезвев, ринулся на улицу, схватил такси, помчался на «Аэропорт» и у поворота с Ленинградского шоссе на тенистую аллею, ведущую во двор, вдруг тяжело и удушливо, весь разом, от лба до щиколоток, вспотел: возле стены, где происходила, как правило, раздача золотых рыбок, тупо каменели, сцепив руки за спиной, два грузных мента и пялились на асфальт, забрызганный чем-то темным, лоснящимся, и мне не требовалось подсказки, чтобы распознать природу этих темных пятен, как выглядит кровь на камне, я знаю. Растолкав толпу, сгрудившуюся у огороженного красно-белыми ленточками пятачка асфальта, я ничего нового не увидел, повертел головой и заметил стоящую чуть поодаль худенькую девочку, ту самую, что видел ползущей к помойке наутро после возвращения из Казантипа, — глаза заплаканы, губы распахнутого ротика мелко подрагивают, пальцы, ощупывающие лицо, тоже — она-то и рассказала: было ночью, часа в три, клиенты выбирали девочек, подъехала какая-то темная машина, марки она не помнит, открылось окно, оттуда вылетел какой-то предмет, упал на землю, прямо к ногам Анжелы, направлявшейся от подвала к стене, а потом была страшная вспышка и грохот чудовищный, несколько стекол на первом этаже в доме вылетели, но прежде чем полыхнуло, как девочке показалось, Анжела метнулась наперерез предмету, катящемуся к стене, словно стену с девочками от него оберегая. Ну а потом уж и рвануло. Четверо девочек ранены, сейчас в больнице.

— А Анжела? — не своим голосом спросил я.

Девочка всхлипнула, уронила голову и пошла прочь — куда она шла? зачем? где ее дом теперь? — один из ментов на мой вопрос — что это было, Ф1, РГД-5? — пожал плечами: что-то вроде того, рвануло классно, тут собирались проститутки, наверное, произошел

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

обычный разбор полетов из-за места под солнцем, точнее, — он смачно хохотнул — под луной, одну из этих шлюх разнесло на мелкие куски, и вот что странно, когда они, менты, примчались сюда, она была уже, разумеется, мертва — вся, за исключением глаз, глаза были открыты и казались живыми.

— Да-да, — сказал я, — живыми, — и вдруг поразительно отчетливо вспомнил Анжелины предсмертные глаза.

Я похоронил ее в самом дорогом гробу и, прежде чем закрыть крышку, положил в домовину кассету с фильмом «Красотка», где Джулия Робертс играла уличную проститутку, а Ричард Гир очаровательного миллиардера и где у них, разумеется, — у проститутки и миллиардера — все в конце концов сладилось.

Спустя недели две я вспомнил, что так и не вернул Бэмби две сотни, которые она мне ссудила когда-то в приемной нашего офиса. Ни телефона ее, ни адреса у меня под рукой не оказалось, поэтому, купив пару ящиков дорогого пива «Гиннес» (не пивной завод, как обещал, но все-таки...), я поехал в сумасшедший дом, где и застал Бэмби в крохотной мастерской за просмотром очередной порции этюдов. И опять — как и в тот раз, когда я наведалься сюда впервые, — меня поразила вопиющая реалистичность этих работ. И опять Бэмби предложила мне оставаться — пожить, отдохнуть, а она тем временем научит меня рисовать пастелью и, возможно, даже — акварелью. Я сказал, что, наверное, это было бы здорово, но у меня слишком много работы, и ей все не видно конца, да и вообще наше с ней пребывание в желтых стенах выглядело бы слишком затрепанной метафорой.

— Чего? — зычно протянула Бэмби, поглаживая темный пушок над верхней губой, — Метафорой?

— Ну в том смысле, что психушка надежно оберегает в своих стенах нормальных людей, тогда как все остальные, те, кто живет себе поживает вне этих стен, определенно и в клинической форме — чокнутые.

— М-да, — сумрачно покивала Бэмби. — В этом что-то есть. Надо что-то менять. Надоело... — Она обвела тусклым взглядом мастерскую и сказала: — Поехали, Паша, ко мне, напьемся напоследок, я с понедельника встаю в сухой док и начинаю принимать какую-то отраву для похудения, ага, от Ирвин Нэйчуралз, шесть в одном, или как там эта хренота называется? — словом, скоро буду, как Лариса Долина.

Я сказал: да, поехали напьемся, но только с одним условием, чтоб ты по окончании курса походила на Долину только чисто внешне! — и Бэмби тут же вскинулась: что ты имеешь в виду? — а я сказал: говорят, когда она была нормальной теткой в нормальном теле, то пела не попсу, а хороший джаз.

Когда еще через неделю, после непонятных проволок и утрясок каких-то идиотских нестыковок в договоре о покупке «харлея», я получил его, наконец, мы с Васильком с утра пораньше покатали в гости к Майку. Ворота логова были распахнуты, а из гаражного ангара доносился неясный гул. Выключив двигатель, я на руках закатил мотоцикл во двор, заглянул в ангар и застал там знакомую компанию сидящей вокруг груды обломков, в которых я с некоторым трудом опознал останки той «ямахи», на которой ездил Майк. В отличие от прошлого раза общество пило не пиво, а водку.

— Я угодил на поминки? — спросил я.

Майк скорбно кивнул и протянул мне стакан.

— Да тут на днях... — Он звучно почесал косматую бороду. — Чудили немного в одном придорожном кабаке. — Он погладил покореженный бензобак с таким чувством, будто проводил ладонью по лицу покойника, опуская его веки. — Сдуру оставил его в сторонке, у обочины. И вот на тебе — в него вцепился на полном ходу какой-то пьяный фрэер на джипе... Ну, я ребра-то этому придурку, конечно, переломал для порядка, но что толку-то? Садись, помянем.

— Сейчас. Минуту.

Я вышел, завел «харлей», медленно вкатился в ангар.

— Твой «Урал» я ведь тоже угробил. Может, тебе этот конь подойдет?

Ритуальные услуги, организация похорон в Украине, бюро (агентство):

<http://pohoronnoe-byuro.com/>

С минуту Майк тупо перекатывал плывущий взгляд с «харлея» на меня и обратно, потом потряхнул косматой башкой:

— Скажи мне, что ты пошутил.

— Нет. — Я бросил ему ключи, он поймал их налету, подержал на своей огромной лапе, словно взвешивая, потом в глубинах буйной растительности на его лице созрела мягкая улыбка.

— Ты сукин сын, Паша. Если б ты только знал, какой ты сукин сын.

— Ну, это нетрудно проверить, — усмехнулся я и тихо добавил: — Эй, сержант, подымайся, за тобой должок.

Он секунду раздумывал, потом встал напротив меня, опустил руки по швам, а я вложил в удар все свои представления о добре и зле — в том виде, в каком они осели в тканях моего тела в тот день, когда я вот так же стоял перед ним, вытянувшись по стойке «смирно», там, в нашем армейском туалете, — и, видимо, достал Майка, во всяком случае он, поймав мой кулак, ткнувший его точно в солнечное сплетение, вздрогнул, утробно и низко, словно вечевой колокол, загудел, пошатнулся и рухнул навзничь, как колонна, а общество, некоторое время пребывавшее в состоянии шока, медленно зашевелилось, поднялось на ноги и меланхолично двинулось на меня, молчаливо разминая кулаки, однако Майк тем временем уже очухался, встал на колени и примирительно поднял свою огромную лапу:

— Все в порядке, мужики, все путём.

Я подал ему руку, помогая встать. Он тихо рассмеялся и пихнул меня в плечо:

— Все путем, квиты... А ты в хорошей форме. Рука у тебя ничего так, как дубина.

«Вот именно, — усмехнулся я про себя. — И не только рука».

— Так ведь тренируюсь каждый день. Гребу и гребу. Оттого и рука тяжелая... Слушай, а может, прокатимся? Проветримся. Ты заодно и объездишь своего мустанга.

— А что, это мысль. — Майк оседлал мотоцикл, кивнул Васильку, которая все это время смирно сидела на краешке тарного ящика у входа в ангар, с опаской поглядывая на то, как стремительно и опасно развивались в логове события. — Садись, детка. Как тебя звать, Дюймовочка?

— Она немая, Майк, — сказал я. — И ничего не слышит.

— Что, ничего не говорит? — тихо спросил Майк.

Я покачал головой.

— Черт, как я тебе завидую. Ну ладно. Куда едем-то?

— Я покажу.

Они высадили нас на смотровой площадке и унеслись. Грохот двигателей еще некоторое время клубился в глубинах тенистой аллеи, потом стих. Я обнял ее, подвел к краю берега, откуда открывался просторный вид на город, который в голубоватой дымке тек слева направо, как река. И так мы стояли обнявшись на высоком берегу смотровой площадки — глядели на мутную воду и никаких планов на будущее не строили, довольствуясь безмолвным согласием в том, что будем просто жить, бесхитростно, но мудро, туго сплетаясь корнями, предположим, как вон тот старый тополь с раздваивающимся на два русла стволом: с весенним теплом из его ветвей прыснет молодая листва, поздней осенью тополь ее сбросит — и все будет хорошо, лишь бы не пилили ржавыми пилами наши набрякшие от пуха ветви, да лишь бы не травили почву едкими ядами, да лишь бы не загорали заводскими дымами солнце, да лишь бы не было войны.

Автор: Василий Казаринов